

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 3 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ
ООО Научно-издательский центр «Социосфера»

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин,
кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

И. Г. Дорошина, кандидат психологических наук, доцент
(ответственный за выпуск),
М. А. Антипов, кандидат философских наук,
В. В. Белолипецкий, кандидат исторических наук,
Д. В. Ефимова, кандидат психологических наук, доцент,
Н. В. Саратовцева, кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет

Н. Арабаджийски, доктор экономики, профессор (София, Болгария),
А. С. Берберян, доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения),
А. Ю. Большакова, доктор филологических наук, ведущий научный
сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН
(Москва, Россия),
С. Н. Волков, доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия),
А. К. Голандам, преподаватель кафедры русского языка,
Гилянского государственного университета (Решт, Иран),
Е. Кашпарова, доктор философии (Прага, Чехия),
М. Сапик, доктор философии, доцент (Колин, Чехия),
Н. А. Хрусталькова, доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Междисциплинарный научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует статьи по философии, культурологии, филологии, психологии, педагогике, социологии, праву, истории, экономике и другим социально-гуманитарным дисциплинам, а также методические разработки учебных и воспитательных занятий. Материалы, опубликованные в журнале, размещаются в российской системе научного цитирования (РИНЦ) – на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ), а также в международной базе научных публикаций Directory of open access journals (DOAJ), и индексируются в системе научного цитирования Google Scholar.

ISSN 2078-7081

© ООО Научно-издательский
центр «Социосфера», 2013.

Scientifically-methodical and theoretical journal

SOCIOSPHERE

№ 3 2013

THE FOUNDER
The science publishing centre «Sociosphere»

The chief editor – Boris Doroshin,
candidate of historical sciences, associate professor

Editorial board

I. G. Doroshina, candidate of psychological sciences, associate professor
(responsible for release),
M. A. Antipov, candidate of philosophical sciences,
V. V. Belolipectiy, candidate of historical sciences.
D. V. Efimova, candidate of psychological sciences, associate professor,
N. V. Saratovceva, candidate of pedagogical sciences,
associate professor.

The international editorial council

N. Arabadzhiiski, PhD, professor (Sofia, Bulgaria),
A. Yu. Bolshakova, doctor of philological sciences, professor (Moscow,
Russia),
A. S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor (Erevan, Armenia),
S. N. Volkov, doctor of philosophical sciences, professor (Penza, Russia),
A. K. Golandam, lecturer of the department of Russian language
of The university of Gilan (Rasht, Iran),
E. Kashparova, PhDr., Ph.D. (Prague, Czech Republic),
M. Sapik, PhDr., Ph.D., associate professor (Kolin, Czech Republic),
N. A. Hrustalkova, doctor of pedagogical sciences, professor (Penza, Russia).

Interdisciplinary scientific and methodological and theoretical journal «Sociosphere» publishes articles on philosophy, philology, psychology, pedagogy, sociology, law, history, economics and other social and human sciences, and also methodological manuals of training and educational activities. The papers that are published in the journal are placed in the Russian system of scientific citation (RSSC) – on the site of Scientific electronic library (SEL), and also in the international database of scientific publications Directory of open access journals (DOAJ), and are indexed in the science citation system Google Scholar.

ISSN 2078-7081

© The science publishing
centre «Sociosphere», 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

Гаффарова Г. Г.

Синергетический подход к проблеме информации 13

Борисова О. С., Ковальчук О. В., Королева К. Ю.

Детство и информационное насилие: социокультурные аспекты 17

Олексенко Р. И.

Философия образования как неотъемлемый фактор экономического
развития общества 19

Petanova O. B.

Homo economicus in modernization of education in Ukraine:
philosophical aspect 26

Бутенко Н. А.

К вопросу о столкновении различных типов цивилизаций
в свете геополитики 32

Вялых В. В.

Исследование авторитарного аспекта европейского неоимпериализма 38

Козырева Л. Д.

Семья в парадигме социологического модернизма и постмодернизма 44

Голубицкая А. В.

Антропология неопатристического синтеза 51

Печеранский И. П.

Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой
личности» В. Снегирёва 57

Иванов Е. М.

О бессмертии 64

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

Stefanova P. I.

The musical rhetorical language in book of *Carl Philipp Emanuel Bach's* sonata for
flute and harpsichord in e minor 75

Гукалова Л. А.

Русский язык в контексте постсоветского пространства 82

Дабаков В. В.

Русский язык и его роль в адаптации мигрантов (на примере УДИН России) 84

ПСИХОЛОГИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ

Абдурахимов К. А.

Эффективность сознательного и бессознательного в ходе
мыслительного процесса 87

Ворона А. Г. Основные принципы управления визуальным вниманием читателя на журнальной странице средствами графического оформления.....	93
Пьянова О. В., Лабузная А. Е. Иллюзорность восприятия в групповом мышлении	98
Тучина О. Р. Толерантность в контексте самопонимания этнокультурной идентичности (на материале исследования студенческой молодежи Кубани)	100
Руслякова Е. Е. Исследование представлений здоровых детей о врачах	103
Молева Н. И. Развитие каналов эмпатийных способностей личности учителя как профессионала.....	110
Чумаева Ю. В. Индивидуально-типологические особенности личности как фактор психологической реабилитации лиц экстремальных видов деятельности	111
Кожухова В. К. Изменение параметров кровообращения под влиянием суточного голодания у женщин	117
Мелёхин А. И. Нейрокогнитивный дефицит при задержке психического развития церебрально-органического генеза: путь реабилитации	120
ПЕДАГОГИКА	
Афони娜 Н. И. К вопросу о педагогическом сопровождении развития и воспитания ребёнка на этапе раннего детства.....	124
Назаренко Т. В. Воспитание звуковой культуры речи у дошкольников.....	127
Оразбаева Ф. Ш. Воспитание интеллектуальной личности, владеющей трёхязычием, – залог развития национального общества	130
Ганаба С. А. Инновационный человек как цель современного образовательного дискурса	134
Введенский В. Н. Глобализация и компетентностный подход в образовательном процессе	141
Кузнецов Е. Г. Компетенции, формируемые у бакалавров водного транспорта при изучении дисциплины «Нормирование охраны окружающей среды»	143
Баканова М. В. Реализация контекстного подхода к обучению будущих программистов профессионально ориентированному английскому языку	145
Вавилина С. Г. Цель и содержание обучения будущих журналистов профессионально ориентированному чтению на основе англоязычных PR-текстов	148
Буравцова Н. В., Коваленко В. И. Специфика формирования профессиональных навыков будущих менеджеров.....	153

Костенко А. Н. Уровень развития профессионально важных психических качеств студентов направления подготовки «Начальное образование»	157
Беседина М. В. Особенности изучения педагогической профессии с позиций социального института	158
Блялина С. В. Ответственность учителя в его межличностном взаимодействии с коллегами ...	160
Введенский В. Н. Интеграция педагогического образования	162
Бондарь Л. А. Интеграция учебно-познавательной и самообразовательной деятельности в профессиональной подготовке студентов вуза.....	163

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Кохансал Х. В., Панахи А., Голандам А. К. Коренные жители Каспийского моря в Парфянской империи	169
Неделькин Е. В. Мектебе деревни Чоргунь Каралезской волости Симферопольского уезда	172
Садыкова Х. Н. Этнокультурная ситуация в Тюменской области	173
Хайруллина Н. Г. Социокультурные процессы в российских регионах по материалам публикаций в журнале «Известия вузов. Социология. Экономика. Политика»	177
Комлева Е. Р. Надомное социальное обслуживание как эффективный механизм развития стационарозамещающих форм помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре	182

ПОЛИТОЛОГИЯ, МЕНЕДЖМЕНТ, ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая интернет-коммуникация: сущность, специфика, технологии.....	186
Andreeva D. Analysis of the financial position of the company for taking the appropriate management decisions	190
Полищук С. В. Бюджетирование как инструмент реализации целей стратегического управления на примере предприятий машиностроения Украины	195
Ватченко Б. С. Оценка имущественного потенциала региона	200
Асаинов А. Ж., Елеукулова А. Н., Калжанова С. Х. Вступление республики Казахстан в ВТО в контексте экономического сотрудничества со странами таможенного союза	205
Панфилова Е. А. Диспропорциональность функционирования российского института банкротства.....	208

Битемирова А. Е., Баймаханова Г. М., Керимбаева К. З.	
О механизме закоксования катализаторов	216

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Фокина И. В.	
Программа курса «Психологические основы речевого поведения»	221
Дорошина И. Г.	
Программа дисциплины «Психология управления»	226

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013 году.....	234
Информация о журнале «Социосфера»	242
Информация о журнале «Acta Humanitas»	246
Информация о журнале «Обучение и воспитание одаренного ребенка: теория и практика», рекомендованном ВАК Украины.....	248

CONTENTS

SCIENCE

PHILOSOPHY

Gaffarova G. G.

Synergetic approach of problem of information..... 13

Borisova O. S., Kovalchuk O. V., Korolyova K. Y.

Childhood and information violence: the sociocultural aspects 17

Oleksenko R.

Philosophy of education as essential factor for economic development..... 19

Petinova O. B.

Homo economicus in modernization of education in Ukraine:
philosophical aspect26

Butenko N. A.

To a question of collision of various types of civilizations in the light of geopolitics32

Vyalyh V. V.

Research of authoritarian aspect of the European neoimperialism38

Kozyreva L. D.

Family in the paradigm of sociological modernism and postmodernism44

Golubitska A. V.

Anthropology of the neo-patristic synthesis 51

Pecheranskiy I. P.

Unity of religious belief and positive knowledge
in «Psychology of the live personality» V. Snegiryov..... 57

Ivanov E. M.

About immortality64

CULTURAL STUDIES AND PHILOLOGY

Stefanova P. I.

The musical rhetorical language in book of *Carl Philipp Emanuel Bach's* sonata for
flute and harpsichord in *e* minor 75

Gukalova L. A.

Russian language in the context of the post-soviet space.....82

Dabakov V. V.

The role of the Russian language competence in the immigrant adaptation
(the case of the UDIS in Russia)84

PSYCHOLOGY AND PHYSIOLOGY

Abdurahimov K. A.

The effectiveness of the conscious and unconscious during the thought process87

Vorona A. G. Key principles of the visual attention of the reader to the magazine page by means of graphic design	93
Pyanova O. V., Labuznaya A. E. In the illusory perception of groupthink.....	98
Tuchina O. R. Tolerance in the context of self-understanding of ethnocultural identity (on the material of research of student's youth of Kuban)	100
Ruslyakova E. E. Research of healthy children's views on doctors	103
Moleva N. I. Channel development empathive abilities of the individual teacher as a professional	110
Chumaeva Yu. V. Individual and typological features of the personality as factor of psychological rehabilitation of persons of extreme activities	111
Kozhuhova V. K. The influence the day starvation on the change of parameters of blood circulation by women.....	117
Melehin A. I. Neurocognitive deficiency at with a delay of mental development of cerebral and organic genesis: rehabilitation way	120

PEDAGOGICS

Afonina N. I. To the question of pedagogical support of development and upbringing of the child at the stage of the early childhood	124
Nazarenko T. V. Educating the sound of speech of preschool children.....	127
Orazbayeva F. S. Upbringing of intellectual personality, who own three languages is a key to development of the national society	130
Ganaba S. A. A person of innovations as an aim the modern educational discursive.....	134
Vvedensky V. N. Globalization and the competence approach in the educational process	141
Kuznetsov E. G. Competences formed at bachelors of a water transport when studying discipline «Environmental protection rationing».....	143
Bakanova M. V. The realization of contextual approach to teaching professional-oriented English language to the future programmers	145
Vavilina S. Purpose and content of training of future journalists career-oriented reading through English PR-text.....	148
Buravtsova N. V., Kovalenko V. I. Especially the formation of professional skills of the future managers	153

Kostenko A. N. The level of development of professionally important mental qualities of students in the preparation of «Primary education»	157
Besedina M. V. Peculiarities of studying of pedagogical profession from the standpoint of social institute	158
Blyalina S. V. The responsibility of the teacher to interpersonal interaction with colleagues	160
Vvedensky V. N. Integration of pedagogical education.....	162
Bondar L. A. The integration of learning and cognitive and self-education activities in training of high school students	163

HISTORY, SOCIOLOGY AND SOCIAL WORK

Kohansal H. V., Panahi A., Golandam A. G. Indigenous inhabitants of the Caspian Sea during the Partian empire	169
Nedelkin E. V. Mektebe of the village Chorgun Karalezskoy volost Simferopol district	172
Sadykova H. N. Ethno-cultural situations in the Tyumen region	173
Khairullina N. G. Sociocultural processes in the Russian regions, based on publications in the journal "proceedings of the universities sociology. Economy. Politics»	177
Komleva E. R. Home-based social services as the effective mechanism of development of hospital-replacing forms of the help to elderly aged citizens and disabled people in Khanty-Mansi autonomous district – Yugra	182

POLITICAL SCIENCE, MANAGEMENT, ECONOMICS AND TECHNOLOGY

Grishin O. E., Atayev T. B. Political internet-communication: essence, specifics, technologies.....	186
Andreeva D. Analysis of the financial position of the company for taking the appropriate management decisions.....	190
Polischuk S. V. Budgeting as a tool of implementation of strategic management goals based on automotive industry of Ukraine	195
Vatchenko B. S. Valuation of property potential of the region	200
Asainov A. Zh, Eleukulova , Kalzhanova S. H. The entry of the republic of Kazakhstan into the WTO in the context of economic cooperation with the countries of the customs union	205
Panfilova E. A. Disproportionately Russian institute of bankruptcy	208
Bitemirova A. E., Baymahanova G. M., Kerimbaeva K. Z. The mechanism catalyst coking	216

IN THE HELP TO A HIGHER SCHOOL TEACHER

Fokina I. V.

The syllabus of the course «Psychological foundations of speech behaviour» 221

Doroshina I. G.

Program of discipline «Psychology of management»226

IN THE HELP TO A COMPETITOR

Plan of international conferences held by universities
of Russia, Azerbaijan, Armenia, Belarus, Bulgaria,
Iran, Kazakhstan, Poland, Ukraine and Czech Republic
on the basis of the SPC «Sociosphere» in 2013234

About the journal «Sociosphere»242

About the journal «Acta Humanitas»246

Information about the journal «Teaching the Gifted Child: Theory and Practice», rec-
ommended by the HAC of Ukraine 248

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

УДК 004-1

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ПРОБЛЕМЕ ИНФОРМАЦИИ

Г. Г. Гаффарова
Национальный университет Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан

SYNERGETIC APPROACH OF PROBLEM OF INFORMATION

G. G. Gaffarova
National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Summary. The synergetic approach to the philosophic problems of conception of “information” and also origin of conception of “information” which is bound up with systems of the whole self organization, were analyzed in this article.

Key words: information; self organization; synergetic; generation of information.

В современном мире информация играет важную, фундаментальную роль во всех сферах жизнедеятельности человека. Но необходимость использования понятия «информация» с той смысловой нагрузкой, которую оно сегодня несет, возникает на определенном этапе познавательного процесса. Обычно (повседневно, в житейском смысле) информация понимается как сумма сведений, которую получает субъект об окружающей действительности, о самом себе, а другом субъекте. Информация необходима субъекту для обеспечения возможностей некоторых целенаправленных действий.

Исследование сложнейших процессов возникновения жизни, углубленное познание объективного мира, связанное с понятием саморазвития, использование междисциплинарных исследований, развитие вычислительной техники, кибернетики и т. д. – всё это связано с понятием информации, возникновением информации.

Как известно, Норберт Винер впервые предложил рассматривать информацию как новую физическую переменную. Понятие «информация» многоаспектное, мы же ставим себе задачей показать с позиций сложноорганизованных систем возникновение информации. Информация как феномен познавательного процесса, несущего в себе определенные сведения, знания, стала использоваться в биологических науках.

В настоящее время имеется развитая теория информации, начало которой положили работы Дж. Фон Неймана, Н. Винера, К. Шенона и др.

В современной литературе существует множество определений информации. Все они дискуссионные. Исходя из принципа «бритвы Оккама», «не следует умножать сущности сверх необходимого». Считается, что информация появляется в процессе субъект-объектных отношений, когда субъект «начинает изучать целенаправленные действия» (Н. Моисеев). Понятие «субъект» распространяется на все живые системы.

Попытки связать информацию с понятием материи или энергии не увенчались успехом. Стало ясно, что информация есть информация, а не материя и не энергия (Н. Винер). Данное определение указывает на отсутствие вещественного,

полевого происхождения информации. Попытки связать информацию с энтропией также оказались безуспешными.

Для познания особенностей взаимодействия живого с окружающей средой недостаточно таких характеристик, как мера материи и мера движения (энергия), требуется ввести принципиально новое понятие [3, с. 97]. Для того чтобы отличить данный феномен, вводят новое понятие «информация» (Н. Винер, Н. Моисеев, Г. Жданов и др.). Вопрос о возникновении информации тесно связан с вопросом определения информации. Современная философская литература по проблемам информации отражает всю богатую палитру определений.

Исходя из анализа вышеуказанных определений понятия информации, можно представить следующую классификацию: возникновение информации связано с феноменом жизни (Г. Кастер, М. Эйген, Г. Жданов, В. Корогодин и др.); информация связана с целенаправленным действием субъекта (Н. Моисеев); информация возникает в определенных условиях, необходима функциональная упорядоченность, функциональная организация (М. Эйген и др.); информацию представляют как некий алгоритм (В. И. Корогодин), информация есть «инструкция к самоорганизации в процессе эволюции биологических структур» (Янч).

Да, действительно, информация основана на алгоритме, в ней отражена определенная последовательность, поскольку само понятие «алгоритм» отражает «общее название любой системы вычислений, выполняемых по строго определенным правилам, совокупность формальных правил, последовательно реализуемых при решении конкретного вида задач» [4, с. 52]. Алгоритм как метод научного познания не выявляет механизма возникновения информации.

Сейчас область применения информационного подхода существенно расширилась. Понятие «информация» используется при исследовании практически всех процессов самоорганизации.

М. Эйген в своих работах анализирует происхождение биологической жизни. Возникновение информации связано с самоорганизацией, и для биологии важна ценность информации, а не её количество. Посредством принципа селекционной ценности М. Эйген объясняет не только отбор случайно возникших комбинаций молекул, но и возникновение информации. «Информация рассматривается в качестве свойства макромолекул и оценивается по их способности к авторепродукции» [2, с. 137]. Самоорганизация по смыслу указывает на внутренний источник организации системы, вопрос о взаимодействии такого рода систем с внешней средой оказывается весьма существенным. Возникновение самоорганизации происходит так, что, хотя организация возникает «изнутри», важные её компоненты система извлекает из окружающей среды.

В основе самоорганизующихся систем лежит эволюционный принцип, созидательная тенденция, выражаемая через необратимые процессы, закрепляемые в информации.

Одним из первых Г. Кастлер в книге «Возникновение биологической организации» применил теорию информации в биологии. Автор излагает свои представления о таких тонких и весьма неясных вещах, как возникновение сложного порядка из хаоса, смысл акта создания информации. Проблема возникновения органической организации, каким образом из неживой природы возникает жизнь, каково различие между живой и неживой природой – эти вопросы всегда волновали умы человечества. По мнению Г. Кастлера, жизнь возникает в результате возникновения информации. Им показан механизм возникновения информации.

Для научного исследования возникновения информации решающую роль играет открытие в 70-х годах XX столетия явления самоорганизации материи вдали от равновесного состояния. В работах, использовавших теорию информации, как правило, применялось лишь понятие количества информации. Теоретико-физические исследования биологических проблем основываются на неравновесной термодинамике и теории информации. М. Эйген четко показал, что процессы развития принципиально нельзя рассматривать в рамках линейной термодинамики, т. е. вблизи состояния равновесия. Если Г. Кастлер основывался на

теории информации, то здесь круг привлекаемых научных обоснований расширяется. Вводится понятие функциональной организации и селективной ценности. «Информация обретает ценность в реальном физико-химическом процессе, и эта ценность должна быть выражена в измеряемых физических величинах. М. Эйген предлагает теорию отбора и эволюции макромолекул, основанную на ценности информации, определяемой как селективная ценность. Селективная ценность выражается через конкретные кинетические параметры» [1, с. 7].

Вопросам возникновения живого, связи информации и самоорганизации в живых системах, применения теории информации и подходов неравновесной термодинамики посвящено множество работ. Проблемы возникновения информации в самоорганизующихся системах, ее ценности были исследованы применительно к биологическим системам. Количественная информация обеспечивает сохранение символов, игнорируется смысл и значение сообщения. В ходе исследований было выявлено, что для биологии важна ценность информации, а не её количество.

Рассматриваемые вопросы весьма сложны и требуют теоретико-методологических подходов, которые помогли бы построить обобщающую модель. Г. Кастлер, исследовавший самоорганизацию макромолекул, впервые указал на различие между возникновением информации и выявлением уже имеющейся из маскирующих её шумов. М. Эйген вводя такие понятия, как возникновение, функциональная упорядоченность, ценность информации, и отмечая возрастание её роли в ходе биологического развития, несомненно, показал, что эти понятия имеют фундаментальное значение для понимания характера феномена информации.

Представленные модели в какой-то степени отражают некоторые стороны этого процесса, но целостного воспроизведения не дают. Более целостное представление об информации, об информационных структурах дается в определении: «информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [9, с. 8]. Обобщенная модель генерации ценной информации, включающей процессы самоорганизации в неживой природе, отражена в работе Д. И. Чернавского «Генерация информации – выбор, сделанный случайно без подсказки извне» [9, с. 10]. Генерация информации осуществляется параметрическими способами. Выбор осуществляется, соответственно, как силовыми, так и неспецифическими факторами (изменение температуры, давления и т. д.).

Ценность информации генерируется самоорганизующимися системами. Генерирование ценной информации присуще биологическим системам. Можно ли наблюдать генерирование информации в структурах неживой природы? И. Пригожин считает, что «обнаружение феномена бифуркаций ввело в физику элемент исторического подхода, в физику и химию вводится элемент истории, что до сих пор, по-видимому, было только особенностью наук, изучающих явления, относящиеся к области биологии, социологии и искусства» [5, с. 195]. Смена последовательности бифуркаций приводит нас к новому взгляду на развитие в природе. Развитие в природе характеризуется теми же свойствами, которые присущи живой природе: стрела времени, бифуркация, событие.

По Пригожину, система, находящаяся между двумя точками бифуркации, повинуетея детерминистским законам. Если система находится вблизи точек бифуркации, существенную роль играют флуктуации, которые и определяют поведение систем.

Биологическая система, как показывают данные науки, исторически направленное развитие, благодаря своим внутренним качествам самостоятельно достигает высшего уровня организации. Ход эволюции обусловлен усложнением системы. «Исторический процесс включает в себя „возникновение“, а не просто „выявление информации“. В материальных деталях он лишен всякой диалектической необходимости» [10, с. 88].

Исходя из синергетического анализа развития систем из бифуркационной ситуации, ученые установили, что материи изначально присущи как разрушительная тенденция, так и созидательная тенденция развития, которая и объясня-

ет возникновение нового. «Созидательный путь развития опирается на стремление материи к созданию и поддержанию неравновесных состояний систем, которые при определенных условиях могут скачкообразно переходить в качественно новое состояние, характеризующееся более высоким уровнем упорядоченности. Такое свойство материи получило название самоорганизации. Созидательная тенденция присуща открытым системам, обеспечиваемым притоком извне вещества, энергии и информации. В созидательной тенденции развития самоорганизация предстаёт в качестве физической основы механизма созидания. Основное условие для проявления самоорганизации – поступающая извне энергия должна уверенно перекрывать протекающую в системе диссипацию энергии» [7, с. 166]. Утверждение о существовании в природе созидательных процессов высказывалось задолго до указанного открытия, но теперь удалось раскрыть механизм, теоретические основы созидательной способности материи. Такую ситуацию в науке можно оценить словами И. Пригожина, что «в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает» [6, с. 46].

Эволюция биосферы представляет собой величественный процесс накопления информации и образования памяти (М. Эйген), по другим гипотезам, существует информационная модель будущего. «Какова эта информационная модель будущего, в каких структурах и каким кодом она записана, на нынешнем этапе развития науки неясно» [8, с. 83]. Гносеологически, так же как Мендель, Менделеев и другие, сделав свои открытия, не знали механизма открытия, возможно, суть информационной модели раскроется дальнейшим ходом развития науки. Тем более что в хорошо изученных процессах (таких как организация действий человека, животных) информационная модель включает в себя и модель будущего, и вероятностное прогнозирование на основе хранимого памятью прошлого опыта. Современное научное знание дает определенные основания считать, что направленный процесс развития возможен при функционировании актов самоорганизации при условии существования информации о будущих состояниях развивающейся системы. И такая информация должна содержаться в самой системе [7, с. 168]. Можно предполагать о присущей самоорганизации информативности.

Научное познание позволяет констатировать условия возникновения информации, информационных моделей в биосфере, но относительно неживой материи выдвигаются лишь гипотезы. Основываясь на идее, что информация должна полностью определяться структурой (Г. Кастлер), принцип, организующий Вселенную, должен опираться на самоорганизацию информативности и на научность, что свидетельствует о существовании информационных людей, и, возможно, на определённом этапе развития науки данную мысль можно будет распространить и на объекты неживой природы. Вопрос о наличии информации в неживой природе весьма дискуссионный. Но первые шаги в этом направлении уже сделаны. Так, работа Д. С. Чернавского «Синергетика и информация» посвящена модели генерации ценной информации в обобщенной форме. Данная концепция включает процессы самоорганизации и в неживой природе. Основываясь на концепции Г. Кастлера, он утверждает, что «информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и равноправных» [9, с. 8].

В данном определении информация не связывается конкретно с определенным уровнем материи, и по данному определению информацию можно считать присущей всем структурным образованиям материи. Информация – выбор какой-то определенной последовательности, алгоритмы которой адекватны, и закрепление этого выбора создает информацию. Информация как объект исследования появляется в процессе взаимодействия последовательностей, адекватных друг другу. И важную роль в развитии общественного развития имеет ценная информация, способы ее генерирования. В настоящее время наука – доминирующее средство развития систематического знания. Появляются современные, новые возможности для анализа информации. Информация как источник знания

подвергается обработке для улучшения генерирования знания, которое является источником новых технологий и т. д.

Библиографический список

1. Волькенштейн М. Предисловие к книге М. Эйгена «Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул». – М., 1973.
2. Вызов познанию: стратегия развития науки в современном мире. – М., 2004.
3. Жданов Г. Б. Информация и сознание // Вопросы философии. – М., 2004. – № 11.
4. Кабулов В., Файзуллаев А., Назиров Ш. Ал-Хорезми, алгоритм и алгоритмизация. – Т. : Фан, 2006.
5. Пригожин И. Время, структура и флуктуация // Успехи физических наук. – 1980. – Т. 131. – Вып. 2.
6. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – М., 1991. – № 6.
7. Ровинский Р. Е. Синергетика и процессы развития сложных систем // Вопросы философии. – М., 2006. – № 2.
8. Фейгенберг И. М., Ровинский Р. Е. Информационная модель будущего как программа развития // Вопросы философии. – М., 2000. – № 5.
9. Чернавский Д. С. Синергетика и информация. – М., 2001.
10. Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. – М., 1979.

© Гаффарова Г. Г.

УДК 179.2

ДЕТСТВО И ИНФОРМАЦИОННОЕ НАСИЛИЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

О. С. Борисова, О. В. Ковальчук, К. Ю. Королева
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия

CHILDHOOD AND INFORMATION VIOLENCE: THE SOCIOCULTURAL ASPECTS

O. S. Borisova, O. V. Kovalchuk, K. Y. Korolyova
Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Summary. The article discusses the issues of information violence towards children. The authors observe different theoretical approaches as a background for the violence studies. The paper presents the actual tendencies of information violence as a social issue in the contemporary Russian society and shows possible ways of solving the problem.

Key words: information violence; information violence towards children; social institutions; sociocultural factors of violence; public opinion.

Сегодня практически все аналитики, исследующие современное общество, отмечают чрезвычайно возросшую роль информации и технологий информационного воздействия. Однако наряду с преимуществами новых технологий, форм организации экономической, политической и социальной жизни развитие информационной сферы несёт в себе целый комплекс опасностей, способствующих росту степени напряжённости в обществе.

Одной из таких опасностей является информационное насилие, которому подвергаются все люди, имеющие доступ к различным источникам информации. Вспомним трагедию, произошедшую в Белгороде 22 апреля 2013 года: фактическими жертвами насилия стали 6 человек, а реально от насилия пострадали практически все жители не только Белгорода, но и Белгородской области – получив практически мгновенно информацию по каналам связи (мобильный телефон, Интернет), люди стали жертвами психотравмирующего воздействия информации. Данное событие восприняли как угрозу существования, нарушающую нормальную жизнедеятельность, не одна сотня тысяч человек.

Особая опасность информационного насилия заключается в том, что оно порождает постоянный и глубокий эмоциональный стресс. Информационное общество характеризуется не только тем, что становится больше информации. Меняются её характер и влияние. Разумеется, информационное насилие существовало всегда, а отличие современного периода состоит, прежде всего, в том, что в информационном обществе информационная составляющая приобретает явный характер. По сути, в нём возникает целая индустрия информационного насилия.

Современная наука рассматривает насилие как комплексную проблему, в которой есть и политические, и культурные, и психологические, и экономические аспекты. Насилие – это принуждение, которое осуществляет субъект или группа для достижения поставленных целей. Выделяются следующие формы проявления насилия – эмоциональное, психологическое, физическое, сексуальное.

Э. Фромм выделял несколько форм насилия: игровое, реактивное, насилие из мести, потрясение веры, компенсаторное и архаичный тип насилия – жажда крови [2, с. 20–27].

Д. Галтунг, выделяя структурное насилие, особое внимание обращает на «культурное насилие» [1, с. 34]. Он отмечает, что культурное насилие ведёт к тому, что структурное насилие начинает выглядеть и восприниматься как справедливое или, во всяком случае, «не дурное дело». Оправдание насилия не является чем-то постоянным в обществе. Оно может усиливаться, превращаться в принцип социальных отношений, либо общество отказывается от подобной оценки и склоняется к гуманности, общечеловеческим ценностям, концепции сотрудничества. Происходит соответственно изменение социальных ориентаций, социальной политики.

Информационное насилие прочно вошло в нашу жизнь, и самой массовой категорией населения, страдающей от него, и вместе с тем наименее защищённой, неподготовленной к отражению негатива, сегодня являются дети. От их положения и состояния зависят количественные и качественные характеристики не только сегодняшнего, но и облик будущего общества, его социокультурные показатели. В детском возрасте закладывается фундамент личности, формируются её основные качества: физическое и психическое здоровье, культурный, нравственный и интеллектуальный потенциал.

Однако сегодня дети растут в ситуации высокой агрессивности, жестокости и насилия. Причём насилие во всех проявлениях наблюдается не только в семье, на улице, в учреждениях основного и дополнительного образования, но и проявляется со стороны общества в целом через разнообразные информационные потоки. Основным транслятором информационного насилия в отношении детей в современном обществе является, конечно, Интернет, ставший неотъемлемой частью нашей жизни. Дети и подростки используют Интернет для различных целей: они встречаются и взаимодействуют с незнакомыми людьми, заводят новых друзей, получают новую информацию, играют в игры и просто «болтаются». Но, как и реальный мир, виртуальный также может быть опасным. В нём возможны контакты с детьми без ведома их родителей, других взрослых. Существует прямая связь между виртуальным насилием и насилием над детьми в реальном мире.

Сущность информационного насилия над детьми состоит не только в том, что им приходится осваивать огромные потоки хаотичной информации. Часто информация содержит агрессивные послы. Нельзя не вспомнить о таком явлении, как кибер-буллинг (виртуальное насилие), который может преследовать ребёнка постоянно. Информационно-коммуникационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни и от кибер-нападков невозможно спрятаться. В отличие от реального агрессора, кибер-агрессору не нужна физическая сила, а только желание кого-то терроризировать, время и технические средства. Дети, пребывание которых в сети мало контролируется взрослыми, или же взрослые этому не придают особого значения, всё чаще и чаще подвергаются виртуальным оскорблениям и даже преследованию.

Информационное насилие приводит к серьёзным перекосам в психическом развитии ребёнка, а также пагубно отражается на его психическом здоровье. Поэтому сегодня необходима разработка системы мер по преодолению или хотя бы по смягчению информационного насилия в отношении детей. Признание Россией международных договорных отношений в сфере защиты прав человека накладывает обязательства по установлению запрета в числе прочего на информационное насилие, что предполагает активизацию действий по созданию национального механизма по защите жертв информационного насилия. Сегодня необходимо вычленить отдельно детскую проблематику информационного насилия, что является показателем общественного восприятия данного явления как деструктивного феномена и позволяет выявить уровень значимости данное проблемы в современной России.

В силу вышесказанного необходимо уделить особое внимание феномену информационного насилия и жестокости в отношении детей. Необходимым фактором борьбы с жестоким обращением и насилием должно стать формирование общественного мнения о столь негативном явлении личной и общественной жизни. В немалой степени этому могут способствовать привитие ценностного отношения к детям и к детству.

Библиографический список

1. Галтунг Д. Культурное насилие // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. – Вып. 8. – М. : Центр конфликтологии, 1995. – С. 34–37.
2. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992. – 429 с.

© Борисова О. С., Ковальчук О. В., Королева К. Ю.

УДК 141

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Р. И. Олексенко

**Мелитопольский государственный педагогический университет
им. Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, Украина**

PHILOSOPHY OF EDUCATION AS ESSENTIAL FACTOR FOR ECONOMIC DEVELOPMENT

R. Oleksenko

**Melitopol State Pedagogical University named after Bogdan Khmelnytsky,
Melitopol, Ukraine**

Summary. This article examined the factors affecting the economic development of society from ancient times to the present through the prism of time.

Key words: society; philosophy; culture; identity; education; economic development.

Общество – чрезвычайно сложный и противоречивый предмет познания. Оно постоянно меняется, приобретая всё новые и новые формы. На заре истории возникло первобытное общество охотников и собирателей. Позже его сменило рабовладельческое, затем – феодальное, капиталистическое, социалистическое общество. Есть и другие классификации типов и форм общества (доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное и др.).

В пределах одной и той же страны в разные периоды существовали различные типы общества.

Различные представления о социуме как системе общественного сожительства людей формировались с древнейших времен развития интеллектуальной культуры человечества. Одними из первых веское слово в этой области сказали китайский философ Конфуций, античные мыслители Платон и Аристотель, их талантливые соотечественники. Социум в теоретико-философском воображе-

нии древних мыслителей в буквальном смысле этого слова отождествлялся с государством. Общественная жизнь не мыслилась иначе, как государственная. Человек трактовался как политическое (государственное) существо (Аристотель). Закономерности развития общества и государства отождествлялись. Можно сказать, что теоретики «донулевого времени» (времени до рождения Христа) обнаружили и описали почти все основные элементы общественного сожителства людей как государственного. И хотя их учения имеют исторически обусловленный характер, следует подчеркнуть то большое значение, которое они имели для развития поздних теоретических конструкций [1].

На Украине, как стране переходного, трансформационного типа, пока происходит только процесс становления экономического образования и воспитания, необходимых для полноценного развития в массовом и профессиональном сознании элементов экономическо-предпринимательской культуры современного характера. Это чрезвычайно актуализирует концептуально-теоретический, философско-мировоззренческий анализ развития в нашей стране экономического образования и воспитания как основных средств становления мировоззренческих принципов современного предпринимателя.

Сверхбыстрая динамичность знаково-информационной цивилизации заставляет человека включать в структуру собственной феноменологичности такой элемент, как предприимчивость, без которого невозможна социокультурная субъектность в сложнейшем информационном мире [12, с. 31].

В современном мире человек любой профессии и сферы деятельности имеет необходимость в достаточно высоком уровне экономической образованности, культуры и сознания, особенно это касается тех, кто выбрал для своей профессиональной самореализации сферу предпринимательской деятельности. Социально-экономическая сфера жизнедеятельности общественной системы в глобальном информационном мире доминирует над другими, требует для истинной ориентации человека в цивилизационном и социокультурном пространстве формирования определенного уровня экономических знаний, ценностей, ориентиров и умений. «Жизнедеятельность человека протекает в социальном пространстве, где она как субъект характеризуется, в частности, и формами включения в экономическую деятельность. Развертывание субъектности в процессе экономической социализации обуславливает формирование у человека социально-экономических установок, ориентаций на определенные экономические ценности, профессиональных знаний и навыков, других психологических качеств, приобретенных личностью при подготовке к экономической деятельности. От успешности экономической социализации зависит активность человека в экономической сфере, ее самореализация в течение всей жизни. Актуальность исследования проблем формирования социально-экономических установок определяется необходимостью раскрытия роли субъекта в процессе экономической социализации личности, что позволит активизировать развертывание потенций субъекта, от чего зависит успешность самореализации человека в экономической сфере» [2, с. 31]. Особенно активной и эффективной экономическая социализация должна быть у тех общественных субъектов, которые целенаправленно ориентируются на самореализацию в рамках определенных форм предпринимательской активности. Одним же из ключевых, фундаментальных структурных элементов социализации, в том числе экономической, в современном мире является система образования и воспитания, от качественных и количественных показателей которой во многом зависит международная конкурентоспособность национальной экономики, а также ее внутренняя стабильность, прогрессивность, способность к инновационному саморазвитию.

Особенно актуальной проблематика экономической образованности и социализованности является для молодежи трансформационных обществ, в которых не сформирован ценностно-ориентационный, мировоззренчески-феноменологический, национально-культурный фундамент для становления предприимчивой личности в ее современном цивилизованном понимании. В связи с этим именно перед системой экономического образования и воспитания

стоит комплексная задача подготовки молодежи к жизни и самореализации в финансово-экономической среде современного миропорядка. «Глубокие социально-экономические изменения в мире, переход к рыночной экономике ставят перед современным обществом важную педагогическую проблему – сформировать экономическую культуру молодого человека, способствовать осуществлению эффективной экономической деятельности и оценивать эту деятельность с позиции не только экономической целесообразности, но и моральной ценности» [7, с. 86]. В такой ситуации экономическое образование и воспитание предстают не только как профессиональная необходимость, но и как средство становления мировоззренческо-ценностных, морально-этических принципов современного украинского предпринимателя. «Переход к рыночной экономике, который требует глубоких социально-экономических изменений в государстве, ставит перед обществом важную педагогическую проблему формирования экономической культуры молодежи, ее подготовки к вхождению в жизнь в новых условиях, значительной перестройки содержания школьного и высшего образования» [5, с. 141]. Таким образом, перед украинским образовательным сообществом и широкой общественностью сегодня стоит важная задача по созданию соответствующих условий для учебно-воспитательной и мировоззренческо-нравственной социализации национальной молодежи в сложных экономических условиях функционирования современного глобального информационного мира.

В этом аспекте возникает важная проблема, требующая концептуально-теоретического анализа, а именно: насколько насущной является сегодня потребность в общем профессиональном и экономическом образовании человека как субъекта рыночных отношений? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, может быть только однозначным, ведь волей исторической судьбы мы оказались в социально-экономической ситуации, когда рыночная экономика диктует свои правила поведения, а общественное сознание находится под значительным влиянием идеологии, произведенной тоталитарной машиной командно-административной системы. «Ломка экономического и жизненного уклада соотечественников идет очень болезненно. Сложившаяся система ценностей советского образа жизни, правил и норм поведения, традиций и обычаев хозяйствования еще остается действующей и вступает в противоречие с новыми реальными условиями» [8, с. 42]. Такая ситуация настоятельно требует выработки на общенациональном уровне эффективных механизмов формирования новых мировоззренческо-аксиологических, профессионально-интеллектуальных и творчески инновационных основ социально-экономического, предпринимательского менталитета украинского населения, особенно молодежи. «Рыночные отношения, даже в зрелых, цивилизованных формах, порождают многочисленные общественные и личностные проблемы, к адекватному восприятию и решению которых необходимо направленно готовить, и особенно молодежь. Именно обеспечение надлежащего уровня жизнеспособности личности, умения ориентироваться в быстроменяющихся условиях действительности и при этом сохранение высокой степени толерантности к неопределенности становятся актуальными в рамках исследования экономического аспекта социализации личности» [10, с. 227]. Эти и другие вызовы, стоящие перед современным человеком, особенно молодым, определяют необходимым получение по крайней мере общего экономического образования, а для будущих предпринимателей – и профессионального. Кроме того, по нашему мнению, так как мир быстро меняется, особенно в его финансово-экономическом измерении, существует постоянная необходимость увеличивать свою экономическую компетентность, учась в течение жизни.

Современная экономическая наука, как общая, так и профессиональная, является необходимым условием формирования личностных и профессиональных компетенций человека, необходимых для всесторонней самореализации в условиях глобализационных информационно-инновационных тенденций. При этом такое образование должно носить не только узкоспециализированный, но и общемировоззренческий, личностно-формирующий характер. «В условиях глобализации информационно-инновационных тенденций и создания системы не-

прерывного образования первостепенное значение приобретает проблема формирования личности современного специалиста, воспитания у него качеств делового человека, характеризующих возможности личностного потенциала в социально-общественной, государственно-политической, производственной сферах. Следовательно, возникает потребность в переосмыслении и теоретико-методологическом обосновании процесса подготовки будущих специалистов, в частности, экономического профиля» [4, с. 176]. Действительно, экономико-педагогическая общественность как один из ключевых элементов украинской системы образования сегодня прилагает огромные усилия для обеспечения методологического, учебного, компетентностно-формирующего, мировоззренческо-ценностного единства в преподавании дисциплин экономического профиля как для будущих специалистов предпринимателей, так и для специалистов в других сферах профессиональной деятельности. Ученые отмечают, что «в новых социально-экономических и социокультурных условиях существования независимой Украины образование в сфере экономики должно быть направлено не только на формирование определенного количества компетенций, но и на воспитание у будущих специалистов стремления к деятельности в сфере экономики, формирование самостоятельного заботливого хозяина, который испытывает потребность в личной экономической культуре, в инновационном применении знаний на практике, в стремлении к деловому успеху» [3, с. 49–50]. Таким образом, общее и профессиональное экономическое образование сегодня для любого общества, особенно трансформирующегося, является ключевым фактором обеспечения его поступательного развития в рамках общемировых глобальных тенденций. Это, в свою очередь, актуализирует проблему диверсификации и разнообразия форм, методов и организационных режимов предоставления гражданам Украины высококачественных образовательных услуг в сфере экономических наук и учебных дисциплин.

В странах с развитой формой рыночной экономики экономическое образование, просвещение, воспитание являются необходимым условием и обязательным составным элементом функционирования национальной социально-экономической системы. Высокий уровень экономической образованности, культуры и сознания в таких странах обеспечивается как наличием экономической реальности современного типа, так и развитым экономическим образованием, тогда как в трансформирующихся обществах, в частности на Украине, эти два элемента находятся в зачаточном состоянии. «Переход нашей страны к рыночной экономике выдвигает актуальную проблему современности – формирование готовности молодежи и студентов к адаптации в условиях социально-экономической жизни. Эта проблема может быть решена только при условии развития у молодежи предпринимательских способностей, обеспечивающих достижение реальных успехов в любой области выбранной ими профессиональной деятельности. Особенности современного адаптационного процесса на Украине обусловлены не только глубокой трансформацией всего устройства общества, радикальным изменением форм собственности, становлением и развитием рыночных отношений, определяющими качественные изменения в социально-экономическом поведении людей, но и в высокой степени нестабильностью самой среды, темпы изменения которой далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения» [17, с. 13]. Таким образом, развитие экономической системы нашего национального общества напрямую зависит от того, в состоянии ли будет украинское образовательное сообщество выработать адекватные механизмы привития молодежи высокого уровня экономической и предпринимательской культуры современного типа. В то же время и реальные экономические процессы, безусловно, влияют на экономическую социализацию молодежи и на уровень ее экономическо-предпринимательской образованности и воспитанности.

В связи с этим профессиональное экономическое образование сегодня должно формироваться в тесной взаимосвязи с конкретной предпринимательской деятельностью, обеспечивать более полноценную социализацию предпринимчивой молодежи в условиях сверхбыстрых изменений в социально-

экономической жизни трансформирующегося общества в глобализирующемся мире. «Одним из важных аспектов теории формирования и развития экономических знаний, что, собственно, и указывает на их содержание, является профессиональная подготовка. Именно она является одним из главных звеньев построения эффективной системы экономического образования личности. Экономическое образование позволяет выявить определенный уровень обеспечения личности знаниями, необходимыми для формирования морально-экономических черт студента, подготовки его к учебно-познавательной и хозяйственно-бытовой деятельности» [9, с. 56]. В дальнейшем же от креативно-инновационных способностей самой личности напрямую будет зависеть успешность его профессиональной предпринимательской активности. В то же время необходимо четко осознавать, что именно образование, в том числе общее и профессиональное экономическое, призвано развивать в человеке преобразующее отношение к действительности, креативное отношение к будничной и профессиональной самореализации, что является необходимым условием и для ведения успешной предпринимательской деятельности в условиях развития рыночной экономики.

Таким образом, в условиях становления молодой рыночной экономики, когда общемировые, глобальные тенденции диктуются на основе знаниевых принципов, концептуально-теоретический анализ национальной системы образования является чрезвычайно актуальным. В связи с этим считаем необходимым остановиться на анализе современного состояния и главных противоречий экономического образования на Украине. Социальные изменения, произошедшие в нашей стране, обуславливают значительные перспективы в жизни украинского народа, переоценку и обновление всех сфер его деятельности, в том числе науки, образования и культуры. Одним из главных направлений такого обновления является поиск новых средств формирования квалифицированных специалистов для всех отраслей, и в первую очередь специалистов по экономике, которые будут способны в ближайшем будущем организовать и осуществить такие экономико-социальные преобразования, которые позволят молодой независимой Украине стать в один ряд с развитыми европейскими государствами. «На современном этапе высшие учебные заведения, которые готовят экономистов, должны еще тщательнее решать актуальные задачи дальнейшего улучшения их профессиональной подготовки, концентрировать свои усилия на совершенствовании содержания образования, внедрении в учебный процесс новых, более эффективных методов, форм и средств организации обучения, на формировании у будущих специалистов активного творческого отношения к экономической деятельности. Налицо неотложный рост требований к подготовке экономистов-специалистов, и именно работники сферы образования будут отвечать перед народом за признание государства в цивилизованном мире, это продиктовано самим временем» [18, с. 175].

В этой связи существует настоятельная необходимость мировоззренческо-ценностного, научно-методического, инструментально-инновационного улучшения состояния экономического образования в нашей стране, а также преодоления ключевых противоречий в его структуре, которые, по нашему мнению, возникают, прежде всего, из-за несоответствия объективной экономической реальности.

Образование должно стать ключевым фактором, способствующим устойчивому развитию общества, росту его возможностей. Но для этого нужно формировать людей, способных и реализующих свои способности к научному творчеству. Творчество и есть процесс, который сопровождает всё историческое развитие человечества, – потому каждое открытие новой возможности, не бывшей известной человечеству в целом до этого одиночного акта отдельного лица, и есть тот механизм, который принято называть развитием. Поскольку подобные акты творчества принадлежат отдельным лицам, то забота поколений живущих о поколениях будущих и заключается в образовании людей, способных реализовывать свою способность к творчеству. Большие личности в истории человечества, о которых говорит Вернадский, и являются создателями новых научных знаний и теорий, служащих импульсом многих великих идей и открытий, материализация

которых в действующих конструкциях и приводила к определенной предметной деятельности, меняют лик планеты [6, с. 201].

Современное состояние научной сферы Украины обусловлено долгосрочным негативным влиянием общеэкономических проблем, связанных со структурной деформированностью экономики, доминированием в ней низкотехнологичных отраслей и укладов, производств продукции с низким уровнем добавленной стоимости, что объективно малоблагоприятно для современных научных достижений. Разрушительно влияние на развитие научной сферы некомпетентной государственной политики проведения неолиберальных рыночных реформ (приватизация, трансформация бюджетной, налоговой, кредитной и других финансово-экономических систем) фактически без учета научно-технологического фактора и его влияния на эффективность и конкурентоспособность отечественной экономики. В отношении науки осуществлялась бесперспективная политика «выживания» существующего научно-технического потенциала вместо его обновления и качественного улучшения для приведения в соответствие с потребностями рыночной экономики [9].

На современном этапе развития общества наука превратилась в один из важнейших факторов, обеспечивающих эффективное экономическое развитие. Способность генерировать и внедрять достижения НТП является одним из главных факторов обеспечения конкурентоспособности как отдельного предприятия, так и всей экономики. Функцию производительной силы наука реализует, прежде всего, традиционно, через механизм реализации научных изобретений в машинах, рабочей силе, предметах труда и других элементах производительных сил. Кроме того, наука выступает самостоятельным фактором производства. В процессе превращения науки в производительную силу у нее появляются функции управления производством, происходит расширение границ производительного труда совокупного работника. Наряду с этим углубляется общественное разделение труда, расширяются масштабы товарного производства.

Научный потенциал экономики можно выразить также через научные исследования именно научной сферы. Следует отметить, что украинское научное сообщество адекватно реагирует на потребность трансформации экономической модели.

Среди авторитетных экономистов, прилагающих усилия для определения наиболее оптимальной для Украины экономической модели, в первую очередь следует назвать акад. НАН Украины Ю. М. Пахомова [11, с. 3–6], который подробно анализирует недостатки нынешней экономической модели, приведшие Украину к состоянию «страны, которая не состоялась», и обосновывает новые задачи по формированию новой модели экономического развития. В частности, он отмечает, что нужно исправить дефекты, присущие нынешней экономической и социальной модели, среди которых он называет, прежде всего, «нерегулируемый рынок». В этой связи Ю. М. Пахомов предлагает отказаться от неолиберальной модели развития экономики, что сконструирована в США для подвластных, полуколониальных стран [2, с. 6].

Еще один известный экономист, В. М. Геец, в своих трудах доказывает целесообразность трансформации нынешней экономической модели в эндогенно ориентированную модель развития, опираясь на которую, можно обеспечить новый виток развития – к обществу и экономике знаний, мотивирует креативность действий, без которых невозможно преодолеть такие недостатки развития, как политическая нестабильность и конфликт с экономикой, а в самой экономике – дефицит ресурсов и жесткая конкуренция [12].

А. С. Гальчинский считает, что нынешняя экономическая модель требует трансформации, но этот процесс качественно отличается от процесса трансформации и ее измерений, что происходит на Западе, где утверждаются качественно новые по своему содержанию основы экономической системы – принципы постматериальной экономики, в конце концов, экономики человека. Однако, несомненно, с точки зрения современных экономических трансформаций, их ключевым звеном является развитие человеческой личности [13, с. 16].

Говоря о формировании новой экономической модели Украины, А. С. Филипенко подчеркивает, что она должна опираться на современные мировые достижения теории и практики хозяйственного развития и ориентироваться на общественные ценности третьего тысячелетия с его жесткими детерминантами. Среди последних он называет, прежде всего, неуклонную дематериализацию производства, собственности, всей структуры общественно-экономических отношений, развитие антропогенно-интеллектуального общества, информационно-технологического способа производства. Кроме того, А. С. Филипенко делает упор на том, что экономическая модель Украины должна трансформироваться в направлении усиления рыночной направленности всех векторов экономических сил. «Рыночная философия должна определять основное содержание важнейших реформ, осуществляемых на Украине», – отмечает ученый [14, с. 596].

А. И. Соскин настаивает, что развитие рынка на Украине может основываться только на модели так называемого народного капитализма в отличие от модели государственно-монополистического капитализма, который сейчас преобладает на Украине [15, с. 42]. Функционирование последней модели в стране привело к сокращению объемов и эффективности производства, росту теневой экономики и коррупции, масштабной дифференциации и социальной незащищенности населения. Но главный недостаток модели государственно-монополистического капитализма состоит в том, что «наращивание» капитала осуществляется главным образом путем перераспределения национального богатства, а также доходов в пользу избранной немногочисленной социальной группы за счет другой части населения, отчуждения их прав на бывшую общенациональную собственность и изъятия финансовых средств из реального сектора экономики, что не входит в сферу интересов этой социальной группы [16, с. 5].

Таким образом, общество – это реальный процесс жизнедеятельности людей, имеет исторический характер, существует объективно, то есть независимо от сознания и воли людей, хотя они как носители сознания и воли являются главными действующими лицами общественно-исторического процесса [1].

Библиографический список

1. URL: <http://www.br.com.ua/referats/Philosophy/2014-4.html>
2. Білоконь І. В. Проблеми формування соціально-економічних настановлень молоді як суб'єкта соціалізації // Проблеми загальної та педагогічної психології : збірник наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. Т. XI. Ч. 1 / за ред. С. Д. Максименка. – К., 2009. – С. 31–39.
3. Гіттерс З. Виховання діловитості і творчості майбутніх фахівців економічного профілю // Рідна школа. – 2005. – № 12. – С. 49–52.
4. Горбуліч І. О. Формування готовності до ділового спілкування у майбутніх маркетологів // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (педагогічні науки). – 2011. – № 15 (226), серпень. – Ч. II. – С. 176–182.
5. Гридасова Н. Місце і роль економічної культури у структурі загальної культури особистості // Молодь і ринок. Щомісячний науково-педагогічний журнал. – 2011. – № 2 (73), лютий. – С. 141–145.
6. Кашуба О. М. Сутність та принципи безперервної освіти у діяльності суб'єктів підприємництва в Україні // Сталій розвиток економіки. Всеукраїнський науково-виробничий журнал. – 2010. – № 3. – С. 31–38.
7. Коваленко О. В. Економічна культура як складова підготовки висококваліфікованих фахівців у ВНЗ // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (педагогічні науки). – 2011. – № 13 (224), липень. – Ч. I. – С. 86–91.
8. Козлова Е. В. Психологические основы экономической социализации : учеб. пособие. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. – 160 с.
9. Лапіна Т. Формування економічного мислення у студентів-фахівців економічного профілю // Нова педагогічна думка. Науково-методичний журнал. – 2011. – № 1. – С. 55–58.
10. Левицька Н. С. Дослідження економічної соціалізації особистості в зарубіжній та вітчизняній літературі // Проблеми загальної та педагогічної психології : збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. Т. XIII. Ч. 3 / за ред. С. Д. Максименка. – К., 2011. – С. 226–233.
11. Огнівко Л. В. Професійна підготовка магістрів економічного профілю у вищих навчальних закладах США // Збірник наукових праць Хмельницького інституту соціальних технологій Університету «Україна». – 2011. – № 3. – С. 135–139.

12. Олексенко Р. И. Философия, мировоззрение и мораль современного предпринимателя как составная экономико-социального развития общества // «Социосфера» : науч.-метод. и теор. журнал. – 2013. – № 1. – 31 с.
13. Петренко Т. В., Зеленюк В. В. Морально-етичні аспекти формування підприємця європейського рівня // Проблемы формирования новой экономики XXI века : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 12–24 декабря 2010 года. URL: http://www.confcontact.com/20101224/3_petrenko.php
14. Поясюк Т. Б. Акмеологічний підхід до психолого-педагогічної підготовки майбутніх економістів // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка (педагогічні науки). – 2011. – № 10 (221), травень. – Ч. 1. – С. 171–177.
15. Саух П. Ю. Якість освіти як індикатор рівня життя інформаційного суспільства // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2006. – № 29. – С. 3–7.
16. Смерічевська С. В. Аксиологія соціальної відповідальності сучасного бізнесу // Вчені записки Університету «КРОК» : збірник наукових праць. – 2008. – № 18. – Т. 1. – С. 166–171.
17. Філіпенко А. В. Готовність молоді до підприємницької діяльності як філософсько-педагогічна проблема // Вісник НТУУ «КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка. – 2009. – Вип. 3. – С. 13–19.
18. Фурман Т. Ю. Результати аналізу сучасного стану сформованості професійної компетентності майбутніх фахівців у галузі економіки та підприємництва // Збірник наукових праць Хмельницького інституту соціальних технологій Університету «Україна». – 2011. – № 4. – С. 175–178.

© Олексенко Р. И.

УДК:100+370+001.895

HOMO ECONOMICUS IN MODERNIZATION OF EDUCATION IN UKRAINE: PHILOSOPHICAL ASPECT

O.B. Petinova

**South Ukrainian National Pedagogical University
named after K. D. Ushinskiy, Odessa, Ukraine**

Summary. In the article the author gives consideration to innovations in education as the main factor of modernization of the education of Ukraine and formation of homo economicus in conditions of eurointegration and establishing of market society. The innovation mechanism is considered what gives an opportunity to grade the innovation knowledge in social practice of education. Article also considers neoliberalism as a philosophy of life in XXI century which forms new entrepreneur ethics and defines priorities of development of new strategy of education in Ukraine.

Key words: homo economicus; innovations; modernization; education; market society; neoliberalism; social concept of neoliberalism.

Ukrainian society stays in the continuous development; determination of the guideline of education is characterized by innovations and control on the part of the state. Development of technologies and connection, creation of complicated international economic and trade systems, activity extension of international companies and transnational corporations, changes in international relations and international legislation greatly affect both the context of existence of every human being and Ukrainian society as a whole. The development of technologies changes the nature and life span worldwide. Revolution in means of communication unites the world in awareness, contributes to solidarity in confrontation injustice. But the progress also bring new dangers for stability as causes damage to environment, ruins families and social life, meddles in private and daily life of Ukrainians. While analyzing the transformational processes and social tendencies in Ukraine, we came to a conclusion of necessity of a new understanding of existing reality.

The system of higher education in Ukraine, which was formed during the years of national independence to a certain extent mirrors the difficulty of sociocultural situation in which the country is found. It happened as a result of not only political and economic changes at the end of the past century but also as a result of global humanitarian crisis caused by mass migratory processes, loss of ethnic originality, introduction of foreign life values, goals and guidelines. The problem of innovation in education gains special significance in XXI century as mankind entered the innovative state of social progress. Given process can be characterized by the swift dynamics of changes, transformations if different spheres of existence and vital activity of individual and society.

This dynamics is accompanied with building of a new country with reconsidered manner of life and thought.

Innovative thinking and activity gain in significant importance for education as the individual with innovative manner of thought, new culture and ability to perform innovative activity is formed exactly through it. Without it neither individual, nor Ukraine as a whole will be competitive in market conditions.

The problems of innovations in education and innovative education in particular were approached by the whole number of researchers and scientists such as I. Vakarchuk [1], D. Dzvinchuk [2], V. Kremen [5], V. Kutsenko [7], S. Nikolaenko [8], V. Ognevjuk [10], A. Sbrujeva [11], V. Teslenko [9] and many others. Thus, we should agree with V. Kremen, who notes that genesis and development of the culture, science and education are necessary conditions for vital activity of the society. Social system in turn is not only external environment where results of human productive activity exist, function and are acquired. It begets intellectual existence, determines work of its internal mechanism and forms of displaying, structural and functional characteristics and dynamics of progress, spirituality in different forms. As socio-spiritual phenomena, science, art and education influence the character and development of all the components of socio-economic, political and cultural space. That's why the way to identification of social determinancy of intellectual existence and cognitive activity in aggregate with social phenomena and events leads through investigation of social channels that immanently and functionally include them into sociocultural integrity. For achieving this goal it's necessary to renovate means and methods of cognitive activity that isolates innovations as a particular phenomenon. Its currency is conditioned by the progress of society, the main feature of which is a continuous renovation that is realized owing to intrinsic ability of the human intellect to comprehend reality, to transform actions and bring the novelty aspect. Human ability to productive activity, to the possibility to apprehend and adapt the result of this activity according to daily wants creates conditions for changes and conversion to the new in different spheres of sociocultural existence. Deliberate orientation to gaining the new i.e. knowledge, experience, political, cultural achievements, also specific aiming for innovation is the main, considerable feature of progressive development [5, c. 18–20].

Globalization is a complex multilevel and multifaceted process of regular qualitative transformations in world economy and in all other spheres of existence of an individual on the basis of socialization of production and intensification of integration processes as a result of unprecedented increase and acceleration of transference of goods, service, capitals, general development of modern information technologies, global telecommunicational networks, development of information society. In such conditions social development in all spheres of public life requires innovations and innovative activity.

The term “globalization” doesn't have a generally accepted definition. Perspectives of globalization inseparably connected both to positive and dangerous tendencies for the country. Researchers note that globalization is economical, political, social and ideological phenomenon which is accompanied with unexpected, often debatable and polar consequences [14]. In the report of the Secretary-General of the United Nations according to the Declaration, accepted in the Security Council meeting of heads of the governments on 31st of January, 1992 “Peace Programme: preventive diplomacy, the politics of peacemaking and politics aimed for peace-keeping” the process of globalization is defined as a part of “growing interdependency of the world” where political, economical, social and cultural connections are not limited by territorial boundaries or state actors, where there's no country or subject not affected by the activity which is out of the bounds of their direct control [3].

New tendencies in all the fields and ways of life are impossible without innovations. The term “innovation” is ambiguous. It should be understood as introduction of new ideas, technologies in the production; and the management of the field, enterprise; in other aspect innovation is a novelty which is yet insufficiently spread in public activity or production. “Innovation” may also be understood as the final result of introduction of progress in science and technology oriented to obtain social, political, economi-

cal, scientific and technological or other results. And no doubts the new usage of scientific, cultural, technical knowledge is also innovation.

It is known that term “innovation” is connected to the name of Austrian scientist, economist, thinker of XX century J. Schumpeter though the history of society is always accomplished through innovations. Co-terms “new”, “novelty”, “modern” etc. are used to denote the phenomena, connected to the introduction of something new, especially in the time of formation of market economy and transition periods connected to social and political changes, science-and-technical, technological achievements, revolutions in science and society [5, p. 21]. Whereas we agree to the S. Nikolaenko’s point of view and understand innovation as an idea (ideas), suggestions, scientific researches and developments which can and become the basis of creating new strategies, development, new types of production, considerably improve consumer properties (economical, educational, cultural, technical etc.) of existing phenomena and processes, goods, creating of new objects of material and perfect existence. Everything that can improve the quality of living and the process of mankind development is innovation [9, p. 12].

Innovations in different forms and types have always existed, performing important part in the development of human society and separate country in particular. Any given country has historically taken the lead in progress and thus arrived to success when creating new, and continuously working upon building its existing infrastructure in order to support the process of introductory innovation. In this regard innovativeness is a general feature, peculiar to the culture as a whole and its particular components, genuinely human social need. It’s peculiar to innovation to be the main mechanism of formation of new technologies, new patterns for activities and behavior. Innovative activity creates premises for the research of alternative ways of social development, especially when the society is in the state of instability, transferring to the new levels of existing in socioeconomic development.

The investigation of the mechanism of innovation gives an opportunity to estimate the dynamics of innovational knowledge as self-motion, conditioned by the spiritual and intellectual energy. As well as the situation of new paradigms emergence turns as a abnegation of the previous paradigm, which reached its apogee and creates conditions for establishing the new “normal” scientific period, where new knowledge assumes new level of innovation, “breakthrough” to the future, i.e. to the realization of new innovative potential. New scientific innovation with its epistemological and social properties is a factor expressing self-sufficiency of the science and intellectual activity in toto, designing its dynamism and modernization orientation. As a process and activity, innovation is inseparable from the cognitive activity subject that determines its orientation in numerous cases. Analyzing three levels of knower’s existence i.e. individual, collective and social (within the meaning of social entity) on individual level the subject appears to be a researcher, scientist, who performs cognitive, educational, exploratory activity. On the collective level the knower is examined in socio-historical context, and not only in respect of personal psychological positions. Here the knower is drawn as a professional group, community, team where the general activity of scientists develops into collective activity. The notion “academic community” is a system-forming notion, accumulating the standard-value nature of intellectual work of similar communities. On the social level the knower is considered as an integral social organism and separate scientists and academic communities are considered to be its individualized organisms (functions) [5].

Innovations in education are the kind of socially necessary creative activity, without which social processes in Ukraine can’t be performed productively. Tendencies and perspectives of development of the higher education are connected to technologies that contribute to formation of knowledge, its management, its distribution, access to it and control over learning of it. Solving these tasks requires changes in the approaches to training the specialists on the higher level of education and usage of new models of learning. Nowadays, however, approaches, connected to development of critical thinking and human creative abilities gain the highest significance.

Notions “innovation” and “tradition” in education are closely related and it’s possible to study this correlation from different sides. On one side, the traditional work

method can be considered as the basis of any innovation, and on the other side following it may cause certain difficulties or even completely block the way of formation of innovation. There also exists the third way, when innovation, being recognized worldwide, can transform into tradition. Innovative education as a whole is a principle of appropriate usage of potential opportunities of the known elements in the system of academic activity. Innovative approach in education is determined not through the usage of certain model, but through the ability to design and imitate academic activity in higher education institutions applying new educational technologies such as the system of distance education, webinars, modular education and so on.

In modern conditions the whole world recognizes the growing significance of knowledge and education for the individual and for society as a whole. A specific task is set for the higher education as the most important element of the human resources development for the country and the world in particular [4, p. 35]. The higher education allows the formation of individual potential and development of analytical skills that assist to promotion of national economy. Knowledge nowadays is one of the main production factors and accumulation and usage of knowledge gains more and more significance as the main competitive advantage of the country. Thus it's recognized that the education level, range and the degree of usage of obtained knowledge will become the determinative factor for individual and state in accessible future.

As noted by V. Kremen, "all-human" is the word, introduced by F. Dostoevsky. It stood for the individual, who unites properties of different people (including representatives of different nations, cultures, psychological types). "All-human" unites sublime and unfavorable, good and evil, holy and sinful, angelic and beastly, all the polarities of human character and everything that fills the "space" between all this. But because of the development of computer and biogenic technologies the notion "all-human" gains the new meaning: nowadays it is integral, naturally-artificial creature that unites peculiarities of universal machine and the peculiarities of human being. To understand this means to understand the modernity and the individual departing from "regularity". We understand the process of computerization as the delegation of human functions to the machine. Other understanding is also possible: the history of civilization as a process of machine hominization from the wheel and the lever to computer, and then to the anthropomorphic robot that "can" think. The more human functions are delegated, the more anthropomorphic it becomes. In this regard human being rather than disappear or lapse, overcomes oneself, transcends the borders of the biospecies, perceives and transforms the world in the ranges previously accessible for machines only (microscope, video camera, space rocket and so on). The main idea of the new era is coalescence of brain and the Universe, technics and organics, creation of thinking machines, working atoms and quanta of sense-conductive physical fields, bringing all the everyday processes to the speed of the thought. After every "post-" grows "proto-"... [6].

G. Selevko notes that the innovative activity experience of Ukrainian higher education institutions proves their ability to adapt to market requirements and to produce innovative productions which is demanded using results of this production to improve educational and scientific work. Nowadays the formational process of educational-scientific-innovative complexes, akin to "silicon valley", which are aimed to provide the integration of HEI with a real economic sector for solving socio-economical problems of regions and realization of federal, target and industry-specific innovative programs, connected, initially, to technological development of economical industry sectors is going on in many regions [12, p. 250].

Today is the period of changes in the system of human communication. Philosophical, sociological and cultural studies show that the nation, especially youth, read little. It is believed to indicate the spiritual degradation. From the other side, however, it can be associated with innovative thinking, demands of innovative activity, with the entry into computer information age, with the problem of new ways to get information. The changes taking place in the system of education are a part of a wider process – the transformation of socio-cultural and economical factors of humanitarian sphere of modern society. In this regard, it is clear that the transformation of the system of edu-

cation and reformation of national higher education as a whole should take place in the context of global innovational processes, not only in education but also in the minds of its subjects. Distinctions with the realities of the present, arising as a result of the traditional approach to determining the content, structure and sociocultural orientations of professional pedagogical training of teachers of higher education require significant adjustments in the management of training at the methodological level, which inevitably leads to the necessity of designing and constructing a model of training specialists of higher school in anthropological terms.

Humanocentrism is very important for innovative activity and innovative thinking. The concept of humanocentrism is a requirement of the time. The danger of total alienation of human and hominal arises. In fact, humanocentrism is aimed at preservation this balance. And in this aspect the reorientation of education should be directed. It should prepare innovative person able to meet the challenges of the XXI century. This is the age we live, and that daily reports on new discoveries. It is a time of constant changes which individual should be prepared to face. And it is on formulating of innovative individual with innovative thinking society should work. As was said by V.Kremen - "... the future is on individuals who think actively and who will be able to inbuild into artificial intelligence" [6].

Neoliberalism is usually considered in the context of economics and political science, but we think it is necessary to turn to understanding social concept of neoliberalism within the bounds philosophy. Like any accomplished philosophical system, neoliberalism provides answers to the common eternal questions "Why am I here?", "What is my purpose?", "How do I live?". The answer is the following: we are here for the market, and we live in a competitive environment. Everyone runs their lives. Choice of friends, hobbies, partners aims to benefit, to catch fancy of future employers, etc. This is the ethics of neoliberals. Similar sentiments are observed and can be seen among the ambitious youth in Ukraine, and although such social actions are not necessarily based upon the monetarism, they demonstrate the intrusion of market principles in non-economic life spheres of the individual.

Neoliberalism leads to expansion of the market in time and space. Although market economy existed for centuries, liberalism finds new areas for commercialization and creation of markets. Neoliberals view the world as a market, and nations stand for the subjects of homemaking. This market metaphor applies not only to the nation but also for cities and regions. In neoliberal regional policy cities "sell themselves" on the national and global town market, they can be seen as a certain product or a component of "national companies". Of course, cities in real life cannot be a commodity as cannot be firms, that is why neoliberalism appears not as an economic reality, but as a set of worldview philosophical positions, beliefs and attitudes. Neoliberal philosophy has a significant impact on the political attitudes of countries, thus neoliberal lobby is represented by the Lisbon Council, although its members view the world as trading blocs that compete with each other rather than cities and regions competing with each other.

Neoliberalism as the direction of political economy arises from the 1930s of the twentieth century and reaches the largest development in the late 1980s – 90s. Basic theoretical concepts developed in the works of the founders of the 3 schools – Chicago (M. Fridman), London (F. von Hayek), Freiburg (V.Oyken, L.Edhard). Thus, in the book "Capitalism and Freedom" M. Fridman expresses the idea of limiting government intervention in the economy and the relationship between economic and political freedom, privatization of education and the system social services, the creation of a contract army, and so on. These ideas became the basis for liberal reforms carried out in recent decades in many countries in the world [13]. Unlike liberalism, neoliberalism does not completely deny the social institution of government regulation of the economy but considers free market and unlimited competition as the main mean of providing progress and achievement of social justice, which is possible only if the country's economic grow, which is measured by gross domestic product. Neoliberalism emerged as an opposition to the development in the mid-twentieth century ideas of social liberalism that predicted social co-operation and protection, combining competition with government regulation and social programs.

Neoliberalism has led to a new social concept that is based on a market interpretation of all types of social ties. Every individual is treated as a free businessman who organizes his life as an enterprise, and social interaction as a kind of contract (act of purchase and sale). All forms of relationships, including relationships with staff or family members are considered as types of submarket competition. The existence and functioning of the market is characterized by self-worth, regardless of the impact on the production of goods and services, and the laws of functioning market structures create the fundamental basis of business ethics.

Predictions about the prospects of modernization of education of Ukraine foresees further development of globalization processes, which will be accompanied by the liberalization of international economic displacement, intensification of work of transnational corporations and deepening of complex international economic, cultural, educational and political ties. The result of these processes will be the level increase of internationalization of economic life, in the first place the increase of the internationalization level of markets of products (goods and services), markets of production factors such as capital and technical information in a broad sense. Will develop the internationalization of international organizations and institutions, that will be displayed in the process of education and in establishing the individual of a new type, so called "market personality" or "homo economicus". This is the exact type of person we equate to an innovative individual with innovative thinking, inseparable from the so-called postmodern situation. This problem is related to changes in social identities, meanings of economic and cultural progress of our life. In the terms of postmodern contemporary society has replaced the industrial one. Computerization, technetronic technologies, sensational discoveries in science, medicine, radical transformation of the Information Space qualitatively changed all spheres of life of society, which of course requires a new understanding and changes for strategies in thinking. This is the era of new spirituality, new culture, and new innovative education.

New ontological virtual existence environment goes beyond the usual dimensions, affecting all organs of senses, the mind and thoughts of Ukrainians. These changes in the broad features of postmodern era can be comprehended only from the standpoint of innovative approach. The problem of corresponding of modern education to these challenges of new era faces the conservatism that is peculiar to some educational aspects. Thus, an innovative individual today must be consistent and combine the peculiarities of the universal machine with the peculiarities of the human being. To understand this means to understand the modernity and the individual departing from "regularity". That's what is included in the concept of the "death" of man and at the same time the formation of a new spirituality. This understanding must permeate educational programs, theoretical thoughts, socio-political and cultural projects. The question arises if this potentially "ubiquitous" and "always existing" individual remains human in the same sense? After significant breakthroughs in electronics, computer science, genetics, biotechnology, microtechnology it becomes clear that we do not live at the end but at the very beginning of a new historical era. In conditions of modern educational changes the most important factor in the development of the personality of professional is the understanding the need for change in their outlook and personal assessments. European integration processes, developing now at all levels of social relations led to an objective process of finding a new type of relationship between people neohumanism, axiologisation of the status of the person in the world that surrounds it.

Bibliography

1. Vakarchuk I. Vyshcha osvita Ukrainy – yevropeyskyi vymir: stan, problemy, perspektyvy: Dopovid Ministra osvity i nauky na pidsumkovii kolehii Ministerstva osvity i nauky 21 bereznia 2008 r. / I. Vakarchuk // Osvita i upravlinnia. – 2008. – T. 11. – S. 6–20.
2. Dzvinchuk D. Osvita v istoryko-filosofskomu vymiri: tendentsii rozvytku ta upravlinnia [monohrafiia]. – K. : ZAT "Nichlava", 2006. – 378 s.
3. Zvit Heneralnoho Sekretaria OON u vidpovidnosti iz Zaiavoju, pryiniatoiu na zustrichi kerivnykiv uriadiv Rady Bezpeky 31 sichnia 1992 roku «Prohrama myru: preventyvna dyplomatiia, myrotvorcha polityka ta polityka, spriamovana na pidtrymannia myru». (U.N.GAOR, 47th Sess., I 17, U.N.Doc. A/47/277-S/24111 (1992))

4. Klaryn M.V. Innovatsionnye modeli uchebnogo protsessa v sovremennoi zarubezhnoi pedagogike [avtorefer. dys.....doktora ped. nauk: 13.00.01]. – M., 1995. – 47 s.
5. Kremen V. H. Osvita i nauka v Ukraini – innovatsiini aspekty. Stratehiia. Realizatsiia. Rezultaty. – K.
6. Kremen V. Maibutnie – za indyvidamy, yaki aktyvno mysliat, yaki zumiut umontuvatysia v systemy shtuchnoho rozumu. [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: http://dt.ua/EDUCATION/vasil_kremen_maybutne__za_individami,_yaki_aktivno_mislyat,_yaki_zumiyut_umontuvatysia_v_sistemi_sh-50461.html
7. Kutsenko V.I. Ekonomika osvity: [navch. posib.]. – K. : Milenium, 2003. – 105 s.
8. Nikolaienko S.M. Osvita v innovatsiinomu postupi suspilstva. – K. : Znannia, 2006. – 207 s.
9. Nikolaienko S.M., Teslenko V.V. Yakisna osvita – zaporuka samorealizatsii osobystosti : [nauk. vyd.]. – K. : Ped. presa, 2007. – 176 s.
10. Ohnev'iuk V. O. Osvita v systemi tsinnosti staloho liudskoho rozvytku. [Elektronnyi resurs]. – Rezhym dostupu: <http://www.psyh.kiev.ua>
11. Sbruieva A. A. Tendentsii reformuvannia serednoi osvity rozvynenykh anhlomovnykh krain v konteksti hlobalizatsii (90 – ti rr. KhKh – pochatok KhKhI st.): [monohrafiia]. – Sumy : VAT "Sumska oblasna drukarnia"; Vyd-vo "Kozatskyi val", 2004. – 500 s.
12. Selevko G.K. Sovremennye obrazovatelnye tehnologii [uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh vuzov i institutov povysheniya kvalifikatsii]. – M. : Narodnoe obrazovanie, 1998. – 256 s.
13. Frydman M. Kapytalizm y svoboda // Per. s anhl., M.: Novoe yzdatelstvo, 2006. – 240 s. (Byblyoteka Fonda «Lyberalnaia myssia»)
14. Claire Turenne Sjolander. The Rhetoric of Globalization: What's in a Word? 51 Int'l, 1996. – J. 603 – 604.

© Petinova O. B.

УДК 316.32

К ВОПРОСУ О СТОЛКНОВЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СВЕТЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Н. А. Бутенко

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

TO A QUESTION OF COLLISION OF VARIOUS TYPES OF CIVILIZATIONS IN THE LIGHT OF GEOPOLITICS

N. A. Butenko

Surgut State University, Surgut, Russia

Summary. Object of geopolitics a science is the planetary space, geopolitical processes and the phenomena in the world community as to system. The author considers geopolitical approach in relation to modern processes of globalization and quite real collision of civilizations of different types.

Key words: civilization; geopolitics; new world order; civilization status; globalization.

Тема геополитики в последнее время приобрела столь актуальный характер, по-видимому, в связи с обострением межкультурных конфликтов в мире. Прежде чем попытаться выявить сущность межкультурных противоречий, мы обратимся к основным принципам геополитики. Базовые принципы геополитики были сформулированы немецким географом Ратцелем, шведом Р. Челленом, англичанином Х. Макиндером, американцем Мэхэмом, французом Видалем де ля Блашем и немцем К. Хаусхофером [3, с. 444]. Геополитический подход возник во второй половине XIX века. Объектом геополитики как науки является планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе как системе. Само понятие геополитики многозначно, поэтому при его использовании часто смешиваются смысловые значения. Тем не менее можно выделить три основных аспекта использования данного понятия в современном мире [4, с. 6–7]. Во-первых, оно характеризует ту или иную идеологическую доктрину, обосновывающую наступательное или оборонительное направление международной политики национальными или блоковыми интересами в жизненном пространстве. Во-вторых, понятие геополитики характеризует конкретно-исторический тип международных отношений эпохи передела мира, уже в основном завоеванного и освоенного старыми державами, практическую стратегию международной политики народов и государств новейшей истории. В-

третьих, понятие геополитики означает новую формирующуюся исследовательскую дисциплину.

Как теоретико-методологический подход к общественно-историческому развитию геополитика дополняет формационный и цивилизационный подходы. Она глобализирует цивилизационный подход и ещё более гипертрофирует пространственное измерение.

Геополитика возникла на базе трех учений: цивилизационной теории культурно-исторической школы (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.), военно-стратегического (Н. Макиавелли, К. фон Клаузевиц, А. Мэхен и др.) и географического детерминизма (Полибий, Аристотель, Жан Боден, Ш. Монтестье, К. Риттер, Ф. Ратцель и Р. Челлен и др.)

Геополитическими мыслителями из наследия цивилизационной теории был воспринят принцип «зоны влияния одной цивилизации», получивший в геополитике название «большого пространства». Военно-стратегические теории внесли идею ключевых пунктов и зон, позволяющих контролировать значительные территории потенциального противника. Наиболее существенное влияние на геополитические взгляды оказали концепции географического детерминизма, то есть идеи о том, что на общественно-историческое развитие существенное влияние оказывает географический фактор. Например, Ф. Ратцель считал, что интересы народов определяются географическим положением, климатом и почвой, а государство – это живой пространственный организм. Пространство он рассматривает как «непрерывное тело» этноса. Характеристики же государства развиваются из характеристик народа и «почвы» [5, с. 51]. Следовательно, он тесно связывает понятия «этнос» и «государство» с пространством.

Р. Челлен разделял точку зрения Ф. Ратцеля, что государство и «почва» едины, но называл одним из признаков государства народ со своими национальными (этническими) характеристиками [5, с. 55]. На наш взгляд, во всех геополитических теориях понятие «этнос» как таковое теряется. Этноты или народы выступают в качестве признака государства, или о них вообще не ведется речь.

В основе геополитики лежит противостояние двух типов цивилизаций, предопределенных географическими категориями. С одной стороны, идет речь о «талассократических», морских цивилизациях, связанных с островным или береговым типом существования, мореходством и торговым строем: Карфаген, Афины, Португалия, Британская империя, в современном мире – США; в первой половине XX века сюда включались западные страны с республиканско-демократическим режимом, после 1945 года – либерально-демократические режимы и страны НАТО. С другой стороны, существует теллуократическая цивилизация – континентальная, авторитарная, сухопутная: Рим, Спарта, Византия, позже Россия. Эта территория называется также Heartland, или «сердцевинная земля». Между Heartland и морской цивилизацией расположены береговые зоны – rimland. За контроль над ними ведется стратегическая борьба этих двух типов цивилизаций. В основе геополитических воззрений лежит принцип «географии как судьбы». Англосаксонские геополитики самой большой опасностью для собственных стран считали перспективу русско-германского геополитического и стратегического альянса, т. к. он мог сильно укрепить мощь двух континентальных держав. Германские геополитики, в частности Хаусхофер, также приходили к аналогичным выводам, предлагая создать «континентальный блок» по оси Берлин – Москва – Токио [3, с. 445].

П. Савицкий впервые разработал полноценную и развитую теорию специфической русской геополитики, в которой отмечает, что Россия – Евразия есть «месторазвитие», «единое целое», «географический индивидуум – одновременно географический, этнический, хозяйственный, исторический ландшафт» [9, с. 282]. Нужно отметить, что Савицкий рассматривает геополитику не только с географических позиций, но и в контексте историософских теорий, в контексте специфики русско-евразийской культуры.

Именно такого взгляда на развитие цивилизаций не хватает в других геополитических теориях. Так, в геополитической концепции А. Г. Дугина [4, с. 85] не

особенно-то учитывается капитальное значение культуры, фактически он склонен на первое место ставить борьбу за выживание в современном мире. А. Дугин в этом плане отводит решающую роль заключению адекватных геополитическому положению страны военно-политических союзов, имеющих целью в случае Евразии создание своего рода евразийской империи. Он считает, что собирание под эгидой России империи на территории Евразии должно идти по трем направлениям: 1) Москва – Берлин; 2) Москва – Тегеран, т. к. откроется выход России к Индийскому океану; 3) Москва – Токио, т. к. Япония и США потенциальные враги, а США – общий враг всех государств, расположенных на территории Евразии. Дугин отстаивает точку зрения, что лишь в результате объединения по этим трем направлениям Россия сможет отстоять свою цивилизацию.

На наш взгляд, рассматривая данные три стратегических направления в политике России, необходимо учитывать, что каждая из взятых стран преследует свои интересы. Очень сомнительно, чтобы Германия в качестве страны, принадлежащей к теллуократической цивилизации, пошла бы на конфронтацию с западными странами, в том числе и США, как со странами противоположной – талассократической (морской) цивилизации. Как показывает исторический опыт, все происходило как раз наоборот: и Германия, и Россия неоднократно были в состоянии войны, а не союза. Нужно также учесть, что Германия принадлежит к западной культуре. Как указывалось, именно западному, или, говоря словами Н. Я. Данилевского, романо-германскому «культурно-историческому» типу свойственна агрессивность в отношении других цивилизаций. Поэтому такой стратегический союз Германии и России вряд ли возможен, учитывая, что Россия принадлежит к оборонительному типу цивилизации. Япония также имеет свои претензии к России в отношении островов, которые она предъявляет уже много лет. И как показывает прежний и новейший опыт международной политики, от этих претензий она отказываться не собирается. Япония принадлежит к восточному типу культуры, Россию же мы не можем отнести лишь к этому культурному типу. Что же касается Ирана, то, конечно, у русской культуры есть древние корни общности с иранской культурой в силу наследственной принадлежности последней к индоиранской, а первой – к индоевропейской языково-культурной общности. Но само по себе это родство является даже менее близким, чем культурное родство с западноевропейскими странами. В конце концов Иран ведь сформировался как культура Востока. В современном мире более показательно, что Иран как раз особенно отчетливо противопоставляет себя Западу, особенно США. Но ведь еще совсем недавно Иран резко противопоставлял себя и России, и пусть и не столь резко, но это противопоставление продолжает действовать и ныне.

Таким образом, опираться только на геополитическую позицию, рассматривая противостояние двух типов цивилизаций – морской и континентальной, при этом не учитывая исторический опыт развития стран, входящих в эти цивилизации, и их культуру, нам кажется неправомерным. Геополитическая концепция не дает внутренней картины цивилизации, а показывает внешние взаимоотношения Евразии – России с другими цивилизациями. Необходимо отметить, что концепция евразийцев может служить дополнением к геополитической концепции, так как в ней рассматриваются различные элементы, составляющие суть евразийской цивилизации: географическое положение, способ материального производства, культура и другие.

П. Савицкий отметил следующую особенность Евразии: если «мозаично-дробное» строение Европы и Азии содействует возникновению небольших замкнутых, обособленных мирков (малых государств), то в Евразии бесконечные равнины, смена зон степей, лесов, рек, озер приучают человека к постоянной миграции, поэтому этнические и культурные элементы пребывают в интенсивном взаимодействии [9, с. 301]. Следует констатировать, что мы рассматриваем российскую цивилизацию как евразийскую и именно с этих позиций оцениваем ее место в мировом сообществе. Россия характеризуется в качестве евразийской цивилизации с определенного исторического периода, когда она становится центром Евразии.

С позиций классической геополитической доктрины историю человечества следует рассматривать как последовательную смену геополитических эпох или геополитических силовых полей особых конфигураций. Каждая геополитическая эпоха имеет свой баланс сил, зоны влияния, границы. Например, классики геополитики считают, что основные принципы мировой политики были заложены еще Вестфальской системой международных отношений (1648) после окончания Тридцатилетней войны. С этого времени европейская история начинает превращаться в мировую. Главными центрами в Европе становятся Испания, Португалия, Голландия. Затем в борьбу за раздел мира вступают Англия, Франция, Швеция. Следующая, вторая геополитическая эпоха – Венская, закрепленная Венским Конгрессом (1814–1815). В основе этой эпохи был, согласно геополитическим взглядам, принцип контроля географического пространства. Мировыми центрами силы стали, как считается, Российская и Австро-Венгерская империи, Британская колониальная империя и колониальная империя Франция (формально остававшаяся республикой). Были созданы два военных союза для передела сфер влияния: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанта (Англия, Франция, Россия). Третья, Версальская, эпоха кардинальным образом изменила геополитический расклад сил. После поражения в Первой мировой войне (1914–1918) Тройственного союза пальма первенства континентальной державы отошла Франции, а морской – Англии. Вторая мировая война похоронила Версальский мир. СССР создал впервые вокруг себя мощный геополитический блок и принял всю тяжесть войны на себя. Четвертая эпоха, Потсдамская, начинается с 1945 года. Эта эпоха утвердила вместо многополярного биполярный мир: СССР с его союзниками, представляющими континентальную силу, и США с их союзниками, представляющими морскую силу. Противостояние этих двух блоков шло на грани балансирования между «холодной» и ядерной войнами. Пятая эпоха – Беловежская. С разрушением СССР биполярная структура мира завершила свое существование. Новая геополитическая система опирается на новый мировой порядок, в котором России нет места как великой мировой державе. Новый мировой порядок диктуют западные страны во главе с США.

С конца 60-х годов в результате процессов глобализации развивается миросистемный взгляд на человеческое сообщество, который в полной мере вписывается в геополитическую эпоху «нового мирового порядка». Миросистемный подход, который можно рассматривать в рамках геополитического, отличается от цивилизационного глобалистским видением современного человечества, пониманием его как взаимосвязанной общности, формируемой через взаимодействие разных хозяйственных и политических структур. Авторами этого подхода являются Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Г. Франк и др. С точки зрения миросистемников, мир – это не совокупность стран или обществ, а некая историческая система, мироэкономика, основанная на разделении труда.

Западная миросистема состоит из ядра, периферии и промежуточной зоны – полупериферии. Ядро – это зона, приобретающая прибыль (Запад), а периферия – зона, теряющая прибыль. В качестве постоянно расширяющейся периферии выступали такие страны, как Турция, Китай, Индия, Япония, другие страны Юго-Восточной Азии. Думается, что миросистемный подход отражает одностороннее видение мирового процесса, так как во главу угла ставятся организация производства, обмен товарами и защита ресурсов. Редукции подвергается ценностная и познавательная проблематика таких человеческих общностей и структур, как этнос, нация и цивилизация, которые рассматриваются как функции миросистемных отношений, то есть они являются формами разделения труда и организации отношений обмена [8, с. 533].

Геополитический подход в целом, по-видимому, остается еще достаточно проблематичным для объяснения общественно-исторического развития. Несмотря на усиливающиеся в мире глобальные процессы, ведущие к единообразию мировой экономики и культуры, сохраняется самобытность малых и больших куль-

тур, происходят процессы «этнического возрождения» в разных регионах мира, а также устойчиво существует самобытность разных цивилизаций.

Э. Гидденс определяет современный мир как систему, структурными элементами которой являются риски, создаваемые человечеством. Современные риски обусловлены процессом глобализации [1]. Одним из таких рисков становятся межцивилизационные конфликты.

С. Хантингтон выдвигает концепцию «столкновения культур», интерпретируя глобализацию как «процесс столкновения цивилизаций» [11, с. 17–27], а Ф. Фукуяма заявляет, что результатом этого процесса может стать «конец истории», когда весь мир станет однородным [10]. Причем в цивилизационных конфликтах будут использованы не только средства, которые стали традиционными в период «холодной войны», т. е. экономические, психологические, информационные, но будут обязательно востребованы и военные средства. Хантингтон предвидит, что агрессия западной цивилизации побуждает все остальные цивилизации в перспективе занять консолидированную круговую оборонительную позицию по отношению к Западу. Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?» (1990 г.) предсказал, что после падения коммунизма в СССР можно считать весь мир устроенным по модели Запада. Он полагал, что мысль Гегеля о способности абсолютной идеи найти воплощение в реально существующем социальном устройстве сейчас, наконец, находит подтверждение своей глубины – в образце «западной демократии» как абсолютном и универсальном. Фукуяма с уверенностью утверждал, что конец истории уже наступил, т. к. отдельные детали, не вписывающиеся в абсолютно совершенную западную модель общества, настолько несущественны, что сами собой притрутся к готовому образцу. Но уже в 1995 году его мечтания о торжестве Запада сменяются тревожной статьей «Войны будущего», которая стала откликом на книгу Хантингтона. Он подтверждает тезис Хантингтона о возможной необходимости применения военных средств для утверждения доминирующей роли Запада в современном мире, хотя, с его точки зрения, конфликты будут носить не межцивилизационный, а межгосударственный (и / или внутригосударственный), т. е. локальный характер, если Запад постарается удерживать конфликты в этих рамках. Самую большую опасность для Запада он видит в России с ее «квазидемократией» и в Китае. Запад, Россия и Китай – это три великие цивилизации современности. Война одной из них против двух других не может не втянуть в свою орбиту все остальные цивилизации мира. Следовательно, в современном мире на передний план выходят всё-таки межцивилизационные противоречия, вопреки точке зрения Фукуямы [10]. С позиций С. Хантингтона, именно межкультурные различия, противостояние вероисповеданий выступают главными причинами цивилизационного разлома между Западом и другими цивилизациями [11, с. 281–297].

На наш взгляд, предсказания Хантингтона и Фукуямы не являются столь уж абсурдными, исходя из современной геополитической обстановки. Следует отметить, что действиями какой-либо цивилизации всегда руководит определенная «цивилизационная идея», в которой выражается суть национального самосознания. Поэтому столь важно сегодня для России в ситуации ее всестороннего кризиса осознание ее действительного цивилизационного статуса. Россия оказалась в зависимости от Запада. Поражение СССР в «холодной войне» привело к разрешению прежней, сложившейся после второй мировой войны, формы мирового геополитического равновесия, поддерживающегося существованием двух мировых систем: социализма и капитализма. США, стоящие во главе нынешнего западного мира, одержав победу над «коммунистическим блоком», стали претендовать на роль единственного центра силы, призванного доминировать над миром. Это обстоятельство изменяет и по-новому организует конфигурацию межцивилизационных напряжений.

В настоящее время российская евразийская цивилизация находится в состоянии кризиса. Борьба двух мировых систем – социализма и капитализма – закончилась крахом мировой социалистической системы, в первую очередь – СССР.

Но борьба этих двух систем – это одновременно и борьба двух цивилизаций: евразийской цивилизации России-СССР и западной цивилизации.

Действительно, в настоящее время происходит разбалансирование российской цивилизации. Причинами такого разбалансирования, на наш взгляд, служат беспрецедентное вмешательство Запада во внутрироссийские дела, а также прозападническая политика, проводимая на протяжении всего постсоветского периода. Крах СССР расценивается многими западными идеологами и политиками (С. Хантингтоном, Ф. Фукуямой и др.) как победа в «холодной войне». Следствием этой победы капитализма над коммунизмом является, согласно их представлениям, переход России к капитализму. Такой переход сейчас происходит, но осуществляется он варварскими методами и с ужасными последствиями для народа. Достаточно указать на то, что в результате такой капитализации за чертой бедности (по социологическим данным 1998) года оказались 25–45 % населения Российской Федерации [6, с. 449]. И это явление становится нарастающей тенденцией.

Слепая вера в научно-технический прогресс и западную демократию, в их способность решить любые проблемы общества в конечном итоге оборачивается дорогой в никуда и забвением культурного своеобразия своей страны. Если она пытается найти собственный путь в общем потоке обновления, в так называемом мейнстриме, то поиски оборачиваются приостановкой, задержкой в пути, а потом и отставанием. В частности, Россия, пытающаяся двигаться «особым путем», вот уже три века интенсивно догоняет Запад – и отстает от него всё больше. Сегодня специалисты вынуждены говорить о том, что Россия движется во втором эшелоне модернизации. Российская евразийская цивилизация должна осознать свой особенный путь развития, отличный от западного. Формирование такого цивилизационного самосознания является жизненно важным, так как вопрос, повторим, стоит вообще о возможности существования нашей цивилизации. Те идеологи, политики, которые призывают направить усилия «на занятие места и закрепление на уровне полупериферии» [7, с. 16], оказывают «медвежью услугу» России, так как она окажется на задворках западной цивилизации. Также нельзя согласиться, например, с Н. С. Розовым в том, что «евразийская цивилизация является дочерней по отношению к классической Греко-Римской цивилизации, соответственно «сестрой» Западной цивилизации» [7, с. 24]. Суть евразийской цивилизации в том, что она не просто преемница Византии, которая в свою очередь была преемницей греческой цивилизации, но она преемница и азиатской монголо-татарской цивилизации. Как русский этнос, так и в целом евразийско-российская цивилизация сформировались в результате симбиоза различных этносов и их культур, переплетения как православной, так и неправославных культур народов Евразии. Каким образом отразилось это переплетение в самосознании российских народов, вопрос, требующий отдельного рассмотрения.

Итак, в современном мире ни одно государство или нация не могут существовать, не осознавая свой цивилизационный статус. Современная геополитическая ситуация, по-видимому, складывается так, что на первый план на мировой арене выходят межкультурные отношения. Запад инициирует создание ситуации, в которой эти отношения носили бы, как правило, конфронтационный характер. Становится уже вполне очевидным, что достижение Западом провозглашенной им основной цели – установления так называемого «нового мирового порядка», который является частью глобализации, – предполагает торжество «западной демократии» в смысле господства западной цивилизации во главе с США над всем остальным миром.

Библиографический список

1. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
2. Добренков В. И., Кравченко А. И. История зарубежной социологии. URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/dobr (дата обращения: 25.04.2013).
3. Дугин А. Евразийский триумф // Савицкий П. Континент Евразия. – М. : Аграф, 1991. – 464 с.
4. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997. – 567 с.

5. Нартов Н. А. Геополитика. – М. : Единство. Издательство политической литературы, 2002. – 426 с.
6. Осипов Г. В. Социальное мифотворчество и социальная практика. – М. : Норма, 2000. – 542 с.
7. Розов Н. С. Национальная идея как императив разума / Н. С. Розов // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 67–79.
8. Рудометов В., Робертсон Р. Глобализация. Миросистемная теория и сравнительная теория цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия. – М. : Аспект-пресс, 1999. – 556 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия. – М. : Аграф, 1997. – 464 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. – М. : Аспект-пресс, 1995. – 350 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 34–52.
12. Хантингтон С. Третья волна демократизации. – М., 1991. – 324 с.

© Бутенко Н. А.

УДК 1:3+32.001

ИССЛЕДОВАНИЕ АВТОРИТАРНОГО АСПЕКТА ЕВРОПЕЙСКОГО НЕОИМПЕРИАЛИЗМА

В. В. Вялых

**Оренбургская государственная медицинская академия,
г. Оренбург, Россия**

RESEARCH OF AUTHORITARIAN ASPECT OF THE EUROPEAN NEOIMPERIALISM

V. V. Vyalyh

Orenburg state medical academy, Orenburg, Russia

Summary. In article process of formation of new political identity of Europe is considered. The author investigates occurrence of the European neoimperialism in an istoriko-political context of second half of XX-th century, showing its consequences for the developed system of the international relations.

Article purpose – to show causes and effects of strengthening of imperial tendencies in the European policy, economic and political consequences of this process.

Key words: neoimperialism; antiamericanism; consocial democracy; political networks.

Мировой финансовый кризис 2008 года не только продемонстрировал слабые места мировой экономики, но и подвел своего рода промежуточный итог под масштабным политическим проектом – Европейским союзом. Его характерными чертами являются неоимпериалистическая стратегия развития и авторитарная идеология.

Имперская стратегия развития была присуща Европе исторически. На вершине своего расцвета в 16 столетии габсбургская Священная Римская империя стремилась к всемирному господству. Вслед за габсбургами на более короткий период власть в Европе узурпировал Наполеон Бонапарт. Наполеоновская программа объединения Европы выглядит такой современной не только из-за того, что она написана на французском языке. Например, одной из целей Бонапарта было создание «валютного единства по всей Европе. Позже она заявил, что его кодекс общего права, система университетского образования и денежно-кредитная система превращают Европу в единую семью. Никто не будет покидать дома, путешествуя по ней» [6]. В Адольфе Гитлере с его устремлениями к европейскому господству вполне можно увидеть последователя Наполеона. Гитлер, в частности, высокомерно говорил в 1943 году о «кучке мелких наций», которые должны быть уничтожены во имя создания единой Европы. В связи с этим он упоминает, что «нацизм, в конечном итоге – это европейская идеология. А третий рейх – претензия на господство в Европе» [6]. Федеративную Европу нельзя считать национальным государством. Она строится на подавлении или на замещении концепции национальной самобытности. Акции федеративной Европы нередко направлены на формирование своего рода нации европейцев.

История европейского проекта восходит к замыслу ряда политиков континентальной Европы, государственных деятелей и мыслителей создать такую наднациональную структуру, которая сделала бы войны в Европе невозможными. С этой целью Францию и Германию необходимо связать друг с другом, сперва экономически, а затем политически. Основу первого этапа осуществления европейского плана интеграции – Европейское объединение угля и стали, учреждённое 18 апреля 1851 года, – заложили Жан Моне и Роббер Шуман. Этот план был затем провозглашен в знаменитой преамбуле Римского договора, подписанной 25 марта 1957 года, где была поставлена задача создания «еще более сплоченного союза». Но при этом, как отмечает М. Тэтчер, за созданием европейского государства стояло не просто желание предотвратить войны в Европе. Стремление к нему возникло намного раньше. Если национализм осуждают за притеснение национальных меньшинств, то наднационализм заслуживает еще большего осуждения, поскольку он предполагает подчинение целых государств [7].

Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) основывалось во второй половине 1950-х годов для создания союза между народами Западной Европы. Основатели ЕЭС рассчитывали, что европейцы должны на практике испытать преимущества сотрудничества перед соперничеством между европейскими национализмами, которое до этого, раз за разом, возвращало Европу к состоянию войны. В целом это предприятие оказалось на удивление удачным, хотя оно обрело организационные формы, которые основатели ЕЭС не могли предвидеть [9].

Прошедшие полвека нередко оказывались застойными в плане интеграционного развития. В первую очередь так можно определить двадцать лет (с момента «кризиса пустого кресла» в 1965 году, завершившегося Люксембургским компромиссом 1966 года, до первой половины 1980-х годов), которые принято поминать термином «евросклероз» [2]. Но наблюдались и периоды активного институционального строительства – например, вступление в силу Единого европейского акта (ЕЕА) 1986 года, обеспечившего условия для функционирования Единого внутреннего рынка (ЕВР), или Маастрихтского договора 1992 года, который заложил основы Экономического и валютного союза (ЭВС). Особое значение имело подписание в октябре 2004 года в Риме Конституционного договора, призванного отменить все прежние основополагающие договоры – в том числе и Римский договор 1957 года [6].

Успеху благоприятствовали условия, сложившиеся после Второй мировой войны. Экономика Западной Европы нуждалась в восстановлении, а идея интеграции давала такую возможность. В контексте «холодной войны», когда традиционные антагонизмы между западноевропейскими державами притупились вследствие ощущения общей для них советской угрозы, ЕЭС, созданное на базе Римского договора 1957 года, соединило в себе идеалы федерализма и практические шаги из области хозяйственной кооперации [3].

Процесс экономического и политического усиления Европы за последние 10 лет не только показал наличие альтернативы американскому политическому влиянию, но и продемонстрировал рост авторитарных тенденций в политике ведущих европейских стран. При том это в равной степени касается как политики внутренней, так и внешней. Прежде всего, это коснулось Греции, в помощь которой направили 85 млрд евро. Но эта помощь имела свою цену: Греция временно отказалась от собственной пограничной службы, теперь греко-турецкую границу охраняет Европейское агентство по охране внешней границы – Frontex. Это специальное европейское пограничное подразделение сил быстрого реагирования со штаб-квартирой в Варшаве было создано в апреле 2007 года. Область его ответственности – обеспечение безопасности границ ЕС с государствами, туда не входящими. Ирландия, также оказавшаяся в тяжелом положении после кризиса 2008 года, незамедлительно получила финансовую помощь от ЕС, но под очень высокую ставку – почти 6 %. Теперь многие финансовые аналитики полагают, что самостоятельно из критической ситуации страна не выпутается и ей придется поступиться суверенитетом [6].

Кроме того, расширение ЕС привело не к открытию его внешних границ, а лишь к их смещению. Новые рубежи Евросоюза остались практически столь же жесткими, что и прежние. Более того, кандидаты на вступление в ЕС были вынуждены стать инициаторами введения визового режима со своими восточными соседями и некоторыми другими странами. В 1999 г. на такой шаг пошла Словения, в 2000 г. – Чехия, Словакия и Румыния, в 2001 г. – Болгария, в 2003 г. – Польша и Венгрия; до конца 2003 г. льготы в отношении населения граничащих с ними территорий РФ отменили прибалтийские государства. Кроме того, кандидаты на вступление в ЕС и некоторые другие страны (включая Россию) подписали с Брюсселем соглашения о ремиссии нелегально проникших с их территорий в Евросоюз [2].

По мнению российского политолога А. Уткина, европейское стремление к международной независимости понятно: Западная Европа значительно больше, чем Соединенные Штаты, зависит от внешнего мира. Общая торговля с внешним миром у ЕС примерно на 25 % больше, чем у США, и вдвое больше, чем у Японии. Доля экспорта в германском ВВП равна 25 %. Доля экспорта в ВВП Франции и Британии – 18 %, Италии – 15 %. (Доля экспорта в ВВП США – 7 %) [8]. Другое мнение о европейском проекте высказывает М. Тэтчер. В работе «Искусство управления государством» она отмечает, что, во-первых, программы европейской интеграции не обязательно несут благо; во-вторых, желание осуществить грандиозные утопические планы нередко связано с серьезной угрозой свободе; в-третьих, попытки объединить Европу предпринимались и раньше, но не всегда завершались успехом [7].

Опираясь на взгляды классика американской социологии Ханны Арендт, американский исследователь А. Марковиц проводит различие между двумя возможными направлениями формирования новой идентичности ЕС. Первое он называет «паневропейским национализмом», второе – «постнационализмом». Именно второй путь, как он думает, приведет к появлению «принципиально обновленной Европы». Евросоюзу удобно оставаться на траектории «паневропейского национализма». Во всяком случае, признаки движения по этому пути просматриваются, и это выражается в трех основных моментах.

Во-первых, наряду с мощным экономическим фундаментом важным элементом лидерского потенциала Евросоюза является его *культурное и культурно-политическое влияние*, масштабы которого фактически сохраняют общемировой характер.

Во-вторых, это выражается в *военно-политическом измерении лидерского потенциала ЕС*. Целый ряд средних и малых стран ЕС имеют не очень многочисленные, но весьма хорошо оснащенные армии. Эти силы способны самостоятельно обеспечивать оборону национальной территории соответствующих стран и при необходимости вливаться в состав международных контингентов для решения миротворческих и полицейских задач среднего уровня интенсивности.

В-третьих, Европейский Союз эффективно использует на международной арене свой *организационный ресурс*: чиновники ЕС способны более умело использовать оргресурс, чем функционеры правительств крупных национальных государств, склонные к более «прямолинейным» методам отстаивания своих позиций [5].

Французский исследователь Жан Франсуа Ревель в своей работе «Одержимость антиамериканизмом. Ее действие, ее причины, ее целесообразность» отмечал, что «...именно европейцы сделали XX век наиболее черным в истории человечества, включая сферу политики и морали. Это они спровоцировали две мировые войны – катаклизмы, равных которым не знала история. Это они изобрели и воплотили в жизнь два режима, самых криминальных из тех, что когда-либо формировались в человеческом обществе...» [3]. В связи с этим необходимо сказать, что культурная уникальность Европы, являющаяся одной из основ ее политической стратегии, несет в себе источник таких серьезных проблем, как ксенофобия и национализм. В политике это прежде всего означает усиление позиций националистических партий подобно тому, как это произошло в ряде скандинавских стран в конце 2010 года. Так, по итогам парламентских выборов 20 из 349 мест

в шведском риксдаге (парламенте) получили радикальные националисты – партия «Шведские демократы» во главе с Йимми Окессоном. Их поддержали 5,7 % шведских избирателей. Это весьма серьезный показатель для партии, открыто предлагающей сократить иммиграцию из мусульманских стран на 90 % [2].

Шведские выборы подтвердили тенденцию к поправению общественной атмосферы, набирающую силу в Европе. Когда 10 лет назад в австрийское правительство вошла партия крайне правого популиста Йорга Хайдера, Евросоюз ввел санкции против страны-члена – Австрии. Сегодня подобные политические объединения добиваются успеха в одной европейской стране за другой, а кое-где и входят в правительство, но это никого не беспокоит. В марте этого года на местных выборах в Нидерландах победила ультраправая Партия свободы во главе с Геертом Вилдерсом, известным своей активной антимусульманской позицией [4].

По мнению российского политолога Ф. Лукьянова, часто подъем ксенофобии – отражение растерянности и неуверенности в будущем, которые испытывают европейцы перед лицом фундаментальных изменений в мире [4]. Основная причина – кризис проекта единой Европы, связанный с колоссальным внутренним дисбалансом после масштабного расширения Евросоюза, объединяющего сегодня 27 стран. Погрузившись в попытки отрегулировать собственный разросшийся механизм, Европа не успевает реагировать на внешние вызовы – экономические, политические, демографические. Количество приезжих превышает возможности по их интеграции в европейские общества, которые в то же время сталкиваются с проблемами старения населения и неблагоприятной структуры рынка труда. Принятие Конституции, нацеленной на создание единого целого из государств Европейского Союза, привело к появлению нового международного актора со своим министром иностранных дел и своей внешней политикой.

Высокий уровень неопределенности современной международной среды заставляет по-новому оценить достоинства и слабости европейской модели лидерства. Оно не носит «волевого» характера, но от этого не предстает менее целеустремленным и эффективным. Цели политики ЕС рассчитаны в большей мере на долгосрочную перспективу и в меньшей – на получение скорого выигрыша. Однако именно это позволяет Европейскому Союзу своевременно корректировать методы их достижения. Стратегия «мягкого лидерства» вызывает гораздо меньшее сопротивление среды и сопряжена с меньшим риском от попыток его нейтрализовать. В этом одновременно и ее слабость, и преимущество.

При этом европейский подход к лидерству может оказаться эффективнее американского. Проблема «волевого» (американского) лидерства заключается в том, что международное сообщество представляет собой сложную систему. Резкий слом статус-кво (смещение режима в стране «третьего мира», ракетные удары по базам террористов на территории какого-либо государства и даже интервенция в целях предотвращения или ликвидации гуманитарной катастрофы) могут иметь непредсказуемые последствия как для объекта этих действий, так и для силы, которая их предпринимает, и системы международных отношений в целом. На арену выходят факторы и силы, роль которых было сложно предвидеть, когда принималось решение о начале той или иной силовой операции. В этом – сложность, с которой сталкиваются Соединенные Штаты как лидер, стремящийся максимально «спрямить» путь к решению своих внешнеполитических задач. Главный риск, сопряженный с силовой политикой «опоры на собственные силы», – неопределенность [4].

В начале 2000-х гг. (время запуска европейского проекта) российский политолог А. Уткин предлагал три сценария развития ситуации подъема Европы. Согласно первому сценарию, процесс расширения Евросоюза замедлится, а потом прекратится. ЕС откажется от амбиции достижения позиций, равных США. В свою очередь, ослабление интеграции повлечет за собой утрату европейского интереса к глобальной (совместной) политике.

Согласно второму сценарию, процесс расширения ЕС продолжается, но идет с крайними трудностями – Европа превращается в структуру со многими уровнями, где поступательное движение сохраняется фактически лишь на верх-

нем уровне. Даже в этом случае избежать противоречий между двумя берегами Атлантики будет весьма сложно. Можно смело предсказать проявление сугубо культурных различий как на уровне элит, так и в контактах населения обоих регионов, результатом чего будет их взаимное отчуждение. И в этом случае ЕС будет роковым образом ослаблен в проведении глобальной политики. Но не откажется от достижения этой цели абсолютно.

По третьему сценарию, считает Уткин, Европа, несмотря на все трудности, превращается фактически в централизованную державу, способную отстаивать свои позиции в мире, осознающую, что она – единственный реальный и возможный соперник США. При реализации третьего сценария (формирование фактически нового огромного европейского государства) ЕС возобладает на континенте, а роль США резко ослабнет [9].

Сегодня очевидно, что развитие Евросоюза происходит по второму сценарию, а потому его политическую структуру можно охарактеризовать как *консоциальную*. В условиях консоциации политический процесс подчинен набору институциональных правил, призванных обеспечить соблюдение *консенсуса*. В демократическом устройстве такого рода нет места для политических партий, а Европейский парламент выступает, соответственно, как институт второго плана, не способный представлять европейский народ в силу отсутствия такового [5]. В случае ЕС консоциальная политическая структура означает политическое управление картелем национальных элит. Каждая из них располагает правом вето в отношении коллективно принимаемых важнейших решений. Правящие в отдельных государствах-членах элиты формируют широкие коалиции и активно ведут между собой разного рода переговоры [5].

Вместе с тем, по мнению исследователя М. Стержневой, у консоциальной организации есть серьезные недостатки. Во-первых, она не только строится на слабости соответствующего демоса, но и препятствует его последующему укреплению. Широкий спектр интересов внутри отдельных стран остается не представленным на наднациональном властном уровне. Таким образом, институциональная конфигурация ЕС в принципе весьма недемократична. Во-вторых, требование достижения консенсуса, ввиду множества разногласий между участниками, мешает в принятии решений [5].

Но эти недостатки могут компенсировать политические сети. Политическая сеть – сложное сочетание относительно стабильных, децентрализованных, неиерархических отношений, которые связывают разных по природе акторов (государственных и негосударственных). Они обмениваются ресурсами ради достижения общей цели. Политические сети имеют отношение к сфере взаимодействия между государством и обществом в условиях, когда жизнь дифференцируется и становится сложно, практически невозможно управлять общественными процессами прежними методами непосредственного государственного вмешательства – сверху вниз, не прибегая к взаимодействию с самим обществом. Важнейший ресурс, который в рамках политической сети государственные институты и квазигосударственные институты (вроде Комиссии ЕС) получают от разнообразных общественных представителей и лиц, выступающих в частном качестве, – это информация, необходимая для обеспечения эффективности управления [5].

Во-первых, сети обеспечивают наднациональные институты информацией относительно широкого круга национальных предпочтений и специфики национальных режимов хозяйствования, позволяя находить решения, которые устраивают подавляющее большинство участников. Во-вторых, их использует Комиссия, чтобы повлиять на отдельные правительства, если на каком-то конкретном направлении последние сопротивляются реализации общеевропейского интереса. В-третьих, участники сетей непосредственно задействованы в выполнении принятых европейских решений [5].

К тому же сети делают это успешно. Сеть в качестве модели политической организации предполагает нарастание гражданского участия в процессах принятия решений, возвращаясь к идеям «интегральных федералистов» или Прудона – о радикальной демократии. В их основе лежат представления о том, что власть

унитарного и иерархического государства с центром, обычно далеко удаленным от непосредственного жизненного мира граждан, скорее препятствует, чем содействует самораскрытию групп и индивидов. Средства мажоритарной демократии в крупных и гетерогенных обществах не могут решить данную проблему, в силу чего считается необходимым предоставить широкие права населению на местном и региональном уровне в тех отраслях политики, которые имеют для людей непосредственное значение [5].

Политические сети способны к выполнению двух функций: агрегативной и интегративной. При агрегации интересов все участники политического процесса действуют, ориентируясь главным образом на собственную выгоду. Принимаемые в итоге решения отражают результат заключаемых между ними стратегических альянсов и сделок. Политические акторы стремятся при этом к достижению компромиссов только между своими потенциальными сторонниками, пытаясь нащупать парето – эффективное состояние, при котором выгоды от принимаемого решения, достигаемые в пользу каких-либо групп интересов, не сулят серьезного ущерба благосостоянию других. Если же сеть выполняет интегративную функцию, то акторы в ней выступают как попечители общего блага. Они артикулируют коллективные устремления и формируют новое, разделяемое всеми значимыми группами в обществе понимание общего блага [5].

В то же время европейские сети позволяют сознательно приходить к коллективным решениям, несмотря на различия в целях участников. Они основаны на коммуникации и взаимном доверии и нацелены на достижение общего результата. Важно также, что сети побуждают участников европейского политического процесса изменять ожидания. Когда сведение воедино первоначальных интересов участников на основе консенсуса оказывается невозможным, сети позволяют выйти из тупика за счет обсуждений на основе рационального рассуждения. В этом процессе иногда удается трансформировать конфликтные идеи и представления, а также найти варианты решений о повышении эффективности управления с учетом действий и мнений других.

По мнению философа У. Бека, глобализация в некотором роде тоталитарна, так как навязывает общие правила игры, отступление от которых грозит неприятностями. Мировое сообщество указывает на своего рода новый мир, неисследованный континент, который раскрывается в транснациональной ничейной земле, в промежутке между национальными государствами и национальными обществами. Результатом этого является властный конфликт между национально-государственной политикой и полем деятельности мирового общества. Это выражается не только в отношении национальных государств к мультинациональным концернам, где властный конфликт проявляется наиболее зримо. Но он определяет также утверждение транснационального права, борьбу с транснациональной преступностью, возможности осуществления транснациональной культурной политики или деятельности транснациональных социальных движений и т. д. В связи с этим можно говорить об эре глобальности как о начале конца национального государства, а значит, и демократии [1].

Итоги десятилетия, прошедшего под знаком реализации «европейского проекта», неоднозначны и могут рассматриваться как предпосылки кризиса европейской политической системы. Среди них можно выделить:

- 1) неудачную реализацию политики мультикультурализма в Германии и Франции;
- 2) экономический кризис в Греции, Ирландии, Португалии, Испании и Италии;
- 3) приход к власти ультраправых партий в ряде европейских стран;
- 4) укрепление и развитие авторитарных тенденций во внутренней политике Европейского Союза.

Для преодоления кризиса руководству ЕС необходимо предпринять следующие шаги:

- 1) сохранить внутривнутриполитическую целостность;

2) попытаться, пусть и в несколько видоизмененном варианте, сохранить политику мультикультурализма, либо выработать равнозначную ей стратегию ассимиляции для иммигрантов;

3) учитывая, что события на Ближнем Востоке затрагивают интересы ряда государств Европы, руководству ЕС необходимо выступить одним из модераторов на переговорах, посвященных локализации кризиса, поразившего регион.

В целом же Европейский проект наглядно продемонстрировал положительные и отрицательные стороны авторитаризма как политической модели в современном глобальном мире. Отказ от авторитарной политики или дальнейшее следование ей станет во многом решающим фактором для дальнейшего развития Европы.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответ на глобализацию. – М., 2001. – С. 692.
2. Журавлев А. Европа как антиамерика // Международные процессы. – 2007. – № 2.
3. Иноземцев В. Одержима ли Европа антиамериканизмом? // Россия в глобальной политике. – 2003. – № 1. – С. 201.
4. Лукьянов Ф. Оксфордская болезнь // Новое время. – 2010. – № 31. – С. 57.
5. Стрежнева М. Сетевой компонент в политическом устройстве Евросоюза // Международные процессы. – 2005. – № 3 (9), сентябрь – декабрь.
6. Троицкий М. Европейский союз: прерванный полет, или... // Международные процессы. – 2005. – № 2.
7. Тэтчер М. Искусство управления государством. – М., 2004. – С. 350.
8. Уткин А. «Новый мировой порядок». – М., 2006.
9. Уткин А. Глобальная политика в 21-м веке. – М., 2001.

© Вялых В. В.

УДК 316.032

СЕМЬЯ В ПАРАДИГМЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕРНИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Л. Д. Козырева

**Северо-Западный институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы,
г. Санкт-Петербург, Россия**

FAMILY IN THE PARADIGM OF SOCIOLOGICAL MODERNISM AND POSTMODERNISM

L. D. Kozyreva

**The North-West Institute of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia**

Summary. The article analyses the problem of transformation of the institution of the family in the modern world. Presents methodological approaches of modernism and postmodernism. Discusses scenarios for a possible future family.

Key words: family; modernism; postmodernism.

Современные трансформационные процессы приобретают глобальный характер, захватывая не только новые территории, но и традиционные ценности и социальные институты. Институт семьи относится именно к таким институтам, которые менее остальных подвержены изменениям. Но сейчас мы являемся свидетелями значительных трансформаций и роли семьи в обществе, и ее социальных функций, даже структурных изменений, которые назревали столетия в лоне семьи.

Совершенно очевидно, что эти трансформации, по сути, только начинаются. Но данные процессы нуждаются в научном осмыслении, формировании теоретических подходов, с помощью которых они могут быть познаны и, как след-

ствие, – эффективно управляемы. Уже сегодня есть целый ряд интересных работ, посвященных исследованию проблем семьи с точки зрения модернистской и постмодернистской теоретической парадигмы.

Семья с позиций социологического модернизма

Модернизм в социологии имеет глубокие исторические корни. Истоки методологических подходов можно найти у К. Маркса, представителей англосаксонской школы социологии, которые пытаются создать теоретические модели, объясняющие развитие крупных социальных систем, их историческую эволюцию и современное состояние. Совершенно неслучайно американский историк социологии Дж. Ритцер называет К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля «теоретиками, которые занимались социологией современности» [7, с. 486].

На главный вопрос макросоциологии: в чём сущность современного общества, большинство социологов англосаксонской школы отвечают одинаково – это общество модерна. На этом, пожалуй, завершается всё то общее, что их объединяет. Дальше идут различия, причем довольно существенные. К примеру, Э. Гидденс называет современный этап общественного развития «высокой современностью», а Ю. Хабермас понимает современность как «незавершенный проект», которому еще предстоит развиваться в более полное социальное состояние – постмодерн.

Ключевым понятием теоретических построений социологов англосаксонской школы является понятие модернизации. Причем модернизация представлена в двух ее ипостасях: как процесс и как результат общественного развития.

Так, в работах У. Бека различие между традиционной модернизацией (Первый Модерн) и модернизацией индустриального общества (Второй, Другой Модерн) трактуется как различие между простой и рефлексивной модернизацией. Первая Модернизация привела к распаду сословного аграрного общества и формированию основ индустриального общества; вторая модернизация «размывает» контуры последнего, порождая новые общественные конфигурации.

Кроме того, в XIX в. модернизация проходила на фоне ее противоположности – традиционного унаследованного мира и природы, которую нужно было познать и покорить. На рубеже XX–XXI вв. модернизация свою противоположность поглотила, уничтожила и в своих индустриально-общественных предпосылках и функциональных принципах уничтожает самое себя. Так, к примеру, классическое индустриальное общество ориентировано на труд ради заработка. Его модернизация приводит к появлению скользящих графиков рабочего времени и смене рабочих мест, что стирает грани между работой и не-работой. Информационные технологии позволяют заново, поверх производственных секторов, связать в единую сеть предприятия, филиалы и потребителей. Таким образом, модернизация как бы устраняет прежние правовые и социальные предпосылки занятости: массовая безработица интегрируется через новые формы многообразной неполной занятости в систему занятости, со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами. У. Бек утверждает, что модернизация индустриального общества заменяется модернизацией *предпосылок* индустриального общества.

Индустриальное общество уходит, по ироничной оценке У. Бека, «без политического треска» (революций, демократических выборов). Происходит «разлом» внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания – очертания (индустриального) «общества риска». Характеризуя общество риска, Бек подчеркивает, что в нем критерии стратификации традиционного общества (доход, образование, местожительство) отходят на второй план. Более того, вторичными оказываются различия между полами в их традиционном смысле.

Как отмечает У. Бек, особенностью социально-структурного развития западных стран (он доказывает это на примере ФРГ) является «*эффект лифта*»: общество поднялось на этаж выше. Бек показывает реальное противоречие современного западного общества. С одной стороны, сформировалась стабильная структура социального неравенства («отношения социального неравенства... остались константными»), с другой стороны, радикально изменились жизненные

условия населения. Таким образом, при всех намечающихся заново или сохраняющихся проявлениях неравенства происходит коллективное увеличение доходов, шансов на получение образования, удовлетворения социокультурных потребностей. В 50–60-х гг. прошлого века исчезает «пролетарская нищета», происходит «демократизация» в приобретении престижных товаров, собственное жилье появляется даже у вчерашнего «пролетарского бедняка» и т. д. На этой основе уменьшаются и практически исчезают субкультурные классовые идентификации и связи. Границы «классовых ареалов» постепенно исчезают, а на место последних приходят неодинаковые стили потребления, лишённые классовых атрибутов.

Одновременно идет другой процесс: процесс индивидуализации и диверсификации ситуаций и стилей жизни. По мнению У. Бека, последний «подтачивает иерархическую модель социальных классов и слоев и ставит под сомнение ее реальное содержание» [1, с. 112]. Происходит «индивидуализационный сдвиг», освобождающий людей от традиционных классовых привязанностей и превращающий их в активных творцов собственной, обусловленной рынком труда жизни [там же]. В таком обществе социальное неравенство не устраняется, а только переносится в область *индивидуализации социальных рисков*. В итоге общественные проблемы тут же оборачиваются психическими предрасположенностями: неудовлетворенностью собой, чувством вины, страхами, конфликтами и невротизмом и т. д.

Индивидуализационный сдвиг, индивидуализация – центральные понятия социальной теории У. Бека. Индивидуализация – далеко не новое понятие в социологии: его можно встретить у К. Маркса, Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера и др. Все они рассматривали индивидуализацию как ключевой элемент модернизации. Чаще всего индивидуализация трактуется как «высвобождение» из привычного социального контекста и «реинтеграция» в новые контексты при переходе от традиционного к современному образу жизни.

В традиционном обществе индивидуализация существовала как единичное явление (к примеру, как духовный аскетизм протестантизма), как субъективно-биографический аспект процесса цивилизации (назовем ее «простая модель индивидуализации». – Л. К.). В эпоху модерна возникает сложная, обобщенная модель индивидуализации, предполагающая объединение трех процессов: освобождение от исторически заданных социальных форм господства и подчинения; утрату традиционной стабильности (знания, веры и принятых норм); формирование нового вида социальной интеграции, нового вида контроля.

У. Бек подчеркивает противоречивость процесса индивидуализации в эпоху развитого модерна. В этом процессе классовые различия не упраздняются, они отходят на второй план. Как отмечает другой крупный представитель современной англо-саксонской социологической школы Петер Бергер, в современном обществе происходит плюрализация и индивидуализация стилей жизни, жизненных путей и обстоятельств. С этой точки зрения индивидуализация представляется выражением изменений в значении социального неравенства при переходе от общества с сильно ограниченными ресурсами к состоятельному обществу [2, с. 14].

П. Бергер считает, что индивидуализацию следует рассматривать как структурный феномен, который может принимать самые разные формы и протекать с разной интенсивностью у каждого отдельного члена общества. В этом смысле можно говорить о стандартизации и дестандартизации моделей биографий. Стандартизация предполагает существование в обществе «типичных», «обязательных» для всех его членов моментов смены статуса. Дестандартизация означает то, что всё меньшее число людей меняют свой статус (например, начинают трудовую деятельность после окончания профессионального обучения) в один и тот же ограниченный возрастной период.

П. Бергер подчеркивает, что в современном обществе происходит переход от жестко институционализированных биографических моделей к более гибким индивидуализированным. Метафорически этот процесс он описывает как переход биографий от «железнодорожной модели» к «автомобильной модели».

В «железнодорожной модели» биографии существуют заданные остановки для посадки, пересадки, выхода, кроме того, заданы путь следования и скорость передвижения, действует фиксированное расписание, и выходить во время движения по понятным причинам запрещено. «Автомобильная модель» предоставляет большую гибкость в отношении выбора времени отправления, пути следования, скорости передвижения, позволяет делать перерывы и двигаться в объезд, выбирая более привлекательные ландшафты [2, с. 20].

Таким образом, современное общество структурируется не по классовому критерию, а по критерию стиля жизни, социальной среды (мильё). Эта идея далеко не нова в социологии, она уходит своими корнями в теорию органической солидарности Э. Дюркгейма, согласно которой люди в обществе объединяются не на основании сходства, а на основании различия. Понятие «мильё» Э. Дюркгейм ввел для обозначения групп акторов в масштабе всего общества. Согласно идеям французского социолога, класс – частный случай мильё, возникающий лишь тогда, когда мильё господствующих и мильё подчиненных находятся в состоянии непримиримого конфликта.

В 70-х гг. прошлого века концепция «мильё» уточнялась П. Бурдьё, методологические подходы которого легли в основу исследований современной англосаксонской школы. В начале 90-х гг. под руководством Михаэля Фестера в Германии были проведены масштабные опросы, позволившие количественно определить панораму мильё в современном обществе. В основу разграничения мильё были положены образцы повседневного образа жизни. Примечательно то, что в качестве методов получения первичной информации социологами использовался значительный арсенал качественных методов: нарративные интервью, дискуссии в фокус-группах и т. д. На их основе с применением герменевтических методов удалось идентифицировать типы хабитуса.

Прослеживая развитие мильё в течение более чем 20 лет, немецкие социологи утверждают, что все мильё при всём их многообразии можно свести к пяти большим «генеалогическим ветвям»: двум верхним, двум средним и одной нижней. Они разделяются так называемой «линией респектабельности». Высшее буржуазное мильё и респектабельное народное мильё, составляющие почти 90 % населения, находятся выше «линии респектабельности», под этой линией расположены неблагополучные мильё, которые низко квалифицированы и не пользуются уважением в обществе [11, с. 14]. По сути, оказывается, что новые мильё – это продолжение прежних сословий, классов и слоев. Как подчеркивает М. Фестер, подобным образом стратифицировано общество не только в Германии, но и в Великобритании, Франции, Италии.

Семья как институт воспроизводства социального неравенства

В современном обществе, во многом стирающем проявления социального неравенства, семья остается первичным институтом, подчеркивающим его значение. Социальное неравенство проявляется в раннем возрасте ребенка: в месте проживания семьи, материальной обеспеченности, круге общения и т. д. Есть исследования, показывающие влияние группы сверстников на вторичную социализацию, к примеру, окружение способствует или подавляет интерес к образованию у ребенка. В них сделан вывод: родители – осознанно или неосознанно – через социальную принадлежность первых друзей своих детей задают рамки общепринятых и желаемых стандартов в образовании, о которых дети узнают от своего непосредственного окружения [4, с. 112].

Влияние семьи на воспроизводство социального неравенства на различных этапах жизни человека (индивидуальной биографии) показано в табл. 1 [4, с. 115].

**Основные этапы воспроизводства социального неравенства
в индивидуальной биографии**

Биография	Вклад родителей	Последствия для детей	Последствия для неравенства
Детство и юность (период совместного проживания с родителями)	Деньги, время, пространство: место и район проживания, дом, сад, комната, игрушки, одежда, спортивный инвентарь, компьютер, книги, уроки музыки, путешествия, карманные деньги, язык, воспитание, образование	Качество жизни в детстве и юности. Социальное признание (напр., реакция детей на игрушки, фирменную одежду, компьютер, путешествия). Друзья (в районе проживания). Образование (любопытность, язык, путешествия, компьютер, книги, музыка)	Неравенство качества жизни у детей и подростков. Основа для неравенства, которое сохраняется на протяжении всей жизни
	Ожидание, время, деньги (школьные принадлежности, оплата репетитора)	Выбор школы и успеваемость (базовая школа, реальная школа или гимназия)	Неравенство в образовании имеет огромные последствия для последующего неравенства в профессии, доходах, престиже, карьере, выборе партнера, здоровье, продолжительности жизни, в ситуации безработицы и избыточной квалификации, имущественного неравенства
	Ожидания, информация, связи, деньги (место обучения на предприятии, практика, длительные поездки за границу)	Выбор профессии и карьера	Неравенство в профессиональном образовании и карьере
Период взрослой жизни (мультилокальность)	Денежные переводы и подарки (регулярные денежные переводы, денежные и предметные подарки, поручительство). Время (напр., помощь в воспитании внуков)	Качество жизни во взрослом возрасте. Инвестиции в образование и профессию (напр., зарубежные поездки, обучение, повышение квалификации).	Неравенство в качестве жизни у взрослых

		Накопление имущества (напр., недвижимость)	
	Дарения, передача имущества	Качество жизни и имущество	Увеличение уже существующего неравенства
	Наследование	Качество жизни и имущество (квартира, культура, путешествия, стабильность, независимость, влияние в семье)	Кардинальное увеличение уже существующего неравенства

Как видим, такой подход к периодизации индивидуальной биографии вполне правомерен с точки зрения модернистской объяснительной парадигмы. Он характерен для многих отечественных работ, посвященных проблемам семьи как социального института и малой группы.

Семья в эпоху постмодерна

В последнее время появился целый ряд плодотворных в методологическом отношении работ, анализирующих проблемы семьи в рамках постмодернистских концепций. Наступление новой исторической эпохи, реалии которой невозможно описать с помощью терминов эпохи модерна, приводит к появлению постмодернистской социальной теории, которая представляет собой новый теоретический дискурс, «новый тип теоретизирования о социальном мире» [7, с. 540]. Как подчеркивает Дж. Ритцер, модернистская социальная теория стремилась к универсальному, внеисторическому, рациональному обоснованию своего анализа и критики общества. Постмодернистская – отвергает эти поиски основания и склоняется к релятивизму, иррационализму и нигилизму.

Общая методологическая установка постмодернизма, провозглашающая торжество внеструктурного и нелинейного способа организации целостности, открывает широкие возможности для поиска самых разнообразных исследовательских подходов. Это многообразие подходов объясняется поливариантностью социального развития и весьма одобряется теоретиками постмодернизма – и западными, и отечественными.

Так, в работах отечественного ученого С. Ушакина, последовательно реализующего постмодернистскую методологию, предлагается новый – пространственный подход – к исследованию проблем современной семьи. В рамках этого подхода семья трактуется как социальное пространство с условными границами, где, к примеру, количество и длина линий родства (как и протяженность пространства) «отражают лишь качество доступной измерительной техники» [10, с. 35].

Интересным представляется анализ проблем семьи в эпоху постмодерна, содержащийся в статье Т. В. Савинковой [8, с. 66–74]. Автор обоснованно утверждает, что в эпоху культурного сдвига, когда всё становится конвенциональным, перестает выражать внятные смыслы и укладываться в принятые дефиниции, институт семьи не может сохранить прежние социокультурные параметры.

Т. В. Савинкова акцентирует внимание на тех новых феноменах, которые возникли в эпоху постмодерна. Во-первых, это многовариантность семейных союзов, принципиально меняющая условия и характер личностной, социальной и культурной идентификации индивидов. Во-вторых, размывание внутренней иерархичности семьи, социальных статусов и ролей ее членов (дезорганизация систем родства, стирание границ между поколениями и т. д.). В-третьих, утрата значения семейного капитала, который не имеет смысла в эпоху «конца истории».

С позиций постмодернизма оправданным является факт того, что из семейного законодательства в Европе исчезают привычные гендерные обозначения, а положение семьи всё больше зависит от ее потенциала. Развитые европейские страны стремятся разрабатывать культурные схемы ответственного родительства, создавать благоприятствующую семье социальную среду, регулировать деление и объем родительских функций. Так, в последнее время общественные институты стремительно реорганизуются вокруг новой, нормативно продвигаемой, поведенческой модели родителя-отца, способного к выполнению любой работы по уходу / воспитанию за детьми и их обеспечению [9, с. 86–102]. Исследователи подчеркивают, что изменение традиционных гендерных ролей в семье приводит к возникновению феномена, получившего название «отцы нового образца» (*neue Vater*) и «мужья нового образца» (*neue Manner*) [5, с. 98].

С позиций постмодернистской социальной теории с ее идеями о незавершенности и преходящем характере социальных процессов легко объяснимо представление о транзитивности брака, доминирующее в сознании некоторой части мужчин. Речь идет о «цепочечной» модели брака, где «настоящему» браку предшествуют некие промежуточные звенья – «черновые» браки [3, с. 92].

На наш взгляд, здесь мы имеем дело с трансформациями, которые меняют сущность семьи как социального института. Они будут иметь серьезные социальные последствия, которые проявятся только через несколько поколений.

Семья: новые формы отношений

В современной западной социологии появляются весьма интересные работы, в которых содержатся идеи будущего семьи в эпоху глобализации. Мартина Риттер пишет о нескольких сценариях возможного развития отношений между мужчиной и женщиной, которые в новую эпоху формируются как отношения между *Global Players* («глобальными игроками») [6, с. 132–135].

Первый сценарий (для партнеров с высокой степенью мобильности) предполагает длительное поддержание дружеских отношений (с помощью современных средств коммуникации) при редких личных встречах. В этом случае у обоих партнеров временно «замораживаются» такие эмоции, как симпатия, доверие и желание, которые при личной встрече целенаправленно «вызываются» на короткий период времени. Здесь отвергаются все формы, которые предполагают заботу о детях, пожилых родителях или больных партнерах.

Второй сценарий (для мужчины с высокой степенью мобильности). Семья для мужчины – путешествующего и насквозь рационализированного – превращается в «тихую гавань», пространство для отдыха, где он в качестве особого гостя. Женщина становится организатором частной сферы, она регулирует отношения с друзьями, с соседями, осуществляет уход не только за детьми, но и за пожилыми родителями. В этом случае возможен вариант существования «в дальних краях» другой семьи, помимо основной (первой) семьи.

Третий сценарий (для мужчины в фазе, наступающей после активной и ориентированной на успех профессиональной деятельности). Создание семьи с более молодой женщиной происходит в момент некоторого профессионального истощения и личностного кризиса в среднем возрасте. Устроение семейной жизни осуществляется молодой женой, которая при хорошем финансовом обеспечении прерывает (завершает) фазу своей профессиональной деятельности или переходит на неполный рабочий день. Более зрелые мужчины превращаются чаще всего в свободного от забот умиротворенного семьянина.

Четвертый сценарий (для равноправных партнеров). Совместная жизнь партнеров, финансовое обеспечение которой требует занятости их обоих, предполагает приблизительно равное распределение обязанностей между мужчиной и женщиной. Уход за детьми организуется в самостоятельно построенной социальной сети, состоящей из друзей, родственников и соседей, если оба родителя работают одновременно. В такой семье формируются новые представления о мужском и женском, которые имеют более эгалитарную структуру.

Совершенно очевидно, социальная практика в будущем представит новые формы отношений между полами. Возникновение новых форм, в свою очередь, потребует дальнейшего развития социологической теории, обобщающей практику социального развития.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Бергер П. Индивидуализация и изменение значения социальных неравенств // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб.: Алетейя, 2008. – 162 с.
3. Елютина М. Э., Быкова Н. О. Асимметричный по возрасту брак в оценках супругов // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 83–94.
4. Зидлик М. Воспроизводство социального неравенства в биографиях // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб.: Алетейя, 2008. – 162 с.
5. Иудин А. А., Шпилев Д. А. Основные направления исследования проблем семьи в современной Германии // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 94–105.
6. Риттер М. Гендер и социальная структура: значение приватной сферы в исследованиях социального неравенства // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб.: Алетейя, 2008. – 162 с.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002. – 686 с.
8. Савинкова Т. В. Институт семьи в эпоху постмодерна // Настоящее и будущее социальных технологий. Социальные технологии XXI века: инновации и реальность: мат-лы IX междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во СЗИ РАНХиГС, 2012. – С. 66–74.
9. Сизова И. Л. «Новое отцовство» в свете традиций и новаций семейной политики в Европе // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15. – № 1. – С. 86–102.
10. Ушакин С. Место-имени-я: семья как способ организации жизни // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. В 2 кн. Кн. 2. – М., 2004. – 520 с.
11. Фестер М. Социальные милье, классы и стили жизни в Западной Германии // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива. – СПб.: Алетейя, 2008. – 162 с.

© Козырева Л. Д.

УДК 130.2:572:115.4

АНТРОПОЛОГИЯ НЕОПАТРИСТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

А. В. Голубицкая
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
г. Одесса, Украина

ANTHROPOLOGY OF THE NEO-PATRISTIC SYNTHESIS

A. V. Golubitska
Odessa National University named after I. I. Mechnikov, Odessa, Ukraine

Summary. The author presents the original view on an anthropological conception of The Neo Patristic Synthesis. The article analyzes current debates around this anthropology. Generally, an analysis of sources serves of this conception to clarify what an anthropology of The Neo Patristic Synthesis is and what it is not.

Key words: a soul; a body; a person.

«Теперь уже стало общим местом, что богословие должно быть антропологией», – писал о. Иоанн Мейендорф, один из ведущих представителей неопатристики, ставшей сегодня магистральной линией современной восточнохристианской теологии [10].

На данный момент существует достаточно широкий круг обзорных исследований, посвящённых анализу восточнохристианской антропологии в целом. Это работы В. В. Зеньковского, А. Лоргуса, О. Давыденкова, М. Дронова, Р. Б. Введенского, М. Я. Дворецкой, О. Клемана, А. А. Королькова, А. Кырлежева, В. П. Ле-

га, П. Ю. Малкова, М. Ю. Медведева, М. Н. Мироновой, Е. И. Негановой, Д. В. Новикова и др.

Однако число исследователей, фокусирующих своё внимание непосредственно на проблеме антропологии неопатристического синтеза как одной из линий современной православной мысли (хотя и магистральной), гораздо меньше. Это С. С. Хоружий, Е. С. Петриковская, И. И. Евлампиев (с акцентированием наследия Г. В. Флоровского), С. Зайденберг, К. В. Преображенская (с особым вниманием к творчеству В. Н. Лосского), Т. С. Тарасевич и др.

Целью данной публикации является попытка выявить (пусть схематично и достаточно условно) некоторые общие черты антропологии нео-патристики, а также её философскую составляющую. Это зачастую нивелируется. Естественно, мы будем опираться на уже имеющийся корпус исследований.

Объектом данного исследования будут выступать антропологические воззрения лишь четырёх представителей «неопатристического синтеза»: Г. Флоровского, И. Мейендорфа, Киприана Керна, В. Лосского.

Прежде чем подойти к непосредственному анализу учения о человеке «неопатристов», справедливости ради следует отметить, что одной из первых попыток построить антропологическую модель на основании святоотеческого наследия был проект Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856), одного из основоположников славянофильства. Фактически этот проект не реализован в полной мере, впрочем, как и сама неопатристика. Антропология в его наследии так и не получила завершённой формы, не оформилась в систему, а осталась лишь в виде своеобразных «зарисовок».

Проекту антропологии, базирующейся на восточнохристианской, святоотеческой традиции, в русской мысли суждено было осуществиться уже позже, в XX веке, в эмиграции, в трудах представителей школы т. н. «неопатристического синтеза», к которой традиционно относят В. Н. Лосского, архиеп. Брюссельского Василия Кривошеина, арх. Киприана Керна, о. Иоанна Мейендорфа, «раннего» митр. Пергамского Иоанна Зизиуласа, митр. Диоклийского Каллиста Уэра, о. Думитру Стинолоае, о. Джона Бэра, о. Джона Брэка, о. Теодора Стилианопулоса, о. Иоанна Романидеаса, Ярослава Пеликана, митр. Иллариона Алфеева и др. Значительное влияние неопатристический синтез оказал на «богословствующего философа» Христоса Яннараса. Есть мнение, что и Павел Евдокимов не избежал влияния данной школы.

В своей статье мы попытаемся дать набросок основных черт неопатристической антропологии. Антропологическая составляющая – одна из главнейших в богословии «неопатристического синтеза». Ошибочно называть, как это делает К. В. Преображенская, «первооткрывателем «восточного типа» антропологического знания» одного только В. Н. Лосского [12], хотя последний, действительно, плодотворно работал в этом направлении. Достаточно упомянуть известную его работу «Богословское понимание человеческой личности». Однако, на наш взгляд, ещё более детально антропологическая проблематика была разработана в творчестве персоналиста Г. В. Флоровского. Особое внимание учению о человеке уделяет и о. И. Мейендорф. Существенны наработки на этом поприще и Киприана Керна. Антропологическая тематика освещена и в работах других неопатристов, но в своей статье ограничимся (да и то весьма схематично) работами лишь четырёх авторов.

Прежде всего, следует отметить, что названные нами мыслители *a-priori* исходят из установки, что по высказываниям Отцов церкви по вопросам антропологии можно говорить о *consensus partum*. То есть о некоторой общей позиции, единстве взглядов. У современных последователей неопатристики эта идея подвергается критике, в частности у митрополита Иллариона Алфеева. При этом неопатристы справедливо отмечают, что разработанную антропологию у Отцов церкви обнаружить сложно. Как пишет В. Н. Лосский, «я же лично должен признаться в том, что до сих пор не встречал в святоотеческом богословии того, что можно было бы назвать разработанным учением о личности человеческой, тогда как учение о Лицах, или Ипостасях Божественных изложено чрезвычайно чётко.

Тем не менее, христианская антропология существует как у отцов первых восьми веков, так и позднее, как в Византии, так и на Западе» [9]. Именно поэтому, кстати, данный мыслитель считает некорректной всякую попытку выведения и формулирования святоотеческой антропологии, ибо слишком велика опасность анахронизма, т. е. присвоения Святым Отцам идей более поздних, например, из западноевропейской философии. Другие неопатристы проявляют большую «смелость» и пытаются сформулировать святоотеческую антропологию. Например, о. Иоанн Мейендорф в работе «Византийское богословие» выделяет отдельную главу, посвящённую учению о человеке, которую так и называет – «Человек» [10].

Е. С. Петриковская, анализируя антропологическое наследие о. Георгия Флоровского, выделяет пять принципиальных позиций его концепции, которые, по нашему убеждению, были характерны, в той или иной степени, и для всей неопатристики в целом:

- 1) онтологическая структурированность (человек в отношении к природе и Богу);
- 2) холистичность антропологической модели (человек как целое);
- 3) онтологический динамизм, выражающийся в своеобразном переходе от эссенциальной концепции к энергийной («человек» не как существительное, а как своеобразный глагол);
- 4) онтологическая свобода;
- 5) открытость в метаантропологический горизонт [11, с. 170–171].

Итак, представители «неопатристического синтеза» берут на вооружение традиционную для восточного христианства установку (таковую выделяет М. Дронов), согласно которой путь понимания устройства человека начинается от понимания Бога [4]. Она принципиально отлична от западнохристианской, августиновской логики, которая, напротив, от антропологических моделей приходит к пониманию Бога. И здесь неопатристы ссылаются, прежде всего, на каппадокийцев, которые сформулировали само понятие личности в полемике с еретическими интерпретациями бытия Бога. И некоторые неопатристы выстраивают свою антропологию (например, Мейендорф, Лосский) через тринидологию, некоторые (например, Флоровский) – через христологию. Но у всех ключевыми становятся три понятия: «сущность» («природа» у некоторых отцов), «личность» («ипостась»), энергия. Христос Яннарас пишет по этому поводу: «В этих трёх фундаментальных категориях природы, ипостаси и энергии исчерпывающе выражено богословское понимание способа существования Бога, мира и человека» [цит. по 4]. Сама терминология каппадокийцев, в свою очередь, заимствована из систем Платона и Аристотеля. Но это не буквальное приятие, а творческое переосмысление. Отметим, что проблема понятийного аппарата решалась неопатристами по-разному. Для Флоровского святоотеческая терминология нормативна. Он выступал против перевода святоотеческого наследия на язык современной философии и против попыток адаптации её к категориям славянской мысли. По замечанию А. И. Резниченко, по возможности Флоровский удаляется даже и от классического философского «словоупотребления», заменяя, например, традиционный перевод φύσις «природа» на «естество», а если и использует философский категориальный аппарат, то достаточно архаичный для периода начала-середины XX века [13]. Совсем иное отношение к понятийному аппарату у других неопатристов. Для Лосского, например, нормативен лишь «дух отцов», а их понятия допустимо заменять новыми (например, «ипостась» может быть заменена «экзистенцией»). В целом Лосский, Керн считают обращение к современной философии вполне допустимым. Так, архимандрит Киприан Керн призывает «стоять на высоте философской подготовленности и научных достижений и не убояться принять, когда это нужно, Канта и Фихте, творческую эволюцию и психоанализ, биологию и сравнительное языкознание» [3].

1. Указывая, вслед за Е. С. Петриковской, на холистичность неопатристической модели, мы, прежде всего, хотим указать на то, что неопатристы в своих работах стремились **противостоять всяческому упрощению понятий лич-**

ность и человек, выступали против различных форм антропологической редукции. И это противостояние велось по 2 основным направлениям:

- **борьба против отождествления личности и индивидуума;**
- **борьба против неоплатонического спиритуализма.**

Рассмотрим критику редукции личности к индивидууму. Иллюстрацией ей может послужить уже упоминавшаяся статья В. Н. Лосского «Богословское понимание человеческой личности». «Несводимость ипостаси к сущности или природе, та несводимость, которая, раскрывая характерную ипостасную неопределимость, заставила нас отказаться от тождественности между ипостасью и индивидуумом в Троице...Тварь, будучи одновременно «природной» и «ипостасной», призвана осуществлять равным образом своё природное единство и своё личностное различие, благодатно преодолевая индивидуальные пределы, которые дробят природу и стремятся свести личности к уровню замкнутого бытия частных субстанций», – пишет Лосский [9]. Таким образом, личность несводима к индивидууму, субъекту, «Я», в конце концов, что характерно для западноевропейской философии, которой не знаком это баланс «природного» и «ипостасного» (то одно, то другое гипертрофируется). Она несводима к одной природе. Как замечает Е. С. Петриковская, **личность – это та природа, которая «не хочет» быть лишь природой.** Личность определяет образ бытия индивидуализированной природы человека. Это **воипостазированная природа** (термин Леонтия Византийского). Неопатристы стремятся преодолеть западноевропейский индивидуализм, который, по их мнению, является самоизоляцией, самозамыканием. Личность, как любил повторять Флоровский, не «является замкнутой монадой» Лейбница. Подобное понимание хорошо передаёт идея-схема В. Зеньковского (не неопатриста!):

личность = «Я» +наиндивидуальное.

И здесь принципиально важным становится учение о кафоличности, известное ещё со времён создания Послания к Смирнской Церкви Игнатия Богоносца. Проблема кафоличности стала одной из ключевых тем публицистики Г. В. Флоровского и была воспринята через увлечённость концепцией соборности А. С. Хомякова и концепции Церкви как Живой Традиции повлиявшего на него католического теолога Иоганна Адама Мёлера. Согласно этому учению **соборность мистической Церкви не противостоит свободе человеческой личности, не «растворяет» её в себе, а напротив, актуализирует.** И здесь человек, созданный по «образу и подобию Божьему», наследует пример Троицы, Абсолютной Личности, пребывающей в непрерывном **общении, диалоге** (концепция перихорезиса). Здесь отчётливо прослеживаются истоки «дочерней» ветви неопатристики – «богословия общения» митр. Антония Сурожского и А. С. Филоненко, которые постулируют общение онтологически первичным относительно личности.

В неопатристике мы сталкиваемся с т. н. **динамической моделью личности.** Человек есть то, что он есть в данный момент – никакой предшествующий опыт его не детерминирует. Он всегда открытый проект.

Динамическая антропологическая модель, акцентированная неопатристами, сегодня активно развивается С. С. Хоружим в его учении т. н. синергийной антропологии, базирующемся, прежде всего, на богословии исихазма, аскетической практике. Центральными понятиями у Хоружего в связи с рассмотрением феномена аскетики выступает «Антропологическая граница» [21], «предельность» [20] «Аскетизм в его Богоустремлённости как «превосхождение естества», «опыт радикальной трансформации, трансцендирования человека», [20].

О трансформации и своеобразном «саморазмыкании» личности говорили и неопатристы. Мейендорф конкретно называет человека «открытым бытием», который является «открытым ввысь» образом Божиим, обладает естественным свойством превосходения самого себя и достижением Божественного»[10, с.201–202]. И здесь Мейендорф обращается, подобно Хоружему, также к наследию св. Григория Паламы, которое вплоть до XIX века воспринималось в русской традиции ересью и во многом было реабилитировано именно благодаря усилиям

неопатристов. Соединение личности человеческой с Личностью Божественной характеризовалось неопатристами не как дезиндивидуализация, но сверхперсонализация, сохранение «целокупности личности» (термин, используемый св. Максимом Исповедником) [14]. Это не превращение человеческой природы в нечто принципиально иное, а некое «размыкание человеческой самодостаточности», которое так и не сумели, согласно убеждению Флоровского, постичь антропологические минималисты (Аполлинарий и монофизиты) [16].

В этом мире вообще неправомерно говорить о наличии личности, она лишь потенция, к воплощению которой человек должен стремиться каждое мгновение своего существования – таково убеждение неопатристов. Человек становится подлинной личностью лишь через обожение (которое выступает своеобразной Аристотелевой энтелехией). В свою очередь теозис невозможен без участия Бога, Его благодати – синергии. Прот. Иоанн Мейендорф пишет по этому поводу: «Человек сотворён не как автономное или самодостаточное существо; сама природа его истинна лишь постольку, поскольку она существует «в Боге» или «в благодати». Благодать, следовательно, дарует ему его «природное», «естественное развитие» ...истинная человечность реализуется лишь тогда, когда он живёт «в Боге» и обладает божественными качествами ...естественное участие человека в Боге не статичная данность; это – вызов, и человек призван расти в Божественной жизни. Божественная жизнь – это дар, но также и задача, которую следует решить свободными человеческими усилием. Эта полярность между «даром» и «заданием» часто выражается через различие понятий «образ» и «подобие» [10, с. 199–200].

«Подобие» предполагает некую динамику и свободное усвоение. В восточнохристианской мысли, в отличие от западной, августиновской традиции, никогда не было конфликта свободы и благодати. Поэтому само восприятие благодати интерпретируется не иначе как сотрудничество двух свободных волей (синергия).

Второй аспект критики неопатристами антропологического упрощения – критика неоплатонического спиритуализма. Здесь мы сталкиваемся не только с проблемой телесности, но и с вопросом реабилитации материи, эмпирии как таковой. Эта проблематика разрабатывалась особенно тщательно. Несмотря на то, что христианство разделяет многие положения, сходные с платоническими (например, учение о бессмертии души, иерархическая картина мира и т. д.), однако, по словам Флоровского, ещё сам апостол Павел отверг «соблазн развоплощения». Так, Флоровский, подобно Тертуллиану, приходит к своеобразному «оправданию плоти» [15]. О. Киприан Керн называет подлинное православие «православием плоти» [3]. Тело в рассматриваемой концепции – неотъемлемая и неслучайная часть человеческой личности, так же аксиологически значимая, как и душа. С помощью тела человек объективируется в материальном мире. Для Флоровского «опыт воплощённой жизни» – единственная возможность познать самого себя человеку, подвергнуть эмпирическому анализу [15]. Бытие человека в теле – это в некотором роде «деградировавшее» бытие, но это касается лишь тела человека после грехопадения – с изменчивостью, тленностью и смертностью. Сами по себе душа и тело не имеют аксиологической характеристики. Таковой их наделяет выбор человека. Мейендорф, размышляя над двойственностью человеческой природы, что у Флоровского оформилось в образ **«человека амфибии»**, пишет, что это «означало не просто статичное наложение друг на друга двух разнородных элементов – смертного тела и бессмертной души: эта природа отражает собой динамическую функцию человека между Богом и творением» [10, с. 203]. И в этом контексте Мейендорф называет человека «микрокосмом», соединяющим в себе разумный и чувственный аспекты творения, духовное и материальное начало. Понятие «микрокосм», широко распространено в платонизме и стоицизме, усвоено и переосмыслено каппадокийцами. Концепцию человека как некоего «микрокосма» мы находим и у Флоровского, у которого эта проблема возникает в связи с темой грехопадения. В грехопадении в человеке, как в «микрокосме», деградировало всё бытие, весь космос, вся природа и задача человека восстановить

при участии Божественной благодати через подвиг, любовь, самопревышение утраченную первозданную гармонию.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах неопатристическую антропологию, которая глубоко персоналистична. Подытоживая сказанное, отметим основные её черты:

– диалогичность. Как отмечает С. Зайденберг, личность реализуется в саморазмыкающемся выходе навстречу Богу, который также как бы «выходит из Себя» для диалога с человеком. В этом диалоге осуществляется взаимодарение. «Личность заключается в отдаче» – писал Вл. Лосский [цит. по 6]. Таким образом, неопатристическая антропология оказывается включённой в актуальную современную философско-теологическую дискуссию относительно проблемы Дара (на Западе это проблема активно исследуется в творчестве Ж. Деррида, Ж.-Л. Марион и др.);

– динамичность модели (личность рассматривается скорее не сущностно, а энергично) и логически связанная с ней актуализация проблемы эроса (как желания, «жажды», динамичной и «ненасытной» любви к Богу [18]), активно обсуждаемой ещё Святыми Отцами (например, Псевдо-Дионисием, Максимом Исповедником), и развитой Христом Яннарасом в гипертрофированный панэротизм;

– борьба с редукционизмом;

– критика дуализма. Показательно, что А. П. Каждан называет дуализм основной причиной жёсткого неприятия византийским христианством (которому в значительной степени следуют неопатристы) еретиков, в то время как к иноверцам (мусульманам, иудеям и т. д.) относились достаточно терпимо. Само христианство Каждан характеризует, как религию «снятого дуализма» [7];

– идея «открытости» личности.

Однако данная статья не претендует на всеобъемлющее освещение данной темы. Многие вопросы всё ещё остаются неисследованными и являются перспективными для дальнейшего рассмотрения (в частности, проблема генезиса неопатристической антропологии и её соотносённость с современным ей философским дискурсом).

Библиографический список

1. Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Г. В. Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / общ. ред. Ю. П. Сенакосова. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – С.156.
2. Гаврюшин Н. К. «Истинное богословие преобразует метафизику»: Вл. Лосский // Гаврюшин Н. К. Очерки русского богословия. – Нижний Новгород: Глагол, 2005. – С. 321.
3. Гаврюшин Н. К. «Никакого «парижского богословия» нет!»: архимандрит Киприан Керн // Гаврюшин Н. К. Очерки русского богословия. – Нижний Новгород: Глагол, 2005. – С. 357.
4. Дронов М. Отец психоанализа против учения святых отцов. Учение о человеке в христианстве и во фрейдизме. URL: <http://psylib.org.ua/books/dronm01.htm>
5. Евлампиев И. И. Религиозная антропология Г. В. Флоровского. URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok26.htm>
6. Зайденберг С. Софиологическая и неопатристическая модель личности. URL: http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=755&art_id=3991
7. Каждан А. П. Византийская культура. URL: www.infanata.com
8. Керн Киприан, архим. Антропология св. Григория Паламы. – К.: Об-во любителей православной литературы: Издательство им. св. Льва, папы Римского, 2006. – С. 201.
9. Лосский В. Н. Богословское понимание человеческой личности. URL: proroza.narod.ru/VLossky-2.htm
10. Мейендорф И., прот. Византийское богословие / пер. с англ. В. Марутика. – Минск: Лучи Софии, 2007. – С. 199–216.
11. Петриковская Е. С. Человек в философской и богословской рефлексии XX столетия: антропологическая тема в творчестве В. Н. Флоровского // Актуальні питання творчої спадщини Г. В. Флоровського. – Вип.7. – О.: Фенікс, 2009. – С. 167–195.
12. Преображенская К. В. Духовная Антропология Владимира Лосского: дис. канд. филос. наук: 09.00.13. URL: http://www.dissetcat.com/content/dukhovnaya-antropologiy-vladimira_losskogo
13. Резниченко А. И., Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи: рец. – М.: Пробел, 2000. – 320 с.; URL: http://krotov.info/spravki/history_bio/21_bio/reznichenko.htm
14. Струговщиков Е. Тейяр де Шарден и православное богословие. – М.: FAZENDA «Дом надежды», 2004. – С.103.
15. Флоровский Г. В. Воскресение мёртвых. URL: www.krotov.info/library/f/frolov/voskres.html
16. Флоровский Г. В. К истории Эфесского собора // Путь. – № 33. – 1932. – Апрель. – С.73–77.
17. Флоровский Г. В. О бессмертии души. URL: www.krotov.info/library/f/frolov/rovsky_009/html

18. Флоровский Г. В. О почести горного призвания // Флоровский Г. В. Христианство и цивилизация / сост. И. И. Евлампиева. – СПб. : РХГА, 2005. – С. 751.
19. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. – Мн. : Издательство Белорусского Экзархата Московского Патриархата, Харвест, 2006. – С. 241.
20. Хоружий С. С. Кризис европейского человека и ресурсы христианской антропологии : доклад на Международной конференции «Дать душу Европе. Миссия и ответственность Церкви. 3–5 мая 2006 г. Вена. URL: www.synergia-isa.ru/lib/download/lib/022_Horuzhy_Vienna.doc
21. Хоружий С. С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека. URL: www.pravoslavie.ru/sobytia/chelovekkonf/horuzhy.htm

© Голубицкая А. В.

УДК 215.141.41 (470) “18” Снегирёв

ЕДИНСТВО РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ И ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ В «ПСИХОЛОГИИ ЖИВОЙ ЛИЧНОСТИ» В. СНЕГИРЁВА

И. П. Печеранский
Киевский национальный университет культуры и искусств,
г. Киев, Украина

UNITY OF RELIGIOUS BELIEF AND POSITIVE KNOWLEDGE
IN «PSYCHOLOGY OF THE LIVE PERSONALITY» V. SNEGIRYOV

I. P. Pecheranskiy
Kiev National University of Culture and Arts, Kiev, Ukraine

Summary. In article the belief and knowledge problem as she is given in creativity of the representative of Kazan «school» of the orthodox and academic theism of H_H of an eyelid of Veniamin Alekseevich Snegiryov (1841–1889) is considered. The author pays attention to that fact that the philosophical and psychological approach offered scientists-teistom, in its communication with anthropology and gno-seology, is attempt of permission of the specified problem.

Key words: Kazan spiritual academy; philosophical theism; orthodox psychology; V. A. Snegiryov; belief; reason; mysticism; rationalism; personality.

Ни у кого из современных исследователей русской религиозной философии не будет вызывать возражения, как нам кажется, уже признанный в отечественной историко-философской и религиоведческой науке факт, что творческое наследие православно-академического теизма XIX – начала XX вв. за последние двадцать лет совместной исследовательской работы в этой области российских и украинских философов (А. Абрамова, Б. Емельянова, С. Пишуна, М. Маслина, И. Цвык, Н. Гаврюшина, М. Ткачук, Н. Куценко и др.) по праву заняло свое законное место в истории отечественной мысли. Кропотливая работа над реконструкцией источниковедческой базы, последовательное изучение академически сложных для восприятия идей и теорий, компаративный и контекстуальный анализ традиции теистической мысли этого периода в целом позволили поднять целый пласт знаний, которые находятся у истоков современной профессиональной философии в России.

При всём этом остается множество дискуссионных и нерешенных вопросов, над которыми и по сей день трудятся философы-историки и религиоведы. Одним из таких генераторов исследовательского интереса является творчество малоизученного представителя казанской «школы» православно-академического теизма Вениамина Алексеевича Снегирёва (1841–1889), который на протяжении своей научной и преподавательской деятельности занимался изучением отдельных аспектов психологической науки, исходя из задач духовно-академической школы.

В нашей статье мы не будем осуществлять общее обозрение концепции автора, а отсылаем читателя к уже имеющемуся аналитическому опыту в этом направлении [6, с. 94–120]. Здесь мы ставим перед собою следующую задачу: взглянуть на философско-психологические построения профессора-теиста в контексте проблемы веры и разума, что выступает методологическим принципом

формирования, с одной стороны, духовно-академической теории знания, а с другой – системы православной философии. Её решение предусматривает несколько этапов, которые нужно поступательно пройти. Сформулируем их в виде таких вопросов: а) к какой традиции можно отнести взгляды В. Снегирёва? б) какое место, по его мнению, занимает психология в системе философских наук? в) нашел ли ученый свой подход, исходя из собственных научных построений, к решению проблемы веры и знания?

При ответе на первый вопрос мы сразу же сталкиваемся с традицией метафизической психологии, истоки которой заложены в творчестве Платона и Аристотеля, стоиков и неоплатоников, т. е. речь идет о традиции умозрительной психологии, которая тянется от античности вплоть до XVIII–XIX вв. Если говорить об отношении к духовно-академической мысли, то нужно понимать ее как «своеобразную форму ортодоксально-философской антропологии XIX в.»: «философским ядром метафизической психологии духовно-академического тейзма является философское учение об особом статусе человеческой души, делающим её связующим звеном между посюсторонним и потусторонним мирами, и что это учение актуализируется в теории духовности души, обосновании бессмертия души и моральной метафизике» [5, с. 10]. В отличие от эмпирической психологии, которая использует факты, метафизическая психология, опираясь на идеально-нормативную точку зрения, пытается подняться над опытным уровнем и обобщить экспериментальные данные, сформулировав высшие законы духовной деятельности. Можно сказать, что она активно использует модели познавательных операций, руководствуясь при этом *метафизическими* принципами и концепциями. Следом за античным и святоотеческим наследием на становление православной метафизической психологии XIX в. имели огромное влияние «рационализм» лейбницевско-вольфианской школы, «мистицизм» шеллингианства, а также гегелевская идея о высшем назначении души, равно как для уяснения высшего смысла и значения душевных явлений. При этом по всем фронтам велась полемика с представителями «психологического материализма».

Что касается традиции православной психологии данного периода, то, по мнению современных исследователей, она обозначается отсутствием единства взглядов и наличием трех направлений: «идеалистического» (арх. Иннокентий (Борисов), В. Кудрявцев-Платонов, М. Каринский, П. Линицкий), «эмпирического» (В. Снегирёв, В. Несмелов, В. Серебренников) и «синтетического» (В. Карпов, Ф. Голубинский, арх. Никанор (Бровкович), И. Чистович) [5, с. 20]. Поспешность такой классификации не вызывает сомнения: во-первых, противопоставление бинарных (!) направлений «идеализма» и «эмпиризма», только запутывает понимание всех тонкостей и динамики развития православно-теистической мысли в Духовных Академиях, поскольку метафизическая методология, которую так часто использовали в своих подходах академические ученые, предполагала «сращенность» идеалистических и физиологических идей (напр., П. Авсенов, тот же Иннокентий (Борисов) и др.), во-вторых, что касается В. Несмелова, то его нельзя считать представителем чисто эмпирической психологии, поскольку в своей «Науке о человеке» он полностью отстраняется от «телесной природы», и, как отмечает Н. Гаврюшин, пытается сосредоточиться на «непосредственных данных сознания» [2, с. 619].

Эта поспешность в оценке касается и В. Снегирёва. Когда мы говорим о его личности, то нужно различать в нём, с одной стороны, «мыслителя-метафизика», который защищает свою спиритуалистическую точку зрения, а с другой стороны, «психолога-эмпирика», что пытается раскрыть суть понимания психологии как естественной науки, признающего на деле специальную логику психологической науки, которая опирается только на непосредственные факты эмпирического сознания. Действительно, несмотря на метафизическое положение, что душа есть трансцендентная основа индивидуального бытия человека, он считал, что познать мы её можем только в эмпирическом феномене человеческой личности. Вот именно эта человеческая личность, в связи с понятием сознания и самосознания, была центральным пунктом его психологической концепции. От-

сюда его негативное отношение к априоризму немецкой метафизики, осторожное отношение к абстрактно-метафизическим понятиям душевных способностей и сил. Но также не стоит забывать, что В. Снегирёв, включив в свою психологию физиологический элемент, никогда не ограничивался анализом и калькуляцией душевных явлений, а пытался синтезировать их в единое живое целое, т. е. понимающее, чувствующее и волящее.

Аналитика разрушает очевидность. Среди таких очевидностей в концепции профессора-теиста следует отметить минимум две – понятие *индивидуальности* (с которым связана категория личности) и *субстанциальности* человеческой души. Как обнаружил М. Вержболович, который, кстати, отмечал сильное влияние на него традиции английской психологии, ученый в принципе признавал душу с её априорными свойствами и самостоятельностью, присваивая законам ассоциации существенное значение в образовании психических форм, и ставил перед собою задачу «обозрение психической жизни в ее *цельности*, как она дана в живой человеческой *личности*, сохраняющей свое единство в разнообразных проявлениях ума, сердца и воли» [1, с. 459]. Этот же автор и называет подход В. Снегирёва «*психологическим индивидуализмом*», который вряд ли можно понять без тесной связи души с телом, что и составляет эту целостность, цельность личности, которая обеспечивается самосознанием. И здесь, следуя логике картезианской философии, мышление, как очевидный для православного теиста факт нашей личной жизни, начинается с идеи «Я», что выполняет важную гносеологическую функцию. Здесь и таится область конкретно-метафизической очевидности.

И в этом месте мы уже близко подошли ко второму вопросу. В одной из своих ранних статей «Психология и логика, как философские науки» (1876) автор разделяет все науки на три группы: *физические*, или *математические* (науки о внешней природе), *антропологические*, или «*гуманные*» (науки о человеке) и *философские*. Задавшись вопросом, куда отнести психологию и логику, В. Снегирёв сначала пытается ответить на вопрос: что такое философия вообще? Обращаясь к историческому обзору этой науки, он приходит к выводу, что философия представляет собою совокупность знаний или науку о доступной нашему наблюдению вселенной, которая дает нам мировоззрение. Таким образом, у нее есть свой, отличный от естественных наук предмет: она – «знание принципов». Пытаясь построить такое мирозерцание, чтобы оно имело общеобязательную силу, философия руководствуется идеалом полного понимания вселенной и абсолютного познания истины, полного согласия человеческих представлений о единой вселенной с её действительным бытием. Идеал этот есть *pium desiderium* человеческого духа, невидимый стимул его высшего развития. Но трагизм заключается в том, что этот идеал недостижим, и это видно на примере сложных коллизий двух основных направлений в истории философии – дуализма и монизма. Поэтому философ должен осознать, и чем быстрее, тем лучше, сколько бы он не размышлял о мире и его первоосновах, всё равно мы не можем уйти от самого себя, выйти из самих себя и посмотреть, что такое есть вне нас, помимо нас и независимо от свойства нашей физической и духовной природы. Прежде всего, мы видим себя и свои собственные состояния (вышеупомянутая очевидность нашего «Я»). Но каковы причины объективности? Как внутреннее становится внешним? Каким образом мы переносим свои состояния на внешний мир? В ответе на эти вопросы, считал теист, и состоит первая задача философии: *объяснить внутренние субъективные процессы можно только путем психологического анализа нашего представления о мире*. А уже позже, когда мы определили характер этих процессов, мы образуем общие всем субъектам представления, внося согласие и единообразие в мир мысли. За это в ответе логика. Таким образом, философия, аналитически раскрывая человеку неизвестных субъекта и объекта, пытается составить о них понятие и избрать тот тип мировоззрения, который бы соответствовал современному состоянию знания, способствовал решению множества важных жизненных вопросов. *Философия должна стремиться на основании учения о принципах создать «позитивную энциклопедию всего знания» как гармоническую целостность всех эмпирических ведомостей о мире и человеке*. Каково же

место психологии и логики в этом процессе? Они, «будучи вполне самостоятельными, эмпирическими науками, в тоже время остаются и всегда будут философскими потому, что служат единственным исходным пунктом и опорой всякого претендующего на научность философского умозрения» [7, с. 451].

К какой же группе наук относятся психология и логика? Из текста видно, что наш профессор, с одной стороны, относит их к положительному знанию, а с другой – к философскому. Тогда как в другой статье «Науки о человеке» (1876) он относит логику и философию (?) к «сложным», как он выражается, наукам о человеке, куда, собственно, относится и антропология. При этом делает следующее замечание: физиология духа составляет задачу и содержание психологии, которая, в свою очередь, составляет основу «всех наук гуманных, наук о явлениях духа человеческого в истории; потому что последняя цель этих наук состоит в том, чтобы разложить подлежащие их исследованию явления на их последние основные элементы и показать общие законы и общие условия, по которым и при которых они образуются из элементарных, психических деятельностей и состояний нашего духа»... [8, с. 88–89]

Какая-то путаница получается? Некоторые разъяснения мы встречаем в «Оглавлении» [9] к его изданному систематическому курсу лекций по логике. Первая и основная наука, которая определяет состав знания и его происхождение в индивидуальном духе, объясняет строение познавательной деятельности и познающей силы, ума, есть *психология знания*. Она составляет особый и общий отдел в системе наук о душе. Далее В. Снегирёв говорит об *истории философии*, которая рассматривает процесс развития знания в человеческом роде. Затем называется *гносеология*, или теория знания, которая входит в состав метафизики. Четвертая отрасль это «объединенное знание», которое организует в одну общую систему всё человеческое знание, – *философия* (?). И пятая наука о знании есть *логика* как наука о законах, условиях и критериях достоверности и истинности знания. Как видим, определенное противоречие остается во взгляде ученого на классификацию философских наук (а распутывать этот гордиев узел не входит в компетенцию нашей статьи), но одно остается несомненным, что *психология выступает здесь пропедевтикой и объединяющим основанием естественных и «гуманных» наук*, поэтому истоки обоих нужно искать в ней.

Психология, согласно своему предмету, должна быть в определенной мере естественной наукой, поэтому она не может быть ни «наукой о душе», поскольку её вопросы выходят за пределы позитивной науки и предполагают использование абстрактно-метафизической сферы мысли, ни дескриптивной дисциплиной, в результате чего мы получаем только «сырой» материал для построения теории. Согласно этому В. Несмелов, вспоминая фундаментальный подход учёного, замечал по этому поводу, что он выступал против «реально-научного» построения умозрительной психологии и против «феноменологии души», а также физиологической психологии как науки. Он брался за построение своей науки с принципиально разных точек зрения, полемизируя с разнообразными подходами – спиритуалистическим, физиологически-материалистическим и интроспективным, не ограничиваясь общими типами психологии. По мнению современных исследователей, поиск оптимальной модели синтеза эмпирических и рациональных методов метафизической психологии привёл православного ученого к «теистическому натурализму» [5, с. 140]. Все его лекции объединяла одна черта: «негативное отношение... к схоластическому построению системы психологии и до всякой схоластической терминологии, особенно – к общепринятому разделению человеческой души на отдельные силы и способности» [4, с. 109]. Его критику схоластической методологии неверно связывать с агностицизмом и феноменализмом, поскольку психология, как он утверждал, должна передавать эстафету метафизике, вступать в сферу умосозерцания. Исходя из этого, конечно же, *психология является опытной пропедевтикой к «специальной метафизике духа»*.

Пытаясь понять сущность психологической теории В. Снегирёва, мы должны отойти от узкоаналитического подхода, чтобы не запутаться опять в тех же противоречиях, и попытаться рассмотреть метафизические и гносеологиче-

ские основания его взглядов сквозь призму проблемы веры и разума, которая нам в этом поможет. Является ли соотношение веры и разума для нашего ученого-теиста проблемой? Ответ – да. И это видно на примере его работы «Спиритизм как философско-религиозная доктрина» (1871), в которой автор выделяет два направления умственной жизни человека – *мистицизм* и *рационализм*. Основная черта мистицизма «не только глубокая непоколебимая уверенность в бытии сверхчувственного и потому таинственного мира, но также сознание, чувство непосредственной связи с этим миром, его постоянного влияния на человеческую жизнь и стремление войти в осязательное общение с этим таинственным миром. Рационализм, напротив, есть всегда, в большей или меньшей мере, отрицание сверхчувственного и характеризуется отвращением от всего непонятного, сокровенного и таинственного. Тот и другой – мистицизм и рационализм – имеют глубокое основание в самой природе человека, и потому-то так постоянно являются основными направлениями его интеллектуальной жизни» [9, с. 17].

Утверждая существование непосредственного знания в человеке, неопровержимое никакими силлогизмами, автор настаивает на том, что человек на всех ступенях своего развития, согласно своей природе, *мистик в глубине души*. С другой стороны, пользуясь своим разумом, человек постоянно открывает одну тайну за другой. По мере успеха в этом деле область мистического суживается. Сознание успеха, своей силы и власти над окружающим миром возбуждает в нем гордость и самомнение. Поэтому (не противоречит ли себе?) В. Снегирёв говорит, что человек – рационалист по своей природе, с тем только ограничением, что вера во всемогущество разума есть иллюзия, которая легко может быть разрушена, если человек захочет. Никогда с очевидностью нельзя утверждать, что нет ничего сверхчувственного, так как для этого нужно выйти за предел своей ограниченности, чего человек не может сделать. Для того, чтобы доказать это, утверждает исследователь, нужно перестать быть человеком. «Мистическое направление, понимаемое в широком смысле, есть, таким образом, первоначальное, основное, непоколебимое и неуничтожимое направление познающего духа человеческого. Рационализм есть, напротив, так сказать, производное, вторичное направление, непрочное и временное по своей природе» [9, с. 19].

Удовлетворение мистического направления в условиях земной жизни возможно только в откровенной религии, а рационалистического – в фактах науки. Гармония этих двух начал очень редко осуществляется в отдельном человеке, и потому это становится проблемой интеллектуальной жизни всего человечества. Причем мистицизм и рационализм постоянно преступают пределы, отведенные им их природою, находятся в постоянном состязании (борьбе!). Если преобладает мистицизм, человеку кажется, что он видит «чудеса в самых простых и обыденных явлениях, всюду видит глаголы духа и его деятельность». Если возобладает рационализм, то он приходит к признанию мира «чистым и весьма простым, в сущности, механизмом», преклоняется перед разумом человеческим как высшим и совершеннейшим механизмом. Таким образом, *мистицизм вырождается в неверие и кощунство, а рационализм – в крайний скептицизм*. Отсюда, считает В. Снегирёв, задача философии состоит в том, чтобы выработать «...целостное разумное мирозерцание [которое. – И. П.] всегда должно быть органическим единством обоих направлений в законных пределах того и другого, должно объединять в себе непознаваемое и познаваемое, бесконечное и конечное, временное и вечное, таинственное и понятное, должно быть единством положительного знания и веры, единством эмпирической науки и откровенной религии» [9, с. 19].

И именно здесь на помощь философии приходит психология, в которой, по мнению Ю. Стоянова, «сплетаются воедино извечный вопрос о вере и разуме, жизни ума и сердца» [12, с. 281]. В реальности мы имеем дуализм, который перерастает в мировоззренческую и историко-философскую проблему, тогда как на философско-психологическом уровне, масштабность которого казанским теистом раскрыта в его обширном курсе лекций по психологии, мы видим тенденции к сближению мыслимого и действительного, веры и разума. Как это возможно?

Как нам кажется, в этом месте нужно быть осторожными, чтобы не впасть в «схематизм», а точно понять логику психологической мысли автора. Ключевым здесь представляется принцип *тождества сознания и жизни*, который конкретизируется в двух методологически важных замечаниях В. Снегирёва: а) *тождество сознания и сознаваемого* и б) *внесение души с её состояниями в состав идеи личности* (с применением метафизического и феноменологического толкования). Благодаря этим принципам и первоначальным законам сходства и смежности, жизнь *субъекта-души* предстает пред нами как «живой и непрерывный процесс», в котором тесным образом связаны низшие и высшие деятельности души, где последние, в свою очередь, представляют *триединство «ума-сердца-воли»*. Эти явления, возникая постепенно, развиваясь в той или другой мере в течение всей жизни человека, связаны между собою органически, т. е. предполагают и обуславливают друг друга, одно без другого существовать не могут, хотя каждое имеет свою долю самостоятельности и независимости. Своею органическою совокупностью они и составляют то, что можно назвать «*душевым организмом*». С другой стороны, сложные процессы ума, сердца и воли суть психические механизмы с определенным значением и определенными целями. В основании *ума*, как единства *разума* (интуитивного мышления или созерцания) и *рассудка* (дискурсивного суждения), душа действует целиком, предполагая: «1) учение о различении субъекта и объекта или образование идей я и внешнего; 2) учение о восприятии (опыте) и представлении; 3) общую идею, или понятие; 4) суждение и умозаключение» [10, с. 287]. Тогда как сердечное чувство является «*двигателем всей душевной жизни*, – иначе, – он мотивирует все её процессы», именно им «создается ценность жизни» [10, с. 371, 374].

Что касается разделов «Нравственное чувство» и «Религиозное чувство» в психологической теории В. Снегирёва, то в них он больше предстает как ученый-метафизик, чем психолог-эмпирик. Высказываясь за синтез утилитарной и интуитивистской теорий морали, способ приближения к этическому он видит в построении «психологической теории нравственного чувства», которая исходит из необходимости признания его внутренней основы. Для ученого-теиста представляется очевидной та истина, что мораль невозможна без личности, тогда как, в свою очередь, личность невозможна без идеала. Сознание лежащего в основе жизни духа, сознание организационного плана как конечной цели его бытия и развития и дает начало тому, что называется идеалом. Идеал как «представление совершенства, конечной цели человеческой природы» постепенно и незаметно изменяется в своем составе и формальном отношении своих частей под влиянием опыта внешнего, но по своей сути влияет ключевым образом на формирование нравственного чувства.

«В результате же тесной связи идеала совершенства человеческой природы с реальным первообразом его, идеалом всесовершенства, Богом, чувство долга превращается в любовь к Богу, т. е. к идеалу и источнику всех совершенств. Тогда самый процесс исполнения должного, осуществления в жизни идеала, становится величайшим наслаждением, соединяется с чувством близости Божества, жизни в нем и т. п. Самая тень какого-либо принуждения исчезает, и наступает то состояние праведности, когда самые заповеди и предписания закона нравственного становятся излишними – исчезают из сознания: они сливаются с жизнью и деятельностью человека, становятся жизнью, которая раскрывается со всею, возможною для человека, полнотою и совершенством» [10, с. 581]. Здесь В. Снегирёв наметил уже переход от нравственного чувства к религиозному, пытаясь раскрыть психологические основы религии. Именно в религиозном чувстве достигает своего апогея тождество сознания и жизни. Признавая ограниченными и несостоятельными эволюционизм, подходы И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Шлейермахера, М. Мюллера, автор исходит из утверждения, что религия есть сознание человеком присутствия в мире всемогущей личной силы, т. е. Личного Существа и своей непосредственной связи и соотношения с ним: «в основе религии лежит идея всемогущей личной силы, или всемогущей Личности, присущей миру и вызывающей в человеке особого рода волнения-чувства и действия» [10, с. 599].

Идея Бога возникает в человеке необходимо и присуща ему скрытно, в самой природе его духа, по самому строю его внутренней жизни и деятельности, или, как прежде выражались, «прирожденна» ему. Идея бесконечного, убежден профессор, есть составная и логически необходимая часть процесса самосознания. Степень ясности своего «Я», своей личности пропорциональна степени ясности идеи Высшего Существа. Насколько индивидуально и ясно осознаётся представление о своей личности, настолько же определено возникает представление об особенностях и основных свойствах Бесконечной Личности. В этом, по нашему мнению, и состоит суть «психологического» доказательства бытия Бога В. Снегирёва. Отсюда уже само собою возникает искание Божества, вера как инстинктивное стремление познать Его, при этом быть с Ним в определенных отношениях. Такое «откровение» высшей жизни в пределах эмпирического сознания, которое, по сути, является проводником идеального начала в психические процессы, В. Зеньковский называет «интуицией идеального» [3, с. 35].

Итак, «психология живой личности» Вениамина Алексеевича Снегирёва как представителя православно-академического теизма XIX в. является самобытной и интересной попыткой создания синтетического варианта психологической науки на началах теизма путем объединения спиритуалистического и эмпирического (психофизиологии) подходов. Именно в этих науках о душевных явлениях, в их взаимных соотношениях, в их отношении к физиологическим состояниям организма и в их основе, или конечной причине, ученый-теист видит разгадку природы личности, как верно подметил В. Несмелов, «эмпирической проекции трансцендентной основы в эмпирическом феномене человеческого сознания». Таким трансцендентным коррелятом сознания личности, как мыслящей, чувствующей и волящей, выступает идея Личного Бога, без которой невозможно единство сознания, тождество сознания и жизни. Поэтому-то психология выступает исходным началом и «опытной опорой» метафизики духа. В этой психологии субъективности («психологическом индивидуализме»), где за «данными сознания», как синтезом мысли и чувства, скрывается теистический норматив, выразившийся в форме идеи Бога-Личности, объединяются метафизический и физиологический элемент, тело и душа, создавая необходимую целостность нашего «Я» как антропологическую предпосылку единства религиозной веры и положительного знания.

Библиографический список

1. Вержболович М. Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. – 1895. – Т. 2. – Ч. I. – С. 455–487.
2. Гаврюшин Н. К. Антропология в свете гносеологии: В. А. Снегирев и В. И. Несмелов // Этюды о разумной вере. – Минск : Белорус. Правос. Церковь, 2010. – С. 612–625.
3. Зеньковский В. В. Задачи религиозной психологии // Христианская мысль. – 1917. – № 1. – С. 24–45.
4. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирёва // Православный собеседник. – 1889. – № 5. – С. 97–154.
5. Пинчук В. Ю. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / УГПИ. – Уссурийск, 2003. – 169 л.
6. Поль В. А. Философский теизм в Казанской духовной академии: опыт системной реконструкции и интерпретации : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / УГПИ. – Уссурийск, 2007. – 175 л.
7. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки (Из вступительных чтений в курсы психологии и логики) // Православный собеседник. – 1876. – № 8. – С. 427–451.
8. Снегирев В. А. Науки о человеке // Православный собеседник. – 1876. – № 9. – С. 62–89.
9. Снегирев В. Спиритизм как философско-религиозная доктрина // Православный собеседник. – 1871. – Ч. I. – С. 12–41, 279–316; Ч. III. – С. 9–51, 142–172, 282–330.
10. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений. – Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1893. – IV, XXV. – 700 с.
11. Снегирев В. А. Логика. Систематический курс чтений. – Харьков : Тип. Адольфа Дарре, 1901. – VI. – 320 с.
12. Стоянов Ю. А. Гносеологические воззрения В. А. Снегирева // Вече. Альманах русской философии и культуры. – 2004. – № 16. – С. 279–286.

© Печеранский И. П.

О БЕССМЕРТИИ

Е. М. Иванов

Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

ABOUT IMMORTALITY

E. M. Ivanov

Saratov Chernyshevsky State University, Department of Theology and Religious Studies, Saratov. Russian Federation

Summary. The problem of immortality is considered in the context of the philosophy of individual "the self", and the idea of non-locality of the soul of man in time. Examines the problem of personal identity. Covers a wide range of problems in the philosophy of mind, philosophy of individuality and theory of knowledge.

Key words: immortality; soul; personal identity; consciousness; non-locality in time.

Обычно под бессмертием понимают неограниченную по времени жизнь. Бессмертный – это тот, кто, родившись, живет неограниченно долго, не умирая. Является ли, однако, бесконечная жизнь (понимаемая как биологическое существование) истинным, желаемым нами бессмертием? Рассмотрим для примера одноклеточный организм: амёбу или бактерию. Претерпевая время от времени деление, микроорганизм, при благоприятных условиях, может существовать неограниченно долго. Но можно ли утверждать, что амёба или бактерия бессмертны? Бессмертие предполагает не просто сохранение биологической жизни как таковой – в смысле наличия каких-либо живых организмов или сохранения определенных форм жизни, но предполагает сохранение жизни «одного и того же», тождественного себе организма, тождественной себе индивидуальности. Можно ли, однако, рассматривать амёбу в качестве «себетождественной индивидуальности»? Положительный ответ на этот вопрос представляется сомнительным, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, амёба периодически делится пополам. Ясно, что в лучшем случае лишь одна из этих половин может считаться «той же самой амёбой», что существовала до деления. В самом деле, если вместо одной амёбы получилось две, то мы, очевидно, имеем две разные индивидуальности, а не два экземпляра одной индивидуальности – в противном случае нам пришлось бы всех амёб с идентичным генетическим кодом рассматривать как одну и ту же амёбу, но существующую сразу в нескольких экземплярах. Если деление осуществляется в достаточной мере симметрично, то у нас нет особых оснований считать, что одна из амёб сохранила исходную индивидуальность, а другая – нет. Следовательно, весьма вероятно, что каждое деление на самом деле – это не гарантия бессмертия, а, напротив, подлинная смерть исходного индивидуума и рождение двух совершенно новых индивидуальностей.

Во-вторых, возникает вопрос – в какой мере мы вообще имеем право приписывать амёбе какую бы то ни было индивидуальность, даже в промежутке между делениями?

Понятие о единой индивидуальности, сколь бы ни было оно неясным и неопределенным, в конечном итоге основано на нашем субъективном опыте. Единственный известный нам пример подлинной единичной индивидуальности – это наш собственный внутренний мир – наша субъективная реальность. Эта субъективная реальность существует в виде единого и единичного «Я» (субъекта), и этот субъект обладает, очевидно, не биологической, а психической природой. Равно и жизнь, как она непосредственно переживается нами, – это не биологическое существование, не обмен веществ, рост, питание и размножение, а жизнь души, жизнь конкретной личности, конкретного психического «Я».

Ясно, что психическая жизнь, жизнь «Я», не тождественна биологической жизни моего организма. В состояниях комы, при тяжелых повреждениях мозга

психическая жизнь может отсутствовать полностью, тогда как с точки зрения биологии организм продолжает жить. Если бы в этом состоянии отсутствия психической жизни нам удалось неограниченно долго поддерживать жизнь биологическую, мы отнюдь не получили бы желаемого бессмертия. Жизнь «Я» невозможно отождествить даже с жизнью мозга, поскольку кома, бессознательное состояние вполне совместимы с биологически деятельным, «живым» состоянием нашего мозга.

С другой стороны, очевидно, что далеко не все биологические процессы в моем мозге или организме в целом находят какой-то отклик в моем субъективном внутреннем мире. Следовательно, сохранение этих процессов априори не является необходимым условием сохранения моего «Я».

Итак, ясно, что бессмертие следует понимать не как неограниченное продление биологического существования, а как неограниченное по времени существование конкретного индивидуального «Я», конкретной личности. Подчеркнем, что речь идет не о сохранении психической жизни как таковой – она будет существовать до тех пор, пока существует род людской, – а именно об индивидуальной психической жизни, о конкретном «Я». Умирает ведь не родовая сущность души, не психическая жизнь вообще, а конкретная психическая индивидуальность. Всякие мероприятия, направленные на продление жизни должны гарантировать, прежде всего, сохранение тождественного «Я», иначе они лишены всякого смысла.

Отсюда следует, что центральным вопросом «философии бессмертия» является вопрос о природе и критериях тождества индивидуального «Я». Этим вопросом, прежде всего, мы и будем заниматься в данной работе.

Что такое «Я»? Каким образом это «Я» соотносится с содержанием нашего внутреннего мира? Как «Я» сопряжено с деятельностью моего мозга? Чем определяется тот факт, что «Я» – это «Я», а не кто-либо иной? По каким признакам, наконец, мы можем установить, что мы имеем дело с одним и тем же «Я»? Все эти вопросы имеют не только теоретическое, но и практическое значение. По мере того, как человечество будет всё более основательно вмешиваться в собственную биологическую организацию, пытаясь улучшить то, что сделано природой, пытаясь, в частности, оградить себя от смерти, продлить жизнь, тем более актуально будут звучать поставленные нами вопросы.

1. Детерминация «Я»

После того, как мы отделили проблему сохранения тождества психического «Я» от проблемы сохранения биологической жизни организма, встает вопрос: как соотносятся психическое «Я» и физическое тело? Не являются ли проблемы сохранения тождественного «Я» и сохранения телесной организации тождественными проблемами – как бы двумя сторонами одной и той же проблемы?

Поскольку психическое, внутренний мир определенным образом зависит от телесной организации и функции тела, а именно непосредственно связан с функциями мозга, вполне оправдана постановка вопроса о телесных (физических) детерминантах нашего «Я». Какие свойства моего тела и мозга определяют тот факт, что я – это я, а, скажем, не Сократ и не Петр Первый? Какие физические, физиологические, биологические процессы в моем организме обуславливают индивидуальность и тождественность моего «Я»?

Достаточно очевидно, что тождество моего «Я» не может непосредственно определяться тождественностью атомов или элементарных частиц, составляющих мое тело. Во-первых, обмен веществ приводит к тому, что в течение ряда лет (обычно называют цифру 7) атомный состав моего тела практически полностью обновляется. Это, однако, по всей видимости, не ведет к потере тождества «Я».

Во-вторых, современная физика утверждает, что частицы, а также атомы одного сорта абсолютно тождественны, лишены всяких различий, и в ситуации, когда нет никакой возможности отличить одну частицу от другой даже по пространственному положению, они полностью утрачивают всякую индивидуальность. Таким образом, замена атомов тела тождественными атомами того же сор-

та не может привести к каким-либо наблюдаемым следствиям, которые могли бы быть ассоциированы с потерей тождества «Я».

Таким образом, говорить: «я – это я, поскольку состою именно из этих, а не каких-то других атомов», – бессмысленно как с точки зрения биологии, так и с точки зрения физики.

Если в физическом мире индивидуальность отсутствует, то как же она может возникнуть в мире психическом? Не указывает ли это обстоятельство на «внефизическую» природу человеческой психики?

Те сложности, которые возникают при попытке найти объективные, «материальные» основания нашей индивидуальности, можно попытаться обойти, предположив, что хотя материя сама по себе действительно лишена всякой индивидуальности, тем не менее индивидуальность возникает на определенном уровне организации как «системное свойство» (т. е. свойство, возникающее как «эффект» сложной организации материи). Поскольку материя, по предположению, лишена индивидуальности, то, очевидно, источником индивидуальности в этом случае может служить лишь форма организации материи, точнее говоря, ее структурно-функциональная организация.

Можно рассуждать следующим образом: поскольку атомы, входящие в состав моего тела, непрерывно обновляются, то единственное, что остается в определенных пределах неизменным, – это структурная и функциональная организация моего тела и мозга. Последняя в конечном итоге задается расположением и состоянием отдельных атомов внутри моего тела. Можно предположить, что индивидуальные особенности этой структурно-функциональной организации и обеспечивают индивидуальность моего «Я», а относительная стабильность этой организации обеспечивает тождество «Я» во времени.

Однако легко усомниться в истинности данного предположения. В самом деле, всякая конечная структура, в принципе, может быть скопирована, воспроизведена в нескольких экземплярах. Если наше «Я» целиком определяется структурной организацией нашего тела, т. е. в конечном итоге тем порядком, в котором атомы расположены внутри тела, то, скопировав эту структуру, мы тем самым смогли бы воспроизвести и «уникальное» индивидуальное «Я» того психического субъекта, которому принадлежит данное тело. Но последнее представляется абсурдным, так как противоречит самой сущности «Я» как единичной индивидуальности.

Проиллюстрируем сказанное с помощью мысленного эксперимента. (Идея эксперимента заимствована у С. Лема [7]). Еще в 50-х годах Н. Винер предложил способ «путешествия по телеграфу» [2]. Он рассуждал следующим образом: поскольку атомный состав нашего тела непостоянен, наша личность, «Я», всецело определяется структурной организацией нашего тела, которая, в свою очередь, целиком и полностью определяется расположением атомов внутри тела. Но в таком случае вместо того, чтобы перемещать с места на место материальное тело, мы могли бы передавать (например, с помощью телеграфа) информацию, описывающую с большой точностью расположение атомов внутри тела. Используя эту информацию, можно в точке приема сообщения «собрать» копию исходного индивидуума из тождественных атомов и тем самым как бы «перенести» данного индивидуума (со скоростью света!) в любую удаленную точку пространства.

Вместе с тем, ясно, что оборудование, используемое для «путешествия по телеграфу», можно использовать и для других целей, помимо дальних путешествий со скоростью света. Например, это оборудование можно использовать для «размножения» нашего путешественника. Для этого достаточно лишь многократно повторить операцию копирования на «выходе» устройства для телепортации или же просто сохранить оригинал. Если индивидуальное «Я» целиком определяется структурой тела, то каждая копия (так же как и оригинал) должна обладать «одним и тем же» тождественным «Я».

Предположим, что я являюсь копируемым субъектом. Предположим также, что я нахожусь в комнате, в которой расположен копирующий аппарат. В какой-то момент открывается дверка аппарата и в комнату входит мой двойник. Могу ли я,

глядя на него, утверждать, что он и я – это один и тот же субъект, одно и то же «Я»? Очевидно, нет. В самом деле, если моего двойника ударят, я не почувствую боли. Если его через некоторое время застрелят, я буду продолжать жить, возможно, даже не подозревая о том, что у меня был двойник. Наоборот, если меня поведут на расстрел, то существование двойника вряд ли будет служить для меня утешением. Вполне возможно, что в данный момент во Вселенной существуют сотни моих двойников, но это не в коей мере не снизит трагизм моей собственной смерти, ведь умру именно я – единственный и неповторимый.

Абсурдность ситуации «размножения» «Я» заставляет нас сделать вывод, что наше «Я» есть нечто в абсолютном смысле единичное и неповторимое. Следует признать, что никакое «размножение» или «удвоение» «Я» в принципе невозможно. Не могут существовать два или более независимых друг от друга индивидов, обладающих одним и тем же «Я». (Последнее утверждение мы будем далее для краткости называть «принцип неудоимости Я»).

Отсюда следует, что «Я» ни в коей мере не определяется структурной организацией тела, по крайней мере в том случае, если мы докажем, что данная структура в принципе может быть скопирована. Таким образом, получается, что индивидуальность и самотождественность нашего «Я» не определяются ни «индивидуальностью» атомов, входящих в состав тела, ни структурной организацией тела, т. е. получается, что она вообще не определяется чем-либо «материальным», доступным для научного исследования.

Отметим далее, что «неудоимость» «Я» уже сама по себе исключает возможность какой-либо внешней детерминации индивидуальности. В самом деле, если бы существовали какие-то внешние (т. е. отличные от самого «Я») факторы, способные при их сочетании породить конкретное «Я», то, очевидно, принцип «неудоимости Я» был бы нарушен. Если эти факторы способны породить данное «Я» в одной точке пространства, то что, спрашивается, может помешать этим же факторам породить то же самое «Я» и в любой другой удаленной пространственной точке? Но в таком случае мы опять сталкиваемся с парадоксом «раздвоенного Я».

Отсюда можно сделать вывод, что единственной причиной, способной породить конкретное «Я», может быть лишь само это «Я». То есть «Я» – есть причина себя (*causa sui*). «Я», таким образом, есть нечто субстанциональное – оно само себя порождает и само поддерживает свое собственное существование во времени. (Следует отметить, что субстанциональность «Я» принимали уже неоплатоники. У Плотина душа человека – это «единичный логос Ума», т. е. идея данной конкретной индивидуальности, изначально присутствующей в божественном уме. Таким образом, «Я» не есть нечто тварное, напротив, «Я» – совечно Богу. Прокл также утверждал, что «всякая душа жива сама от себя».)

Субстанциональность, самодетерминированность «Я» очевидным образом исключает возможность возникновения, формирования или становления единичной индивидуальности. Если причиной моего существования могу быть лишь я сам, то это указывает на существование моего «Я» (по крайней мере в какой-то латентной форме) до моего рождения. Если я существую сейчас, то это значит, что я существую от начала времен. Фактически здесь мы уже имеем доказательство «бессмертия души»: если конкретное «Я» может возникнуть лишь само от себя, то, очевидно, оно уже было до моего рождения. Но в таком случае есть все основания надеяться, что это «Я» переживет и мою телесную смерть. Поскольку смерть не способна изменить те обстоятельства, которые сделали возможными само мое рождение, она не может уничтожить то «латентное» «Я», которое явилось причиной «рождения» моего «явного», телесно воплощенного «Я».

В связи с этим следует различать «эмпирическое» «Я», непосредственно проявляющее себя в виде моей актуальной душевной жизни, и «метафизическое» «Я», являющееся глубинной «латентной» основой «эмпирического» «Я». Это метафизическое «Я», очевидно, нельзя отождествить с потоком актуальных переживаний в моей душе.

Непосредственная очевидность существования «метафизического» «Я» проистекает из того факта, что поток сознания может прерываться, временно «уничтожая» «эмпирическое» «Я», а затем восстанавливаться без потери самоидентичности «Я». Мы имеем здесь в виду состояния обратимой комы, наркоза или сна без сновидений. В этих состояниях «эмпирическое» «Я» – в виде «потока сознания» – отсутствует, но нельзя утверждать, что данное конкретное «Я» вообще перестало существовать. Ведь если бы «Я» полностью исчезало вместе с исчезновением «потока переживаний», то каким образом оно могло бы возродиться как «то же самое "Я"» после выхода из состояния субъективного небытия?

Поскольку, как установлено выше, причиной существования «Я» может быть лишь само это «Я», то очевидно, что «Я» в какой-то «скрытой», неявной форме продолжает существовать и в состояниях, когда наша актуальная духовная жизнь полностью угасает.

Субстанциональность «Я» делает бессмысленными проекты достижения индивидуального бессмертия путем «переселения» личности в компьютер или перенесения ее в виде некоторой информации на какой-то иной, искусственно созданный субстрат (см. [6]). Если наше «Я» – это что-то вроде компьютерной программы, то, очевидно, такую программу можно одновременно установить и запустить в действие сразу на нескольких компьютерах, но в таком случае мы снова сталкиваемся с парадоксом «удвоенного Я».

Неудвойность «Я» исключает также возможность истолковать «Я» как совокупность «индивидуальных особенностей» психической организации конкретной личности, при условии, что эти особенности задаются конечным числом признаков и, следовательно, принципиально воспроизводимы.

По той же причине «Я» не может быть тождественно какой-либо конечной совокупности информации – ведь всякая конечная информация принципиально воспроизводима и размножима. (Отсюда вытекает ошибочность так называемого «информационного подхода» к решению психофизической проблемы [3], сторонники которого отождествляют индивидуальную психику (субъективную реальность) с информацией, запечатленной в нейродинамическом субстрате.)

2. Природа «Я»

После того, как мы исследовали в общих чертах вопрос о факторах детерминации «Я», мы можем перейти к главному нашему вопросу: чем же конкретно является наше уникальное, самотождественное «Я»?

Прежде всего, зададимся вопросом: что представляет собой наше «Я» по отношению ко всем прочим явлениям душевной жизни? Что означают фразы: «я вижу это», «я думаю об этом» и т. п.? Очевидно, это означает, что данный образ или идея входят в круг явлений, который я обозначаю как «круг моих субъективных переживаний». Принадлежность к «Я» ничего не прибавляет к ощущению, образу или идее, а лишь обозначает принадлежность к определенной целостной системе переживаний. Отсюда можно сделать вывод, что «Я» следует понимать как фактор, создающий единство нашей душевной жизни. Объяснить, что такое «Я», с этой точки зрения – это то же самое, что и объяснить, что и каким образом соединяет разнородные субъективные переживания в единое целое.

Различие «Я» и «не-Я» можно в таком случае истолковать как различие формы отношений, с одной стороны, элементов (переживаний) внутри единого «Я», а с другой, отношений этих же элементов к внеположному данному «Я» «внешнему миру». Т. е. отношение между «моими» переживаниями – переживаниями, которые реализуются «внутри» моего «Я», существенным образом отличается от отношения между «моими» переживаниями и объектами, относимыми к внешнему миру.

Итак, пред нами стоит вопрос: что же соединяет субъективные феномены в единое целое и таким образом создает феномен «индивидуального Я»? Очевидно, что фактор, создающий «душевное единство», может быть либо трансцендентным по отношению к самим душевным явлениям, т. е. может соединять субъективные феномены «извне» – не входя при этом в состав феноменально

данного, либо данный фактор имманентен душе – есть нечто непосредственно переживаемое, данное в составе субъективного опыта.

Первая, «трансцендентальная» концепция «Я» предполагает понимание «Я» как «чистого взора», «невидимого наблюдателя», взирающего извне на поток субъективных событий. В этом случае синтез субъективных феноменов в единое целое осуществляется чисто внешним образом – за счет некой абстрактной принадлежности переживаний конкретному «трансцендентному Я». Главный недостаток этой концепции в том, что в этом случае мы имеем весьма характерную для многих философских теорий внутреннюю несогласованность онтологии и теории познания. Если «Я» есть нечто, пребывающее за пределами данного в опыте, то, очевидно, никакое подлинное знание или понятие об этом «Я» в принципе не возможно.

Если «Я» – это не пустое слово, то это слово должно указывать на нечто, присутствующее в составе опыта. Таким образом, единственным приемлемым решением проблемы природы «Я» является «имманентная» теория. Вместе с тем, было бы напрасным занятием искать какое-то особое, выделенное переживание, соответствующее «чувству» собственного «Я». Здесь был абсолютно прав Дэвид Юм: я вижу стену, но не вижу какого-либо «Я», взирающего на эту стену. «Я» не существует как нечто отдельное и обособленное от других переживаний. По существу, любое мое переживание, чувственное или сверхчувственное, именно в силу того, что это мое переживание, есть переживание моего собственного «Я».

Отсюда следует, что «Я» и душа (феноменальное сознание) – суть одно и то же. «Я» – это и есть совокупность всех «моих» душевных явлений, рассматриваемых с точки зрения их единства и взаимосвязи. То, что соединяет внутренний мир субъекта в единое целое, – это сами субъективные феномены. Душа сама создает свое собственное единство, или, точнее, единство – это изначальное, неотъемлемое свойство душевных явлений.

Далее нам необходимо выяснить, каким образом осуществляется это единство явлений душевной жизни. Можно выделить три онтологически отличные формы душевной жизни: сферу чувственных феноменов (ощущения, сенсорные образы и представления), сферу смысловых феноменов и аффективно-волевую сферу (см. подробнее [4]).

В чувственной сфере единство души проявляется как феномен существования единого полимодального «перцептивного поля» актуально переживаемого. Отдельные ощущения переживаются нами не изолированно друг от друга, а, напротив, даны нам соотносительно друг с другом. Иными словами, переживаются не только отдельные чувственные качества, но и многообразные отношения между ними. Как результат – чувственный образ – не есть простая сумма отдельных ощущений. Он, в частности, не тождественен пространственному и временному распределению модально специфических чувственных качеств. Синтез ощущений в единую целостную структуру – «гештальт» – осуществляется не только внутри каждой отдельной сенсорной модальности. Существуют и межмодальные синтезы. Реальный чувственный образ обладает полимодальной природой, так как зрительная картина мира согласована с тактильной, кинестетической и звуковой «картинами» мира: звук, исходящий от предмета, локализован субъективно в том же месте, где и зрительный образ данного предмета, и в этой же области субъективного пространства я обнаруживаю данный предмет осязательно.

В целом форму единства чувственных переживаний можно характеризовать как сочетание единства и множественности: это множество отдельных чувственных переживаний, данное нам в единстве. Элементарные ощущения не просто переживаются, но сопереживаются, то есть как бы постоянно апеллируют друг к другу, соотносятся друг с другом, даны всегда на фоне каких-то других чувственных переживаний и сами воздействуют на восприятие этого фона. Это единство чувственно переживаемого можно рассматривать как непосредственное проявление единства «Я» в сфере чувственности.

Более радикальная форма единства и взаимосвязи наблюдается в сфере сверхчувственных, смысловых явлений. Если ощущения и чувственные образы

можно, хотя бы искусственно, отделить друг от друга (например, путем ограничения поля зрения), то смыслы вообще не могут существовать изолированно друг от друга. Любой смысл обладает какой-либо содержательной определенностью лишь в силу того, что он находится в определенном соотношении со всеми другими смыслами, раскрывающими его содержание. Смысл – можно определить как «чистое знание» (т. е. знание, лишенное чувственной формы представленности). Но всякое конкретное знание что-то значит лишь в силу того, что оно может быть определенным образом интерпретировано, объяснено, т. е. в силу того, что оно находится в определенном потенциальном отношении со всем «массивом» знаний субъекта – в конечном итоге со всей информацией, содержащейся в его памяти.

Совокупное знание субъекта можно определить как присущее ему «смысловое поле». Мы можем утверждать, что любой единичный смысл обретает определенность лишь в составе единого смыслового поля – в силу того, что он, образно говоря, «занимает определенное место» в составе этого поля.

Под «единичным смыслом» мы обычно понимаем смысл какого-либо определенного, чувственно переживаемого феномена – ощущения, образа или представления. Смысл рождается, когда осмысляемый чувственный элемент соотносится с целостным «смысловым полем». То есть «единичный смысл» – это то же самое единое «смысловое поле», но взятое в определенной «чувственной перспективе», когда осмысляемый чувственный элемент выбирается как бы в качестве начальной «точки отсчета» – «точки» начала потенциально возможных разветвок системы смысловых связей между отдельными информационными единицами, хранящимися в памяти.

Итак, мы видим, что в сфере «чистых смыслов» в полной мере реализуется принцип «всё во всём»: в каждом отдельном смысле потенциально содержатся все другие смыслы, единство здесь абсолютно доминирует над множественностью, и «единичный» смысл можно выделить лишь как некую абстракцию, имеющую значение лишь в соотношении с определенным текущим чувственным содержанием души.

В аффективно-волевой сфере единство «Я» проявляется как единственность выбора поведенческих интенций, которые должны быть реализованы. Единство «Я» здесь – необходимое условие осуществления каких-либо определенных поведенческих актов.

До сих пор мы рассматривали, так сказать, «одномоментную» форму единства и взаимосвязи душевных явлений. Однако более интересна для нас форма временного единства души, являющаяся основой тождества «Я» во времени.

Единство во времени имеет место уже на уровне чувственных феноменов: наше «перцептивное поле» синтезирует не только одновременные, но, в определенных пределах, и последовательные во времени ощущения. Это единство во времени непосредственно переживается нами как конечная, ненулевая протяженность нашего чувственного «сейчас».

Максимальная протяженность чувственного «сейчас» составляет, по всей видимости, несколько секунд. Это та временная протяженность, внутри которой последовательные во времени события могут быть «схвачены» в едином акте восприятия или представления. Благодаря такого рода «временной нелокальности», «размазанности» во времени субъективного «сейчас» мы способны непосредственно воспринимать окружающий мир в динамике, как непосредственно длящийся, движущийся. В противном случае мы воспринимали бы мир как серию сменяющих друг друга статичных «кадров». В самом деле, чтобы увидеть движение именно как движение, необходимо в едином акте восприятия совместить настоящее, прошлое и ближайшее будущее движущегося объекта, а это возможно лишь в силу конечной (ненулевой) временной протяженности нашего чувственного «сейчас».

Отметим, что временная протяженность чувственного «сейчас» не остается постоянной и неизменной величиной. Она меняется в зависимости от рассматриваемой сенсорной модальности (в слуховой модальности она больше, чем в

зрительной, что позволяет нам воспринимать речь и музыку), а также меняется в зависимости от состояния организма. Сама скорость течения субъективного времени также не остается постоянной: чувственное время может ускоряться и замедляться в экстремальных условиях, а также в случаях патологии мозга [1].

Однако рассматриваемая «временная нелокальность» чувственных переживаний всегда ограничена небольшими временными интервалами (хотя границы чувственного настоящего нечетко выражены и плавно переходят в ближайшее чувственное прошлое и будущее), и, таким образом, эта форма «временной нелокальности» не может служить основанием единства «Я» на больших временных интервалах – порядка недель, месяцев или десятилетий.

Вместе с тем, если мы отрицаем существование «трансцендентного Я», то фактор, соединяющий последовательные во времени «состояния души» в единое целое, должен непосредственно обнаруживаться в составе «субъективного опыта», т. е. должен совпадать с какой-либо компонентой душевной жизни. По сути, мы должны указать такой элемент нашего внутреннего мира, который обладал бы неограниченной временной протяженностью, не был бы ограничен рамками чувственно переживаемого «настоящего», а был бы причастен в равной мере и к настоящему, и к прошлому, и к будущему.

Ясно, что ни чувственные феномены, ни волевые явления, ни аффекты на роль такого «нелокального» во времени содержания души не подходят. Все эти феномены явно локализованы в пределах чувственного «сейчас», хотя эта локализация и не является абсолютно точной и, кроме того, в чувственном «сейчас» присутствует не только настоящее, но и ближайшие прошлое и будущее. Очевидно, что единственным подлинно нелокальным во времени содержанием души может быть лишь смысл.

Смысл обладает сверхчувственной природой. Это означает, что он лишен качественности и пространственной локализации, он не отвечает на вопросы: что? и где? Смысл «теплого» не является теплым, а смысл «зеленого» – зеленым. Бессмысленно говорить, что смысл слова находится слева или справа от меня, вверху или внизу или что он имеет какую-либо геометрическую форму или размеры. Вместе с тем есть все основания полагать, что смысл также обладает нелокальным во времени бытием – способен проникать за пределы чувственно переживаемого «сейчас».

Временная нелокальность смысла проявляется уже в нашей способности «схватывать» смысл событий, временная протяженность которых далеко выходит за пределы чувственно переживаемого «настоящего». Например, нам непосредственно понятен сюжет фильма или содержание толстой книги. Это означает, что, осмысливая разнесенные во времени события фильма или книги именно как временную последовательность, мы тем самым уже выходим за пределы чувственно заданного «настоящего».

Временную нелокальность смысла можно также связать с отмеченной ранее целостностью «смыслового поля». Если чувственные феномены, а также воления и аффекты образуют «поток сознания», в котором одни сочетания переживаний сменяются другими, то никакого «потока смыслов» не существует. Это так хотя бы просто потому, что не существует никаких «отдельных смыслов». Мы всегда «всё мыслим сразу», всегда имеем в виду всё «смысловое поле» как целое. Вместо смены последовательных «смысловых переживаний» мы имеем переупорядочивание единого «смыслового поля», которое осуществляется в соответствии с текущим содержанием наших перцепций и представлений. Мы можем представить «смысловое поле» как некую неизменную во времени структуру, наподобие кристалла, которая лишь как бы поворачивается различными своими гранями к сфере чувственных переживаний, сама по себе при этом не претерпевая никаких изменений.

Рассмотрим теперь, каким образом взаимосвязаны сверхвременность нашей души и тождество «Я» во времени.

Идея временной тождественности «Я» представляется чем-то естественным и интуитивно очевидным. В конечном итоге всё наше поведение строится на

очевидности временного тождества нашего «Я» – в противном случае, если бы мы реально сомневались в себестождественности, то всякая деятельность, направленная на получение результата в будущем, была бы парализована.

Однако что же конкретно означает данная идея? Всякая идея, как уже отмечалось, должна указывать на нечто реально существующее, иначе она лишена всякого смысла. Другими словами, всякая осмысленная идея должна иметь «онтологическое основание». Онтологическим основанием идеи тождества «Я» во времени может быть лишь реальное временное тождество «Я». Но каким образом я могу быть уверен, что мое настоящее «Я» («Я» в данный момент времени) есть то же самое «Я», которое существовало год или десять лет назад? Можно ответить: я уверен в собственной самотождественности постольку, поскольку помню собственное прошлое – именно как прошлое существование того же самого тождественного «Я». Однако, если память, как полагают некоторые физиологи, – это лишь способность сохранения мозгом следов прошлого, которые как таковые существуют не в прошлом, а в настоящем, то наличие воспоминаний не является подлинной гарантией сохранения тождества «Я». Ведь «следы памяти» в этом случае прямого отношения к прошлому не имеют и ничего относительно прошлого как такового, доказать не могут.

Единственный мыслимый способ убедиться в том, что настоящее «Я» и прошлое «Я» есть одно и то же «Я» в разные моменты времени, – это перенестись в прошлое и сравнить настоящее и прошлое «Я». Если прошедшее абсолютно закрыто для нас или, тем более, если оно в абсолютном смысле «не существует», то не существует и никакой возможности доказать временное тождество «Я», а следовательно, нет и никакого онтологического основания идеи тождества «Я» во времени. То есть если прошлое нам абсолютно недоступно, то, говоря о «тождестве "Я"» во времени, мы имеем в виду что-то другое, отличное от реального тождества, о котором мы в таком случае не можем иметь какого-либо представления.

Это означает, что если временное тождество «Я» – не пустое слово, если оно что-то означает, то должна существовать возможность прямого доступа к прошлым состояниям собственной души. С этой точки зрения память – это не сохранение следов прошлого в настоящем, а, скорее, нечто вроде способности путешествовать во времени в собственное прошлое, способность владения прошлым «в подлиннике» (см. подробнее [5]). Но если в прошлое можно путешествовать – это означает, что оно никуда не исчезает, оно столь же реально, как и настоящее, просто доступно нам несколько в иной форме, чем настоящее.

Однако если реально прошлое, то должно быть реально и будущее. Разделение на настоящее, прошлое и будущее с этой точки зрения существует лишь субъективно, точнее говоря, существует лишь на уровне чувственного восприятия – мы как бы смотрим на мир через «временную щель», последовательно воспринимая лишь какие-то фрагменты единого, лишённого в себе всякого становления «временного континуума».

Здесь мы можем непосредственно перейти к основной проблеме нашей работы – проблеме бессмертия. Действительно, наличие в нашей душе сверхвременной составляющей (а это, предположительно, смысловая составляющая) по существу равнозначно признанию бессмертия души. Смерть – это событие во времени. То, что вне времени, объемлет собой время, – не может умереть.

Конкретно мы можем доказать следующее утверждение: либо вообще никого «Я» не существует, либо «Я» есть нечто сверхвременное и, следовательно, бессмертное. Действительно, если наше «Я» не содержит в себе ничего сверхвременного и доступ к прошлому полностью закрыт, то, очевидно, невозможна и осмысленная, онтологически обоснованная идея тождественного себе во времени «Я». Ей, этой идее, просто неоткуда взяться, ведь единственный возможный «опыт», способный породить эту идею, – это опыт прямой коммуникации настоящего и прошлого «Я», и если этот опыт не возможен, то не возможна и содержащаяся идея тождества «Я». Но идея собственного «Я» для нас – это всегда идея тождественного себе во времени «Я». Следовательно, если наша душа не обладает свойством сверхвременности, то у нас нет не только идеи тождественного себе во

времени «Я» – у нас вообще нет и не может быть никакой идеи «Я». Но в таком случае у нас вообще нет оснований утверждать, что существует какое-либо реальное «Я».

Если же идея «Я» не пустое слово, то она должна обладать онтологическим основанием в виде временной нелокальности сферы субъективного, что равносильно наличию в нашей душе вечного, неистребимого начала.

Итак, либо «Я» – это фикция, либо наша душа, по крайней мере, частично, «погружена в Вечность», существует за пределами чувственно переживаемого «сейчас», а значит – бессмертна. По существу, мы бессмертны в обоих случаях. Если мое «Я» фиктивно, то это означает, что я, по сути, не существую вовсе и, следовательно, как нечто «несуществующее», не могу умереть. Во втором же случае я бессмертен в силу сверхвременной природы моего «Я». Смерть лишь прекращает движение из прошлого через настоящее в будущее, но она не способна уничтожить прошлое. Если прошлое реально, никуда не исчезает, то я, умирая, продолжаю существовать, по крайней мере, в прошлом.

3. Перспективы бессмертия

Рассмотренная в предыдущих разделах работы концепция «Я» позволяет дать общую философскую оценку перспектив бессмертия.

Прежде всего, мы можем совершенно определенно утверждать, что наша душа, наше «Я» в своей глубинной основе обладает сверхвременной природой и, следовательно, бессмертно. Бессмертие «Я» вытекает уже из самой возможности помыслить «Я» как тождественную себе во времени сущность. Как было показано выше, идея тождественного во времени «Я» осмысленна лишь в том случае, если это «Я» обладает сверхвременной природой. Если же «Я» локально во времени, т. е. если мы существуем только «здесь и сейчас», то не существует никакого мыслимого способа удостовериться в собственной самоидентичности в различные моменты времени. Идея тождества «Я» в таком случае – это нечто фиктивное, некий фантом, нечто, не имеющее под собой какого-либо онтологического основания.

Смысл любой идее придает в конечном итоге бытие, на которое она «указывает». То есть для любой осмысленной мысли непременно должен существовать «предмет мысли» – то, что мыслится в данной мысли. Если идея тождества «Я» во времени осмысленна, то она должна указывать на реальное явление временного тождества «Я». Но если «Я» локально во времени, то такое указание невыполнимо. Следовательно, в этом случае никаким подлинным смыслом «себетожественности» мы, по существу, не владеем. Ведь этот смысл мог возникнуть лишь из непосредственного опыта себетожественного бытия, а последний с необходимостью требует совмещения в едином акте познания настоящего и прошлого существования данного «Я». Если нет подлинного тождества «Я», то идея себетожественного «Я» осмысленна не более, чем идея «круглого квадрата» или «не цветной красноты».

Заметим, что уже сама возможность помыслить прошлое и будущее как нечто отличное от настоящего уже указывает на сверхвременную природу нашей души. Если бы для нас существовало только настоящее («сейчас»), то прошлое и будущее также были бы доступны нам лишь в модусе настоящего. Но в таком случае и сама идея о каком-то ином времени, за пределами «настоящего», была бы невозможна. Мы знали бы в таком случае только одно настоящее.

По существу, тождество «Я» невозможно мыслить иначе как сверхвременность души. В самом деле, моя душа, понимаемая, например, как реальная, «эмпирическая» личность, – это отнюдь не то, что имеет место «сейчас», в данный момент, – некое мгновенное состояние переживаний, а это и мое прошлое, и мое возможное будущее – вся последовательность уже прожитых и только предполагаемых моментов моей жизни, взятая в единстве. Более того, душа, понимаемая как уникальное, всегда тождественное себе содержание с необходимостью «виртуально» включает в себя не только «действительное», но и «возможное» прошлое и будущее данного субъекта. Только с этих позиций мы можем мыслить «Я» как нечто одновременно самотождественное и содержательное – как некое дорефлексивное

«знание, знающее себя». Отказ же от содержательности «Я» немедленно влечет переход на позиции «трансцендентной» теории «Я» и делает какую-либо содержательную, осмысленную идею «Я» в принципе невозможной. Таким образом, сохранить «Я» как нечто реальное и себестождественное можно лишь признав его сверхвременную природу – помыслив «Я» как сверхвременное содержание, единый смысл, пронзающий (или, вернее сказать, объемлющий) время.

Сверхвременность – это синоним бессмертия. Смерть является событием во времени. То, что объемлет время, не захвачено потоком времени – не может умереть.

Выше мы также установили субстанциональность «Я» – показали, что «Я» не может иметь иных причин существования, кроме самого себя. Это означает, что наше «метафизическое "Я"» не только переживает смерть тела, но и предсуществует по отношению к моменту нашего телесного рождения. Поскольку «Я» не может быть создано, оно совечно Вселенной и, более того, оно также совечно Богу, т. е. тому началу, которое определяет сам факт существования, а также форму существования нашей Вселенной. С этой точки зрения «Я» можно мыслить, учитывая его «смысловую» природу, как вечную идею в «Божественном уме».

Далее, однако, возникает вопрос: что же представляет собой это вечное посмертное существование нашего «метафизического» и «эмпирического» «Я» (которое, в случае «метафизического» «Я», очевидно, также совпадает с «пренатальным» его существованием)? Очевидно, что это потенциальная форма бытия. «Я» существует в этом состоянии как «чистая возможность». Возможность чего? Очевидно, возможность нового воплощения, новой актуализации. «Потенциальное» бессмертие – существование в форме «чистой возможности» само по себе выглядит малопривлекательно. В подобном состоянии «чистой потенциальности» мы находимся, к примеру, когда пребываем в состоянии глубокой комы, наркоза или сна без сновидений. Эти состояния весьма напоминают небытие, отсутствие всякого существования. Однако это все же не есть полное небытие. Это небытие, «чреватое» бытием, содержащее в себе онтологически наличные возможности актуального, действительного (чувственного) бытия, т. е., по существу, возможности нашего возвращения к полноценной чувственной жизни.

Смерть, очевидно, не может уничтожить эту возможность – возможность нашего возрождения как чувствующего существа. Как отмечал А. Шопенгауэр, «...смерть не может уничтожить большего, чем дано было рождением, – следовательно, не может она уничтожить того, благодаря чему только и стало возможным самое рождение» [8, с. 117].

По крайней мере, ясно, что физическая смерть сама по себе не уничтожает возможность родиться заново, ведь эта возможность не зависит от моей эмпирической жизни – она существовала и до ее начала и, следовательно, не может исчезнуть в силу прекращения этой жизни.

Еще один аргумент в пользу бессмертия души мы можем получить из анализа психофизической проблемы (проблемы отношения души и тела). В работах [4; 5] мы показали несостоятельность натуралистических подходов к решению психофизической проблемы: элиминирующих теорий (отрицающих существование феноменального сознания), функционализма (резюмируемого формулой: сознание есть функция мозга) и двухаспектного подхода (утверждающего, что психическое и физическое есть два аспекта (внутренний и внешний) одной и той же реальности). Элиминирующие теории представляются неправдоподобными, функционализм опровергается мысленными экспериментами (типа придуманного Дж. Сёрлом аргумента «китайской комнаты»), а двухаспектный подход опровергается фактом отсутствия жесткого изоморфизма физического и психического. Такие аспекты сознания (души), как качественность чувственных переживаний (наличие т. н. квалий), способность к творчеству, свобода воли, индивидуальность, не имеют аналога в физическом мире. Отсюда следует, что реалистическим решением психофизической проблемы является либо дуализм – признание реальности существования несводимых друг к другу духовного и физического миров, либо радикальный идеализм, выводящий материю из сознания. В обоих

случаях душа мыслится как нечто существующее независимо от тела, и, таким образом, у нас нет никаких оснований считать, что гибель тела автоматически означает также и гибель души.

Библиографический список

1. Брагина Н. И., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. – М., 1988.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. – М., 1958.
3. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. – М., 1980.
4. Иванов Е. М. Онтология субъективного. Новая концепция сознания. – LAP Lambert Academic Publishing, Saarbrücken, 2011.
5. Иванов Е. М. Гипотеза об экстрасоматической природе памяти // NB: Философские исследования. – 2013. – № 8. – С. 1–69. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.792. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_792.html
6. Корчмарюк Я. И. «Сеттлеретика» – новая междисциплинарная наука о «переселении» личности. URL: <http://www.user.cityline.ru/~neurnews/nmatem/settler.htm>
7. Лем С. Сумма технологии. – М., 1996.
8. Шопенгауэр А. Избранные произведения. – М., 1992.

© Иванов Е. М.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

УДК 781.2

THE MUSICAL RHETORICAL LANGUAGE IN BOOK I OF *CARL PHILIPP EMANUEL BACH'S* SONATA FOR FLUTE AND HARPSICHORD IN E MINOR

P. I. Stefanova

Angel Kanchev University of Ruse, Ruse, Bulgaria

Summary. The author examines the influence of rhetoric on the music composed in the Baroque ages.

The elaborated performance extraction and explanation of the Baroque rhetoric figures became a canon for the Baroque composers until the end of 18th century. Tracing the rhetorical expression of C. Ph. E. Bach's music presumes working out a comprehensive study on his works. This report focuses on the Sonata for flute and harpsichord in E minor as a specific example for carrying out the investigation. Conclusions are drawn for the new harmonic style wherein the figures are interpreted both as linear and vertical structure components.

Key words: music; Baroque; musical figures; rhetoric; rhetoric in music.

The music of 17th and 18th century, known as Baroque music, is distinguished with an important feature characteristic for the Baroque in all fields of art, i.e. the aptitude to ornamentation. In music it is accomplished through the usage of musical rhetorical figures. The ornamentation achieved with musical rhetorical figures is not the end in itself; it provokes one's fancy and imagination, creates the dramatic effect and tension pertained to the Baroque music. "And if we examine a musical composition more closely we will find for certain very few differences between its essence and the nature of rhetoric. The orator's strength comes out not only from a simple set of ordinary words or suitably planned construction of intervals, but also from elements which convey implicit grace and elegance, setting the words in order and weighing them by meanings, and from intervals which are completed with powerful and expressive words – all that weaved by the art of music..." [4].

"A musical performance can be compared with the performance of an orator. Actually, an orator and a musician have identical objectives regarding preparation and performance of their products – to act in a master way so as to touch the listeners' hearts, evoke or suppress their passions and cause various emotions. Hence, it is useful for both of them to know each other's work" [7].

In classical orations, consistent with Quintilian's mastery, the figures are skillful deviations from the ordinary speaking, intended to make it more effective. "There is not a more effective way for evoking emotions than the properly usage of figures" [3].

"Like an orator, who not only decorates his speech with magnificent, exquisite, distinct words and wonderful figures, but does it masterly and causes affects by raising and lowering his voice at times, or by speaking quietly and calmly and shouting at others, the musician's role is to sing but sing artistically and gracefully. In result, the listeners' hearts are woken up, the affects – accomplished, and the song's goal and destination are reached. In other words, it is not enough for a singer to be gifted – he must be educated and equipped with a good understanding and a perfect knowledge of music" [6].

Along with the raised interest to the rhetoric techniques during the Baroque ages the enthusiasm for applying their musical analogues – the musical figures was highly inspired. Yet in the 17th-c, composers used musical figures not only to emphasize the text but to affect the listeners and make them experience peculiar passions. In the treatises for applying the rhetoric techniques in music the theoreticians of 17th-c stepped on the composition text. The musical theoreticians created practical tutorials for the methods of using the text in order to achieve the desired lucidity and figurativeness of the musical performance by means of appropriate figures. Exemplary tutorials are the treatises of Joachim Burmeister (1606), Christoph Bernhard (1660), Athanasius Kircher (1650), Tomas Janovka (1701), Johann Mattheson (1730), etc. "But like the rhetoric (poetics as well) that needs the oral speech morphology and syntax, so the musical poetics cannot go without the advance learning of the musical sentence morphology and syntax [1].

The musical theoreticians of 17th-c developed their concepts on musical rhetorical figures often independently from each other. Soon the number of figures considerably grew (over 100) and became even overlapped because different authors called equal or similar figures with different names. One of the first authors who built a harmonious theory on musical figures was Joachim Burmeister. In his treatise "Musical Poetics" of 1606, in Chapter 12 "Musical Ornaments or Figures" [4], he gave the definitions of about 26 musical rhetorical figures, which are basically observed in this study.

The availability of musical movements, motifs and associations analogous to rhetorical figures presumes that such a resemblance shall be naturally detected in the instrumental music. In this context, the analysis of a word in an oration on the basis of the rhetoric science is comparable with the analysis of a motif in a musical composition. Many treatises for the woodwind instruments of the 18th-c like those of Hotteterre, Quantz, Tromlitz prove that the rhetoric principles have existed for more than 200 years, and naturally, the rules or conceptions of the two arts entangled.

Proceeding from the text, the theoreticians of 17th-c analyze in their studies on rhetoric techniques in music which words should be segmented and in what a way. For that purpose it is helpful to trace the ascending or descending movement of the melodious line, to note the accent or the pause. The musical theoreticians give practical guides how to approach the text in order to achieve the desired lucidity and expressiveness of the main idea and its musical interpretation.

Looking for the place of C. P. E. Bach in the rhetorical tradition of the Baroque music, first of all, it is important to determine how he exactly applied the resources of rhetoric in his musical compositions, that is to say, "what a contemporary interpreter of his music should know in order to adequately respond to the components of style and form?" [5]

Analyzing the instrumental music in general, and specifically in the analysis herein, it may be concluded that there are basic rules which were well known yet in 18th-c. Namely, the roots of the instrumental music should be sought in the vocal music, because the affects incorporated in the instrumental music are "imitation" of the vocal affections. That statement was supported by one of J. S. Bach's students – Johann Scheibe in 1745. Born in 1714, Carl Philipp Emanuel Bach was obviously well acquainted with those principles, as he used rhetorical figures with full awareness. He studied rhetoric for certain as it is known from his bibliography that he graduated jurisprudence before devoting to music.

In order to preserve the spirit of the Baroque epoch and express its characteristic mode of thinking, it is relevant to investigate the music composed at that time with the help of the techniques and terminology applied by the theoreticians of 17th and 18th–c. It is appropriate to step on Burmeister’s treatise “Musical poetics” [4], wherein he describes the following method for analysis:

“Musical analysis is to investigate a stage play with regard to a definite *modus* (mode) and a definite polyphonic type. The play must be segmented to its affects or periods so that the mastery, which shapes each period, can be examined and followed for imitation. There are five fields for analysis:

1. Examination of tonality;
2. Examination of melodious style;
3. Examination of polyphony type;
4. Analysis of characteristic peculiarities;
5. Segmenting the musical piece into affects or periods” [4, p. 201].

The method suggested by Burmeister for analyzing a musical composition seems simplified regarding the definitions of the structural parts. Nevertheless, it is of utmost importance since it involves the statement that a figure or a group of figures actually forms the affects which is of service to the analyzer or musical critic when segmenting the composition.

The way in which the C. P. E. Bach’s sonata for flute and harpsichord will be examined to some extent is based on Burmeister’s methods, assuming the 5-stage musical rhetoric structure applied later by Mattheson:

1. *Inventio*, 2. *Dispositio*, 3. *Elaboratio*, 4. *Decoratio*, 5. *Executio*.

The character of the entire 1st part of the sonata for flute and harpsichord in E minor is based on ***syncopatio*** and ***ligatura*** figures. The expressiveness of these two figures and the affect they cause start from the very beginning of the ***narratio***. The ***syncopatio***, described as a figure of Burmeister and Bernhard, appears yet in the 1st tactus of the sonata. The descending movement, which can be attached to the ***catabasis*** figure, acting synchronously with the ***syncopatio*** is set against the affective events in the bass where the ***anabasis*** and ***accentus*** act simultaneously. At the same time, in the conditions of ***syncopatio*** the strongly affective figure ***prolongatio*** – a passing dissonance occurs that is longer than the preceding consonance.

Example 1

Adagio ***catabasis***
syncopatio

accentus
anabasis

T.	1-6	7-12	13-21
dispositio	narratio	propositio	confirmatio
<i>Rhetoric figures</i>	<i>syncopatio</i> <i>ligatura</i> <i>catabasis</i> <i>anabasis</i> <i>ac-</i> <i>centus</i> <i>prolongation</i> <i>anticipatio</i>	<i>Exclamatio</i> <i>Tirata</i> <i>anticipatio</i>	<i>saltus duriusculus</i> <i>anticipation</i> <i>Tirata</i> <i>N chord</i>

A consequent expansion is added to the concentrated beginning, based mainly on **anticipatio** (r. 3-4) that is concomitant to long melodious movements. The anticipated tone joins the preceding one and these continually outstripping sound events create the suggestion of a strong embarrassment. The rhetoric figures and the E minor tonality as a whole bring about an atmosphere of sadness.

Within the range of **propositio** the composer combines horizontally the active triple usage of **exclamatio** (clear ascending leaps of sexta – rhetorical figure unambiguously linked with the expressiveness of a strong emotion), **tirata** – gradual ascending movement that reciprocating attacks the climax tones, and **anticipatio** - characteristic introducing figure. Thus the **propositio** forms the musical affect of a strong dramatic emotion.

Example 2

The musical score for Example 2 consists of two systems. The first system is labeled 'exclamatio' and shows a melodic line with a large interval leap (sexta) and a bass line with a similar leap. The second system is labeled 'anticipatio' and 'tirata', showing a melodic line with a gradual ascending movement and a bass line with a similar movement. The score is in E minor and 4/4 time.

Four factors help **confirmatio** to be developed as a part that sums up and amplifies the musical affect of the preceding two parts: the exclusively tight usage of the rhetorical figure **saltus duriusculus**, the integration of **anticipatio** in the widely expanded large-range-movements with leaps to clear climaxes, the double usage of **tirata**, and the intervention of **N chord**, that overlaps the ethos of the Phrygian mode.

The image displays three systems of musical notation for C. P. E. Bach's flute sonatas. Each system consists of a treble and bass staff. The first system is labeled 'saltus duriusculus' and features two boxed intervals in the treble staff. The second system is labeled 'tirata' and features two boxed intervals in the treble staff. The third system is labeled 'anticipatio' and features a boxed interval in the bass staff. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and accidentals, along with figured bass notation below the bass staff.

The comparison of the first parts of C. P. E. Bach's flute sonatas (in e moll, D dur and G dur) reveals definite tendencies which can be generalized so as to elucidate, on the one hand, the specific stylistic trends in Bach's musical works, and, on the other hand, to point out the relation between the rhetorical figures and the musical affects of which they are carriers and messengers.

Prior to the next step of investigation, two different approaches to the **affective dramaturgy** shall be regarded:

- Staying at one and same affect in all stages of the musical piece by skillfully molding all its shades of emotions. For this type of dramaturgy during the perceptual time (the time for reflections on the music perceived) the entire part is summed up to one generalized affect, i.e. "Joy" (in G dur sonata) and "Grief" (in e moll sonata).

- Transition of one affect into another (contrasting affect) using a contrast change of musical rhetorical figures. For this type of dramaturgy the musical piece can be conditionally associated with a drama as it involves movement, eventfulness, conflicts. In the a.m. case the composer works out his composition by a reciprocating expansion of changes with no return to the initial motif. The form is mostly "alive" and affective, and it does not subordinate the musical affects to artificial structures. So the affective dramaturgy appears to be specifically open to the act of perception that is activated to the utmost and provoked to fancy.

The relation 'musical affect – rhetorical figures' provides the possibility to figure out a new level of comparison:

Table 2

Musical affect	Rhetorical figures
restrained joy	<i>Ethoponia, (mimesis), paronomasia, exclamatio salti composti, acciaccatura</i>
gentle excitement	<i>celeritas or symblema diabasis</i>
solemn elevation	<i>Accentus, subsumptio post positiva</i>
adventurous anxiety	<i>Ethoponia, Anaphora, Epiphora, Paronomasia</i>
joy	<i>Auxesis, salto semplice, epanodos (reditus) emphasis</i>
restrained exuberance (elegance, nobleness)	<i>suspiratio /stenasmus/, anabasis and catabasis</i>
anxiety	<i>Prosopopeia, ethoponia, mimesis, tirata</i>
tense expectation	<i>saltus duriusculus, anaphora repetitio, climax subsumptio</i>
breathlessness, growing tension, suspense	<i>Syncopatio, repetitio, acciaccatura, g moll phr modus</i>
sorrow, emotional stress	<i>syncopatio ligatura, catabasis, anabasis accentus prolongation, anticipatio</i>
strong dramatic emotion	<i>Exclamatio, Tirata, anticipatio</i>
grief, tragedy	<i>saltus duriusculus, anticipation, Tirata N chord</i>

Table 2 is optimum informative and helps to draw lots of conclusions. The attention shall be focused on conclusions which guarantee the highest level of statistical and substantial reliability.

- Some figures declare a categorical relation with a specific affect. For instance **saltus duriusculus** is associated with negative emotions or a state of tension of non-positive type.

- Other figures may be also linked to typical affects but they are associated with the intensity of passions rather than their positive or negative nature, e.g., **exclamatio** and **tirata**. Connected with ascending movement they definitely convey the charges of prompt and strong affection. However, the shades of emotions brought with a specific musical content depend on a set of factors, such as: context, tonality, tempo, position in the form, harmonious functional situation, dynamics, register, etc.

- The remaining figures can be classified as ‘contextual’. Differing from the foregoing figures they do not guarantee a specific affect quality and intensity but readily get its content under the influence of factors as listed above. In the theoretical treatises these figures are not associated with any affects’ information but are technologically described in full. They are to the utmost “in the hands of the interpreter” who ought to take out the message of the context as well as the content of the eventual figures described above in order to bring forth the idea of the leading musical affect.

A more daring conclusion can be drawn with respect to the subsequent periods of the European musical history. The figures of the above two types are defined as specific musical semantic units, which do not carry the objective frames of rhetorical figures but continue to activate and bring similar affective content. Whereas the remaining figures are converted either into universal principles of a musical structure same as a perfectly worked out language with relevant grammar rules, or they are transformed into various types of passage, which after being masterly played in the musical space, are triggered to express a spontaneous affection.

The issue regarding the **organization of a cyclic composition** is of special interest. Generally, C. P. E. Bach follows similar dramatic logics that on the level of a cycle specifically reproduce the second type of dramaturgy (with a change of the musical affects), i.e. one movement that is intensified and on a tempo level follows the algorithm slowly – faster – the fastest. If in an absolute measure this principle is seemingly

broken then the idea of “the fastest” is compensated by the dancing rhythm as a genre prototype of the finale. There is also the impression that he had a strong attraction for working out finales in a variation form and this can be explained rhetorically again, as far as the variation form can be presented by narratio and propasotio, i.e. with the availability and persistence of one idea, accordingly, with the presence of one affect.

It is well known that the cantatas and the passions composed by Bach, the father, are strongly subordinated to the text. Besides, his motif thinking is also studied, i.e. the presence of motifs – emblems which characterize and carry the mood, the affect. Such kind of conclusions is difficult to make for C. P. E. Bach’s sonatas due to several reasons. One of them is that despite the independent existence which the figures have in the instrumental music, they are not directly connected with/do not describe a text. Another obvious reason is that in the instrumental (flute) sonatas the performance of one affection state is not long, and as many times said, it is a stylistic feature for C. P. E. Bach’s works. Therefore, with the appearance of these figures in a new light (flashes) it is difficult to sum up the motifs as symbols and carriers of a specific message. In other words, expressing an equivalent or similar affect, Carl Philipp does not use one and the same movement, rhythmic groups or even figures. The affective conditions are short, quickly changing, and they are sooner moods rather than permanent states. The grounds for that are found, on one side, in the short form (i.e. the sonata, represented by the Sonata for flute and harpsichord in e moll), and on the other side, in the stylistic peculiarities of C. P. E. Bach’s music, where classic traits are distinguished.

And as C. P. E. Bach says, “From the plenty of affects which music can evoke, it can be seen what talents a perfect musician should have and what amount of wits he must apply to use them in order to evaluate both his listeners and the truth contents that he must present during his performance considering their different views on life” [1].

Bibliography

1. Бах, Карл Филип Емануел – Опит върху правилния начин да се свири на пиано I част, София, „Музикални хоризонти”, бр.15/1982
2. Друскин, Яков – За реторичните похвати в музиката на Й.С.Бах, София, Музикални хоризонти, бр.11/1987
3. Квинтилиан Марк Фабий. Обучението на оратора (De Institutio oratoria). София, Наука и изкуство, 1982
4. Burmeister, Joachim - Musical Poetics. Translated by Benito Rivera. New Haven: Yale University Press, 1993.
5. Nastassi, Miriam – Rhetoric in music
6. Herbst, Jochan Andreas Musica moderna practica (Frankfurt, 1658), trans. by Benito V. Rivera, German Music Theory In the Early 17 Century, Ann Arbor, Michigan; UMI Research Press, 1980
7. Quantz, Johann Joachim trans. and ed. by Edward R. Reilly, Musical-Rhetorical figures in the Orgelbuchlein of J.S. Bach, 1987

© Stefanova P. I.

РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. А. Гукалова

Средняя общеобразовательная школа № 276,
г. Гаджиево, Мурманская область, Россия

RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE POST-SOVIET SPACE

L. A. Gukalova

Secondary comprehensive school № 276,
Gadjievo, Murmansk region, Russia

Summary. The article tells about the place of the Russian language in the post-Soviet space, its status in the countries of the CIS, about the problems of conservation, development and dissemination of the Russian.

Key words: the status of the language; speech culture of the population; preservation of language; language development; the spread of the language.

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово,
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим...

А. А. Ахматова

Известно, что в Российской Федерации русский язык является родным для 130 миллионов человек и служит основным средством общения людей в многоэтническом государстве, а также основным государственным языком, на котором осуществляются все функции государственного управления. Русский язык превратился в один из мировых языков, используемых в крупнейших международных организациях. Это язык связи с родиной для тридцати миллионов наших соотечественников за рубежом. Кроме того, он также является средством для сохранения и передачи последующим поколениям истории и культуры России.

Какое положение в настоящее время занимает русский язык в странах СНГ? Какие трудности испытывает? Распад СССР и утрата Россией экономического влияния на постсоветском пространстве и в целом в мире отразились на положении русского языка и культуры в ближнем и дальнем зарубежье. Во времена Советского Союза на русском как основном государственном языке разговаривали почти все жители союзных республик, и в обязательном порядке – каждый школьник. Общая тенденция политики большинства стран СНГ по отношению к русскому языку такова: в первые годы независимости он мог считаться родным, затем языком меньшинства, иностранным языком и наконец – одним из изучаемых по выбору иностранных языков или даже факультативным учебным предметом.

На сегодняшний день русский язык испытывает трудности: быстро сокращается число владеющих русским языком, особенно среди молодого поколения бывших союзных республик. По прогнозам специалистов, при нынешнем положении в странах СНГ через десять лет число владеющих русским языком уменьшится в два-три раза.

Как ни странно, но серьезные угрозы для русского языка имеются сегодня и в самой России. Актуальная проблема, прежде всего, – это засорение устной и письменной речи разного рода американизмами, которые используются в рекламе, названиях торговых предприятий, в бытовом общении и даже в выступлениях общественных и политических деятелей. Все эти «ток-шоу», «легитимный», «прайслисты», «супермаркеты», «портфолио», «тендер», «продолжить» и тому подобные выражения мы слышим буквально на каждом шагу, хотя для передачи этих понятий имеются соответствующие русские слова: зрелище, законный, список

цен на товары и услуги, большой продовольственный магазин самообслуживания, папка достижений, конкурс, продлить.

Очередная угроза для русского языка состоит в том, что он всё больше насыщается жаргонными выражениями, засоряется словами из молодежного сленга. Действительно, все эти «наезды», «разборки», «круто», «супер», «забить стрелку», «крыша», «стрёмно» и тому подобные слова часто используются сегодня не только российской молодежью, но также и людьми старшего поколения.

Засорение языка нецензурными выражениями – еще одна проблема. В последнее время всё меньше людей, а в особенности молодежи, говорит на чистом литературном русском языке. К сожалению, всё чаще люди используют ненормативную лексику в своей речи. Заставляет задуматься тот факт, что возраст употребляющих ненормативную лексику молодеет с каждым годом. Сегодня ее можно услышать везде: на улице, в транспорте, в библиотеке и даже в церкви.

Необходимо помнить, что через язык в обществе осуществляется связь поколений, а эта проблема также является актуальной для современной России. Сегодня российское общество и нация теряют ценности и нравственные ориентиры и, соответственно, язык. Русский язык впитал в себя опыт и мудрость наших предков. Он сохраняет нас как великую нацию, а мы должны сохранить его. Все мы говорим больше и чаще, чем пишем. Но далеко не все и не всегда задумываются над особенностями устной речи, которые нельзя не учитывать при общении. Нарушение правил устной речи ведет к непониманию говорящими друг друга, делает речь некрасивой, неграмотной. Устная речь богата и многолика, если правильно и разумно использовать ее возможности, прежде всего произносительные. С понятием «произношение» тесно связано ударение, то есть выделение силой голоса одного из слогов слова.

Неверное ударение в слове, нарушение норм, правил произношения режет слух, создает помехи в деловом и личном общении. С раннего детства человек неразрывно связан с языком. Если в семье допускаются ошибки в постановке ударения, то дети запоминают и автоматически произносят слова неправильно. А ведь именно в семье закладываются основы культуры речи. В обыденной жизни мы часто сталкиваемся с тем, что одни и те же слова произносим по-разному, например: звОнит – звонИт, бАловать – баловАть. Многие люди даже в самых часто употребляемых словах ставят ударение неправильно.

В народе говорят, язык – это город, на построение которого каждый человек, живший на земле, принес свой камень. Чем длительнее история языка, тем богаче и возвышеннее словарный запас, тем богаче национальная культура. Народ – хозяин языка. Он может его совершенствовать, изменять. Но при этом люди обязаны любить, беречь свой родной язык. Только тот человек, который бережно и с любовью относится к родному языку, является истинным патриотом.

Человеческие поколения умирают и сменяют друг друга, но созданное ими переходит к следующим поколениям, которые в своих трудах умножают и совершенствуют переданные им богатства – несут дальше эстафету человечества.

© Гукалова Л. А.

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО РОЛЬ В АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ УДИН РОССИИ)

В. В. Дабаков
Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия

THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE COMPETENCE IN THE IMMIGRANT ADAPTATION (THE CASE OF THE UDIS IN RUSSIA)

V. V. Dabakov
Astrakhan State University Astrakhan, Russia

Summary. The paper is a case study of immigrant adaptation in Russia. Taking a small ethnic group of the Udis (one of the indigenous peoples of the Caucasus), it considers the impact of their competence in Russian and the existence of Russian-language schools in the locations they originally come from.

Key words: immigrant adaptation; South of Russia; Russian language; Udis; social adaptation; multilingualism.

Сегодня вопросы адаптации мигрантов в обществе волнуют как органы власти всех уровней, так и огромное количество граждан страны. Особенно острый характер они приобрели на Юге России. После распада СССР, в результате усиления миграционных потоков, здесь произошли значительные этнические и демографические изменения. С учетом этих обстоятельств в последние годы в научной среде, а также на уровне органов государственной власти и общественных организаций активно исследуется характер этих миграционных процессов и обсуждается возможность принятия комплекса специальных мер, которые могли бы способствовать успешной адаптации мигрантов в современном российском обществе. В науке под адаптацией понимается процесс приспособления людей в новых для себя социальных и культурных условиях. Как известно, недавно Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, обязывающий трудовых мигрантов сдавать тест на знание русского языка. С 1 января 2015 года сдавать экзамен на знание русского языка, истории и законодательства России должны будут уже все въезжающие к нам иностранцы, желающие получить вид на жительство [5]. Введение данной нормы стало вполне ожидаемым шагом, поскольку совершенно очевидно, что, во-первых, без знания официального языка страны пребывания невозможно полноценно жить и трудиться в ней, а во-вторых, именно знание русского языка, а в широком понимании российской культуры, даёт возможность мигрантам безболезненно и быстро адаптироваться в обществе.

Как мы отметили выше, основные миграционные потоки в Россию хлынули из стран бывшего СССР, в первую очередь из государств Средней Азии и Закавказья. Во всех этих государствах русский язык играл, да и сейчас, в разной степени, продолжает играть заметную роль. Он и в настоящее время является языком науки, культуры и образования, а самое главное, выполняет коммуникационные функции, являясь языком диалога и межнационального общения.

К числу немногочисленных мигрантов из бывшего СССР, покинувших Азербайджанскую Республику, относятся представители такой этнической группы, как удины. В нашей статье на примере удин России мы рассмотрим вопросы адаптации мигрантов в российском обществе. Отметим, что особую роль в этом процессе играет то, что удины уже больше века являются русскоязычными.

Удины относятся к коренным народам Южного Кавказа, являлись одним из основных представителей античной Кавказской Албании. Современный Азербайджан является их исторической Родиной. Сегодня в мире насчитывается всего 10 тысяч удин. Наибольшее их количество, более 4260 человек, проживает в Российской Федерации. Большие общины удин существуют на Юге России – в Ростовской области: в городах Шахты, Таганрог, Ростов-на-Дону, Азов, Сальск, в се-

лах Александровка, Самбек, Гигант, Кугей, Самарское, а также в других населенных пунктах области; в Краснодарском крае: в Краснодаре, Анапе, в Динском, Ленинградском, Куцёвском, Тбилисском районах; также удинские общины имеются в Ставропольском крае, в Волгоградской и Астраханской области.

Начало и конец XX века стали для удинского этноса одними из самых драматических и трагических периодов. В середине двадцатого столетия удины жили лишь в нескольких селениях. Почти все удины России являются выходцами из сел Нидж и Мирзабейли Габалинского района, а также г. Огуз (бывший Варташен) Огузского района (бывший Варташенский район) Азербайджанской Республики. В Россию на постоянное место жительства удины начали приезжать в 70-е годы XX века. Массовая миграция началась после распада Советского Союза. Чаще она происходила по классической формуле, т. е. сначала переезжала одна семья, а после обустройства к ним приезжали ближайшие родственники и друзья.

Следует сказать, что для удин миграция и дальнейшая их адаптация в условиях смены общества не носили сложного характера. Очевидно, что это объясняется некоторыми субъективными и объективными факторами. Важнейший из них, безусловно, сыгравший положительную роль при адаптации удин в российском обществе – это фактор существования русской школы и обучения на русском языке в местах их прежнего компактного проживания. И ныне в единственно компактно населенном пункте проживания, в поселке Нидж Азербайджанской Республики, они продолжают получать школьное образование на русском языке. В настоящее время в Нидже действуют три русские школы, где обычно и происходит первоначальное знакомство удинских детей с русским языком и богатством русского мира. В г. Огуз, где сегодня осталось около 80-ти удин, также продолжает работать русская школа.

В Азербайджанской Республике после распада СССР и получения независимости, вопреки общей постсоветской тенденции закрытия и уменьшения числа русских школ, по-прежнему продолжают функционировать русские школы. Более того, почти во всех известных высших учебных заведениях действуют русские сектора. В Баку работают Бакинский Славянский Университет и филиал МГУ им. М. В. Ломоносова. Несколько лет назад на церемонии открытия нового здания Российского информационно-культурного центра в Баку руководитель Администрации Президента Азербайджанской Республики Рамиз Мехтиев заявил: «Мы придаем огромное значение изучению русского языка в нашей стране, сохранению в нашем образовательном пространстве обучения на русском языке» [7], что лишний раз подтверждает заданный курс азербайджанских властей и азербайджанского общества в целом на сохранение позиции русского языка и русского образования.

Процесс «освоения» удинами русского языка и русской культуры начался после присоединения Северного Азербайджана к Российской Империи по Гюлистанскому мирному договору 1813 года. С этого времени появляются представители интеллигенции и духовенства из среды удин, которые активно начинают изучать русский язык. Подтверждением этого служат слова удинского языковеда Семена Урузова написанные им в рукописи от 1935 года: «За последнее столетие и даже больше удинская интеллигенция училась по-русски. И сейчас удины учатся по-русски» [6].

Первые школы в удинских поселениях появились в середине XIX века. Так, по сведениям варташенского учителя и просветителя Михаила Бежанова, во второй половине XIX века в Варташене действовали одно общее училище и одна церковно-приходская школа [1]. Общее (земское) училище открыл в 1860 году отец Михаила Бежанова – Степан Бежанов, преподавание там велось на русском языке. По всей видимости, училище открылось при поддержке Общества восстановления православного христианства на Кавказе. В 1883 году эту школу (или училище) закрыли, а затем в 1887 году на земский счет было открыто двухклассное училище. Что же касается функционирования церковно-приходской школы, то вот что пишет об этом грузинский историк Мосе Джанашвили, побывавший в Варташене в конце XIX века: «1899 году сегодня при посещении школы, произ-

вела на меня отрадное впечатление. Учащихся сегодня было 25; из них 15 православных; 10 армяно-григориане. Дети прекрасно усвоили русскую разговорную речь и письменность. Дают толковые ответы на предлагаемые мною вопросы не только по предметам ими усвоенным, но и на вопросы вне сферы учебников» [4].

Несколько по-иному обстояли дела в селе Нидж. Первую церковно-приходскую школу здесь открыли в 1854 году [3]. Преподавание велось на армянском языке, что составляло большую проблему для детей, поскольку они его не знали. Она функционировала до 1937 года. Затем с 1938 по 1951 год преподавание велось на азербайджанском языке. После установления советской власти, в период развития национальных языков, некоторое время в селе Нидж занятия велись на удинском языке. Однако он носил локальный характер, не мог отвечать требованиям советской эпохи. С середины XX века, после многочисленных обращений в Москву представителей удинской интеллигенции, прежде всего учителей, обучение в школах перевели на русский язык.

Подводя итоги, отметим, что в XX веке русский язык и русская культура стали важнейшим фактором возрождения и консолидации удинского этноса, основой приобщения к ценностям мировой цивилизации. Знание русского языка сыграло решающую роль в выборе пути миграции, а также положительно повлияло на характер адаптации удин в российском обществе. Даже сейчас молодые удины, приезжающие в Россию на учебу или заработки, не испытывают значительных трудностей. Им с детства знакома русская речь, известны культура и традиции народов России.

Многоязычие, особенно работа русских школ в поселке Нидж и городе Огуз, является важнейшим фактором жизнедеятельности удин, сохранения общественного согласия и мира в Азербайджане. Об этом писал советский лингвист удинского происхождения В. Л. Гукасян в своей статье «К трехязычию удин» [2]. Дело в том, что удинский язык служит домашним языком, а также для общения в микросреде удин; азербайджанский язык является государственным языком страны и является языком окружения; русский язык работает в качестве образовательного языка, и удины слышат его в основном в учебных заведениях и СМИ. Таким образом, наблюдается определенный баланс между языками, благодаря которому существует возможность сохранять родной язык удин. Сегодня русский язык и русская школа выполняют защитные функции, выступают барьером против естественной ассимиляции удин.

Итак, на примере исследования небольшой этнической группы – удин – можно убедиться в глубокой значимости русского языка на постсоветском пространстве и конкретно для отдельно взятого этноса. Русский язык служит своеобразным проводником к России и русской культуре. Совершенно очевидно, что мигранты, приехавшие из регионов, где русский язык и русское образование имеют широкое распространение, уже обладают высокой готовностью к успешной адаптации в социокультурной среде страны пребывания.

Библиографический список

1. Бежанов М. Краткие сведения о селе Варташене и его жителях // СМОМПК. – Тифлис, 1892. – Вып. 14. – С. 213–262.
2. Гукасян В. Л. К трехязычию удин // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.
3. Джавадов Г. Удины: историко-этнографическое исследование. – Баку, 1999 (на азерб. языке).
4. Нешумашвили К. Кто они удины. – Тбилиси, 2002 (на груз. языке).
5. Федеральный закон Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 185-ФЗ // Российская газета. – № 5935. – 14 ноября 2012 г.
6. Тёр Е. В., Тёр В. В. Удины. Историко-этнографическое исследование в рамках краевой программы «Культура сближает народы». – Краснодар, 2002.
7. Интернет-СМИ «КАВКАЗСКИЙ УЗЕЛ». URL: www.kavkaz-uzel.ru

© Дабаков В. В.

ПСИХОЛОГИЯ И ФИЗИОЛОГИЯ

УДК 152.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ХОДЕ МЫСЛИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

К. А. Абдурахимов

**Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека,
Республика Узбекистан, г. Ташкент**

THE EFFECTIVENESS OF THE CONSCIOUS AND UNCONSCIOUS DURING THE THOUGHT PROCESS

K. A. Abdurahimov

**National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent, Uzbekistan**

Summary. It is changed qualitatively the thought process on a conscious level with the introduction of new unconscious components (with the change in unconscious plan of thinking). So, change in unconscious plan of thinking using unconscious installation (hints at the level of sub-sensor perception) first results undifferentiated effects on a conscious level of thinking. The subject does not understand the reasons of the decision, the method of communication between the conditions and requirements of the problem, however, he/she performs the correct solution of the problem. It is formed anticipation, first of all on an emotional and visceral level, but, in this case the logical analyses of the components of the problem becomes more structured. Subjects identify generalised criteria of interconnection of the elements of the problem.

At the same time, the maximum number of correct responses observed in conscious decisions with a small amount of derivatives and their number is significantly higher than the number of correct unconscious decisions with a large number of derivatives, that is the overall effectiveness of the unconscious decisions is less than conscious ones.

Key words: The Conscious and Unconscious; the thought process; an empirical study; improving the efficiency of unconscious decisions; the control group of respondents; the experimental group of respondents; intuition, consciousness.

В целях изучения взаимодействия сознательного и бессознательного в ходе мыслительного процесса нами было проведено эмпирическое исследование, которое состояло из четырех основных частей:

- создание модели мыслительного процесса с малым объемом производных, анализ эффективности сознательного и бессознательного;
- создание модели мыслительного процесса со средним объемом производных, анализ эффективности сознательного и бессознательного;
- создание модели мыслительного процесса с большим объемом производных, анализ эффективности сознательного и бессознательного;
- проведение индивидуальных бесед, анализ временных характеристик сознательного и бессознательного в мыслительном процессе.

В данном эмпирическом исследовании приняло участие 237 студентов, в возрасте от 19 до 23 лет (средний возраст составил 21,3 года), из них 114 человек женского пола, а 123 человека мужского пола (рис. 1).

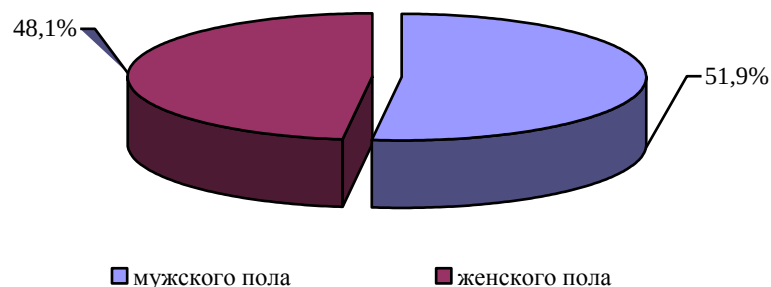

Рис. 1. Характеристика выборки эмпирического исследования по половому признаку

Для создания модели мыслительного процесса, определения в нем роли и места бессознательного нами были разработаны три карточки с описаниями трех мобильных телефонов по следующим 5 характеристикам:

- тип и материал корпуса;
- габаритный размер;
- размер дисплея;
- вес;
- время разговора (емкость батареи).

Далее испытуемым было предложено ознакомиться с карточками в течение 30 сек. и принять решение о выборе одного лучшего из трех телефонов для повседневного применения. У данной задачи оптимальный ответ был заранее известен, один мобильный телефон значительно лучше других. Для облегчения интерпретации получаемых результатов и выделения бессознательной составляющей испытуемые были разделены на две группы (рис. 2):

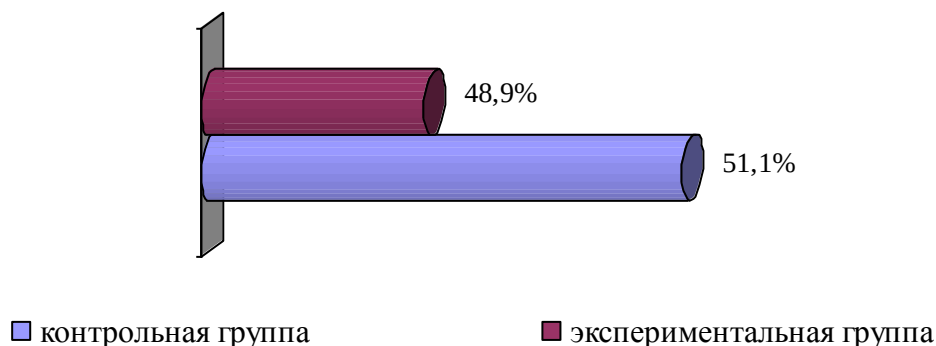

Рис. 2. Количественная характеристика экспериментальной и контрольной групп

- контрольной группе ($n = 121$) было дано 30 сек. времени на размышление;
- экспериментальной группе ($n = 116$) было также дано 30 сек. времени на размышление, но при этом создавались интенсивные помехи (отвлекали различными разговорами и т. д.), что не давало размышлять над задачей. Считалось, что это позволит испытуемым сформировать честное бессознательное решение [1].

По полученным результатам было выяснено, что респонденты контрольной группы, принимавшие решение в течение 30 сек. без создаваемых помех, оказались в 81,8 % случаев правы, выбирая лучший по своим характеристикам мобильный телефон, что нельзя было сказать об экспериментальной группе респондентов. В этой группе результаты правильных ответов были намного ниже – 46,5 %, что подтверждается и статистически при $p < 0,05$ (табл. 1).

Таблица 1

**Результаты принятия решений респондентами контрольной
и экспериментальной групп с малым количеством производных
(n = 237)**

Наименование групп сравнения	Количество правильных решений		Количество неправильных решений	
	чел.	%	чел.	%
Контрольная группа респондентов (n = 121)	99	81,8	22	18,2
Экспериментальная группа респондентов (n = 116)	54	46,5	62	53,5

Далее был увеличен объем характеристик мобильных телефонов в два раза (10 пунктов):

- тип и материал корпуса;
- габаритный размер;
- размер дисплея;
- вес;
- время разговора (емкость батареи);
- защитные свойства корпуса и дисплея;
- характеристика видеокамеры;
- характеристика экрана;
- поддержка Bluetooth;
- поддержка Wi-Fi.

По результатам ознакомления респондентов с увеличенными характеристиками в течение 30 сек. общая картина претерпела кардинальное изменение. Так, количество правильных ответов в контрольной группе снизилось до 52,8 %, а в экспериментальной группе – увеличилось до 57,7 % (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты принятия решений респондентами контрольной
и экспериментальной групп со средним количеством производных
(n = 237)**

Наименование групп сравнения	Количество правильных решений		Количество неправильных решений	
	чел.	%	чел.	%
Контрольная группа респондентов (n = 121)	64	52,8	57	47,2
Экспериментальная группа респондентов (n = 116)	67	57,7	49	42,3

В этом случае, с увеличением объема характеристик, наблюдается повышение эффективности бессознательных решений и, соответственно, снижение результативности сознательных решений.

Далее был увеличен объем характеристик мобильных телефонов до 15 пунктов:

- тип и материал корпуса;
- габаритный размер;
- размер дисплея;
- вес;

- время разговора (емкость батареи);
- защитные свойства корпуса и дисплея;
- характеристика видеокамеры;
- характеристика экрана;
- поддержка Bluetooth;
- поддержка Wi-Fi;
- тип дисплея;
- поддержка SIM-карт;
- поддержка карт памяти;
- объем встроенной памяти;
- поддержка видео.

Ознакомление респондентов с увеличенным в три раза количеством характеристик позволило респондентам экспериментальной группы улучшить результативность правильных ответов до 66,4 %. В контрольной группе данный показатель снизился до 32,2 % (табл. 3).

Таблица 3

Результаты принятия решений респондентами контрольной и экспериментальной групп с большим количеством производных (n = 237)

Наименование групп сравнения	Количество правильных решений		Количество неправильных решений	
	чел.	%	чел.	%
Контрольная группа респондентов (n = 121)	39	32,2	82	67,8
Экспериментальная группа респондентов (n = 116)	77	66,4	39	33,6

Из приведенных данных (табл. 1, 2, 3.) видно, что при решении задач с небольшим объемом производных респонденты на сознательном уровне справляются лучше, чем на бессознательном. При этом в случае существенного увеличения количества производных ответы респондентов на бессознательном уровне оказываются результативней. Эта наглядно демонстрирует действенность и эффективность бессознательного в ходе решения мыслительных задач с большим объемом информации. Таким образом, наблюдается устойчивая «иксовая» закономерность – увеличение объема производной информации в мыслительном процессе прямо пропорционально эффективности бессознательных решений и обратно пропорционально результативности сознательных решений (рис. 3).

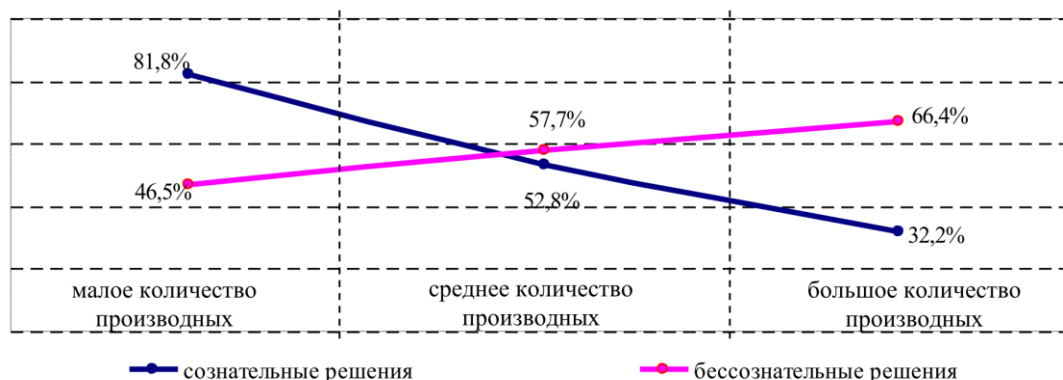

Рис. 3. Динамика сознательных и бессознательных решений в ходе мыслительных задач (n = 237)

Вместе с тем максимальное количество правильных ответов наблюдается при сознательных решениях с малым количеством производных, и их количество существенно выше количества правильных бессознательных решений с большим количеством производных [2]. Исходя из этого, можно предположить, что общая эффективность бессознательных решений меньше сознательных. Вместе с тем бессознательные решения продуктивнее при большом количестве информации, которое затрудняет принятие эффективных сознательных решений.

Далее были изучены временные характеристики сознательного и бессознательного в мыслительном процессе, нами были проведены индивидуальные беседы с каждым респондентом ($n = 237$) контрольной и экспериментальной групп после принятия ими решения относительно лучшего телефона. В ходе индивидуальных бесед нами задавались следующие основные вопросы:

1. За какое время Вы прочитали предоставленные характеристики телефонов?
2. За какое время Вы осознали предоставленные характеристики телефонов?
3. Когда Вам пришла мысль о выборе оптимального ответа?

Полученные результаты бесед после соответствующей обработки позволили создать среднестатистический хронометраж принятия сознательного и бессознательного решения (рис. 4.).

Из представленных данных на рис. 4 видно, что респонденты контрольной группы при решении трех типов задач (с малым, средним и большим количеством производных) поэтапно ознакомились с предоставленными характеристиками, далее попытались осознать их и принять оптимальное решение. При этом количество респондентов, осознавших производные задачи, практически прямо пропорционально количеству респондентов, принявших оптимальные решения, и объем данной категории респондентов уменьшается с увеличением производных. Эта аналогия наглядно демонстрирует нам сознательный механизм принятия оптимального решения, а также, как упоминалось выше, влияние большого количества производных на эффективность сознательных решений.

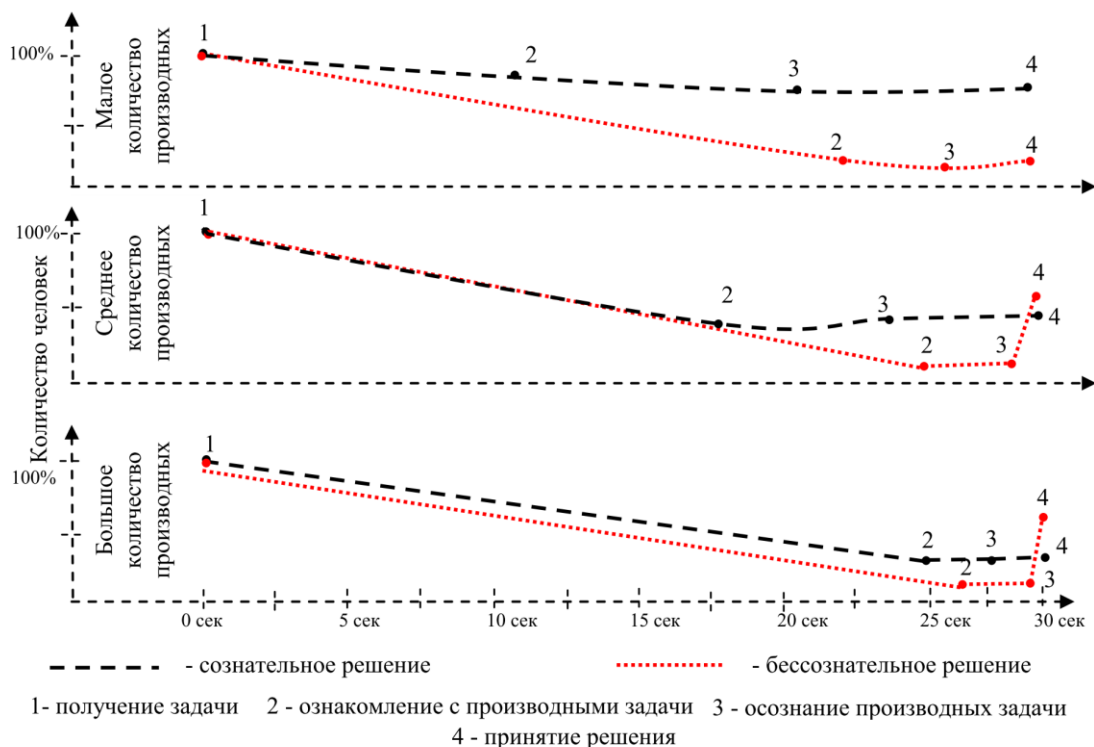

Рис. 4. Среднестатистический хронометраж сознательного и бессознательного в ходе мыслительного процесса ($n = 237$)

В экспериментальной группе респондентов количественные показатели сознательно ознакомившихся в полном объеме с характеристиками телефонов, а также осознавших их, резко отличаются от количества респондентов, оптимально принявших решение. Особенно данные различия ярко наблюдаются при среднем и большом количестве производных. Это подтверждает бессознательные решения респондентов второй группы.

Временные показатели этапов принятия решений также имеют различия. Так с увеличением объема характеристик процесс ознакомления и осознания увеличивается во всех группах, так как респондентам необходимо больше времени для ознакомления с производными. Однако принятие решения у респондентов экспериментальной группы занимает существенно меньшее время в отличие от респондентов контрольной группы [3]. Исходя из этого, можно заключить, что бессознательные решения принимаются намного быстрее, чем сознательные. Требуемое время необходимо не для того, чтобы решение придумать, а для того чтобы его (бессознательное) осознать.

Таким образом, при решении задач с небольшим объемом производных респонденты на сознательном уровне справляются лучше, чем на бессознательном. При этом в случае существенного увеличения количества производных респонденты на бессознательном уровне оказываются результативней. Эта наглядно демонстрирует действенность и эффективность бессознательного в ходе решения мыслительных задач с большим объемом информации. Наблюдается устойчивая «иксовая» закономерность – увеличение объема производной информации в мыслительном процессе прямо пропорционально эффективности бессознательных решений и обратно пропорционально результативности сознательных решений.

Вместе с тем максимальное количество правильных ответов наблюдается при сознательных решениях с малым количеством производных, и их количество существенно выше количества правильных бессознательных решений с большим количеством производных, т. е. общая эффективность бессознательных решений меньше сознательных.

С увеличением объема характеристик процесс ознакомления и осознания увеличивается во всех группах, так как респондентам необходимо большее время для ознакомления с производными. Однако принятие решения у респондентов экспериментальной группы занимает существенно меньшее время в отличие от респондентов контрольной группы. Исходя из этого, можно заключить, что бессознательные решения принимаются намного быстрее, чем сознательные, требуемое время необходимо не для того, чтобы решение придумать, а для того чтобы его (бессознательное) осознать.

Библиографический список

1. Белова Г. А. Бессознательное как источник творческой деятельности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Харьковский гос. ун-т. – Х., 1997. – 28 с.
2. Коваленко А. Б. Психологические особенности моделирования творческой деятельности // Вестник Харьковского национ. ун-та. – 2002. – № 550. – С. 121–124. – (Серия «Психология»).
3. Костандов Э. А. Психофизиология сознания и бессознательного. – СПб. : Питер, 2004. – 167 с.

© Абдурахимов К. А.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫМ ВНИМАНИЕМ ЧИТАТЕЛЯ НА ЖУРНАЛЬНОЙ СТРАНИЦЕ СРЕДСТВАМИ ГРАФИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ

А. Г. Ворона

Институт журналистики Киевского национального
университета им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

KEY PRINCIPLES OF THE VISUAL ATTENTION OF THE READER TO THE MAGAZINE PAGE BY MEANS OF GRAPHIC DESIGN

A. G. Vorona

Institute of journalism Taras Shevchenko national university of Kiev,
Kiev, Ukraine

Summary. This article analyzes the elements that influence the movement of visual attention of the reader to the magazine page. Classify them and is characterized by specific applications. Also displayed and analyzed patterns of transport the reader's attention to the magazine pages.

Key words: design magazines; visual inspection; the elements of drawing attention.

Графическое оформление журналов предусматривает создание благоприятных условий для привлечения внимания читателя на журнальных страницах. Имеется в виду направление внимания читателя на отдельные элементы средствами графического оформления, внедрение своеобразного «визуального контроля» внимания на журнальной странице. Это помогает предсказать зрительное передвижение реципиента по журнальной странице и создать благоприятные условия для восприятия графической информации и текста.

Целью исследования является выделение и классификация графических сигналов, работающих на привлечение внимания читателя на журнальной странице, а также характеристика моделей, по которым внедряется визуальный контроль на журнальных страницах; анализ способов привлечения и удержания внимания реципиента в рамках композиционно-графического моделирования журнальных изданий.

Эта сфера композиционно-графического моделирования является малоисследованной. Темы большинства работ, посвященных графическому оформлению журналов, концентрируются на характеристике отдельных элементов формирования визуальной составляющей журналов.

Основы управления вниманием читателя на журнальной странице изложены в работе Яна Уайта «Editing by design» [8]. Специфика привлечения внимания читателя в рамках исследования общего графического дизайна описана в работе Ричарда Райта «Visual attention» [9].

Исследования в сфере визуального контроля на журнальных страницах имеют общее основание с работами, посвященными когнитивной психологии. Среди них можно выделить «Functional neuroimaging of visual cognition» под редакцией Нэнси Конвишер и Джона Данкана и «Visual attention and cognition» под редакцией В. Зангемейстера.

Управление вниманием читателя происходит посредством специфических сигналов, которые концентрируют внимание читателя на нужном объекте и перемещают его в необходимом направлении. «Все сигналы представляют собой части продуманной системы подсказок, встроенной в наш продукт на всём его протяжении. Она больше, чем аккуратная таблица содержания, украшенная для живости картинками. Система охватывает все служебные элементы, например, номера страниц должны быть достаточно большими, чтобы различать их, когда при быстром перелистывании журнал держат дальше от глаз» [8, p. 195].

Сигналы можно классифицировать как символические и прямые. К символическим сигналам относятся стрелки и цифры. Символические сигналы используются для инициирования переноса центра внимания в силу символиче-

ской информации о вероятном местоположении информации, на которую нужно обратить внимание. Стрелки прямо переносят внимание читателя в нужное место. Они чаще всего используются в инфографике, таблицах, иллюстрациях. Цифры дают точную информацию о расположении тех или иных объектов на журнальных страницах. Они используются в составе оглавлений, словариков и указателей.

Символические элементы можно по-разному оформлять средствами издательских систем. Имеются в виду различного рода выделения этих элементов. Для стрелок – различная степень жирности начертания, фигурное выполнение, цветное обрамление. Для цифр – варьирование типа шрифта, интергрильжа, жирности начертания, использование курсива, подчеркивания, также использование цвета.

Символические сигналы контроля внимания читателя используются во всех типах изданий. Использование этого типа сигналов влияет на передвижение внимания читателя по журнальным страницам и на визуальную перцепцию графической информации.

К прямым сигналам относятся врезки, обводки. При использовании прямых сигналов внимание концентрируется на или рядом с местом возможного размещения информации, на которую нужно обратить внимание читателя. Прямые сигналы работают на создание функциональных зон на журнальной странице. «Функциональные зоны – участки среды, предназначенные для выполнения определенных видов деятельности, процессов или группы взаимосвязанных функций, необходимых для заданного использования среды. Предметно-пространственное решение функциональных зон должно обеспечивать эффективность соответствующих видов деятельности и возможность их разумного сочетания в целостный средовой комплекс» [3, с. 146]. Функциональные зоны содержат информацию, на которую нужно было обратить внимание, и выступают областями распределенности внимания читателя на журнальной странице.

Проанализируем прямые сигналы привлечения внимания. Врезки – один из самых распространенных элементов графического оформления журналов. Врезки, наряду с лидами, сразу выделяются на журнальной странице и содержат информацию, которую нужно подчеркнуть. «Врезки используются в качестве визуального сигнала для читателя, когда нет иллюстрации, которая вызывает первоочередный поверхностный интерес. Они всегда лучше второсортных фото» [8, р. 129]. Для выделения врезок на журнальной странице используют такие элементы графического оформления: варьирование типа шрифта, интергрильжа, жирности начертания, использование курсива, подчеркивания, также использование цвета. Врезки обычно подаются взятыми в рамку. Также широко распространено использование врезок в комбинации с цветными плашками или титулом.

Обводки используются для привлечения внимания, а также для добавления контраста и выразительности. Это легкий элемент привлечения внимания, потому что для того, чтобы создать обводку нужного элемента средствами издательских систем, требуется минимум усилий. Обводки используются для выделения текстовых блоков, для организации и разделения элементов, а также для добавления эффекта иллюстрациям (когда обводка используется в комбинации с иллюстрацией или фотографией).

Канадский исследователь Ричард Райт выделяет три модели взаимодействия визуальных сигналов и зрительного передвижения читателя по журнальной странице: «унитарная модель», «независимая модель» и «модель дистанционно-го индексирования».

«Унитарная модель» работает по такой схеме: стимулирующий сигнал на следующем уровне приводит к визуальной концентрации на объекте и к саккаде, которая характеризуется как быстрые, скачкообразные версионные движения глаз, наблюдающиеся при зрительном поиске объектов, чтении, рассматривании изображений [1, с. 672]. В рамках этой модели визуальная концентрация и зрительное передвижение работают одинаково.

В «независимой модели» внимание и глазодвигательные операции носят самостоятельный характер и не разделяют компоненты. Передвижение внимания в рамках этой модели осуществляется во взаимодействии с прямыми сигналами управления вниманием читателя.

«Модель дистанционного индексирования» является гибридом первых двух моделей. Процессы концентрации внимания не зависят от тех, которые участвуют в программировании глазодвигательных процессов. Передвижение внимания в рамках этой модели осуществляется во взаимодействии с символическими сигналами управления вниманием читателя [9, p. 159].

Внимание читателя может перемещаться по журнальной странице на основе четырех принципов: слева направо, сверху вниз, по диагонали и по спирали. Использование каждого из принципов делает разнообразным графическое оформление журнального издания и придает ему динамичности. Сигналы привлечения внимания следует размещать на журнальной странице в зависимости от использования какого-либо из вышеперечисленных принципов.

Направления передвижения внимания читателя продумываются при разработке модульной сетки. Разработчикам нужно предусмотреть места потенциального расположения сигналов привлечения внимания. «Пояснительные, журналистские и научные иллюстрации должны всегда отображаться, контекстуализироваться и размещаться на разработанной сетке. Используемые изображения комбинируют репрезентативные образы с диаграммами, накладками, числами, словами и иллюстрациями. Качественное отображение реалистичных иллюстраций разрабатывалось на протяжении всей долгой истории развития визуальной коммуникации. Разумно отраженные иллюстрации почти всегда превосходят описательное представление событий, объясняя и документируя их» [7, p. 13]. Модульная сетка является своеобразной визуализационной матрицей, в которую заложены функциональные основы передвижения внимания читателя по журнальной странице.

При разработке модульной сетки надо учитывать тот факт, что на журнальной странице есть области, на которые читатель смотрит в первую очередь. В этих местах нужно располагать графические элементы, которые должны захватить внимание читателя и вызвать первоначальный интерес для просмотра всей журнальной страницы. Ян Уайт в своей работе «Editing by design» [8] отмечает, что эти области расположены в левой и правой верхних частях журнального разворота. Центральная часть подвала разворота не очень важна для привлечения внимания читателя, в этой области можно размещать сноски и дополнительную информацию. Не обязательно даже выравнивать колонки в центральной части подвала, эта область не является функциональной частью механизма управления визуальным вниманием читателя на журнальной странице.

Важную роль в системе управления передвижением внимания читателя на журнальной странице играет использование иллюстраций. Они являются мощным средством привлечения внимания и восприятия информации читателем. «Иллюстрации – это первое, что бросается в глаза на журнальной странице. Они воспринимаются немедленно, эмоционально, инстинктивно, они вызывают интерес. Иными словами, они открывают читателю информацию. Использовать их нужно осознанно, стратегически, а не просто чтобы разбить текст или оживить страницу. Не нужно относиться к ним как к второстепенным элементам, которыми они не являются. Издание – это сочетание, равноправный союз визуального и словесного» [8, p. 143].

Управление вниманием читателя на журнальной странице можно осуществлять средствами текстовых элементов. Регулирование внимания средствами видеоизменения текста имеет общие свойства с использованием прямых сигналов привлечения внимания читателя. Текстовое выделение применяется при обработке заголовков, лидов и врезок. Средства обработки текста очень разнообразны. «Публикация предоставляет практически неограниченные возможности по количеству конфигураций текущего текста: изменяя различные его элементы – вес, размер, стиль, – можно вдохнуть жизнь в печатную страницу» [5, с. 52].

В процессе управления вниманием читателя на журнальной странице необходимо учитывать не только графические элементы оформления. Важное место в композиционно-графическом моделировании занимает использование пробельных элементов. Применение пробельных элементов в графическом оформлении журналов имеет общие истоки с использованием их в газетных изданиях. Следует обратить внимание на характеристику пробельных элементов в газетах, которую дает Виктория Шевченко. «Пространство значительно оживляет композицию газеты, оно присутствует на каждой странице, развороте, в середине и вокруг каждого элемента газеты, на фоне белого строится модель газеты. Во всех периодических изданиях встречаются такие виды пробелов, как межбуквенные, межсловные, межстрочные, междуклонные, вокруг заголовков, резюме, колонтитулов, изобразительных элементов и подписей, поля» [6, с. 92]. В журнальных изданиях используются такие же виды пробельных элементов. Отличительным признаком является тот факт, что при их использовании в журнальных изданиях может изменяться цвет фона.

Пробельные элементы влияют на передвижение внимания читателя по журнальной странице. Они образуют своеобразные разделяющие рамки графики, тем самым формируя потенциальные направления передвижения визуального внимания.

Важную роль в управлении вниманием читателя на журнальной странице имеет выделение цветом. Контрастность элементов графического оформления, которая образуется при выделении цветом, сразу захватывает внимание читателя. Более сильное влияние на читателя производят цвета с большей длиной волны (красный, оранжевый, жёлтый). «Поскольку люди не видят абсолютно все цвета, то цветовое восприятие строится на выделении волн спектрального света с доминирующими длинами. Идея о восприятии доминирующей длины волны подводит нас к концепции цвета. Таким образом, глаз почти всегда видит то, что легко для восприятия. Это научное объяснение того, почему люди в первую очередь видят цвета с большей длиной волны» [4, с. 46]. Использование цвета может усилить влияние тех или иных элементов привлечения внимания. Также цвет может использоваться для варьирования оформления прямых и символических сигналов привлечения внимания читателя на журнальной странице.

Цвет необходимо использовать умеренно. Использование большого количества цветов в графическом оформлении журналов может нарушить процесс привлечения внимания и визуальной перцепции. Следует применять не более двух-трех цветов в рамках оформления одного журнального разворота.

Особое место в привлечении внимания читателя на журнальной странице занимает использование рекламы. Ведь реклама всегда должна привлекать внимание читателя. Рекламное сообщение находится отдельно от основного содержания журнального номера, но располагается на журнальной странице и забирает на себя часть внимания читателя. Ян Уайт [8] считает, что лучшее место для размещения рекламы – правая страница журнального разворота, если рекламное сообщение занимает целую журнальную страницу. В случае размещения рекламы вместе с другой информацией на журнальной странице Джон МакВейд выделяет шесть способов акцентного выделения рекламного сообщения:

- 1) изоляция – один объект, помещенный вдали от остальных;
- 2) масштаб – один объект гораздо больше или меньше остальных;
- 3) цвет – один объект другого цвета, нежели остальные;
- 4) группа – несколько объектов, создающих единую визуальную массу;
- 5) начертание – один объект может быть жирнее или тоньше других;
- 6) светлота – оттенки серого добавляют глубины; объекты выходят на первый план или отступают [2, с. 161].

Таким образом, в статье были рассмотрены и проанализированы специфические элементы и принципы управления визуальным вниманием читателя на журнальной странице. Среди элементов можно выделить использование сигналов привлечения внимания, применение пробельных элементов, иллюстраций, выделение цветом, варьирование характеристиками шрифта. Среди принципов

визуального контроля на журнальной странице можно выделить: композиционно-графическое моделирование журнальных страниц исходя из специфики работы «унитарной модели», «независимой модели» и «модели дистанционного индексирования» визуальных сигналов и зрительного передвижения читателя по журнальной странице, управление вниманием читателя средствами графического оформления, опираясь на расположение сигналов в местах возможных направлений передвижения внимания читателя, использование элементов привлечения внимания в зонах журнального разворота, на которые читатель направляет внимание в первую очередь, использование рекламных сообщений на журнальных страницах.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
2. Джон МакВейд. Графика для бизнеса / пер. с англ. – М. : КУДИЦ-ПРЕСС, 2007. – 208 с.
3. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / Г. Б. Минервин, В. Т. Шимко, А. В. Ефимов и др. ; под общ. ред. Г. Б. Минервина и В. Т. Шимко. – М. : Архитектура-С, 2004. – 288 с., ил.
4. Дизайн цвета. Практикум / Адамс С., Мориока Н. – М. : РИП-холдинг, 2006. – 240 с.
5. Самара Т. Дизайн публикаций. Практикум. – М. : Рип-холдинг, 2006. – 240 с.
6. Шевченко В. Е. Элементы оформления сучасного газетного видання // Наукові записки Інституту журналістики. – 2000. – Т. 1. – С. 88–95.
7. Edward Rolf Tufte. Beautiful evidence. – С. : Published by Graphics Press LLC, 2006. – 214 p.
8. Jan V. White. Editing by design. – С. : Allworth Press, 2003. – 277 p.
9. Visual Attention / ed. by Richard D. Wright. – New York : Oxford University Press, Inc., 1998. – 478 p.

© Ворона А. Г.

ИЛЛЮЗОРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ В ГРУППОВОМ МЫШЛЕНИИ

О. В. Пьянова, А. Е. Лабузная

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

IN THE ILLUSORY PERCEPTION OF GROUPTHINK

O. V. Pyanova, A. E. Labuznaya

North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

Summary. The article tells about the phenomenon of groupthink, in particular - what a great impact it can have on decision-making. Also described are an illusion, common to all members of the group, and how to deal with this phenomenon.

Key words: groupthink; illusion; conformist thinking.

Из поколения в поколение считалось, что принятие группового решения наиболее эффективно. Таким образом можно рассмотреть разнообразные аспекты поднимаемых при совещании вопросов и прийти к общему согласию, по опросу, кто «за». Но всё ли на самом деле так гладко? Практика показывает, что на начальном этапе знакомства группы преобладает продуктивный фон. Однако чем старше становится группа, а её состав остаётся неизменным, тем менее полезными являются их решения. Одним из способов борьбы с таким психологическим феноменом, как групповое мышление, является обновление состава группы. Само групповое мышление – это одна из наиболее серьезных форм деформации качества групповых дискуссий, что дает повод критикам групповых форм экспертизы обвинить их в низкой эффективности по сравнению с индивидуальными формами аналитической деятельности [3, с. 98].

Начало групповому мышлению положено, когда сплоченная группа принимающих решение собирается в изоляции от внешних влияний и не имеет систематических процедур рассмотрения всех «за» и «против» различных вариантов действия. Этой ситуации благоприятствует наличие авторитарного лидера, который явно благоволит определенному ходу действий, а также сильный стресс, часто являющийся следствием внешней угрозы, недавних неудач, моральных дилемм и явного отсутствия пригодных альтернатив. Недавние исследования подтвердили, что групповое мышление чаще всего возникает в ситуациях, где есть внешняя угроза группе. Все эти условия способствуют сильному желанию достичь группового согласия, поддерживать его и избегать «раскачивания лодки» несогласными [1, с. 638].

Феномен группового мышления был открыт американским психологом И. Янисом при изучении групп, принимавших политические и военные решения. Оказалось, что группы с неизменяемым составом через некоторое время начинали принимать настолько непрофессиональные решения, которым бы не отдал предпочтение даже неспециалист.

Подобный феномен и был назван И. Янисом «групповым мышлением», которое представляет собой «стиль мышления людей, полностью вовлеченных в единую группу; в этой группе стремление к единомыслию важнее, чем реалистическая оценка возможных вариантов действий». И. Янис и Л. Манн выделили следующие характерные черты группового мышления: 1) иллюзия неуязвимости, порождающая повышенный оптимизм и решения с повышенной долей риска; 2) завышенные ожидания от собственных решений; 3) стереотипное отношение к противнику, выражающееся в занижении его потенциала; 4) прямое давление на тех членов группы, которые высказывают сильные аргументы против групповых стереотипов; 5) самоцензура на предмет отклонения от группового консенсуса – каждый член группы пытается подстроить свое мнение под коллективные решения; 6) иллюзия единодушия, порождающая группой конформизм – психологический феномен, когда отдельный индивид поддается групповому давлению и меняет свою точку зрения на общую; 7) наличие таких членов группы, которые

предохраняли бы ее от появления информации, носящей альтернативный характер по отношению к принимаемым в группе решениям.

В более концентрированном виде основные черты группового мышления вслед за И. Янисом сформулировал польский психолог Ю. Козелецкий: 1) конформистское мышление – отказывающиеся принять решение большинства изгоняются из группы; 2) тенденциозный отбор информации – группа самоизолируется от информации, которая могла бы поставить под сомнение правильность принимаемых ею решений; 3) сверхоптимизм – переоценка вероятности успеха и недооценивание вероятности неудачи; 4) убеждение во всеисильности группы – переоценка ее компетентности и недооценка силы конкурентов; 5) обманчивость инициативы – группа считает, что обладает инициативой в решении проблемы, однако это зачастую бывает далеко не так [2, с. 95].

Так неужели принимать групповое решение это не особо продуктивное занятие? На самом деле нет, ведь недаром эта процедура дожила до наших лет, несмотря на явный скепсис специалистов, изучающих это явление. Да, групповое принятие решений имеет большую долю риска, но при соблюдении особых правил можно избежать многих ошибок и сделать группу более эффективной. И иллюзии каждого члена группы будут сведены к минимуму. Перечень правил:

1. Следите за размером команды. При составе, превышающем 10 человек, члены команды ощущают меньшую персональную ответственность за результаты и их поведение может стать слишком рискованным.

2. Соблюдайте технику риска. Техника риска – это структурированная дискуссия, разработанная для снижения страхов членов группы, связанных с принятием решений. Эта дискуссия структурирована таким образом, чтобы члены команды обсудили опасности и риски, сопряженные с решением, а позже рассмотрели потенциальный выигрыш. Вслед за этим происходит обсуждение контроля или механизмов работы с рисками и опасностями

3. Побуждайте к выражению различных точек зрения. Люди, которые предлагают контрдоводы, должны готовиться так, как будто собираются выступать в суде, то есть собирать данные и доказательства, а не просто высказывать личное мнение.

4. Выберите «адвоката дьявола». К тому времени, когда высшие руководители уже выбрали какой-то конкретный план или точку зрения, они часто становятся невосприимчивыми к доказательствам, которые вызывают сомнения или просто противоречивы. И что еще хуже, те, кто их окружают, – часто подчиненные – не желают бросать вызов убеждениям руководства. «Адвокат дьявола» – тот, кто будет высказывать противоположные точки зрения, чьей основной задачей будет задавать самые резкие вопросы, какие только можно придумать. В этой ситуации инакомыслие создается искусственно. Для команды лучше, когда в ней существует истинное инакомыслие.

5. Установите процедуры для защиты альтернативных точек зрения. Несмотря на то, что команды могут генерировать высококачественные альтернативные идеи, они часто могут их не принимать в качестве предпочтительных решений. Большинство проблем, с которыми сталкиваются команды, не имеют решений эвристического типа, при которых правильный ответ сразу становится очевидным. Скорее, члены команды должны убедить остальных в правильности их точки зрения. Это трудная задача, когда действуют рычаги, подобные давлению, принуждающему к конформности, и особенно тогда, когда членов команды публично просят выразить приверженность к какому-то конкретному курсу. По этим причинам полезно вести учет всех альтернативных решений, предложенных во время каждого совещания [4].

Библиографический список

1. Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е. и др. Введение в психологию : учебник для ун-тов / пер. с англ. – М. : Прайм-Еврознак, 2003. – С. 638.
2. Симонов К. В. Политический анализ // Политический анализ : учеб. пособие. – М. : Логос, 2002. – С. 95.

3. Целикова В. В. Групповое мышление как механизм влияния на личность в деструктивном культе // Журнал практического психолога. – М. : Фолиум, 1997. – № 1. – С. 98.
4. URL: <http://orlinga.ru/emotions/39>

© Пьянова О. В., Лабузная А. Е.

УДК 159.9.07

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ САМОПОНИМАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КУБАНИ)¹

О. Р. Тучина

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия

TOLERANCE IN THE CONTEXT OF SELF-UNDERSTANDING OF ETHNOCULTURAL IDENTITY (ON THE MATERIAL OF RESEARCH OF STUDENT'S YOUTH OF KUBAN)

O. R. Tuchina

Kuban state technological university, Krasnodar, Russia

Summary. In article results of empirical research of interrelation of tolerance and self-understanding of ethno-cultural identity of youth are stated. On the basis of results of research the author claims that patriotism and tolerance at the level of individual consciousness don't contradict each other, and are complementary conditions of life of the person. Thus, tolerance doesn't resist to ethnicity, and, on the contrary, grows from a reflection of ethno-cultural values.

Key words: tolerance; self-understanding; patriotism; ethno-cultural identity.

В современном сложном и многообразном мире толерантность служит инструментом обеспечения социального согласия, в особенности между людьми и группами, чьи ценности различаются. Технологии обучения толерантности становятся актуальными в контексте формирования культуры ведения переговоров, развития искусства поиска компромиссов, поиска путей продуктивной конкуренции и сотрудничества между различными социальными группами. Профилактический аспект актуальности исследования толерантности связан с выработкой социальной стратегии противодействия крайним проявлениям интолерантности, таким как терроризм, экстремизм, этническая нетерпимость, ксенофобия и другие.

Происходящие в мире процессы усложнения и интенсификации взаимодействия людей различных культур предполагают толерантность как системообразующую ценность социального бытия. Вместе с тем актуализируется рассмотрение сущности толерантности, позволяющей найти меру сохранения «своего» при принятии «иного», и связанной с этим проблемы границ толерантности. На внутриличностном уровне это оборачивается напряжением самопонимания собственной самобытности, открытием личностной значимости социокультурных ценностей на общекультурном горизонте [1].

В самопонимании этнокультурной идентичности проявляется бытийная основа идентичности: этническое рассматривается как общечеловеческая и вместе с тем как индивидуально-человеческая сущность личности. Этническая идентичность, таким образом, является одним из фундаментальных ответов на вопрос «Кто Я?». Поэтому она неотделима от процесса самопонимания, актуализация которого ведет к осознанию проблематичности устоявшихся норм традиции, к поиску скрытых за ними ценностей [3].

¹ Работа выполнена в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Проект № 14.В37.21.1999 «Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности студентами в условиях полиэтнического региона».

В рамках психологии человеческого бытия мы предлагаем рассматривать толерантность как установку на понимание различий, где различие рассматривается как условие для диалога, смысловая позиция в диалоге. Толерантность – установка на понимание себя через Другого. Ценность толерантной установки в возможности «превзойти себя», различие не ради различий, а для расширения и углубления личностного смысла. Толерантность – это способность к диалогу, которая достигается в процессе познания мира и себя.

Цель исследования, выполненного в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (проект № 14.В37.21.1999 «Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности студентами в условиях полиэтнического региона»), – рассмотреть взаимосвязь толерантности и самопонимания этнокультурной идентичности, а также выявить нормативно-ценностный потенциал этнокультурной традиции, влияющий на формирование толерантной установки личности.

Эмпирическое исследование взаимосвязи особенностей самопонимания и толерантности студентов предполагало решение следующих задач:

1. Эмпирическое исследование типов толерантности при помощи авторской методики диагностики толерантности.
2. Эмпирическое исследование особенностей самопонимания этнокультурной идентичности.
3. Сравнение особенностей смысловых аспектов этнокультурной идентичности в структуре самопонимания представителей исследуемых групп, соответствующих типам толерантности.

На первом этапе исследования была проведена психометрическая проверка авторской шкалы этнической толерантности, в которой приняли участие 386 испытуемых (196 мужчин и 190 женщин) в возрасте от 17 до 35 лет ($M = 20,7$ ст. отклонение 5,2). Для шкалы этнической толерантности согласованность пунктов по коэффициенту Кронбаха составила $\alpha = 0,932$. Были получены следующие суммарные показатели по шкале: $M = 77,8$, $S = 14,31$; $\min = 40$, $\max = 98$ (теоретически возможный размах шкалы определяется диапазоном от 15 до 105). Усредненный коэффициент корреляции между пунктами (межпунктовая корреляция в данном наборе пунктов) равен 0,486, т. е. мы имеем оптимальный показатель согласованности пунктов друг с другом. Коэффициент надежности по расщеплению на 2 половинки (по Гутману) равен 0,925.

Затем определялась ретестовая надежность шкалы при помощи коэффициента корреляции Пирсона. Коэффициент корреляции Пирсона для пунктов опросника имел значение в интервале 0,478–0,677 ($p < 0,5$), соответственно, все пункты опросника обладают ретестовой надежностью. Таким образом, данную методику можно считать надежным и внутренне согласованным инструментом.

На втором этапе был проведен опрос среди студентов вузов г. Краснодара, всего 250 человек (121 женщина и 129 мужчин) в возрасте от 17 до 26 лет ($M = 20,8$, $S = 3,8$). Массив данных был подвергнут кластеризации методом К-среднего. В результате кластеризации были выделены два основных кластера испытуемых – с высоким и низким уровнем этнической толерантности. Всего на итоговом этапе исследования были проанализированы данные 189 респондентов. Из общего числа респондентов 142 чел. (83 %) оказались русскими, а 47 чел. (17 %) – представители адыгской, армянской, украинской и некоторых других национальностей, что отражает этнический состав населения Кубани. Первый кластер – респонденты с высоким уровнем этнической толерантности – составили 119 человек (51 мужчина, 68 женщин); второй кластер – респонденты с низким уровнем этнической толерантности – составили 70 человек (39 мужчин, 31 женщина).

Эмпирическое исследование особенностей самопонимания этнокультурной идентичности было проведено при помощи модифицированной методики Кайгородова: респондентом был задан вопрос «что для меня значит быть представителем моей национальности?». Обработка результатов проводилась при по-

мощи метода контент-анализа. Анализ результатов позволил выделить следующие основные типы ответов:

1) осознание собственной национальности как повода для гордости: 46 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 36 % – в группе с высокой толерантностью;

2) любовь к Родине: 16 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 16 % – в группе с высокой толерантностью;

3) необходимость знания и сохранения национальных традиций и этнокультурных особенностей: 46 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 54 % – в группе с высокой толерантностью;

4) этничность как проявление толерантности: 1,6 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 9 % – в группе с высокой толерантностью;

5) этничность как проявление интолерантности: 11 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 0 % – в группе с высокой толерантностью;

6) утверждение, что нравственные качества человека важнее, чем его этническая принадлежность: 6,2 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 16 % – в группе с высокой толерантностью;

7) отрицание значимости этничности: 6 % ответов в группе респондентов с низкой толерантностью и 12 % – в группе с высокой толерантностью.

Первичное осмысление полученных результатов позволяет выявить следующие тенденции. Респонденты как с высокими, так и с низкими показателями уровня толерантности склонны гордиться своей национальностью, принадлежностью к ней, страной и народом, однако ценностные векторы этой гордости различны. В случае демонстрации низкого уровня толерантности чувство гордости от причастности к народу, его истории и культуре оборачивается внешним означиванием себя в силу лишь факта собственной причастности: мой народ, его язык, история и культура велики и могучи, и я тоже значим, поскольку принадлежу к этому величию. Подобный вектор оборачивается отрицанием всего иного («они считают себя меньшинством и поэтому иногда ущемляют права россиян», «Россия перенимает вредные привычки у других народов вместо полезных»), тенденцией к национализму и ксенофобии.

Во втором случае патриотизм связан с проникновением в идейное ядро этнокультурной традиции, попыткой увидеть за привычностью норм и образцов те ценности и идеалы, которые и определяют их правильность. Этнокультурная идентичность при этом обретает духовное измерение, поскольку здесь открывается отношение не столько с внешним, явным, привычным уровнем культуры, связывающим людей в единство «мы», а с духовным основанием подобного единства («быть русским – значит уважать других и быть хорошим человеком»). Подобные основания открывают национальное как особенную и своеобразную форму человеческого бытия. Патриотизм в данном контексте – это любовь к духовно-идейной проекции национальной истории и форм этнической культуры. Именно поэтому ценность патриотизма на уровне индивидуального сознания тесно связана с ценностью толерантности.

Таким образом, патриотизм и толерантность, взятые как человеческие ценности, не только не противоречат друг другу, но являются взаимодополняющими условиями бытия человека в его человечности. С этой позицией связана подлинная толерантность. Таким образом, толерантность не противостоит этничности, а, наоборот, вырастает из рефлексии этнокультурных ценностей [2].

Библиографический список

1. Аполлонов И. А., Оганесян С. Г. Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Современная этничность и диалог культур». – Набережные Челны, 2013. – С. 9–18.
2. Мамардашвили М. К. Если осмелиться быть // Как я понимаю философию. – М. : Культура, 1992. – С. 172–200.
3. Тучина О. Р. Этнокультурная традиция и самопонимание личности // Культура и цивилизация. – 2012. – № 2–3. – С. 114–123.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЗДОРОВЫХ ДЕТЕЙ О ВРАЧАХ

Е. Е. Русякова

Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск, Челябинская область, Россия

RESEARCH OF HEALTHY CHILDREN'S VIEWS ON DOCTORS

E. E. Ruslyakova

Magnitogorsk State University
Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russia

Summary. In article the described results of psychological research of representations of healthy modern children of 7–9 years about the doctor. Besides, the image of the "ideal" doctor for children was estimated. As the analysis of interrelation of ideas of the doctor and representations about health at children is made.

Key words: children of the younger school age; physician; belief about physician; health.

Наиболее важным и наименее определенным в профессии врача-педиатра является взаимодействие с пациентом-ребенком. Среди причин большинства случаев ухудшения состояния у ребенка выделяют неправильные действия родителей пациентов и неадекватные действия, коммуникацию медицинского персонала [2]. В. К. Солондаев, Ю. Ф. Панина (2009) провели исследования в группе из 55 случайно отобранных женщин, имеющих детей от 0 до 16 лет, для этого использовалось стандартизованное интервью для сбора описаний типичных ситуаций «плохого» и «хорошего» взаимодействия с врачом по поводу ребенка. Наиболее неожиданным результатом стало отсутствие ребенка как действующего лица и отсутствие результатов лечения [9].

Эффективная педиатрическая помощь возможна только при грамотной профессиональной коммуникации врача с ребенком. Для этого необходимо понимание того, как ребенок воспринимает врача, его представление о нем, прошлый опыт, «идеальный» образ. Знания представлений ребенка о враче способствуют установлению лучшего контакта между врачом и ребенком, удовлетворяют потребность в помощи и эмоциональном общении у маленького пациента. Если врач фиксирует своё внимание на соматическом неблагополучии ребенка-пациента, то личность данного ребёнка воспринимается им лишь сквозь призму болезни, и тогда индивидуальность и внутренний мир ребенка, его переживания и опасения ускользают. Такая ситуация уводит врача от ребенка-пациента, а значит, от реально страдающего человека всё дальше. Врач и ребенок не взаимодействуют, не доверяют друг другу. В результате эффективность диагностики и лечения более низкая, чем могла бы быть. Поэтому перед врачом всегда должен быть, прежде всего, ребёнок с его болью и тревогой.

А что думают дети обо всей этой ситуации? Как им представляется врач? Какой доктор действительно поможет ребенку, не только избавит от симптомов, но и поможет обрести душевное равновесие? Может быть доктор Айболит?

Если устроить опрос о том, каков для россиян образ идеального врача, то большинство ответят: джентльмен в возрасте, с бородкой и в пенсне, очень добрый, любящий все живое, готовый мчаться на край света, чтобы оказать врачебную помощь. Впервые образ Айболита появляется в записных книжках Чуковского уже в 1912 году. Наверное, в нашей стране нет ребенка, который не был бы знаком с творчеством Корнея Ивановича Чуковского, его «Айболит», вот уже почти сто лет держит лидерство среди самых популярных произведений для детей.

Взаимоотношения ребенка и медицины начинаются с рождения, связаны с отрицательным опытом, болью. «Доктор Айболит» К. И. Чуковского ничего плохого (страшного и болезненного) своим пациентам не делает, что вызывает в отношении доктора повышенную любовь детского населения, возможно, он

«идеальный» доктор для современных детей. Милая сказочная теория уступает место реальной практике. Ребенок и врач с трудом находят взаимопонимание. Дети испытывают страх и антипатию по отношению к медицинским работникам [6]. А встречаются ли современные дети Айболита?

Цель работы: исследовать представления современных здоровых детей о врачах.

В исследовании принимали участие дети младшего школьного возраста. Все дети проявляли интерес и с удовольствием отвечали на вопросы и выполняли задания. Участие в исследовании было добровольным.

Предполагалось, что представления здоровых детей младшего школьного возраста о врачах имеют спектр отрицательных переживаний, они их боятся; образ «идеального» врача у детей схож с образом Айболита из сказки К. Чуковского – такой доктор является лучшим, «идеальным» для детей; к сожалению, в жизни ребенок с такими «идеальными» врачами не встречается.

Представление – психический процесс, в результате которого отражаются, обобщаются, преобразовываются ранее пережитые события и ранее воспринимаемые объекты, предметы; знание и понимание, основанное на опыте, структурный элемент мировоззрения. Представление является переходной ступенью от конкретных образов к абстрактным понятиям, от ощущений к мышлению. В возрасте 7–9 лет у детей происходит интенсивное развитие представлений, связанное с развитием произвольности. В младшем школьном возрасте дети умеют произвольно вызывать нужные представления, в это время у детей происходит формирование индивидуальных различий в представлениях. Эмоциональное напряжение побуждает формировать образ «идеального» врача, который обладает возможностью оказать более эффективную помощь. Выяснение представлений здоровых детей о врачах, желаемых и реальных, поможет сделать процесс взаимодействия «врач – ребенок» продуктивным для лечения и ускорит реабилитацию.

Каждый больной на основе культурных влияний (представлений общества о враче), прошлого опыта общения с представителями медицинской профессии (и вообще с авторитетными лицами) и характера ожидаемой помощи имеет определенный образ врача (эталон), который может удовлетворить его потребность в помощи и эмоциональном общении [8, с. 53]. Малая степень сходства между обликом идеального и лечащего врача на всём протяжении пребывания в клинике может отражать невысокое качество общения с врачом и неудовлетворенность лечением [1]. Знание и учет врачом имеющегося у больного образа «идеального» врача способствуют установлению лучшего контакта между ними [8, с. 28]. Важными условиями, определяющими установление контакта врача с больным, являются представления последнего о враче на основе прошлого опыта и характер первой беседы, с которой и начинается лечебный процесс [8, с. 58].

Идеальных врачей, конечно же, не существует, как не существует в мире ничего идеального, но во многих научных исследованиях часто используются «идеальные модели». Это такие модели, которые удовлетворяют наши потребности и отвечают нашим желаниям, представлениям. Попробуем и мы представить себе «идеального» врача, который сможет оказать ребенку грамотную помощь.

Вспомните теперь: «Всех излечит-исцелит добрый доктор Айболит...» Когда К. Чуковский писал для детей эти строки, он, конечно же, интуитивно выделил здесь две главные черты идеального доктора, каковым хочет представить маленькому читателю Айболита. Первая: он лечит один – всех, то есть все болезни. А значит, имеет широчайшие познания. Вторая же черта – доброта. Доброта, по-моему, должна проявляться не в сюсюканье и потакании всем прихотям больного, а в вежливости, чуткости, сострадании, отзывчивости, умении внимательно выслушать и ответить на вопросы.

Начальный этап в исследовании состоял в задании: «Нарисовать самого лучшего врача», намеренно избегались слова «добрый», «доктор» и не вносилось дополнительных пояснений или комментариев, чтобы не направлять рисунки детей и не способствовать стереотипии, использованию в рисунках сюжетного шаблона. Детям предлагалось в свободной форме изобразить с помощью каран-

дашей, фломастеров или красок то, как они представляют самого лучшего врача. Использование проективных методов даёт возможность автору проецировать реальность и по-своему интерпретировать ее [3]. Исследователи детского рисунка подчеркивают, что рисунок является своего рода рассказом и, по существу, не отличается от словесного рассказа [4; 5]. В «рисунках на заданную тему» (т. е. в ситуации стандартного изобразительного задания) содержится значительно больше информации о представлениях рисовавшего их человека, чем в простом рукописном тексте, поэтому такие рисунки являются весьма мощным психодиагностическим средством.

Чтобы провести оценку полученного материала, мы изучали: особенности эмоциональной экспрессии у детей при отражении темы врача, медицины, особенности использования детьми шаблонных сюжетов и персонажей, а также основные темы рисунков, характер изображения врача.

1. Можно утверждать, что представление как познавательный процесс хорошо сформировано у всех детей и соответствует возрастной норме. Все дети сумели представить и достаточно полно и ярко описать, как выглядит их лучший доктор.

2. Большинство детей обобщили в образе врача опыт взаимодействия с авторитетными лицами из своей жизни. Многие дети сближали образ лучшего врача, прежде всего, со своей матерью, реже – со своим лечащим врачом, со своими родными (тетя, бабушка, папа). Известно, что профессия врача, даже для многих взрослых, окружена некоторым магическим ореолом, врач воспринимается как авторитет, с одной стороны, близкий к образу родителя (опека, забота, помощь), а с другой – к образу учителя (представление знаний). Поскольку маленькие дети обладают высокой эмоциональностью, а их личность еще формируется, чаще именно первый образ ребенку значительно ближе.

3. При анализе графических характеристик рисунков мы исходили из положения К. Маховер о том, что степень или тип штриховки может считаться выражением тревоги. По особенностям деталей рисунка (в частности по наличию штриховок) можно сделать вывод, что рисовавший находился в состоянии внутреннего напряжения [7]. Было обнаружено, что у большинства детей вне зависимости от возраста площадь заштрихованной поверхности занимает не менее половины рисунка, что может свидетельствовать о высокой эмоциональной насыщенности переживания взаимодействия с врачом и вообще вопросов медицинского плана [6].

4. Эмоциональное отношение детей к врачам очень разное. Но во многих рисунках (38 % – портреты) выражена эмоциональная фиксация на фигуре врача, вовлеченность в процесс социальных взаимоотношений. Согласно К. Маховер, «Голова взрослого – наиболее важный орган, связанный с эмоциональным комфортом ребенка», «лицо – важный центр коммуникации, социальная часть жизни» [7, с. 37–38].

5. Несмотря на то, что объектом исследования были здоровые дети, некоторые демонстрировали в рисунках зависимую позицию, характерную для больных детей, находящихся на лечении, таких рисунков 25 %. Возможно, это результат прошлых переживаний, сильного стресса, связанного с болезнью. Рисунков, где образ врача – друг, помощник, 2 %. Это свидетельство пассивно-оборонительной позиции.

6. Отражение деятельности врача в рисунках детей присутствует не всегда. Интересно, что в 28 % рисунков детей это «ветеринар» – образ лучшего врача, и ещё 32 % детей сообщили об этом в конце задания, проявив бережное отношение и доброту к братьям нашим меньшим в беседе. Самый страшный врач, по мнению детей, – хирург. Мало кто из детей нарисовал врача специалиста (5 % – стоматолог, 5 % – врач скорой помощи). Были работы, преимущественно среди детей 9 лет, отражающие деятельность и активные действия врача. То есть для детей постарше важно, насколько врач поглощен своей работой. Он должен быть врачом общего профиля – педиатром и «всё уметь». Дети ждут, чтобы врач им скорее помог, «вылечил», «выписал», «облегчил страдания».

После рисования использовалась методика «Неоконченные предложения», которая проводилась с каждым ребенком индивидуально. Существует множество различных вариантов этой методики, они являются модификацией широко известной методики Сиднея и Сакса, которую используют в клинической и исследовательской практике. Испытуемому предлагается закончить предъявленные ему незаконченные предложения, составленные так, что допускают практически неограниченное разнообразие возможностей их завершения. Полученные фразы, отражают значимые, актуальные переживания, отношения, представления, знания, связанные с врачами и здоровьем.

Для исследования представлений о врачах и отношения к ним из методики, разработанной В. Е. Каган и И. К. Шац, выделены шкалы, связанные с врачами, госпитализацией, здоровьем, болезнью: «Отношение к врачу (госпитализации)», «Представление о здоровье» [4]. Кроме этого, введены дополнительные шкалы: «Представление о враче», «Представление об идеальном враче» – шкалы, раскрывающие личные знания, непосредственный опыт взаимодействия с врачами и желаемый образ врача для детей, а также введена шкала, отражающая общую медицинскую осведомленность и грамотность [6].

Далее представлен анализ результатов методики «Неоконченные предложения».

1. 13 % детей имеют ярко выраженное эмоциональное напряжение по **отношению к врачам**. Окончания их предложений «Когда я вижу врача..», «Когда я первый раз пришел(а) к врачу из-за болезни...» были следующие: «начинаю плакать», «испугался», «сделал укол», «покрылся мурашками».

61 % детей боятся врачей, их предложения, как правило, заканчивались так: «боюсь», «стесняюсь», «немного испугался», «страшненько чуть-чуть». Они желали бы избежать возможного контакта с врачами, дистанцироваться от них.

26 % детей заявили, что совсем не боятся врачей. Их предложения завершились фразой: «не боюсь», «мне нравится», «рассмешил», «подарил игрушку». Можно предположить наличие в их жизни приятных воспоминаний о взаимодействии с врачом и о понимании важности медицинского осмотра и лечебных процедур.

2. 35 % детей сильно переживают за свое **здоровье**. В результате беседы с родителями выяснилось, что это часто болеющие дети или один из членов их семьи тяжелобольной. Большинство детей за свое здоровье не переживают, но знают, что оно очень важно. 7 % детей подчеркивают важность здоровья и считают себя абсолютно здоровыми людьми. В исследовании не встретились дети, которым бы их здоровье было безразлично.

Дети 6–9 лет здоровьем считают просто отсутствие болезни. Интересно, что девочки и старшие дети больше опасаются расстроить здоровье, чем мальчики и младшие дети. Оценивая здоровье, дети больше ориентируются на соматическое благополучие.

3. В целом дети смогли представить **образ «идеального» доктора**.

- «Идеальный» доктор – это «добрый» (70 %), «хороший», «самый лучший в мире», «вежливый», «заботливый», «веселый».

- Были указания на конкретных людей, с фиксацией на их образах: «мама» (15 % – в случае, когда по профессии мама-врач и мама не врач), «мой врач» (6 %); «моя бабушка», «моя тетя», «ветеринар», «психолог», «зубной», «главный врач», «медсестра» – единичные ответы.

- Указания на деятельность: «лечащий», «работающий», «всегда ходит на работу», «лечит животных», «больше всех лечит», «не делает уколов», «не говорит грубо», «лечит малышей», «помогает», «не делает больно», «не кладет в больницу», «любит детей», «дает конфеты», «разрешает делать всё, что захочешь», «делает мне хорошо».

- Также дети предполагают, где такого «идеального» врача можно встретить: «в самой лучшей поликлинике мира», «такие врачи есть» – 98 %, «таких врачей нет» – 2 %.

Результаты, полученные с помощью методики незаконченных предложений, позволили выделить следующие характеристики отношения к врачу: 1) все-

ми больными высоко оцениваются в первую очередь эмоциональные и морально-этические черты личности врача; 2) почти никто из больных не оценивает профессиональных качеств; 3) никто не оценивает интеллектуальных и физических качеств.

Малая степень сходства между образом идеального и лечащего врача у 18 % – это предполагает внутриличностный и межличностный конфликт. Высокая степень сходства между образом идеального и лечащего врача также у 18 % – это свидетельствует о том, что ребенок доволен своим врачом. В 64 % детских ответов присутствует естественная разница между реальным и идеальным образом врача. Опираясь на теорию И. П. Лапина, можно сказать, что если у детей преобладает малая степень сходства между обликом идеального и лечащего врача, то это отражает низкое качество общения ребенка с врачом и неудовлетворенность лечением [5].

4. Несмотря на свой юный возраст, 26,7 % детей уже имеют негативный **опыт взаимодействия с врачами**, помнят неприятные процедуры, противопоказания, ограничения. Завершали незаконченные предложения «Врач – это...», «Большинство врачей...» фразами: «зомби», «злодеи», «злые». Но всё же 53,3 % помнят врача как хорошего и доброго человека. Незаконченные предложения «Врач – это...», «Большинство врачей...» дети заканчивали так: «спаситель», «психолог», «доктор», «человек», «помощник», «моя бабушка». Остальные дети (20 %) сосредоточены не на личности и межличностном взаимодействии, а на деятельности врача и на информационном опыте: «доктор», «человек, который лечит», «лечат людей», «осматривает», «делает уколы», «ходит по кабинетам», «делает, что хочет», «делает, что умеет». Врач не плохой и не хороший, он просто делает свое дело. Можно сказать, что в этом случае срабатывает рациональное представление о профессии врача и лечении или защитный механизм – рационализация. В то же время врачи редко: «ошибаются» (7 %), «ругаются». Мнения детей разошлись в следующих вопросах: «ходят куда-то» / «сидят дома», «делают уколы» / «не делают уколы», «лечат плохо» / «лечат хорошо», «помогают» / «не помогают», то есть с точки зрения и опыта детей в жизни бывает по-разному.

5. **Медицинская грамотность** – способность получать, понимать и использовать медицинскую информацию для поддержания или улучшения состояния здоровья – является одним из важных факторов системы охраны здоровья в любой стране. Она оказывает положительное влияние на здоровье всего населения, особенно на здоровье женщин и детей. К сожалению, только несколько человек (2 %) демонстрировали высокую грамотность в общих медицинских вопросах. 87 % детей имеют низкую медицинскую грамотность. Сохранение здоровья и заботу о нем дети связывают с отказом от сладостей и посещением врача. Это значит, сохранение здоровья является важным, но очень сложным, неприятным процессом.

Это подтверждают работы других исследователей. Например, Е. В. Свистунова обращает внимание на представления детей о внутренних органах. Дети думают, что количество органов у разных детей разное. По-разному оценивается и степень важности различных органов: на 1-е место дети ставят сердце, затем (с 9–10 лет) – мозг и желудок. Среди детей младшего школьного возраста многие жизненно важными считают легкие, нос, глотку и рот. Если старшие дети судили о значимости органов по их участию в жизнедеятельности организма, то младшие – по тому времени, которое требовалось для ухода за ними; например, ноги назывались в связи с постоянной обязанностью их мыть. До 60 % детей 4–6 лет относительно верно определяют расположение сердца, расположение других органов редко показывают правильно [7, с. 49].

6. Используя средние значения, выполним анализ взаимосвязи шкал методики «Незаконченные предложения» с помощью статистической программы Statistika 6. Получена сильная положительная взаимосвязь (0,78 при $p < 0,05$) между переменными методики «неоконченные предложения»: шкала 2 «представление о здоровье» и шкала 4 «представление о враче». Таким образом, мож-

но сказать, что у здоровых детей здоровье связано с деятельностью реального врача, и собственная позиция в отношении здоровья представляется в виде пассивной, зависимой.

Выводы

- Исследование графических характеристик детских рисунков выявляет высокую степень эмоциональной насыщенности темы медицины. В представлении детей врач является одним из факторов негативных переживаний, вызывающих тревогу. Дети «навязанно» боятся врача, хотя в их памяти бывают зачастую и позитивные воспоминания.

- Подавляющее большинство рисунков отражает стремление к передаче эмоциональной атмосферы при контакте с врачом. Такая позиция определяется повышенной потребностью детей в особом отношении, понимании, внимании, вследствие свойственного им возрастного эгоцентризма. Дети ориентированы на эмоциональный, коммуникативный аспект взаимодействия с врачом. Имеют установку на сочувствие, понимание и поддержку, что важно для них в большей степени, чем наличие нового лекарства или нового оборудования, современного метода лечения.

- Фигура врача отражает эмоциональную фиксацию современного здорового ребенка младшего школьного возраста на поддерживающем его образе матери.

- К особенностям экспрессивного выражения детьми собственных представлений (мыслей и ощущений) относится стремление большинства из них усилить смысловую нагрузку своего рисунка соответствующими комментариями к нему (текстом, сопровождающим рисунок). Например: «Берегите здоровье!», «Добрый доктор», «Все болезни лечит врач. Он уколёт – ты не плачь, веселей смотри вокруг: детский врач – ребятам друг!» и др.

- Большинство детей (61 %) боятся врачей и желали бы избежать возможного контакта с врачами, дистанцироваться от них. У 80 % детей представление о врачах связано с чувственно-эмоциональным опытом, а у 20 % с информационным. В первую очередь дети ценят во враче черты характера, его личность, эмоциональное, чувственное отношение к ним. 70 % хотят, чтоб он был добрым. Образ лучшего врача связан у детей младшего школьного возраста с образом матери в 15 %, с образом бабушки в 6 %.

- Здоровье в представлении детей – это отсутствие болезни. Лишь 7 % детей считают себя здоровыми. Девочки и старшие дети больше опасаются расстроить здоровье, чем мальчики и младшие дети. Низкий уровень грамотности у детей в медицинской сфере способствует повышению тревоги, неуверенности дискомфорта при посещении врача и неправильной жизненной позиции в отношении своего здоровья.

- Образ врача сопряжен в сознании ребенка со здоровьем, поскольку, как правило, встречаются они с врачом исключительно в случаях нарушения самочувствия. Дети считают, что именно врач несет ответственность за их здоровье.

Таким образом, по окончании исследования можно сказать, что гипотеза, которую мы выдвинули в начале исследования, подтвердилась в первой ее части и частично – во второй.

1. Для детей младшего школьного возраста эмоциональный контакт «врач – ребенок» важнее, чем интерьер поликлиники, больницы, эффективные таблетки и новые методы лечения. Действительно, как мы и предполагали, дети боятся врачей. 74 % здоровых детей испытывают страх перед врачами. Из них только 27 % реально переживали угрозу своей жизни и здоровью как сильный стресс. А остальные 47 % боятся врачей потому, что это «выученный страх», навязанный извне.

2. Образ доктора Айболита и «идеальный» образ врача для детей младшего школьного возраста имеют некоторые различия. Детям больше по душе женщина-врач, поскольку у нее преобладает «сопереживающий» комплекс черт, эмоциональность. Сближение «идеального» образа врача, прежде всего, с матерью – необходимое для детской психики условие комфорта и безопасности в

сложной ситуации (болезнь). К тому же современная ситуация такова, что количество женщин-врачей в медицине преобладает. Женщины приносят в медицину, может быть, то, чего ей больше всего сегодня не хватает – душевность и сострадание к больному.

3. Образ «идеального» врача в представлении ребенка на 70 % связан с добротой. «Идеальный» врач для современного ребенка – добрый, заботливый, вежливый, не ругается, веселый, много работает, помогает, проводит много времени на работе, лечит так, что было бы приятно, а не больно, всё разрешает, дарит игрушки и конфеты. Таким образом, всеми больными высоко оцениваются в первую очередь эмоциональные и морально-этические черты личности врача. Профессиональные, физические, интеллектуальные качества, имидж дети почти не упоминают. Малая и средняя степень сходства между образом идеального и лечащего врача у 82 %, высокая у 18 %. То есть некоторые современные дети всё-таки встретили своего Айболита. В целом дети не удовлетворены качеством общения с врачом и лечением.

Таким образом, следует учитывать специфические представления ребенка о враче, здоровье и лечении, продолжать их изучение, проводить коррекцию образа врача, если он не является продуктивным. Это позволит существенно снизить эмоциональный дискомфорт ребенка, избежать вторичного напряжения, стресса, связанного с диагностическими и лечебными методами, настроить маленького пациента на выполнение необходимых рекомендаций, процедур, на содействие, а также сформировать адекватные представления у ребенка о своем здоровье и высокую степень ответственности за него. Также детям желательно повышать свою грамотность и получать знания о своем организме, вредных или полезных факторах, влияющих на него, знания о врачах, здоровье, медицине, профилактических мероприятиях, а главное – формирование правильного образа жизни уже с ранних лет.

Библиографический список

1. Лапин И. П. Плацебо и терапия. – М. : Лань, 2000. – 224 с. – (Сер.: Мир медицины).
2. Маколкин В. И., Овчаренко С. И. Внутренние болезни : учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ОАО «Издательство „Медицина“», 2005. – 592 с.
3. Никольская И. М., Грановская Р. М. Психологическая защита у детей. – СПб. : Речь, 2000. – 507 с.
4. Психодиагностические методы в педиатрии и детской психоневрологии : учеб. пособие / под ред. Д. Н. Исаева и В. Е. Кагана. – СПб. : ПМИ, 1991. – 80 с.
5. Ромина Е. Е. Здоровье глазами детей: опыт психологического анализа детских рисунков // Вопросы психологии. – 2006. – № 1. – С. 39–47.
6. Русякова Е. Е. Психологические особенности личности подростков, страдающих бронхиальной астмой, и методы психологической коррекции : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – СПб. : СПбГУ, 2004. 18 с.
7. Свистунова Е. В. Как ребенок воспринимает болезнь // Медицинская сестра. – 2012. – № 6. – С. 47–52.
8. Ташлыков В. А. Психология лечебного процесса. – Л. : Медицина, 1984. – 192 с.
9. Солондаев В. К., Панина Ю. Ф. Анализ сюжетов взаимодействия врач – родители больного ребенка. Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. 2009. № 1. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 05.03.2013).

© Русякова Е. Е.

РАЗВИТИЕ КАНАЛОВ ЭМПАТИЙНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ КАК ПРОФЕССИОНАЛА

Н. И. Молева

Средняя общеобразовательная школа № 49,
г. Астрахань, Россия

CHANNEL DEVELOPMENT EMPATHIVE ABILITIES OF THE INDIVIDUAL TEACHER AS A PROFESSIONAL

N. I. Moleva

Secondary school № 49, Astrakhan, Russia

Summary. The article considers the peculiarities of the development of the personality of the teacher as a professional channels manifestations ability to empathize. The article indicated approach to the organization of development of empathy and sympathy among teachers as a professional.

Key words: empathy; channel sympathy; teacher professional.

Потребностью нашего современного общества является развитие и совершенствование учителей как психологически зрелых и целеустремлённых профессионалов своего дела [2, с. 218]. Для педагогического процесса воспитания и обучения подрастающего поколения практическая деятельность учителя должна быть подкреплена наличием у него личностных профессионально-значимых качеств. Необходимым условием и механизмом профессионального развития учителя в образовательном учреждении является наличие у него такого личностного качества, как эмпатия. Прямой перевод понятия «эмпатия» с немецкого языка «*einjühlung*» – это дословно «чувствование внутрь». Слово происходит от греческого «*pathos*» (сильное и глубокое чувство, близкое к страданию) с префиксом «ет-», означающим направление внутрь. Эмпатия – это сочувствие и сопереживание другому человеку, посредством вчувствования и проникновения в его субъективный мир [5, с. 38]. В философском плане проблема развития эмпатии сопряжена с вопросом: «Как быть другим, не переставая быть собой» [2, с.73]. К. Роджерс писал, что «как только эмпатия превращается в идентификацию, консультант уже больше не способен полно понимать клиента, поскольку для того, чтобы делать это, необходимо, чтобы он сохранял свою объективность» [2, с. 237].

В качестве существенных особенностей эмпатического процесса выступают, во-первых, сохранение в эмпатическом процессе собственной позиции эмпатирующего, сохранение психологической дистанции между ними и эмпатируемым. Во-вторых, наличие в эмпатии сопереживания, а не просто эмоционального положительного отношения эмпатирующего к эмпатируемому; в- третьих, динамичный, а не статичный характер феномена эмпатии. Данные отличительные признаки эмпатии могут совершенствоваться в процессе целенаправленного развития эмпатийных каналов: рациональный канал эмпатии, эмоциональный канал эмпатии, интуитивный канал эмпатии, установки, способствующие эмпатии, проникающая способность в эмпатии, идентификация в эмпатии.

Рациональный канал эмпатии характеризует направленность бытийного внимания, восприятия и мышления эмпатирующего. Эмоциональный канал эмпатии сочувствием и сопереживанием предоставляет возможность для «вхождения» в энергетическое поле партнёра. Интуитивный канал эмпатии позволяет действовать в условиях дефицита исходной информации. Установки, способствующие (например, большой диапазон эмоциональной отзывчивости) или препятствующие (например, избегание личных контактов) эмпатии, соответственно облегчают или затрудняют действие всех эмпатических каналов. Проникающая способность в эмпатии позволяет создавать атмосферу открытости, доверенности, задушевности, и способствует или препятствует информационно-энергетическому обмену. Идентификационный канал эмпатии – это умение быть лёгким, подвижным, и эмоционально гибким, способным к подражанию, то есть

способным понять другого на основе сопереживания, постановки себя на его место. Таким образом, можно утверждать, что оптимизация профессионального развития личности учителя может быть осуществлена за счёт целенаправленного совершенствования развития у них эмпатии. Целенаправленный процесс развития эмпатии может быть структурирован системой развития эмпатийных каналов учителей.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Жизненный путь педагога как профессионала, и развитие его самосознания // Актуальные проблемы психологии в образовании : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 4–6 апреля 2011 года : в 2 т. / отв. ред. И. А. Синкевич. – Мурманск : МГГУ, 2012. – 1 том. – С. 218–222.
2. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988 – № 4. – С. 21–37.
3. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. – СПб : Издательство «Питер», 2000. – 512 с.
4. Роджерс К. Р. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в области практической работы : монография / пер. с англ. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 464 с.
5. Светлова К. С. Психологическое консультирование и эмпатия в работе практического психолога // Индивидуальное психологическое консультирование и психология принятия решений : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Астрахань, 16–17 октября 2009 г.). / сост. Н. Г. Брюхова, Е. А. Подосинникова ; отв. ред. Б. В. Кайгородов. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2009. – Т. 2. С. 37–39.

© Молева Н. И.

УДК 159.923.4:159.938.343.3

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. В. Чумаева
Украинский НИИ медицины транспорта,
г. Одесса, Украина

INDIVIDUAL AND TYPOLOGICAL FEATURES OF THE PERSONALITY AS FACTOR OF PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF PERSONS OF EXTREME ACTIVITIES

Yu. V. Chumaeva
Ukrainian Research Institute of Transport Medicine,
Odessa, Ukraine

Summary. In the article we present the results of studies determining the role of individual and typological features of firemen and rescuers in psychological rehabilitation process. Through cluster analysis we identified few groups with different individual-typological features. The correlation of different typologies and their dynamics over the period of rehabilitation was studied. This results are applicable to other contingents of extreme activity. It allows to expand the research and practice conclusions as well as taken in the methodological approaches to the problem of medical and psychological rehabilitation as a whole.

Key words: psychological rehabilitation, firemen, rescuers, psychophysiological examination of individual and typological features.

Актуальность. Знания о генетически обусловленных основах индивидуально-типологических различий приобретают особую значимость в связи с решением очень важных проблем. Это и индивидуально ориентированный подход к обучению и становлению профессионала, и оптимальное конструирование «сопряжённых» взаимодействий человека с техникой. Сюда же относятся проблемы коммуникации в коллективе и научной обоснованности профотбора и расстановки кадров, а также индивидуальный подход к медико-психологической реабилитации и коррекции отклоняющегося поведения, и др. Как известно, индивиду-

ально-типологические особенности (ИТО) личности практически не проявляются в состоянии покоя, для их раскрытия необходимы особые условия деятельности. Напряжённый труд является фактором, который задействует адаптационный потенциал личности, в том числе и за счёт ИТО, как генотипической основы формирования индивидуального стиля профессиональной деятельности.

Ещё одним важным условием проявления ИТО личности является состояние утомления, которое приводит к нарушению и разбалансированию психофизиологических функций. Характер таких изменений также может иметь индивидуальные различия [1]. Таким образом, изучение ИТО на примере лиц экстремальной профессиональной деятельности является перспективным направлением, как для изучения наиболее общих закономерностей, так и при решении практических задач повышения надёжности профессиональной деятельности, а также эффективности психологической реабилитации.

Профессия пожарного-спасателя представляет собой один из наиболее ярких примеров экстремальных видов труда. Психологический анализ особенностей профессиональной деятельности пожарных-спасателей Украины свидетельствует, что процесс труда этих специалистов характеризуется высоким нервно-психическим напряжением и мобилизацией волевых усилий, высоким темпом выполнения профессиональных обязанностей в условиях дефицита времени и информации в неблагоприятных условиях внешней среды, недопустимостью возникновения ошибочных действий. По перечисленным признакам такую деятельность относят к экстремальному типу или с элементами сверхэкстремального [2].

Цель: изучить динамику ИТО пожарных-спасателей в период их психологической реабилитации для совершенствования методической базы реабилитации данного контингента работающих в экстремальных условиях.

Материалы и методы: В данном исследовании анализировались результаты тестов на подвижность (ПНП), уравновешенность нервных процессов (НП). Обследование проводилось с помощью автоматизированной программы «МОРТЕСТ» (вариант «СПАС-8») [3], разработанной в УкрНИИ медицины транспорта (г. Одесса, Украина), в начале и в конце 12-ти дневного периода медико-психологической реабилитации. Индивидуально-типологический профиль личности получен на основе опросника ИТО Л. Н. Собчик [4]. Всего был обследован 171 пожарный-спасатель. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью стандартной программы Microsoft Excel и SPSS 18 [5].

Результаты и их обсуждение. Уравновешенность и подвижность НП являются основой большинства классификаций ИТО, начиная с И. П. Павлова и многих последователей [6–9]. В нашем исследовании показателем ПНП является процент ошибочных реакций на возбудительные и тормозные стимулы при выборе дифференцированной сенсомоторной реакции при предъявлении трёх альтернатив. В качестве показателя уравновешенности НП учитывалось соотношение опережающих и запаздывающих реакций при выполнении теста «Реакция на движущийся объект» (РДО).

На основе данных ПНП и уравновешенности НП, полученных в начале и в конце периода реабилитации, был проведён кластерный анализ. По результатам кластерного анализа на первоначальном этапе реабилитации получены 5 кластеров (рис. 1), для которых выявлено различное сочетание подвижности и уравновешенности НП.

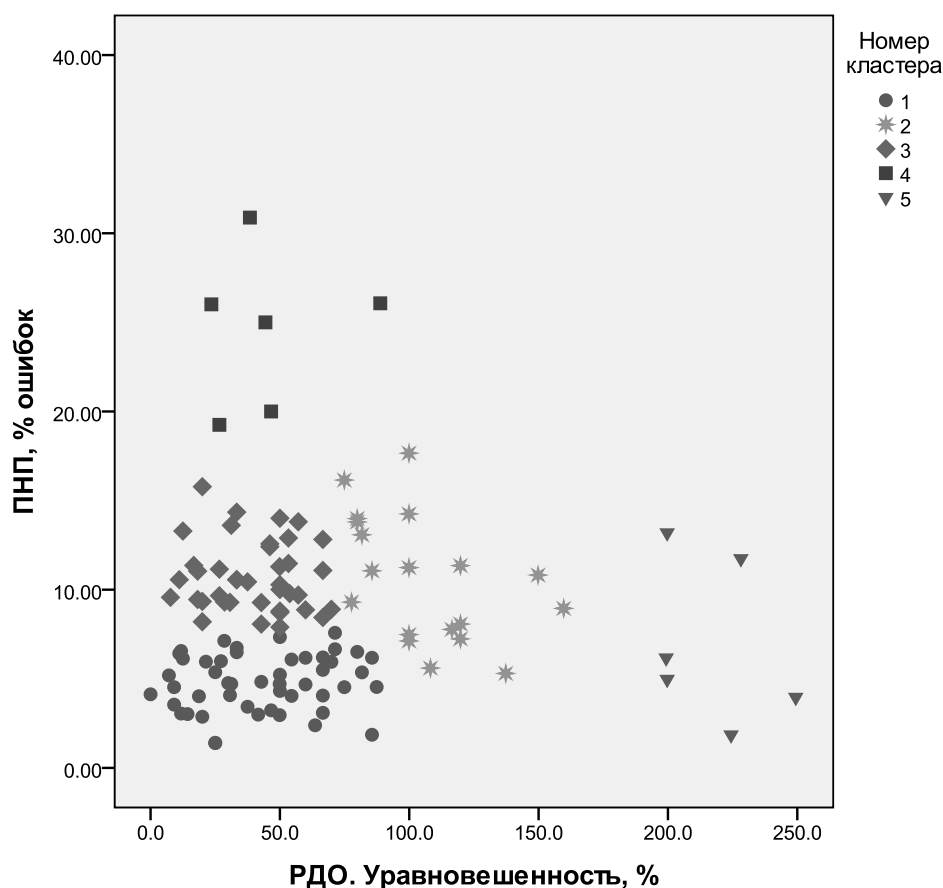

Рис. 1. Результаты кластерного анализа на начальном этапе реабилитации.

Так, первый кластер характеризуется высокой подвижностью (процент ошибок ПНП колеблется в интервале от 2 до 8 %) и низкой уравновешенностью НП (от 0 до 80 %) с преобладанием процесса возбуждения. Второй кластер занимает центральное место на рисунке и характеризуется средней выраженностью по исследуемым показателям. Отличительной особенностью третьего кластера является низкая уравновешенность НП в диапазоне от 10 до 70 % и средняя ПНП (от 8 до 17 %). Четвёртый и пятый кластеры занимают крайние позиции по отношению к низкой подвижности (18–32 % для четвёртого кластера) и высокой уравновешенности (200–250 % для пятого кластера). Следует отметить, что показатель ПНП при первом обследовании варьирует в пределах от 2 до 32 % ошибок, в то время как в конце реабилитации этот интервал сужается до 17 %. При этом для уравновешенности НП такого резкого изменения не происходит, и этот показатель находится в пределах от 0 до 270 %.

Таким образом, в начале реабилитации большинство пожарных-спасателей по своим психофизиологическим ИТО характеризуются средней выраженностью исследуемых показателей, однако выделяются и две крайние группы: с одновременно низкими показателями уравновешенности и подвижности (четвёртый кластер) и с высокой уравновешенностью при высокой либо средней подвижности (пятый кластер).

В конце реабилитационного периода число кластеров сокращается до трёх (рис. 2).

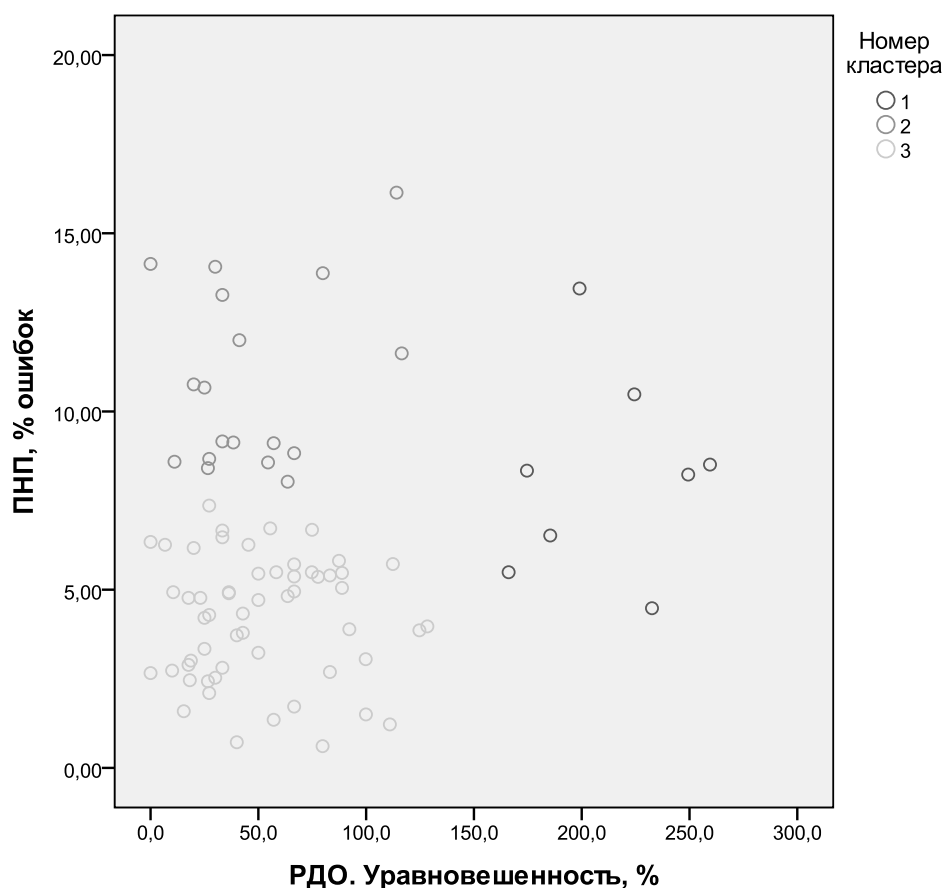

Рис. 2. Результаты кластерного анализа в конце реабилитационного периода.

При этом группа с крайне низкими показателями уже не выделяется за счёт повышения ПНП после реабилитации, и выборка разбивается на следующие индивидуально-типологические группы: со средней ПНП и высокой уравновешенностью (кластер 1), низкой уравновешенностью и низкой подвижностью (кластер 2) и низкой уравновешенностью и высокой ПНП (кластер 3).

Таким образом, после реабилитации происходит сглаживание различий и стирание так называемых «крайних типов» в результате нормализации психофизиологических функций и снятия утомления.

Задача выявления пересечения типологий на основе опросников и психомоторных тестов является значимой как при решении практических задач, таких как проблема психологической реабилитации, так и при исследовании взаимосвязей в системе «организм – индивид – личность». Выявление ИТО с помощью опросников затрагивает во многом уровень поведенческих реакций, которые формируются под воздействием многих факторов, среди которых типологические особенности свойств НС занимают значительное место, но далеко не могут исчерпываться ими. Как отмечает Б. М. Теплов, «С одной стороны, в типичных картинах поведения может проявляться определённый комплекс свойств нервной системы, с другой – учение о типах как комплексах свойств нервной системы, в конечном счете, нужно именно для того, чтобы научно разобраться в картинах поведения. Но не существует простой, однозначной зависимости между «типами» в том и другом смысле: типичные картины поведения и типы как комплексы свойств не могут быть просто наложены друг на друга» [6, с. 7–8.], что подтверждается данными нашего исследования. Параллельно для тех же испытуемых посредством кластерного анализа были выделены группы на основе показателей интроверсии – тревожности (опросник ИТО Л. Н. Собчик): экстраверты с низкой тревожностью (52,9 %), амбиверты с низкой тревожностью (27,7 %) и амбиверты с

высокой тревожностью (19,4 %). Эти группы также отличаются различными индивидуально-типологическими профилями личности [10–11].

Для исследования пересечений двух предложенных классификаций были составлены таблицы сопряжённости, указывающие на процент испытуемых, попавших в соответствующие группы, и динамику этого распределения после реабилитации.

Таблица 1

Таблица сопряжённости классификаций по интроверсии-тревожности и подвижности-уравновешенности НС в начале реабилитационного периода

Кластеры по ИТО (Л. Н. Собчик)	Номер кластера РДО-ПНП					Итого
	1	2	3	4	5	
1. Частота, чел. Экстраверты с низкой тревожностью	17 40,5 %	8 19,0 %	15 35,7 %	1 2,4 %	1 2,4 %	42 100,0 %
2. Частота, чел. Амбиверты с низкой тревожностью	7 28,0 %	4 16,0 %	7 28,0 %	4 16,0 %	3 12,0 %	25 100,0 %
3. Частота, чел. Амбиверты с высокой тревожностью	5 29,4 %	2 11,8 %	9 52,9 %	0 0,0 %	1 5,9 %	17 100,0 %
Частота	29	14	31	5	5	84
Итого	34,5 %	16,7 %	36,9 %	6,0 %	6,0 %	100,0 %

Анализируя пересечение данных классификаций, следует отметить, что 40,5 % экстравертов с низкой тревожностью попадают в кластер с высокой ПНП и низкой уравновешенностью НП за счёт преобладания возбуждения. 35,7 % экстравертов попадают в кластер со средней ПНП и низкой уравновешенностью. И только 19 % обладают средней ПНП и средней уравновешенностью, т. е. для них процессы возбуждения и торможения носят более сбалансированный характер. Попадание в «крайние группы» является скорее исключением (по 2,4 %). Амбиверты с низкой тревожностью более равномерно представлены во всех кластерах (табл. 1), 16 % из них входят в группу с крайне низкими показателями ПНП и уравновешенности и 12 % – в группу со средней ПНП и высокой уравновешенностью НП. И наконец, более половины (52,9 %) амбивертов с высокой тревожностью относятся к группе со средней ПНП и низкой уравновешенностью с преобладанием возбуждения. Таким образом, на начальном этапе реабилитации одновременно пониженные показатели уравновешенности и подвижности НП более характерны для амбивертов с низкой тревожностью. После реабилитации происходит перераспределение сопряжённости данных классификаций, представленное в табл. 2.

В конце реабилитационного периода большинство пожарных-спасателей (от 66,7 до 69 %) попадают в кластер с высокой ПНП и низкой уравновешенностью НП (с преобладанием возбуждения), что соответствует таким профессионально важным качествам, как быстрота реагирования, оперативная готовность и высокая переключаемость в процессе деятельности. При этом для амбивертов с высокой тревожностью характерно повышение ПНП после психологической реабилитации за счёт снижения эмоционального стресса и повышения психоэмоционального статуса. По данным нашего исследования, коэффициент корреляции ошибок ПНП и эмоционального стресса по тесту Люшера составляет для данного кластера $r = 0,516$, и для психоэмоционального статуса $r = -0,508$ ($p \leq 0,01$). Для амбивертов с низкой тревожностью проявляется максимальный эффект от реабилитационных мероприятий, так как лица с низкими показателями уравновешенности и ПНП нормализуют свой психофизиологический статус за период краткосрочной реабилитации.

Таблиця сопряженности классификаций по интроверсии-тревожности и подвижности-уравновешенности НС в конце реабилитационного периода

Кластеры по ИТО (Л. Н. Собчик)		Номер кластера РДО-ПНП			Итого
		1	2	3	
1.	Частота, чел. Экстраверты с низкой тревожностью	4 9,5 %	9 21,4 %	29 69,0 %	42 100,0 %
2.	Частота, чел. Амбиверты с низкой тревожностью	2 8,3 %	6 25,0 %	16 66,7 %	24 100,0 %
3.	Частота, чел. Тревожность. Амбиверты с высокой тревожностью	2 13,3 %	3 20,0 %	10 66,7 %	15 100,0 %
Частота Итого		8 9,9 %	18 22,2 %	55 67,9 %	81 100,0 %

Выводы

1. ИТО ярче проявляются в условиях напряженной деятельности, в пост-стрессовом состоянии, состоянии утомления, что было показано на примере динамики соотношения уравновешенности-подвижности НП в период их психологической реабилитации.

2. В соответствии с типологией индивидуально-личностных свойств, в том числе индивидуально-типологических, большинство пожарных-спасателей можно отнести к сильному и смешанному типу высшей нервной деятельности с преобладанием возбудимых свойств НС и высокой ПНП.

3. Процесс психологической реабилитации оказывает нормализующее воздействие на психофизиологические функции пожарных-спасателей за счет снижения утомления и выхода из постстрессовых состояний. В наибольшей степени это проявляется в типологической группе амбивертов с высокой тревожностью.

4. Максимальный эффект от реабилитационных мероприятий наблюдается в группе амбивертов с низкой тревожностью за счет повышения ПНП, что обусловлено их высоким адаптационным потенциалом и быстрым восстановлением психофизиологических показателей.

Библиографический список

1. Чумаева Ю. В. Метод многомерной диагностики динамики функционального состояния в оценке эффективности психологической реабилитации // Вісник Одеського національного університету. – Т. 15. – Вип. 16. Психологія. – С 104–116.
2. Миронец С. М. Психологічні особливості професійної діяльності фахівців аварійно-рятувальних підрозділів МНС України // Збірник наукових статей Київського міжнародного університету. – Вип. 1. – К. : Правові джерела, 2002. – (Сер. «Педагогічні науки. Психологічні науки»).
3. Проведення психофізіологічного професійного відбору кандидатів на навчання до вищих навчальних закладів Міністерства України з питань надзвичайних ситуацій та у справах захисту населення від наслідків Чорнобильської катастрофи : методичні вказівки (МВ 3.3.8.-129-2006). – К. : МОЗ України, 2006. – 35 с.
4. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – СПб. : Речь, 2003. – 624 с.
5. Статистические методы в медико-биологических исследованиях с использованием Excel / С. Н. Лапач, А. В. Чубенко, П. Н. Бабищ. – К. : МОРИОН, 2000. – 320 с.
6. Теплов Б. М. Избранные труды : в 2-х т. – Т II. – М. : Педагогика, 1985. – 360 с.
7. Небылицын В. Д. Избранные психологические труды. – М. : Педагогика, 1990. – 408 с.
8. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий. – СПб. : Питер, 2004. – 701 с.
9. Макаренко Н. В. Психофизиологические функции человека и операторский труд. – К. : Наук. Думка, 1991. – 216 с.

10. Чумаева Ю. В. Индивидуально-типологические особенности личности в прикладных исследованиях лиц экстремальных профессий // Вісник Одеського національного університету. – 2011. – Т. 16. – Вип. 2. Психологія. – С. 169–177.
11. Нехорошкова Ю. В., Чумаева Ю. В., Шафран Л. М. Нейрогормональные и психофизиологические особенности медико-психологической реабилитации пожарных-спасателей // Клінічна та експериментальна патологія. – 2012. – Т. XI. – № 3 (41). – С. 186–190.

© Чумаева Ю. В.

УДК 612.014.42

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ КРОВООБРАЩЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ СУТОЧНОГО ГОЛОДАНИЯ У ЖЕНЩИН

В. К. Кожухова

Государственный технический университет, г. Ярославль

THE INFLUENCE THE DAY STARVATION ON THE CHANGE OF PARAMETERS OF BLOOD CIRCULATION BY WOMENS

V. K. Kozhuhova.

State technical university, Yaroslavl

Summary. It made investigated the changes systolic (SAP) and diastolic arterial pressure (DAP), and the heartbest frequency (HBF) and so on parameters during the day starvation with womens. We studied SAP, DAP, HBF and another parameters during day 8 times (in 8 h,10 h,12 h, 14 h, 16 h,18 h,20 h and 22 h) by Manual inflation digital blood pressure monitor. We had relieved the present increase SAP, DAP and HBF during day starvation.

Key words: starvation; SAP; DAP; HBF; women.

Известно, что голодание оказывает влияние на вес тела и потребление организмом кислорода, а также – способствует уменьшению ректальной температуры [3]. Наиболее важные для жизни органы страдают меньше всего, например: вес мозга, миокард, состав периферической крови и так далее [2].

Целью исследования явилось изучение изменений параметров системы кровообращения у женщин под влиянием суточного голодания.

Все исследования по сбору материала были проведены с участием клинически здоровых женщин среднего возраста (45–48 лет), ростом 160–169 см, весом около 60 кг, ведущих активный образ жизни и имеющих опыт суточного голодания. Работа выполнялась в лабораторных условиях при температуре воздуха + 22 С° – + 24 С°. Испытуемые были подвергнуты полному голоданию, без ограничения приема воды с 22 часов воскресенья и до этого же часа понедельника. Организация исследования включала в себя регистрацию параметров системы кровообращения за день до голодания и во время эксперимента восемь раз в день: в 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20 и 22 часа. Систолическое артериальное давление (САД), диастолическое артериальное давление (ДАД) и частоту сердечных сокращений (ЧСС) определяли с помощью полуавтоматического прибора модели МТ – 30 (10016, Нью-Йорк, США). Эти показатели регистрировались на левой руке, в положении сидя, с использованием общепринятой методики.

Весь полученный материал обрабатывали статистически с определением среднего квадратического отклонения, средних величин и ошибок средней величины (Q, M, m). Достоверность изменений результатов выполняли по критерию t-Стьюдента. Статистический анализ результатов проводили на электронном калькуляторе Садар (СЛ – в88) (номер: 9230499), производство Китай.

Исследование было выполнено с февраля 1998 года по июнь 2002 года. Его результаты отражены в таблицах 1–3.

Таблица 1

**Изменение систолического артериального давления
до и во время голодания у женщин. $M \pm m, n = 14$**

Время суток	Систолическое артериальное давление		Процент изменения	Р
	до голодания	во время голодания		
8ч. А	100,35 ± 1,88	102,35 ± 1,09	+ 1,99	-----
10 ч. Б	96,14 ± 1,41	100,42 ± 1,48	+ 4,5	P < 0,05
12ч. В	95,57 ± 1,17	99,50 ± 1,33	+ 4,1	P < 0,02
14 ч. Г	96,35 ± 1,80	96,92 ± 1,48	+ 0,5	-----
16 ч. Д	93,64 ± 1,09	98,00 ± 1,64	+ 4,65	P < 0,02
18 ч. Е	96,42 ± 0,86	99,64 ± 0,70	+ 3,33	P < 0,01
20 ч. Ж	95,21 ± 1,64	98,57 ± 0,86	+ 3,52	P < 0,05
22 ч. З	96,21 ± 1,33	99,14 ± 1,25	+ 3,04	-----
	АБ*; АВ**;	АГ**; АД* АЕ*;		
	АД**; АЕ**;	АЖ**; АЗ*		
	АЖ*; АЗ*			
	ДЕ*			

Примечание: * - P < 0,05; ** - P < 0,01. Полу жирным начертанием выделены акрофазы в первой (с 8 до 14 ч) и во второй (с 16 до 22 часов) половинах дня. С целью показа более полной и ясной картины достоверности изменения результатов временным отрезкам были даны буквенные обозначения.

Таблица 2

**Изменение диастолического артериального давления
до и во время голодания у женщин. $M \pm m, n = 14$**

Время суток	Диастолическое артериальное давление		Процент изменения	Р
	до голодания	во время голодания		
8ч. А	67,42 ± 0,78	71,57 ± 0,78	+ 6,15	P < 0,001
10 ч. Б	64,57 ± 1,25	68,92 ± 0,86	+ 6,73	P < 0,01
12 ч. В	63,92 ± 1,33	67,57 ± 1,09	+ 5,71	P < 0,05
14 ч. Г	62,85 ± 1,17	67,04 ± 0,78	+ 6,66	P < 0,01
16 ч. Д	63,07 ± 1,01	67,00 ± 1,09	+ 6,23	P < 0,01
18 ч. Е	62,14 ± 0,86	68,28 ± 1,09	+ 9,88	-----
20 ч. Ж	65,50 ± 1,48	67,35 ± 0,94	+ 2,82	-----
22 ч. З	63,21 ± 1,41	68,64 ± 0,86	+ 8,59	P < 0,001
	АБ*; АВ*;	АБ*; АВ**;		
	АГ*; АД*;	АГ**; АД**;		
	АЗ*; БЗ*;	АЕ*; АЖ*;		
	ЕЖ*	АЗ*		

Примечание: обозначения те же, что и в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что САД до голодания и во время него имело два максимальных значения (акрофазы) в первой и второй половине дня, что согласуется с данными литературы [5]. Первая и вторая акрофазы САД до и во время голодания совпадают по времени: в 8 и 18 часов. Утренние акрофазы в исходном периоде и во время голодания были более выраженными по сравнению с вечерними. Были выявлены достоверные изменения САД до голодания в 10, 12, 16, 20 и 22 часа по отношению к 8 часам утра. Достоверное изменение САД было зарегистрировано в 18 часов относительно 16 часов. Во всех 8-ми зарегистрированных временных отрезках во время голодания (в 8 ч., 10 ч., 12 ч., 14 ч., 16 ч., 18 ч., 20 ч., 22 ч.) было получено возрастание САД по отношению к исходному периоду. В 8 часов была выявлена тенденция к повышению САД во время голодания. Это возрастание составило 2 %. В первой половине дня, в 10 ч., было выявлено максимальное достоверное повышение САД во время голодания, и увеличение составило 4,45 % (P < 0,05), а во второй половине дня – в 16 часов (+ 4,56 %; P < 0,02). Наши полученные результаты согласуются с данными литературы [4].

**Изменение частоты сердечных сокращений
до и во время суточного голодания у женщин. $M \pm m$, $n = 14$**

Время суток	Частота сердечных сокращений		Процент изменения	Р
	До голодания	Во время голодания		
8 ч. А	54,92 ± 1,56	58,57 ± 1,41	+ 6,64	-----
10 ч. Б	55,28 ± 1,25	58,00 ± 0,93	+ 4,92	P < 0,05
12 ч. В	59,50 ± 1,33	56,35 ± 1,09	- 5,3	P < 0,05
14 ч. Г	61,92 ± 1,25	58,50 ± 1,41	- 5,53	P < 0,05
16 ч. Д	63,07 ± 1,80	59,71 ± 1,01	- 5,33	-----
18 ч. Е	58,14 ± 1,17	60,71 ± 1,01	+ 4,42	-----
20 ч. Ж	58,85 ± 1,01	61,42 ± 1,25	+ 4,36	-----
22 ч. З	56,42 ± 1,48	60,78 ± 1,48	+ 7,72	P < 0,05
	АВ **; АГ **;	АД *; БЕ *; БЖ *;		
	АД **; АЖ *;	ВЕ **; ВЖ **;		
	БВ **; БГ **;	ВЗ **		
	БД **; БЖ *;			
	ГЕ **; ГЖ *;			
	ГЗ **; ДЕ **;			
	ДЖ *; ДЗ **			

Примечание: обозначения те же самые, что и в таблице 1.

В таблице 2 показаны изменения ДАД до и во время голодания. Выявлены акрофазы как до голодания, так и во время него. Утренние максимальные значения совпадают по времени (в 8 часов) и более выражены по сравнению с вечерними. Вечерняя акрофаза до голодания была зарегистрирована в 20 часов, а во время – в 22 часа. До голодания были зарегистрированы достоверные изменения ДАД в 10, 12, 14 и 16 часов относительно 8 часов утра, а также – в 22 часа относительно 10 часов утра и в 20 часов относительно 18 часов. Во время голодания были выявлены достоверные изменения ДАД относительно 8-ми часов утра, а именно: в 10, 12, 14, 16, 18, 20 и 22 часа. ДАД возрастало в течение дня во время голодания по отношению к обычному понедельнику. Максимальное увеличение ДАД (+ 6,73 %; P < 0,001) было зарегистрировано в 10 ч., а также – в 22 часа (+ 8,59 %; P < 0,001). Акрофазы 1-ой и 2-ой половины дня показателей САД и ДАД, вероятно, связаны с максимальным содержанием гормонов в крови в это время суток [1].

Третий показатель, ЧСС, в исходном периоде изменялся по-разному: с 8 до 16 часов было зарегистрировано возрастание ЧСС, а в 18, 20 и 22 часа происходило снижение ЧСС (таблица 3). В исходном периоде две акрофазы находились рядом, в 14 и 16 часов, где вторая акрофаза была более выраженной по сравнению с первой. Было выявлено достоверное изменение ЧСС в исходном периоде в 12, 14, 16, 20 часов относительно 8-ми часов утра. Относительно 10-ти часов утра достоверно изменялась ЧСС в доголодовом состоянии организма в 12, 14, 16 и 20 часов. Относительно 14 часов в исходном периоде были выявлены достоверные изменения ЧСС в 18, 20 и 22 часа. Относительно 16 часов в исходном периоде были зарегистрированы достоверные изменения ЧСС в 18, 20 и 22 часа.

ЧСС во время суточного голодания изменялась по-разному. Было выявлено наличие двух акрофаз, что согласуется с литературными данными [6]. Первое максимальное значение ЧСС было зарегистрировано в 8 часов (+ 6, 64) и второе – в 20 часов (+ 4,36). Исходя из литературных данных, утрення акрофаза ЧСС должна быть зарегистрирована в 9–10 часов [6]. В нашей работе – в 8 часов. Вероятно, это связано с выбросом гормонов в кровь, например, адреналина. Утренняя акрофаза во время голодания была более выраженной по сравнению с вечерней. Во время голодания были выявлены достоверные изменения ЧСС в 16 и 18 часов относительно 8-ми часов утра, а также – в 20 и 22 часа относительно 10-ти часов и в 18, 20 и 22 часа относительно 12-ти часов дня.

Таким образом, повышение САД и ДАД во время суточного голодания, вероятно, связано с повышенным содержанием адреналина в крови, поскольку голодание является стрессовым состоянием для организма.

Библиографический список

1. Глазырина И. Л. Эта разная медицина. – М. : Знание, 1992. – 96 с.
2. Ереско П. И. Нет, не слаб человек! // Здоровье. – 1961. – № 5. – С. 9–10.
3. Катков А. Ю. Антигипоксическая эффективность алиментарного голодания // Физиологический журнал имени И. М. Сеченова. – 1982. – № 9. – С. 1282–1285.
4. Куджини П., Кавасаки Т., Кальма и др. Циркадианный ритм артериального давления: хронобиологические критерии нормотонии и гипертонии // Физиология человека. – 1991. – Т. 17. – № 4. – С. 73–79.
5. Куприянович Л. И. Местонахождение биологических часов в живых организмах и их регуляция // Биологические ритмы и сон. – М. : Наука, 1976. – С. 38–45.
6. Шапошникова В. И. Биоритмы – часы здоровья. – М. : Советский спорт, 1991. – 66 с.

© Кожухова В. К.

УДК 159.97

НЕЙРОКОГНИТИВНЫЙ ДЕФИЦИТ ПРИ ЗАДЕРЖКЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦЕРЕБРАЛЬНО-ОРГАНИЧЕСКОГО ГЕНЕЗА: ПУТЬ РЕАБИЛИТАЦИИ

А. И. Мелёхин

Детский сад № 437 комбинированного вида, г. Москва, Россия

NEUROCOGNITIVE DEFICIENCY AT WITH A DELAY OF MENTAL DEVELOPMENT OF CEREBRAL AND ORGANIC GENESIS: REHABILITATION WAY

A. I. Melehin

Kindergarten № 437 combined type, Moscow, Russia

Summary. This article concretizes concept neurocognitive deficiency. Describes key psychiatric and neurologic symptoms at children with a delay of mental development. The description of symptoms of neurocognitive deficiency is provided in article at children with a delay of mental development of cerebral and organic genesis. It is led examples of system approach to rehabilitation of children with this type of the detained development.

Key words: neurocognitive deficits; impaired mental function; detained development; mental development.

В разрабатываемом федеральном государственном стандарте начального образования детей с задержкой психического развития указано на то, что, «как и все, дети с ограниченными возможностями здоровья (*далее – ОВЗ*), дети с задержкой психического развития церебрально-органического генеза (*далее – ЗПР ЦОГ*) могут реализовать свой потенциал социального и психического развития при условии вовремя начатого и адекватно организованного системного лечения, обучения и воспитания, обеспечивающего удовлетворение как общих с нормально развивающимися детьми, так и особых образовательных потребностей, заданных спецификой данного типа дизонтогенеза» [5, с. 3].

На данный момент среди детей с ОВЗ дети с ЗПР ЦОГ составляют самую многочисленную группу, состав которой характеризуется выраженной *неоднородностью и полиморфизмом*. В табл. 1 представлены данные о количестве детей с ОВЗ, посещающих дошкольные образовательные учреждения Восточного административного округа г. Москвы (на 01.09.2012 г.).

Распределение категорий детей с ОВЗ, посещающих дошкольные образовательные учреждения ВАО г. Москвы

Категории детей	Кол-во детей (в %)
Нарушение слуха	19
Нарушение зрения	25
Нарушение речи	69
Нарушение опорно-двигательного аппарата	37
Задержка психического развития	71
Нарушение интеллекта	35

Наибольший удельный вес в структуре нервно-психических расстройств у детей занимают нарушения интеллектуально-мнестической (когнитивной) сферы органического генеза, требующие комплексных мер по их смягчению и предупреждению. Степень и характер дефицитарности напрямую зависят от церебральных нарушений и вовлеченных в патологический процесс тех или иных морфофункциональных структур головного мозга [1].

В рамках клинико-психологического исследования ЗПР ЦОГ стоит говорить о том, что все когнитивные нарушения следует рассматривать с точки зрения системно-динамического принципа с учетом детской психиатрии, неврологии, эндокринологии, нейропсихологии и патопсихологии [2]. Например, появление новой генерации лекарственных средств, обладающих мягким анксиолитическим, вегетотропным, ноотропным, нейропротекторным действием, включенных в схему терапии «нейрокогнитивного дефицита» и психолого-педагогической коррекции, способствует улучшению эмоционального состояния, повышению когнитивных функций, усилению мнестических функций. Например, см. [6].

Нейрокогнитивный дефицит – это генерализированный (т. е. в процесс задержки вовлечены различные структуры мозга, различные нарушения эндокринной системы и т. п.) процесс, нарушающий полноценное психическое развитие и функционирование [7; 8]. Многочисленные авторы утверждают наличие гетерогенной клинико-психопатологической структуры дефекта при диспропорциональном психическом развитии детей с ЗПР ЦОГ (Г. Р. Новикова, И. Ф. Марковская, Т. А. Власова, К. С. Лебединская, Н. Л. Белопольская, В. Б. Никишина и др.)

Сегодня у большинства детей на первый план выступает препатологическое состояние наиболее рано созревающих – подкорковых и стволовых – систем головного мозга. Незрелость этих структур, а также их корковых проекций – лобно-теменных зон – частично определяет задержку психического развития ребенка [1]. По мнению И. Ф. Марковской, нарушения ВПФ при ЗПР могут быть разделены на два вида – *частные* и *общие*, причем такое разделение проведено с учетом локализации нарушений, а не только в основании преобладающей симптоматики, как в исследованиях В. В. Лебединского и его последователей. Частные нарушения связаны с дефицитарностью высших корковых функций, обеспечивающих прием, переработку, категоризацию и хранение информации. Они возникают при дисфункции задних отделов головного мозга.

Проведённое нами клинико-психологическое обследование 160 старших дошкольников (5–6 лет) с ЗПР ЦОГ, посещающих дошкольные образовательные учреждения комбинированного вида ВАО г. Москвы, не наблюдающихся у невролога и психиатра, не принимающих медикаментозное лечение, позволило выявить у 84 % из них различные особенности психического развития, такие как нарушение тонких форм зрительного гнозиса, речи, внимания, памяти и временно-пространственных представлений. Также отмечено наличие перинатальной патологии, после рождения практически все дети наблюдались у невролога с различными вариантами перинатального поражения ЦНС.

Отмечалась психиатрическая микросимптоматика. У большинства дошкольников с ЗПР ЦОГ наблюдались проявления широкого спектра *неврологических синдромов*: неврозоподобный спектр, энурез, заикание, транзиторное тикозное расстройство, хроническое двигательное тикозное расстройство, фобическое

расстройство, церебрастения, тревожное расстройство в связи с разлукой в детском возрасте, нарушение активности и внимания, гиперкинетическое расстройство поведения и эпилептиформный спектр. Наблюдаемая неврологическая симптоматика представлена в табл. 2.

Таблица 2

Характер и частота неврологических нарушений у старших дошкольников с ЗПР ЦОГ

Типы нарушений	ЗПР ЦОГ, средние показатели (М ± m) n = 160
1. Черты незрелости ЦНС без признаков органического повреждения	18 %
2. Минимальная мозговая дисфункция (рассеянная симптоматика, легкая очаговая симптоматика)	76 %
3. Признаки очагового поражения ЦНС	53 %
4. Пирамидная недостаточность	37 %
5. Экстрапирамидная недостаточность	54 %
6. Стволовая симптоматика	64 %
7. Вегетативные расстройства	87 %
8. Церебрально-эндокринные дисфункции	18 %
9. Негрубые сомато-неврологические дисплазии	24 %

Дополнительный анализ анамнестических данных выявил наличие признаков как недоразвития, так и органической неполноценности ЦНС у старших дошкольников с ЗПР ЦОГ (табл. 3).

Таблица 3

Типы неврологических и психиатрических нарушений у старших дошкольников с ЗПР ЦОГ

Типы нарушений	ЗПР ЦОГ, средние показатели (М ± m) n = 160
1. Задержка развития статических и моторных функций	72 %
2. Задержка речевого развития (в т. ч. с явлениями дислалии)	82 %
3. Задержка становления навыков опрятности	64 %
4. Психомоторная расторможенность	67 %
5. Психическая вялость, гиподинамия	78 %
6. Церебрастенические явления	65 %
7. Аффективная возбудимость	21 %
8. Фебрильные судорожные припадки	7 %

Полученные нами результаты полностью подтверждают описанную В. Ф. Шалимовым и Н. В. Вострокнутовым *психопатологическую картину ЗПР ЦОГ* [3].

Таким образом, нейрокогнитивный дефицит у детей с ЗПР ЦОГ характеризуется дезавтоматизацией динамической и пространственной основы предметных действий; сужением объема оперативной слухоречевой памяти; истощением; длительным периодом вработываемости; схематичностью образов-представлений, заменой их образами непосредственно воспринимаемых предметов; дефицитностью ориентировочно-исследовательской деятельности при решении мыслительных задач; ошибками в запоминании, воспроизведении заданной программы действий, в ее составе и последовательности; высоким и повы-

шенным уровнем тревожности, нарушением произвольного внимания и мнестических функций, задержкой речевого развития.

Доминирующая дефицитарность познавательной деятельности (незрелость большинства ВПФ) обусловлена наличием резидуальных мозговых нарушений, повреждений (обычно в раннем периоде) в основном подкоркового уровня. Признаки незрелости задних отделов менее выражены и компенсируются быстрее, чем симптомы функциональной недостаточности передних отделов и дефицита подкорковых структур мозга, главным образом нижнестволовых отделов. Замедлено функциональное созревание левого полушария. Отмечается наличие стойкой аспонтанности, инертности, истощаемости психической деятельности (И. Ф. Марковская, Н. М. Пылаева, И. И. Мамайчук, В. Ф. Шалимов).

В заключении стоит отметить, что психологу необходимо учитывать качественное своеобразие «нейрокогнитивного дефицита» у детей при задержке психического развития церебрально-органического генеза, владея знаниями в области детской неврологии, психиатрии и нейропсихологии.

Библиографический список

1. Злаковская М. В. Задержка психического развития (клинико-психологические, сравнительно-возрастные и реабилитационные аспекты) : дис. ... д-ра мед. наук. – СПб., 2004.
2. Лубовский В. И., Новикова Г. Р., Шалимов В. Ф. Принципы диагностики психического дизонтогенеза и клиническая систематика задержки психического развития // Дефектология. – 2011. – № 5. – С. 17–24.
3. Новикова Г. Р., Вострокнутов Н. В., Шалимов В. Ф. Медико-психолого-социальное сопровождение детей с пограничными психическими расстройствами в условиях образовательного учреждения компенсирующего вида // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 2. – С. 73–82.
4. Руководство по психиатрии / под ред. А. В. Снежневского. – М. : Медицина, 1983. – Т. 2. – 480 с.
5. Специальный Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования детей с задержкой психического развития / под ред. И. А. Коробейников, Е. Л. Инденбацм, Н. В. Бабкина. – М. : Просвещение, 2013. – 48 с.
6. Шалимов В. Ф. Опыт применения препарата «Тенотен детский» у детей с задержкой психического развития // Доктор. – 2009. – № 4. – С. 75–81.
7. Ganguli M., Blacker D. Classification of Neurocognitive Disorders in DSM-5: A Work in Progress // The American Journal of Geriatric Psychiatry. – 2011. – № 19. – P. 205–210.
8. Horn K., Roessner V. Neurocognitive performance in children and adolescents with bipolar disorder: a review // European Child & Adolescent Psychiatry. – 2011. – № 20. – P. 433–450.

© Кожухова В. К.

ПЕДАГОГИКА

УДК 373.2

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ РЕБЁНКА НА ЭТАПЕ РАННЕГО ДЕТСТВА

Н. И. Афонина

Мурманский государственный гуманитарный университет,
г. Мурманск, Россия

TO THE QUESTION OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT AND UPBRINGING OF THE CHILD AT THE STAGE OF THE EARLY CHILDHOOD

N. I. Afonina

Murmansk State Humanities University, Murmansk, Russia

Summary. In article distinctions and similarity of views of researchers on a question of pedagogical support of development of the personality are considered. Features of process of pedagogical support are emphasized. The factors which account will help to reach desirable results of pedagogical support of development of children of early age come to light.

Key words: pedagogical support; subject of support; development of the child of early age.

Анализ психолого-педагогической литературы показал, что многие авторы, рассматривая процесс педагогической и психологической помощи индивидууму, отождествляют понятия «поддержка», «помощь» и «сопровождение», а некоторые – разделяют их. Анализ работ, раскрывающих сущность и особенности педагогического сопровождения, привёл к заключению о том, что исследователи по-разному определяют понятие «педагогическое сопровождение». Например, Н. М. Борытко [3] разделяет понятия «педагогическое руководство», «педагогическая поддержка» и «педагогическое сопровождение». По его мнению, если **педагогическое руководство** предполагает такую помощь, при которой *инициатива и ответственность* при определении целей, отбора средств и коррекции деятельности *принадлежит педагогу*, а **педагогическая поддержка** предусматривает определение интересов воспитанника, выявление способов преодоления затруднений в *совместной* деятельности педагога и воспитанника, то **педагогическое сопровождение** предполагает *инициативу воспитанника* в выборе оптимальных решений по выходу из проблемной ситуации. Задача педагога в данном случае – создать и развить разносторонние условия для возможности принятия воспитанником лучшего разрешения возникшего затруднения. И. И. Осипова [14], рассматривая вопрос о профессиональном сопровождении семьи, затрагивает такие понятия как «взаимодействие» и «поддержка» в рамках понятия «сопровождение», отмечая, что технологии взаимодействия и поддержки применяются при сопровождении семьи. Разделяет, но рассматривает во взаимосвязи такие понятия, как «педагогическая поддержка», «педагогическое сопровождение» и «педагогическая помощь», Е. С. Маренцева, замечая при этом, что «теория педагогической поддержки и теория сопровождения строятся на одном фундаменте – доминанты развития в условиях образовательного процесса» [13, с. 300]. Автор считает, что в будущем возможно объединение этих двух теорий в одну, что станет отражением объективных закономерностей нового облика образования в гуманистическом обществе. Чётко разграничивает понятия «педагогическое сопровождение» и «управление» О. М. Потаповская, отмечая, что сопровождение носит характер «более мягкий и органичный по сравнению с управлением, руководством» [18, с. 25]. Е. П. Игнатьева [10], напротив, отождествляет понятия «управление» и «сопровождение». Таким образом, взгляды исследователей на понятия педагогической помощи, управления, поддержки и сопровождения пока ещё не определились окончательно. Можно сказать, что в

настоящее время ещё происходит процесс конкретизации и уточнения этих терминов, а также смыслов, вкладываемых в них.

Однако во взглядах различных авторов на проблему педагогического сопровождения развития личности существуют и общие моменты. По-разному определяя понятие «педагогическое сопровождение», большинство исследователей понимают под педагогическим сопровождением развития личности помощь, оказываемую специалистами человеку с целью его гармоничного развития и успешной социализации.

Кроме того, специалисты выделяют ряд особенностей, характерных для процесса педагогического сопровождения. В. П. Бедерханова подчёркивает, что педагогическая поддержка осуществляется *в рамках личностно ориентированной педагогики*, имеющей основанием гуманистическую психологию и нацеленной «на приоритеты индивидуальности, самобытности, самооценности индивида» [2, с. 39]. Н. Л. Полторацкая рассматривает в качестве положительных моментов педагогического сопровождения *признание безусловной ценности внутреннего мира каждого ребёнка*; наличие в условиях осуществляемого педагогического сопровождения возможности опоры «не только на возрастные закономерности, но и на личностные достижения воспитанника»; для более старших детей – побуждение к принятию самостоятельных решений [17, с. 48–49]. Н. Б. Крылова отмечает *необходимость индивидуального подхода к ребёнку* в ходе осуществления педагогической поддержки, отмечая, что «каждый ребёнок требует иной педагогической поддержки» [12, с. 101]. О. Газман подчёркивал, что педагогическая поддержка требуется ребёнку для преодоления проблем и трудностей роста, с которыми он не в состоянии справиться самостоятельно, и видел специфику педагогической поддержки в том, что *педагог «не только владеет социально-психологическими навыками, но и организует условия»* [4, с. 16].

Исследователи отмечают широкое и многозначное использование термина «педагогическая поддержка», неограниченное разнообразие видов и форм психолого-педагогического сопровождения. Кроме того, разные уровни образования подразумевают различные задачи психолого-педагогического сопровождения. Нас интересует, в первую очередь, педагогическое сопровождение развития ребёнка раннего и дошкольного возраста. На дошкольной ступени образования главными задачами сопроводительной работы являются ранняя диагностика и коррекция нарушений в развитии, обеспечение готовности к школе [9, с. 64]. Психологи Г. Бардиер, И. Ромазан, Т. Чередникова разработали концепцию психологического сопровождения естественного развития детей раннего возраста. В качестве оснований психологического сопровождения естественного развития ребёнка были положены первичность естественного развития детей и самостоятельность освоения детьми среды, способствующая социокультурному развитию ребёнка [1, с. 10]. Е. Л. Гончарова отмечает, что в определение субъекта педагогической поддержки, если это поддержка развития ребёнка раннего возраста, необходимо внести изменения. Е. Л. Гончарова считает, что при педагогическом сопровождении развития ребёнка раннего возраста в качестве субъекта сопровождения необходимо рассматривать не ребёнка, не его семью, а «их общность как коллективный субъект саморазвития» [5, с. 47]. Таким образом, мероприятия сопровождения детей раннего возраста (профилактические, диагностические, коррекционные, просветительские) должны выстраиваться по отношению к коллективному субъекту, представляющему собой общность ребёнка и воспитывающей его семьи.

Так как в жизни ребёнка раннего возраста огромную роль играет его семья, близкое окружение, а также по причине наличия возможности у матери воспитывать ребёнка до трёх лет дома, вне дошкольного образовательного учреждения, специалисты часто рассматривают процесс педагогического сопровождения развития ребёнка раннего возраста как процесс сопровождения семьи, воспитывающей ребёнка раннего возраста. При этом, как отмечает Л. Павлова, формы помощи семье, воспитывающей детей раннего возраста, должны разрабатываться

с привлечением смежных с педагогикой дисциплин: научной демографии, медицины, социологии, психологии и т. д. [15, с. 9].

Несмотря на достаточно глубокую разработку вопроса о педагогическом сопровождении развития личности, проблема сопровождения развития ребёнка раннего возраста затрагивалась в современных исследованиях в основном с позиции сопровождения развития ребёнка, имеющего какие-либо отклонения в состоянии здоровья (О. Б. Половинкина [16], Е. В. Козлова [11], Ю. А. Разенкова [19], Ю. А. Григорова и Е. Ф. Щукина [6] и др.).

Специалисты уверены в том, что семье нужна профессиональная психолого-педагогическая помощь в воспитании ребёнка раннего возраста. Специалисты выделяют три основных направления педагогической помощи семье со стороны педагогического коллектива: образовательное, психологическое и посредническое. Необходимую поддержку родителям-партнёрам готово оказать дошкольное образовательное учреждение, поскольку его специалисты имеют необходимые и достаточные знания и опыт в области педагогики и психологии детства [7, с. 24]. Кроме того, в настоящее время разрабатываются различные формы вариативного дошкольного образования (консультативные центры развивающего взаимодействия, службы раннего вмешательства и др.); внедряются инновационные образовательные практики в работе с детьми раннего и дошкольного возраста, не посещающими ДОО (группы социальной адаптации, группы воскресного дня, группы кратковременного пребывания и др.); открываются и успешно работают центры психолого-педагогической поддержки. Эта деятельность направлена на успешное взаимодействие с родителями, повышение их педагогической компетентности, оказание помощи семье в решении возникающих вопросов и проблем в развитии ребёнка и в конечном счёте способствует успешной социализации и гармоничному развитию ребёнка.

Детальное рассмотрение вопросов, связанных с развитием детей раннего возраста, с оказанием квалифицированной психолого-педагогической помощи в развитии ребёнка, позволило выделить общие факторы, которые, на наш взгляд, необходимо учитывать при организации педагогического сопровождения развития ребёнка раннего возраста:

- 1) индивидуальный подход к каждому ребёнку;
- 2) учёт первичности естественного развития ребёнка;
- 3) создание условий для самостоятельного освоения ребёнком среды (с целью социокультурного развития ребёнка);
- 4) организация специальных условий («педагогически организованной среды» [8, с. 199]), способствующих успешному результату сопровождения;
- 5) проведение ранней диагностики;
- 6) проведение необходимой коррекции в случае выявления нарушений развития;
- 7) понимание под субъектом сопровождения коллективного субъекта сопровождения, представляющего собой общность «ребёнок + семья»;
- 8) привлечение смежных с педагогикой дисциплин для разработки форм помощи семье, воспитывающей ребёнка раннего возраста;
- 9) наличие у сопровождающего специальных социально-психологических и педагогических навыков и знаний.

Вне зависимости от аспекта, в рамках которого рассматривается педагогическое сопровождение ребёнка раннего возраста, мы рекомендуем специалистам обратить внимание на вышеизложенные позиции, поскольку их учёт позволит достичь желаемых и прогнозируемых результатов сопровождения.

Библиографический список

1. Бардиер Г., Ромазан И., Чередникова Т. Я хочу! Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей. – Кишинёв : ВИРТ; СПб. : ДОРВАЛЬ, 1993. – 96 с.
2. Бедерханова В. П. Педагогическая поддержка индивидуализации ребёнка // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 39–50.
3. Борытко Н. М. Гуманитарно-целостная стратегия воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 1. – С. 40–44.

4. Газман О. Педагогическая поддержка ребёнка в образовании: концепция проектирования // Директор школы. – 2007. – № 3 (118). – С. 10–16.
5. Гончарова Е. Л. К вопросу о субъекте психолого-педагогического сопровождения в формирующейся практике комплексной помощи детям раннего возраста // Дефектология. – 2009. – № 7. – С. 45–50.
6. Григорова Ю. А., Щукина Е. Ф. Социальное сопровождение семьи, воспитывающей ребёнка раннего возраста с нарушениями развития // Системная интеграция в здравоохранении. – 2010. – № 1. – С. 73–82.
7. Евдокимова Е. С. Педагогическая поддержка семьи в воспитании дошкольника. – М. : ТЦ Сфера, 2008. – 96 с. – (Библиотека руководителя ДОУ).
8. Егорова М. О. Организация психолого-педагогического сопровождения детей из семей группы риска по социальному сиротству // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 195–202.
9. Зволейко Е. В. Сопровождение как основная стратегия деятельности специального психолога и педагога // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 2 (22). – С. 60–65.
10. Игнатьева Е. П. Тьюторское сопровождение как педагогический феномен // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 6. – С. 86–92.
11. Козлова Е. В. Психолого-педагогическое сопровождение детей 1–2 года жизни с нарушениями двигательного развития : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03. – М., 2003. – 237 с.
12. Крылова Н. Б. Педагогическая, психологическая и нравственная поддержка как пространство личностных изменений ребёнка и взрослого // Классный руководитель. – 2000. – № 3. – С. 92–103.
13. Маренцева Е. С. Педагогическая поддержка как научная категория в современной педагогике и психологии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – Т. 15. – № 2. – С. 299–301.
14. Осипова И. И. Профессиональное сопровождение семьи // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – 2011. – № 1. – С. 86–98.
15. Павлова Л. О взаимодействии семейного и общественного воспитания детей раннего возраста // Дошкольное воспитание. – 2002. – № 8. – С. 9–13.
16. Половинкина О. Б. Педагогическое сопровождение семьи, воспитывающей ребёнка раннего возраста с органическим поражением центральной нервной системы : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.03. – М., 2005. – 176 с.
17. Полторацкая Н. Л. Педагогическое сопровождение нравственного воспитания личности в научном наследии П. Д. Юркевича : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01. – Смоленск, 2006. – 205 с.
18. Потаповская О. М. Педагогическое сопровождение семьи в вопросах духовно-нравственного воспитания детей. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Планета 2000, 2003. – 52 с.
19. Разенкова Ю. А. Служба ранней помощи как форма оказания психолого-педагогической и медико-социальной помощи семьям с проблемными детьми младенческого и раннего возрастов // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2010. – № 2. – С. 35–44.

© Афонина Н. И.

УДК 373 37.011.33

ВОСПИТАНИЕ ЗВУКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Т. В. Назаренко

**Средняя общеобразовательная школа № 1678 «Восточное Дегунино»,
г. Москва, Россия**

EDUCATING THE SOUND OF SPEECH OF PRESCHOOL CHILDREN

T. V. Nazarenko

Secondary school № 1678 «Eastern Degunino», Moscow, Russia

Summary. Parenting sound culture of speech covers all aspects of oral speech. The task of teachers to teach the children properly and clearly pronounce the sounds of their native language, to develop phonemic perception, improve the work of the vocal apparatus, to develop a voice breathing.

Key words: vocal apparatus; vowels and consonants; sound pronunciation; phonemic hearing; diction.

Воспитание звуковой культуры речи в средних группах проводится с учетом тех знаний, которые были получены детьми на ранних возрастных этапах. На пятом году жизни у большинства дошкольников при систематических занятиях завершается процесс овладения звуками родного языка.

Задачи педагогов в средней группе можно сформулировать следующим образом: учить детей правильно и четко произносить все звуки родного языка, особое внимание уделяя свистящим, шипящим, звукам Л, ЛЬ, Р и РЬ; учить детей отчетливо произносить слова и фразы с учетом литературной нормы, развивать фонематическое восприятие, совершенствовать работу артикуляционного и голосового аппаратов; учить пользоваться умеренным темпом речи, интонационными средствами выразительности, развивать речевое дыхание.

Таким образом, задачи воспитания звуковой культуры речи не ограничиваются только формированием правильного звукопроизношения, а охватывают все стороны звучащей речи.

Увеличение подвижности мышц артикуляционного аппарата у детей пятого года жизни дает им возможность осуществлять более точные движения языком, губами, что способствует правильному произношению даже таких трудных звуков, как шипящие, Л, Р.

В этом возрасте полностью исчезает смягченное произнесение согласных, пропуск звуков и слогов, особенно в немногосложных словах.

Недочеты звукопроизношения у некоторых детей могут выражаться в неправильном, чаще неустойчивом произношении отдельных групп звуков, например свистящих и шипящих. Подобное произношение связано либо со слабым закреплением отдельных звуков, либо с недостаточно четкой дифференциацией их на слух. Обычно под влиянием обучения эти ошибки исчезают. Но если они наблюдаются в старшем дошкольном возрасте, то в таких случаях дети нуждаются в специальной (логопедической) помощи.

Формирование правильного звукопроизношения тесно связано с развитием фонематического восприятия. Фонематический слух – необходимое условие для своевременного и правильного овладения звуками. Дети, хорошо слышащие речевые звуки и имеющие при этом достаточно подвижный артикуляционный аппарат, как правило, не испытывают трудностей в усвоении звуков.

На пятом году жизни дошкольники способны узнавать на слух наличие того или иного звука в слове, подбирать слова на заданный звук. Но это возможно только в том случае, если в предшествующих возрастных группах велась соответствующая работа. Поэтому очень важно во второй младшей группе и особенно в начале учебного года в средней группе знакомить детей со словом «звук». Воспитатель должен постоянно подчеркивать голосом, какой звук дети изучают, в каких словах он встречается. Отрабатываемый звук следует произносить в словах несколько протяжнее, громче.

Возросший интерес к звуковой стороне слова в этом возрасте выражается в том, что дети вслушиваются в слова, пытаются установить сходство звучания некоторых слов (способны и сами подбирать близкие по звучанию слова), при интонационном выделении звука могут установить его наличие в слове.

Достаточно развитый речевой слух дает возможность детям различать в речи взрослых повышение и понижение громкости голоса, замечать ускорение и замедление темпа речи, улавливать различные интонационные средства выразительности.

Многие дошкольники неплохо подражают взрослым, точно передают их интонацию, улавливают на слух различные оттенки речи. Хорошо развитый речевой слух дает возможность детям и самим шире использовать разные средства выразительности: повышать и понижать тон голоса, выделять в фразах отдельные слова или группу слов, правильно выдерживать паузы, выражать эмоционально-волевое отношение к произносимому т. д. Все это помогает дошкольникам более точно передавать свои мысли, выразительно читать стихотворения, потешки, считалки.

Удлиняется выдох детей, что дает возможность детям произносить на одном выдохе фразы, состоящие из 3–5 слов.

Специальные занятия по воспитанию звуковой культуры речи желательно проводить не реже одного раза в неделю. Кроме того, некоторые разделы звуковой культуры речи обязательно включаются в содержание других речевых заня-

тий, например, в процессе обучения детей пересказыванию обращается внимание на четкость произнесения слов, на правильное использование громкости голоса, интонационных средств выразительности.

На специальных занятиях решается, как правило, несколько задач, но ведущей среди них на данном возрастном этапе является формирование правильного произношения, выработка хорошей дикции, развитие речевого слуха и прежде всего фонематического восприятия. При уточнении и закреплении отрабатываемых звуков воспитатель подбирает такие игры и упражнения, которые могут быть использованы с целью развития фонематического восприятия, голосового аппарата, речевого дыхания или могут быть направлены на выработку умеренного темпа речи, на развитие интонационных средств выразительности.

Вначале педагог знакомит детей с изолированным произнесением звука. После того как дети усвоят, с каким звуком им предстоит работать, уточняется его артикуляция, правильность произношения в изолированном виде. На этом же занятии даются игры и упражнения, нацеленные на развитие у детей умения узнавать и слышать знакомый звук в слогах, словах, т. е. предлагаются задания на развитие фонематического восприятия. В процессе уточнения и закрепления звонких согласных воспитатель может дать детям установку на произнесение звука с различной громкостью, т. е. одновременно развивает голосовой аппарат детей.

Следующий этап работы по формированию правильного произношения – закрепление звука в словах. Для этого используются игры и упражнения, в которых дети, выделяя голосом заданный звук, учатся четко и правильно произносить его в словах. Закрепление правильного произношения звуков в речи осуществляется в процессе произнесения фраз, шуток-чистоговорков, небольших стихотворений, загадок.

На данном возрастном этапе обращается внимание на правильность произношения всех звуков родного языка, но специальная работа проводится с группой свистящих (С, Сь, З, Зь, Ц), шипящих (Ш, Ж, Ч, Щ) и звуков Л, Ль, Р, Рь. В начале учебного года воспитатель использует игровые упражнения на закрепление ранее пройденных (в младших группах) гласных и легких в артикуляционном отношении согласных. Их повторение осуществляется в процессе произнесения отдельных звуков, слогов, звукоподражаний. На этом этапе необходимо уделять особое внимание дикции. Педагог не только следит за правильностью и четкостью произнесения слов (поправляет говорящих нечетко), но и с помощью специальных приемов вырабатывает у детей чистую речь, например, предлагает произносить отчетливо небольшие фразы, включающие сложные в звуковом и структурном отношении слова.

Продолжается работа по развитию слухового восприятия, речевого слуха. В начале учебного года полезно продолжать предлагать детям игры и упражнения, требующие дифференциации на слух различных звукосочетаний. Работа по развитию фонематического восприятия проводится в процессе закрепления звуков. Воспитатель включает в занятие специальные игры и упражнения, направленные на узнавание звука в слове, на выделение из группы слов только тех, которые имеют заданный звук, на подбор игрушек и предметов, в названии которых есть отрабатываемые звуки. В дальнейшем педагог предлагает из нескольких названных слов выделить лишь те, в которых есть названный звук. Приучает детей узнавать звук, стоящий не только в начале слова, но и в середине и в конце его. Постепенно воспитатель подводит дошкольников к самостоятельному отбору слов с заданным звуком. Это довольно сложное задание для детей пятого года жизни, ведь они должны без опоры на наглядность выбрать нужные слова и правильно назвать их. Задача педагога – учить дошкольников правильно производить требуемый отбор слов, точно их проговаривать, осуществляя таким образом контроль при помощи артикуляции и слуха. Работа над интонационной выразительностью речи осуществляется как на занятиях по воспитанию звуковой культуры речи, так и на других занятиях по развитию речи, особенно при заучивании стихотворений.

При проведении занятий по звуковой культуре речи педагог должен творчески подойти к реализации поставленных задач, с учетом уровня сформированности тех или иных навыков у детей, использовать соответствующие игры и упражнения.

Библиографический список

1. Гризик Т. И. Говорим правильно. Слушаем и беседуем : пособие для детей 3–4 лет. – М. : Просвещение, 2011.
2. Ельцова О. М. Подготовка старших дошкольников к обучению грамоте. Дидактический материал, система занятий, конспекты. – Изд-во «Учитель», 2009.
3. Журова Л. Е. Варенцова Н. С. Обучение дошкольников грамоте. – М. : Школьная Пресса, 2004.
4. Марцинкевич Г. Ф. Обучение грамоте детей дошкольного возраста. – Волгоград : Учитель, 2006.
5. Цуканова С. П. Учим ребенка говорить и читать. 1 период: конспекты занятий по развитию фонематической стороны речи и обучению грамоте детей старшего дошкольного возраста. – Изд-во «Гном и Д», 2009.
6. Цуканова С. П. Учим ребенка говорить и читать. 2 период. – Изд-во «Гном и Д», 2010.
7. Цуканова С. П. Учим ребенка говорить и читать. 3 период. – Изд-во «Гном и Д», 2010.

© Назаренко Т. В.

УДК 378.02:81 [246.3] (574)

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ, ВЛАДЕЮЩЕЙ ТРЁХЯЗЫЧИЕМ, – ЗАЛОГ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Ф. Ш. Оразбаева
Казахский национальный университет им. Абая,
г. Алматы, Казахстан

**UPBRINGING OF INTELLECTUAL PERSONALITY,
WHO OWN THREE LANGUAGES IS A KEY TO DEVELOPMENT
OF THE NATIONAL SOCIETY**

F. S. Orazbayeva
Kazakh National Pedagogical University named after Abai,
Almaty, Kazakhstan

Summary. The most important strategic task of education is to preserve the of advanced traditions of the Kazakh education; ensuring a high level of knowledge of international higher educational institutions in the country through improved linguistic knowledge. And the most important directions improvement of knowledge is education the intellectual, and highly cultured, a competitive people

Key words: intellectual person; pledge; strategic task; perfecting; linguistic knowledge.

В настоящее время в системе образования Казахстана рассматриваются отношения народа Казахстана к достижениям общечеловеческой культуры и цивилизации, разрабатываются их научные основы.

Вопросы формирования интеллектуального облика будущего специалиста и его дальнейшего развития волнуют учёных различных направлений.

Важнейшей стратегической задачей образования, с одной стороны, является сохранение предковых казахстанских образовательных традиций, с другой стороны – обеспечение высокого уровня международных знаний в высших учебных заведениях страны, пути совершенствования лингвистических знаний, методологии овладения государственным (родным) языком, русским и иностранными языками.

Согласно требованиям времени важнейшими направлениями совершенствования знаний является воспитание интеллектуальной, высококультурной, конкурентоспособной личности.

В связи с этим возросла актуальность совершенствования процесса обучения в вузах, готовящих педагогические кадры. Если школа – это центр

подготовки основы будущего поколения каждого государства, формирующая и воспитывающая будущих граждан, то учитель – это «сердце школы» (И. Алтынсарин).

Авторитет и потенциал школы, уровень подготовки и воспитания молодого поколения, государственность, народность, защита национальных интересов – всё это напрямую зависит от гуманного отношения, человеческих качеств, гражданской позиции и профессионального мастерства учителя. Все эти качества, заложенные в учителе, формируются в результате повышения его уровня как *интеллектуальной личности*.

В связи с этим в системе высшего педагогического образования в основе инновационных обновлений лежит научно-методическая система, призванная оттачивать *интеллектуально-личностные способности будущего специалиста*.

«Интеллектуальный» и «оригинальный» – понятия неразделимые.

В нынешний век глобализации борьба за сохранение национальных ценностей, национального облика и традиций – это борьба за сохранение национального самосознания.

Всё это, в конечном итоге, упирается в культуру, познание, язык – самые основные неделимые ценности нации, которые являются основой для развития духовности народа. Только при условии сохранения этого триединства народу, а также каждому его члену, есть возможность противостоять всем негативным явлениям, повышать интеллектуальный потенциал каждого члена общества и правильно решать его дальнейшую судьбу. Таким образом, не случайно, что все изменения в области образования происходят именно в этом направлении.

Итак, интеллектуальный специалист-филолог новой эпохи – это креативная и конкурентоспособная личность новой формации, способная отвечать требованиям времени, считающая родной язык гарантом сохранения будущности нации, а профессиональной честью – привить молодому поколению любовь к родному языку, который будет способствовать развитию его духовного сознания.

Интеллектуальность – это способность через обучение, образование, опыт развивать мысль, сознание, познание, ум, умение пользоваться ими для собственного развития, развития общества, а также умение применять их в новых условиях.

Если рассматривать понятия «интеллектуальный» и «потенциальный» (интеллектуальный потенциал) как единое целое, то первое касается человеческого сознания, последнее – развития заложенного природой потенциала путём самообразования, и, таким образом, совершенствования имеющихся возможностей.

Понятие *интеллектуальный потенциал* следует рассматривать как способность человека совершенствовать свои возможности через процессы умственного сознания, осмысливания [1].

Интеллектуальный потенциал – это совершенствование отдельным субъектом или сообществом людей своих умственных способностей, заложенных природой через овладение наукой и образованием, и умение применять для блага своей страны, своего народа, в целом, для человечества способности, развитые в результате этого процесса.

Потенциал личности – это самосовершенствование личности либо совокупность её внутреннего потенциала и возможностей, интеллектуальных качеств и внутреннего резерва, способность к действиям, возникающим в результате создания условий для совершенствования этих качеств.

Потенциально интеллектуальная личность – индивидуальная личность, опирающаяся на общечеловеческие и национальные ценности, умеющая использовать приобретённые знания, умения, потенциал, опыт, как в личных целях, так и для своего народа.

Проект государственной стратегии «Интеллектуальная нация – 2020», предложенная лидером нации Н. А. Назарбаевым, состоит из трёх составляющих:

- 1) перевод системы образования на путь инновационного развития;

2) мощная информационная революция, то есть формирование парка информационных технологий;

3) духовное воспитание молодёжи [2].

Реализация этих направлений требует от преподавателей совершенствования своих интеллектуальных способностей в целях повышения культурного уровня нации, означает способность найти своё место в процессе глобализации, воспитания будущих поколений.

Поскольку «если молодёжь будет помнить о своём долге перед своим народом, воспитываться в духе гуманизма, она будет обладать доверием...» [2, с. 3].

Именно поэтому одним из главных направлений формирования интеллектуальной нации является *воспитание потенциальной личности, владеющей несколькими иностранными языками*.

Потребность в многоязычии подтверждается готовностью нашей страны к диалогу с другими народами, развитием межнациональных связей и укреплением экономических и культурных связей.

С этих позиций основой познания, являющегося для каждого казаха истоком любого творчества, интеллектуальным мерилom каждого общества и отдельной личности, а также считающегося способом духовного развития, является язык – начало всех ценностей.

Сохранение языка – сохранение страны, сохранение нации.

Только при условии равнозначности профессиональных знаний и профессиональных умений специалиста-филолога можно верить в интеллектуальное будущее нации.

Решение данного вопроса в свою очередь требует определения направлений развития отечественного образования, его ценностей, подготовки специалистов-педагогов в соответствии с мировыми стандартами. Т. е. инновации и обновления должны быть использованы для развития историко-культурной и духовной основы нации, чтобы соответствовать уровню мировых тенденций.

Одним из критериев таких изменений является подготовка специалиста-педагога, владеющего несколькими языками. Эта новая система подготовки трехязычного специалиста-филолога должна, высоко оценивая казахский язык как источник всех знаний, национальную ценность, государственный символ, фактор, объединяющий всех казахстанцев, поднять казахский язык на уровень английского и русского языка (языка межнационального общения).

Необходимо придерживаться принципов, предложенных Абаем Кунанбаевым [3], Ахметом Байтурсиновым [4], Миржакышом Дулатовым [5], Жусипбеком Аймауытовым [6], Магжаном Жумабаевым [7], Кудайбергенем Жубановым [8] и др. – «люби себя» – «других уважай» и «глубоко познай себя» – «от других не отчуждайся», постепенно ставших историей, однако сформировавших в XIX–XX вв. облик казахского народа. Эти принципы из всех имеющихся ценностей выделяли язык, с помощью которого можно формировать сознание будущего поколения, вселять веру в будущее нации.

Они же при подготовке трехязычного специалиста-филолога, требуют руководствоваться следующими глобальными тенденциями:

1) конечной целью подготовки национального педагога-филолога является воспитание будущего поколения, формирование высокоинтеллектуальной личности;

2) изучение в тесной взаимосвязи теории и профессиональных знаний с национально-культурными и общечеловеческими ценностями;

3) охват в процессе изучения языка других аспектов: мировоззренческих, воспитательных, социальных, этнокультурных;

4) формирование образовательной системы с учётом развития логического мышления студентов для развития личностных качеств и способностей на основе творческого поиска;

5) использование содержания обучения для развития компетенции студента, его коммуникативной, информационной базы, умения принимать самостоятельные решения;

6) улучшение мотивационно-методической системы для овладения специальностью;

7) в целях формирования филолога-специалиста в качестве трёхязычной личности использовать необходимые компоненты профессиональных знаний.

Несмотря на то, что подготовка многоязычного филолога-специалиста – это требование времени, она даёт возможность обновить укоренившиеся принципы взаимоотношений, осуществить тенденции демократизации, гуманитаризации обучения, даёт возможность осуществить комплексный подход к поиску путей выхода в мировое языковое пространство, что будет считаться главным требованием и результатом обучения.

В этом плане язык – не только средство общения, но и показатель интеллектуального потенциала народа, уровня его сознания и мировоззрения, поэтому следует *учитывать* методику обучения казахскому языку в высшем учебном заведении в соответствии с требованиями нового времени.

С точки зрения гуманно-личностной педагогики теория формирования культуры личности требует дальнейшего совершенствования основ её методологии. Важную роль в формировании будущего специалиста играет способность совершенствовать и умножать приобретённые знания.

В процессе изучения языков в целях улучшения *интеллектуального потенциала будущего специалиста* необходимо уточнить уровень изучения данного вопроса в мировом образовательном пространстве, провести анализ решения данного вопроса, уточнить главные ценности, определить пути их координации с уже имеющимися возможностями.

Как известно, в настоящее время уровень развития знаний и интеллектуальный потенциал общества являются составляющей частью национального богатства. В таком случае овладение студентами трёхязычием, образованность, профессиональная пригодность, стремление к творчеству, решение сложных и ответственных проблем, умение противостоять трудностям – всё это может стать основой развития общества, сохранения стабильности, его безопасности.

Трёхязычие в современном мире определяет интеллектуальное развитие личности, её способности. Это свидетельствует о влиянии языка на всестороннее формирование личности.

Библиографический список

1. URL: <http://www.znanie.info/portal/ec-terms/23/238.html>
2. Назарбаев Н. Ә. «Интеллектуалды ұлт – 2020» жобасы // «Айқап». – 2008. – № 145.
3. Құнанбаев А. Шығармалар жинағы. – Алматы : Жазушы, 1986.
4. Байтұрсынұлы А. 5 томдық шығармалар жинағы. – Алаш, 2002. – 287 с.
5. Дулатов М. Шығармалары. – Алматы : Жазушы, 1991. – 281 с.
6. Аймауытов Ж. Шығармалар жинағы. – Алматы : Ғылым, 1998. – 448 с.
7. Жұмабаев М. Педагогика. – Алматы : Рауан, 1993. – 112 с.
8. Жұбанов Қ. Исследования по казахскому языку. – Алматы, 2010. – 608 с.

© Оразбаева Ф. III.

ИННОВАЦИОННЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕЛЬ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

С. А. Ганаба

Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина

A PERSON OF INNOVATIONS AS AN AIM THE MODERN
EDUCATIONAL DISCURSIVE

S. A. Ganaba

National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine

Summary. This article touches upon the question of necessity to form a person of a new level in the modern socio-cultural relations. This person must be able to take and create new information and inventions. The feature of such person is not only to have certain amount of knowledge, which may be useful for different occasions, but to search this information and use it effectively to solve the problems in any case of the life. The author stresses, that such person can adapt to the modern world, manage to predict and avoid the process of destruction.

Key words: educational discursive; person of innovations; information; problems.

В современном научном мире происходят открытия и технические новации, о которых еще недавно мечтали и размышляли фантасты. Эти открытия исследователи связывают с развитием информационных, компьютерных, сетевых и других технологий. Технологические новшества самым непосредственным образом влияют на социокультурную динамику. Социокультурные перспективы развития и конвергенции технологий просматриваются в формировании нового способа жизни, кардинальной смене стиля и смысла человеческой жизни. Они формируют новый образ будущего, для которого характерными являются: утрата человеком контроля над значительной частью социальных процессов; ориентация на будущее и инновационный характер бытия. Инновационные процессы объединяют науку, технику, экономику, менеджмент, медицину, образование, предпринимательство и другие сферы общественной жизни, меняя способы и методы получения новых знаний.

Необходимо подчеркнуть, что новшества являются постоянным спутником жизни общества. Однако в современном мире они приобрели качество непрерывных и играют решающую роль в жизни общества и человека. Инновации являются формой обновления и развития социума на всех уровнях его организации. Они охватывают все стадии: от рождения идеи до ее реализации. Обращая на это обстоятельство внимание, Э. Тоффлер пишет: «Технологические инновации состоят из трех стадий, взаимосвязанных вместе в обновленном цикле. Во-первых, выделяется идея. Во-вторых, ее практическое использование. В-третьих, ее распространение в обществе» [8, с. 40]. Исследователь утверждает, что сегодня сокращается временной промежуток между этапами инновационной деятельности. Это объясняется тем, что технические и технологические инновации, которые реализованы на практике, способствуют процессу генерации новых идей. «Каждая новая техника или технология определенным образом меняют всю существующую технику и технологии, позволяя нам создавать новые комбинации. Количество возможных комбинаций возрастает экспоненциально в меру того, как количество новой техники или технологий возрастает арифметически», – утверждает Э. Тоффлер [8, с. 41].

Концепция инновационного развития общества является предметом научных интересов и поисков Д. Белла, З. Бжезинского, У. Бека, Дж. Вакка, В. Зомбарта, Й. Масуды, В. Митчерлиха, Э. Тоффлера, Дж. Несбита, Й. Шумпетера, Х. Шпиннера и других. Общим в их исследованиях является понимание инноваций как явлений, которые предлагают качественно новое решение актуальных проблем и предполагают новые изменения компонентов конкретной системы. Существенным является то обстоятельство, что при этом происходит переключе-

ние внимания с тех результатов, которые являются явными и очевидными, на процессы и явления, которые сопутствуют достижению данных результатов или, наоборот, являются скрытыми.

Использование высоких технологий свидетельствует о быстром обновлении структурных элементов общества, смене функциональных характеристик, которые сопровождаются ломкой традиционных социальных структур, потере стабильности в развитии общества, нивелировании общепринятых образцов и правил, отказе от тех мировоззренческих ориентаций и ценностей, которые определяли раньше жизнь человека. В такие периоды рушится «органическая целостность эпохи» (Н. Бердяев), человеческая жизнь и сознание находятся в ситуации, которая ликвидирует привычную «почву» человеческого существования и жестко влияет на мироощущения личности. Лишенный порядка и определенности мир предстает как текучая, разжиженная, дисперсная версия модерна (З. Бауман). Ее основным атрибутом является хаотичность, которая таит в себе, с одной стороны, множество угроз, а с другой, большой творческий потенциал в создании нового цивилизационного порядка и гармонии. Этот порядок имеет совершенно иную природу, поскольку мир получает возможность приобрести гармонию не в своей однородности, а в своей сложности и многоликости, постоянно соприкасаясь с явлениями которых, нельзя предвидеть будущее и трудно подогнать новшества под существующую систему ценностей и порядков. Авторы книги «Нетократия» А. Бард и Я. Зодерквист утверждают, что преодолеть аномальные явления невозможно в условиях внедрения новых явлений в систему старых понятий. Латать и штопать старые теории в надежде получить твердую почву под ногами более чем неперспективное занятие, поскольку стабильность и предсказуемость современного развития общества сигнализируют о его кризисе. «Придется привыкнуть, что роскошь стабильности более недоступна, и единственно постоянная вещь – сами изменения. Все течет. Социальная и экономическая стабильность, ранее бывшая нормой жизни, теперь станут редкостью и признаком стагнации. Недостаточно просто думать или думать по-другому. Теперь придется постоянно переосмысливать идеи и отбрасывать их. Творческое разрушение не знает отдыха», – пишут исследователи [1, с. 37].

Новый контекст социальной реальности существенно влияет на бытие человека. Исчезают те привычные символические ориентиры и горизонты, которые определяли его жизнь, он оказывается в ситуации своеобразного культурного вакуума и пустоты, когда стабильное и привычное уже исчезло, а новое еще не приобрело общего признания. Человек оказывается в зоне опасности и одновременно в пространстве новых возможностей и нереализованных потенций. Чтобы их реализовать, ему необходимо отыскать созвучные духу эпохи культурные формы, сберечь равновесие в современном изменчивом социуме, выстраивая собственную траекторию развития и жизни относительно реалий времени. Эти реалии предусматривают поиск новых житейских смыслов, которые призваны преодолеть общее состояние ситуативной тревожности, удовлетворить витальные и духовные потребности человека, начертить пути его самовыражения и самосовершенствования, культивировать способность понять и раскрыть мир собственной уникальности и духовно-культурной самобытности.

Современность обуславливает необходимость становления человека новой формации, способного к созданию и восприятию нового. Такой человек, в отличие от рационального субъекта эпохи модерна, который целеустремленно и агрессивно познает мир и которому присуща модель одномерного (стандартного) мышления и поведения, устремляет свою деятельность в русло конструирования активной нелинейной среды сложных реальностей. Происходит становление нового типа человека – человека инновационного, которому свойственны не только новые знания, но и новое мышление, новая интуиция, новые адекватные способы видеть себя и окружающий мир. Ему присуща инициативность, возможность делать выбор из множества вариантов, определять свою ответственность за собственные просчеты и поражения. Он проявляет умение быстро и гибко адаптиро-

ваться к изменчивым реалиям, демонстрирует способность предугадывать, а возможно, и упреждать негативные и деструктивные процессы.

Таким образом, на сегодня возникает потребность в личности, которая не только накапливает информацию для своей профессиональной и повседневной деятельности, но и владеет возможностью ее генерировать и изменять. Ее будущее зависит от того, насколько она сумеет освоить новые общественные реалии и приспособлять их к ежедневным потребностям. Поэтому на первый план выдвигается задача подготовить человека к самостоятельному овладению новыми знаниями, поиску новой информации, сформировать потребность в обучении на протяжении всей его жизни, потребность использовать знания в практической деятельности. Возможность творчески использовать информацию является в условиях современности более важной, чем умение ее накапливать и заучивать. Информационно-компьютерные технологии делают абсурдной роль эрудита.

Помочь человеку быстро адаптироваться к переменам в обществе, научиться учиться, ориентироваться среди большого объема информации, не утрачивая связь с традициями, духовными ценностями предыдущих поколений, призвана сфера образования. Именно в этой сфере формируется человеческий капитал, качество которого определяет возможности и перспективы развития общества в будущем. Акцент на будущем меняет назначение образования в общественной жизни. С транслятора и хранилища культурного опыта поколений образовательная сфера превращается в мастерскую, в которой происходит становление человека с инновационными характеристиками, инновационным взглядом на мир и инновационным типом мышления. Образование всё более концентрируется на развитии способности личности к обучению. Ситуация цивилизационного перехода предусматривает кардинальную смену основоположных позиций учебного процесса. Стратегическим ориентиром и целью современного образования является пробуждение в человеке творческого потенциала, его способности к восприятию и созданию нового, формирование инновационных качеств человека.

Целью статьи является акцентирование внимания на эвристическом потенциале сферы образования в становлении инновационного человека.

Необходимо отметить, что проблема становления инновационного человека является чрезвычайно актуальной в современных исследованиях. Общеметодологические вопросы образования и образовательных инноваций стали предметом исследования в работах П. Друкера, Ю. Козелецкого, Г. Менша, Б. Санто, Э. Паркера, Э. Тоффлера, К. Хессига, М. Хучека, Й. Шумпетера и других. Следует отметить, что в последние годы в этом направлении наработаны существенные результаты, однако сомнений нет, что пройдет еще немало времени, прежде чем будет сформулирована определенная концепция.

Так, Ю. Козелецкий характеризует инновационного человека как самостоятельного субъекта, открытого новым проблемам, «способного использовать свои знания в изменяющейся цивилизации, умеющего альтернативно и пластично мыслить об окружающей среде, предпринимая рискованные и активные поступки» [5, с. 60]. По мнению С. Смирнова, инновационный человек в своей сущности является трансфессионалом, своеобразным навигатором, который ведет поиск новых знаний, решая существующие проблемы и выстраивая траекторию собственного образования [7]. Он находится в состоянии поиска собственного Я, развивает свои разносторонние способности и, формируя многогранный взгляд на мир и себя в этом мире, реализует способность переосмысливать существующие теории, истины, правила и нормы поведения в науке, образовании, производстве, политике, культуре и т. д. В зависимости от ситуации он продуцирует множественность Я-образов, каждый из которых отвечает определенному аспекту внешней деятельности и внутренней его индивидуальности и демонстрирует сложность человеческой личности.

Таким образом, инновационный человек – это человек творчества. Свободно и осознанно преступая границы своей сущности, он постоянно делает выбор, приобретает новые характеристики, открывая новые грани своего бытия. Он создает мир в себе и мир вокруг себя. Созидание, творчество понимается как об-

пчая антропологическая характеристика, необходимое условие развития инновационного человека. В творчестве он выражает собственную сущность, представляет всю свою сложную духовно-душевно-телесную природу. Идентичность инновационного человека рассматривается как «возможность быть» (С. Кьеркегор). Он детерминирован только собой и рассматривается как проект (Ж.-П. Сартр), как усилия быть собой.

Современный человек постоянно покидает свой привычный, обжитой мир, который является своеобразной точкой опоры, пребывая в состоянии лиминальности. Это состояние является определенной формой его идентичности в условиях быстроизменяемых реалий. Будущее такого человека зависит от того, насколько быстро он сумеет освоить новые общественные реалии и приспособить их к жизни, а также – будет ли воспринимать человек образование в качестве непрерывной жизненной процедуры в получении социальнозначимого знания. Поэтому ведущей идеей сферы образования в условиях современности определяется формирование в человеке исследовательской позиции. Такой человек проявляет инициативность, демонстрирует возможность делать выбор, определяет свою ответственность за собственные просчеты, поражения, рискованные проступки и т. д. Ю. Козелецкий выделяет пять особенностей формирования инновационного человека в образовательной среде. Во-первых, это формирование в человеке определенной устойчивой тенденции к поиску самостоятельных решений проблем, которые постоянно возникают, т. е. исследовательской позиции. Во-вторых, ему присущ специфичный метод усвоения знаний. Значительную часть сведений индивид приобретает естественным образом, т. е. с приобретением личного опыта, в непосредственном контакте с познаваемой действительностью, в процессе рефлексии. Воображение, фантазия, интуиция и метафора играют решающую роль в решении проблем. В-третьих, изменяется структурирование знаний индивида. Решение задач и проблем требует использования данных из различных областей, требует синтетического взгляда на мир. Структурирование знаний, перекодирование их в более крупные единицы (схемы, метасхемы) является естественным. В-четвертых, человек становится субъектом процессов и изменений в общественной жизни. Субъективность – это ориентация, предполагающая, что человек является источником, а не только приемником информации. В-пятых, принципиальное значение имеет также пробуждение мотивации и способности к самовоспитанию. Чтобы достичь целей, следует развить способность к альтернативному, вероятностному и глобальному мышлению, сделать всеобщим искусство выбора, учить многовариантным программам выбора [5, с. 55–58]. Таким образом, инновационный человек преодолевает одномерное восприятие и осмысление мира (Г. Маркузе), в котором постоянно навязывались определенные стандарты, формировались гедонистические потребности, а он рассматривался как объект манипуляций со стороны социальных институтов.

Найти соразмерные современности культурные формы, сберечь равновесие в динамическом и изменяемом мире человек сможет в условиях создания целостной картины о себе и окружающей среде, в которой он живет. Творческий потенциал переходного мирового порядка может быть реализованным в условиях перехода к новому, инновационному мышлению, сущность и функциональные характеристики его представлены в концепциях «сложного мышления» Е. Морена, «глобального мышления» Е. Ласло, «трансверсального ума» В. Вельши и других. Такое мышление учитывает и осмысливает мир и человека как сложные целостные структуры, которые находятся в постоянной взаимосвязи, движении и самоизменении. Оно презентует образование как открытую систему знаний, которые имеют не только рациональную составную, но и эмоциональную, рефлексивную, мифологическую и другие, поскольку связаны с убеждениями и личностными интересами, внутренним миром тех, кто учится. По мнению Е. Князевой, искусство инновационного мышления является искусством жизни, так как оно предусматривает не только правильное использование логики, правил дедукции и индукции в мыслительных построениях, но и искусство аргументации, умения вести открытый и конструктивный диалог, в котором рождаются новые

смыслы и конфигурации знаний [4]. «Когнитивное искусство сегодня – это искусство думать глобально, чтобы успешно решать локальные проблемы. Чтобы научиться ориентироваться в океане информации и превратить свои знания в жизненную мудрость, нужно не только подняться по ступеням школьного и университетского образования, но и погрузиться в мир литературы, поэзии, театра и кино, которые открывают нам эстетическое измерение нашего существования», – пишет Е. Князева [4, с. 3].

Инновационное мышление способствует преодолению границ, которые существуют в рациональном типе мышления, демонстрирует умение выстраивать новые гештальты знаний, вести поиск новых смыслов и идей. По своей природе оно является трансверсальным. Трансверсальность, по мнению Л. Горбуновой, необходимо рассматривать как основную характеристику инновационного мышления, которая предусматривает рефлексии и создание нового, выходящего за пределы признанного знания. Именно переходы, связи, взаимопроникновения, преодоление границ уже известного являются средой и характеристикой такого мышления. Трансверсальное мышление обнаруживает нестыковки и пустоты в рациональном типе мышления и на этой основе продуцирует новые идеи и новые решения проблем. Оно не отрицает рационального мышления, а, наоборот, придает ему креативности, задает потенциал дальнейшего его развития [9, с. 46]. Научиться мыслить инновационно – значит научиться мыслить в альтернативах, предполагая возможность смены темпа разворачивания событий и качественной ломки, фазовых переходов в сложных системах разного уровня сложности и развития.

Методологическим ориентиром в развитии инновационных качеств и мышления современного человека может служить концепция трех ступеней обучения американского философа и психолога Г. Бейтсона. Первая ступень обучения, по Г. Бейтсону, это репродуктивный уровень, на котором происходит трансляция определенной суммы теоретических знаний, которые участники учебного взаимодействия должны запомнить путем многократного повторения. Такое знание может быть использовано в решении шаблонных ситуаций, стереотипных заданий. Обучение первой ступени дополняется другим уровнем. В учебном процессе его можно истолковать как умение приобретать навыки поиска информации, способности ориентироваться в различных жизненных ситуациях, умение формирования задания в определенной перспективе и т. д.

Следует заметить, что первая и вторая ступени образования тесно связаны с практиками прошлого и поэтому утрачивают свой ценностный потенциал в условиях непрогнозированного будущего. В условиях радикальных социокультурных трансформаций значимым определяется такое знание, которое питается неопределенностью, направляет к поиску, анализу, новой интерпретации, формированию новой конфигурации знаний. По отношению к предыдущему состоянию оно не является таким, что линейно «вытекает» из него очевидным и единственным следствием. Согласно концепции Г. Бейтсона, инновационное и творческое знание создается на третьей ступени обучения. Соответственно, формула обучения – это умение человека «учиться переучиваться», менять набор тех вариантов конструирования заданий и смыслов, которым он научился на первой и второй ступенях обучения. Умение переучиваться, по мнению З. Баумана, определяет жизненный успех человека эпохи постмодерности. Он зависит не только от его умения раскапывать скрытую логику в ворохе событий или отыскивать смысл в случайностях, а и в возможностях отказываться от добытого опыта, умений, привычек. Исследователь метафорически «третичное обучение» сравнивает с калейдоскопом, найденным мальчиком под рождественской елкой. Мальчик, играя калейдоскопом, одним движением руки создает и сразу ликвидирует причудливые мозаические узоры, не стараясь их сохранить в своей памяти. «...Привычка, которая приобретается в процессе «третичного обучения», – это привычка обходиться без привычек», – пишет З. Бауман [2, с. 158].

Таким образом, процесс обучения всё больше концентрируется на развитии способности к обучению, а именно как обучаться, а также умении переучиваться, то есть менять конфигурацию приобретенных знаний в связи с социокуль-

турными изменениями. Образовательная деятельность рассматривается как процесс самопознания, самовыстраивание тех, кто обучается, и социальной среды, в которой они находятся. Обращая внимание на это обстоятельство, Е. Жукова пишет: «Способности «ловить новизну», «чувствовать время», «управлять мечтой», «предвидеть будущие изменения и их последствия», «планировать и воплощать проекты в жизнь» становятся одними из основных характеристик современного профессионала» [3, с. 244].

Существенной составляющей частью образовательного процесса в формировании инновационного человека является учет его сложной и многомерной природы. Человек по своей природе является множественным единством и уникальным многообразием, своеобразной «точкой голограммы, которая несет в себе Космос» [6, с. 52]. Но сложность и многомерность человека состоит не только в совокупности физических, физиологических, психологических, ментальных, эмоциональных, интеллектуальных и других характеристик, но и в признании между ними очевидной и скрытой связи.

Существенную роль во взаимодействии конкретной личности с миром объективной реальности играют не только культурные, языковые, генетические особенности индивида, но и природа и специфика организации телесности, поскольку именно телесность обуславливает параметры восприятия человека человеком. Личность не лишена ментально-телесных характеристик. Поскольку мыслительные процессы происходят в теле, они телесно обусловлены. Тело человека рассматривается не как определенное механическое устройство, а как эмоционально-чувственная сфера, которая чувствует то, что творится в мире и что творится с человеком. Напротив, неучитывание и ошибочная оценка телесности ведут к неполным, поверхностным суждениям и результатам. Поэтому уважение достоинства человеческого тела составляет часть нашего внимания к личности.

Телесность анализируется как сфера локализации когнитивных, ментальных, психических состояний, которые проявляют себя на разных уровнях телесной организации. Учет в учебном процессе целостной, сложной природы человека свидетельствует о тенденции антропологизации знаний как формы информации для человека, открытой и рефлексирующейся человеком. Образование сосредотачивается на культурной трансформации личности, а не на ее социальной адаптации. Например, организация образовательного процесса в древних восточных школах обращала внимание на телесность человека. Гармония тела и духа, интеллектуального, физического, психического начала достигалась с помощью упражнений дыхательной гимнастики, йоги, боевых искусств и т. д. Знания, которые постигались и рождались в процессе обучения, являлись частью внутреннего мира тех, кто учился и кто учил, их интересов, целей, ценностей, которые не сводились к единому, определенному значению, а предусматривали новые размышления, идеи и т. д. Построение образовательного процесса на основе многомерной, сложной природы человека является не только истинно гуманным, но и перспективным в реалиях изменчивой современности. Сфера образования рассматривается как среда развития человека, его внутреннего потенциала, индивидуальности, человеческих возможностей и характеристик. Образовательный процесс характеризуется открытостью, трансдисциплинарностью, креативностью. В процессе образования предусматривается одновременное рассмотрение фактов и событий на разных феноменальных уровнях объяснения, они связываются с разными дискурсивными и дисциплинарными перспективами. По мнению И. Предборской, такое образование является трансфеноменальным по своей природе, трансдисциплинарным по характеру познания, трансдискурсивным по содержанию [10, с. 43].

Таким образом, социокультурные перспективы развития и функционирования современных технологий ведут к кардинальной смене стиля и смысла человеческой жизни. Они обуславливают необходимость становления инновационного человека, который должен иметь не только необходимую сумму знаний, но и новое мышление и понимание себя и окружающего мира как сложных, целостных структур, которые находятся в постоянной взаимосвязи, движении, самоизмене-

нии. Инновационный человек является человеком-исследователем, поскольку демонстрирует возможность делать выбор из множества вариантов, умеет быстро и гибко адаптироваться к изменчивым реалиям. Его жизненный успех зависит от умения не только учиться и приобретать новые компетенции, но и от возможности отказаться от приобретенных знаний и умений, опыта и привычек. Умение «учиться переучиваться» является ключевым в становлении инновационного человека. Магистральным заданием образовательной сферы является обучение инновационному мышлению. Акцент в учебном процессе смещается с обучения определенным знаниям на обучение мыслительной деятельности человека. Образовательный процесс рассматривается не как конвейер, который наполняет обучающихся определенной суммой знаний, а как процедура пробуждения внутренних сил и возможностей человека, раскрытия его индивидуальной природы.

Библиографический список

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / пер. с англ. В. Мишучкова. – СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. А. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
3. Жукова Е. А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / под ред. И. В. Мелик-Гайказян. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с. – (Серия «Системы и модели: границы интерпретаций»).
4. Князева Е. Научись учиться. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/knyazevalena33.htm>
5. Козелецкий Ю. Человек многомерный. – К. : Лыбидь, 1991. – 244 с.
6. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 24–96.
7. Смирнов С. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. – М., 2003. – С. 156–157.
8. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е. Руднева. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.
9. Gorbunova L. Transversality of Complex Thinking // Book of Abstract. Bertalanffy Center for the Study of Systems Science. EMCSR. European Meeting on Cybernetics and Systems Research / ed. by Robert M. Bichler, Stefan Blachfellner, Wolfgang Hofkirchher. – Vienna, 2012. – P. 45–46. URL: <http://emcsr-conference.org>
10. Predborska I. Paradigm of Homo Complexus as a Challenge to the Contemporary Education // Book of Abstract. Bertalanffy Center for the Study of Systems Science. EMCSR. European Meeting on Cybernetics and Systems Research / ed. by Robert M. Bichler, Stefan Blachfellner, Wolfgang Hofkirchher. – Vienna, 2012. – P. 42–44. URL: <http://emcsr-conference.org>

© Ганаба С. А.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В. Н. Введенский
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия

GLOBALIZATION AND THE COMPETENCE APPROACH IN THE EDUCATIONAL PROCESS

V. N. Vvedensky
Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia

Summary. Shows the impact of globalization on the competence approach in education. Presents a model of the key competences of students. It is shown that the competent approach is a new level of development education.

Key words: globalization; culture; key competences; competence approach; competence of a teacher; education.

Одной из главных характеристик современной мировой системы является усиление процессов глобализации. А поскольку система образования по своей сути призвана реагировать на институциональные трансформации общества, то она также не осталась в стороне от этих изменений [1]. Важнейшими компонентами глобализации образования являются вхождение России в Болонский процесс, в ВТО и введение компетентностного подхода. Ведь социальная значимость компетентностного подхода в образовании была определена в 1997 году в докладе ЮНЕСКО.

Цель глобализации – это технологизация мира. Диалог культур – это диалог между культурами, пытающимися сохранить такие внутренние регуляторы, как честь, долг, совесть, обязанность и др., и культурой, несущей внешние проявления современности (технологичность), которые являются атрибутами глобализации и цивилизации [2; 3; 4]. Между этими культурами происходит борьба, в том числе и в образовании. Важнейшей составляющей модернизации является технологизация образования, а значит, и вытеснение из него культуры и человека. Происходит информатизация и идеологизация образования. Всё становится технологичным. А технология – это то, что исключает субъекта, самость и индивидуальность. Действие по технологии есть алгоритм. А культура и субъект не алгоритмичны, они индивидуальны. Процесс технологизации реально осуществляется как информатизация образования, создание не человеческой обучающей среды, а компьютерной. Это же относится и к глобализации образования [5; 6]. Это означает, что из образования в первую очередь вытесняются его ценностные воспитательные компоненты, вытесняются искусство, самобытность.

Сегодня проблема развития ключевых компетентностей (в рамках компетентностного подхода) в образовании является одной из важнейших. Ведь именно уровень сформированности ключевых компетентностей позволяет человеку адаптироваться к новым условиям и достойно жить в непрерывно изменяющемся мире [7; 8].

На основании теории функций психики личности (по Б. Ф. Ломову) нами доказано, что модель ключевых компетенций состоит из когнитивной, регулятивной и коммуникативной компетентностей [9; 10; 11]. При этом нами показано, что регулятивная компетентность является ядром модели этих ключевых компетентностей [12]. Безусловно, характер и условия развития ключевых компетентностей имеют свои особенности для разных категорий обучающихся [13–17].

Вместе с тем следует отметить, что переход к компетентностному подходу не отрицает когнитивной (знаниевой) составляющей, а лишь является следующим (отчасти запоздавшим) эволюционным этапом развития образования. Ведь компетентностный подход направлен в том числе и на развитие когнитивной

(включая знания) компетенции, но знания и умения не являются самоцелью. Поэтому компетентностный подход, реализуемый в рамках глобализации образования, является следующим уровнем развития отечественного образования.

Библиографический список

1. Введенский В. Н. Институционализация как методологическая основа развития социального имиджа педагогической профессии // Человек и образование. – 2005. – № 1. – С. 20–22.
2. Введенский В. Н. Развитие педагогической профессии как социального института : дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2005.
3. Введенский В. Н. Социальный контроль преподавателей высшей школы // Высшее образование в России. – 2012. – № 4. – С. 41–46.
4. Введенский В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 59–65.
5. Введенский В. Н. Культура как средство адаптации и защиты человека в условиях необратимой глобализации // Философия образования. – 2012. – № 6. – С. 196–200.
6. Введенский В. Н. Высшее профессиональное образование в условиях необратимой глобализации // Alma Mater. – 2013. – № 2. – С. 41–46.
7. Введенский В. Н. Методологические подходы к научному исследованию и образованию : учеб. пособие. – Белгород : Иридис, 2012. – 112 с.
8. Введенский В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт: сущность, модель, развитие. – Берлин : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 404 с.
9. Введенский В. Н. Профессиональная компетентность педагога : учеб. пособие. – СПб. : Просвещение, 2004. – 154 с.
10. Введенский В. Н. Интеллектуально-педагогическая компетентность : учеб. пособие. – СПб. : ИОВ РАО, 2003. – 120 с.
11. Введенский В. Н. Коммуникативная компетентность педагога: характеристика, способы совершенствования. – СПб. : ИОВ РАО, 2003. – 52 с.
12. Введенский В. Н., Строганов Л. Л. Особенности проявления регулятивной функции психики личности в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Alma Mater. – 2013. – № 5. – С. 41–46.
13. Введенский В. Н. Значение фантазии в педагогической профессии и способы ее совершенствования // Наука и школа. – 2004. – № 3. – С. 12–14.
14. Введенский В. Н. Учебная программа повышения квалификации: концептуальные основания // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 151–152.
15. Введенский В. Н. Развитие научно-исследовательской деятельности студентов институтов культуры и искусств // Высшее образование в России. – 2012. – № 2. – С. 89–92.
16. Введенский В. Н., Горкуша М. М. Числовой ряд в геометрической форме как средство развития мышления учащихся начальной школы VIII вида // Дефектология. – 2002. – № 6. – С. 39–46.
17. Введенский В. Н. Формирование эвристической деятельности старшеклассников в процессе обучения : дис... канд. пед. наук. – Новосибирск, 1999.

© Введенский В. Н.

**КОМПЕТЕНЦИИ, ФОРМИРУЕМЫЕ У БАКАЛАВРОВ ВОДНОГО
ТРАНСПОРТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ
«НОРМИРОВАНИЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»**

Е. Г. Кузнецов

**Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота
Калининградского государственного технического университета,
г. Калининград, Россия
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
г. Калининград, Россия**

**COMPETENCES FORMED AT BACHELORS OF A WATER TRANSPORT
WHEN STUDYING DISCIPLINE
«ENVIRONMENTAL PROTECTION RATIONING»**

E. G. Kuznetsov

**Baltic Fishing Fleet State Academy of the Kaliningrad State Technical University,
Kaliningrad, Russia
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia**

Summary. The author of this article considers common cultural and professional competences formed at future bachelors on management on a water transport and to hydrographic ensuring navigation when studying discipline «Environmental protection rationing». In three-level system to preparation knowledge, abilities and possession formed at students is defined when mastering by competences.

Key words: bachelor of a water transport; common cultural and professional competences; environmental protection; knowledge, abilities, possession; maximum-permissible concentration.

Согласно требованиям ФГОС ВПО (федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования) третьего поколения при подготовке будущих бакалавров основной упор делается на компетентностный подход. Не исключением является и ФГОС ВПО по направлению подготовки 180500 «Управление водным транспортом и гидрографическое обеспечение судоходства (квалификация (степень) «Бакалавр»)» [2]. Одной из дисциплин данной специальности является дисциплина «Нормирование охраны окружающей среды». По нашему мнению, для качественного усвоения материала по данной учебной дисциплине будущим бакалаврам-инженерам водного транспорта необходимо владение, как минимум, следующими общекультурными и профессиональными компетенциями: культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1); умениями использовать основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применять метод математического анализа и экспериментального исследования (ПК-1); способностью выполнять научные исследования по отдельным разделам (этапам, заданиям) темы в соответствии с утвержденными методиками (ПК-25).

В трехуровневой системе подготовки (1-й уровень – низший /интуитивный/, 2-й – средний /репродуктивный/, 3-й – высший /продуктивный/) для овладения ОК-1 необходимо иметь общие представления об охране окружающей среды (1-й уровень); знать дисциплины, смежные с данной дисциплиной, (2-й уровень); знать взаимосвязи данной дисциплины с другими научными дисциплинами (3-й уровень). Нужно уметь определять наиболее значимые объекты, нуждающиеся в нормировании охраны окружающей среды (1-й уровень); определять примерные нормы для охраны окружающей среды (2-й уровень); определять нормы для охраны окружающей среды (3-й уровень). Необходимо владеть культурой экологического мышления (1-й уровень); способностью к обобщению, анализу, восприятию экологической информации (2-й уровень); способностью к обобщению, анализу, восприятию экологической информации, постановке цели, выбору путей ее достижения (3-й уровень).

Для овладения ПК-1 необходимо знать: общие основы естествознания (1-й уровень); методы математического анализа дисциплины (2-й уровень); аспекты естествознания применительно к данной дисциплине (3-й уровень). Уметь: применять законы естественнонаучных дисциплин в нормировании охраны окружающей среды (1-й уровень); применять методы математического анализа в нормировании охраны окружающей среды (2-й уровень); применять методы математического анализа и экспертного исследования в нормировании охраны окружающей среды (3-й уровень). Владеть: способностью к исследованию окружающей среды с учетом предельно допустимых концентраций (ПДК) (1-й уровень); способностью к исследованию окружающей среды с учетом экологически допустимых концентраций (ЭДК) (2-й уровень); способностью к исследованию окружающей среды с учетом как ПДК, так и ЭДК (3-й уровень).

Для овладения ПК-25 необходимо знать: общие научные проблемы нормирования охраны окружающей среды (1-й уровень); наиболее важные научные проблемы нормирования охраны окружающей среды (2-й уровень); методику определения общих и частных научных проблем нормирования охраны окружающей среды (3-й уровень). Уметь: выделять проблемы по нормированию охраны окружающей среды (1-й уровень); определять иерархию проблем по нормированию охраны окружающей среды (2-й уровень); выделять научные основы проблем по нормированию охраны окружающей среды (3-й уровень). Владеть: способностью выполнять элементарные научные исследования по дисциплине (1-й уровень); способностью выполнять научные исследования по дисциплине в соответствии с утвержденными методами (2-й уровень); способностью решать важные научные вопросы и задачи по нормированию охраны окружающей среды (3-й уровень). В итоге обучающийся должен знать нормативные документы, связанные с нормированием выбросов и сбросов, обращением с твердыми и радиоактивными отходами; порядок разработки межгосударственных норм на выбросы, связанные с трансграничным переносом загрязняющих веществ; базовые нормативы платы за выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников, за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, за размещение отходов. Уметь рассчитывать плату за выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников, за сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, за размещение отходов; штрафные и другие санкции при нарушении правил и норм выбросов в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных и передвижных источников, сбросов загрязняющих веществ в водные объекты, размещения, хранения, утилизации и уничтожения отходов. Владеть методами разработки нормативов выбросов, сбросов и лимитов на размещение твердых отходов; методами контроля выполнения установленных предельно допустимых выбросов, предельно допустимых сбросов и лимитов на размещение твердых отходов; методами и средствами снижения выбросов и сбросов [1]. При такой постановке вопроса процесс обучения, получения знаний и усвоения материала будет происходить гармонично, а будущий бакалавр водного транспорта будет способен решать профессиональные задачи с учетом сохранения окружающей природной среды и рационального природопользования.

Библиографический список

1. Беспаятнов Г. П., Кротов Ю. А. Предельно допустимые концентрации химических веществ в окружающей среде. – Л. : Химия, 1985. – 528 с.
2. Об утверждении и введении в действие ФГОС ВПО по направлению подготовки 180500 «Управление водным транспортом и гидрографическое обеспечение судоходства (Квалификация «Бакалавр»)» : приказ Минобрнауки РФ от 16 ноября 2010 г. № 1159. (с изменениями от 18.05.2011 № 1657 и 31.05.2011 № 1975). – 22 с.

© Кузнецов Е. Г.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ БУДУЩИХ
ПРОГРАММИСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ
АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ**

М. В. Баканова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**THE REALIZATION OF CONTEXTUAL APPROACH TO TEACHING
PROFESSIONAL-ORIENTED ENGLISH LANGUAGE TO THE FUTURE
PROGRAMMERS**

M. V. Bakanova

Penza State University, Penza, Russia

Summary. The article proves the necessity of English language for the future programmers. The essence of contextual approach is revealed. The problem-research educational technology is determined as the most effective one for the realization of contextual approach to the process of teaching English language to the future programmers.

Key words: the profession of a programmer; English language; contextual approach; problem-research educational technology.

Английский язык – это язык высоких технологий, программирования и Интернета. Поэтому в профессии программиста роль иностранного языка постепенно начинает играть одну из лидирующих, так как все языки программирования, являющиеся средством работы программиста, основаны на лингвограмматических конструкциях английского языка, от уровня владения которым зависит быстрота запоминания и истолкования вновь осваиваемых конструкций языков программирования. Кроме этого, у программиста, владеющего английским языком, улучшается реакция при общении с операционной системой в процессе интерактивного диалога; намного быстрее решаются проблемы отладки и редактирования программы, быстрее осознается процесс реакции системы на ошибочные ситуации и многие другие, чисто профессиональные аспекты деятельности программиста [3].

Следовательно, владение программистом профессионально ориентированным английским языком является одной из составляющих его профессиональной компетентности.

Программисту нужен язык в двух аспектах: для быстрой адаптации программных продуктов и как средство написания самих программ [1]. Программа создается в соответствии с алгоритмом, который представляет собой последовательность команд (морфология); каждая команда записывается в соответствии с определенными правилами машинного языка (семантика); каждая команда представляет собой набор символов – знаков английского языка, вследствие чего английский язык является главным звеном для написания программного продукта, так как правильно построенные фразы существенно сокращают время отладки программы.

Рассматривая этапы разработки программного продукта, мы имеем возможность определить место и значение языка как знаковой системы в приложении к данному процессу (см. табл. 1).

Значение языка как знаковой системы на разных этапах разработки программного продукта

Этапы разработки программного продукта	Язык как знаковая система
1. Этап постановки и формулировки задачи	Язык как средство коммуникации Язык как естественный язык
2. Этап проектирования задачи	Язык как формальная система
3. Этап кодирования	
3.1. Ввод исходного текста программы	Язык как язык программирования Язык как знаковая система
3.2. Создание объектного модуля	
3.3. Создание загрузочного модуля	Язык как средство обработки данных
3.4. Отладка программы	
4. Этап эксплуатации и сопровождения	Язык как средство коммуникации Язык как естественный язык

Представление таким образом приложения использования языка (в нашем случае иностранного) к процессу будущей профессиональной деятельности программистов дает нам возможность применять контекстный подход к обучению иностранному языку, когда обучаемый имеет дело не с чисто абстрактной дисциплиной, а ее отражением на предметное и социальное содержание предстоящей профессиональной деятельности.

Контекстный подход к обучению состоит из трех базовых форм деятельности: *учебная* деятельность с ведущей ролью лекций и семинаров; *квазипрофессиональная*, воплощающаяся в играх, спецкурсах, спецсеминарах; *учебно-профессиональная* (НИРС, производственная практика, реальное дипломное и курсовое проектирование). Этим трем формам деятельности соответствуют три обучающие модели: **семиотические, имитационные, социальные** [1; 2].

Семиотические обучающие модели включают систему заданий, предполагающих работу с текстом и знаковой информацией. В моделях такого типа предметная область деятельности разворачивается с помощью конкретных учебных форм, в рамках которых выполняются задания, не требующие личностного отношения к изучаемому материалу. Единицей работы студента является речевое действие – слушание, говорение, чтение, письмо.

В **имитационных** обучающих моделях учебные задания предполагают выход студента за рамки знаковой информации, соотнесение ее с будущей профессиональной деятельностью, осмысление знаний, которое происходит, когда студент включает себя в ситуацию решения каких-то профессиональных задач, через которые достигается практически полезный эффект.

В **социальных** обучающих моделях задания должны выполняться в совместных, коллективных формах работы участников учебного процесса. Такие совместные поиски решения проблемы дают опыт коллективной работы в будущей профессиональной среде. Эта модель реализуется в деловых и учебных играх, комплексном курсовом и дипломном проектировании. Единицами деятельности студента становятся поступки, через которые студент осваивает профессию как часть культуры, осмысливает свое отношение к труду, обществу, самому себе.

В контекстном подходе содержание подготовки специалиста включает два слагаемых: предметное (базовое) содержание, которое обеспечивает профессиональную компетентность специалиста, и социальное (фоновое), обеспечивающее способность работать в коллективе, быть гражданином. К фоновому относят содержание этики, экологии, истории культуры и т. д. – всё, что формирует мировоззренческие и социальные качества специалиста.

Цель использования контекстного подхода к обучению иностранному языку – это приобщение знаний (умений и навыков) по иностранному языку к смыслообразующему контексту будущей профессиональной деятельности обучаемого.

Для реализации этой цели наиболее эффективной является проблемно-исследовательская технология.

Основными исследовательскими этапами, используемыми в обучении иностранному языку и реализующими проблемно-исследовательский подход, можно назвать: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования; выдвижение гипотезы ее решения, обсуждение методов исследования; оформление конечных результатов; анализ полученных данных; подведение итогов, корректировка, выводы.

Так как для данного исследования важны особенности профессиональной деятельности программиста, следует подчеркнуть то, что этапы работы с данной технологией в наиболее общем виде соответствуют этапам разработки программного продукта: постановка и формулировка задачи, проектирование, кодирование, отладка и тестирование, эксплуатация и сопровождение, что является основным предметом профессиональной деятельности программиста.

Так, работа над темой исследовательского проекта «What can we say in programming language?» («Что мы можем сказать на языке программирования?») включала следующие этапы:

1. Выявление круга проблем по данной теме (включает изучение литературы по различным проблемам: что такое язык программирования, виды языков программирования, их функции, язык-знак, семантика языков программирования).

2. Выдвижение гипотез, обсуждение, обоснование каждой из гипотез:

– гипотеза 1. Язык программирования не является средством общения, поэтому не может ничего «говорить»;

– гипотеза 2. Любой язык программирования является средством выражения намерений человека к компьютеру, поэтому язык программирования является «средством общения» человека и машины;

– гипотеза 3. Язык программирования имеет свою структуру (семантика, синтаксис, алфавит), значит, он может «говорить»).

3. Обсуждение методов проверки принятых гипотез в малых группах (в каждой группе по одной гипотезе), возможных источников информации для проверки выдвинутой гипотезы, поиск аргументов, подтверждающих или опровергающих гипотезу (включает изучение специальной литературы по выдвинутым гипотезам, использование различных методов исследования – опрос экспертов, сбор статистического материала, эксперимент).

4. Защита проектов (гипотез решения проблемы) каждой из групп с оппонированием со стороны всех присутствующих (включает оформление результатов с помощью компьютерных технологий – создание собственных презентаций и WEB-сайтов, буклетов, словарей и т. д.).

5. Выявление новых проблем (происходит в форме беседы – конференции по данной тематике на иностранном языке).

Эксперимент показал, что такая форма работы нейтрализует «трудность» обучения, состоящую в том, что «сами формы учебной деятельности неадекватны формам усваиваемой профессиональной деятельности» [2].

Таким образом, контекстный подход обосновывает необходимость обеспечения соответствия форм учебной и трудовой деятельности программистов для выработки адекватного стиля профессиональной и учебной деятельности, а также для развития профессионально важных качеств будущих специалистов.

Библиографический список

1. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М. : Высшая школа, 1991. – 207 с.
2. Вербицкий А. А. Игровые формы контекстного обучения. – М. : Знание, 1983. – С. 3–34.
3. Гудкова С. А. Проектирование и реализация технологии формирования профессиональной компетентности программистов при обучении иностранному языку в колледже : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. – Тольятти, 2002. – 210 с.

© Баканова М. В.

ЦЕЛЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ЧТЕНИЮ НА ОСНОВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ PR-ТЕКСТОВ

С. Г. Вавилина
Запорожский национальный университет,
г. Запорожье, Украина

PURPOSE AND CONTENT OF TRAINING OF FUTURE JOURNALISTS CAREER-ORIENTED READING THROUGH ENGLISH-PR-TEXT

S. Vavilina
Zaporizhzhya National University, Zaporizhzhya, Ukraine

Summary. The paper analyses the aims and content of teaching the journalism students PR text based foreign language reading for specific purposes. It presents the structure of professional communicative competence in reading and the skills corresponding to each of its components. The author also identifies the subject and process content aspects of teaching the journalism students foreign language reading for specific purposes.

Key words: journalism students; PR text; foreign language reading for specific purposes; professional communicative competence; subject and process content aspects.

Профессионально ориентированный подход предусматривает формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных сферах и ситуациях. Объектом исследования современной методической науки выступают различные аспекты профессионально ориентированного обучения иностранному языку (ИЯ) во всех видах речевой деятельности. В последних исследованиях представлен новый подход к обучению иноязычному чтению в процессе овладения специальностью (Ю. В. Дегтярева, И. В. Корейба, Т. М. Корж, Т. И. Кушнарева, А. С. Малюга, С. В. Радецкая, Н. С. Саенко, Т. И. Труханова).

Несмотря на разнообразие и глубину изучаемых проблем, их круг ограничивается особенностями обучения профессионально ориентированному чтению (ПОЧ) студентов преимущественно технических или экономических специальностей на материале текстов соответствующей направленности. Исследования профессионально ориентированного обучения будущих журналистов ИЯ представлены научными трудами Т. А. Будариной, Т. В. Емельяновой, Л. Е. Нагорнюк, А. Г. Самохвалова, И. М. Чемерис, которые посвящены проблемам формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности в процессе специальной подготовки студентов факультета журналистики. Однако методические вопросы формирования важных для будущих журналистов умений ПОЧ в процессе обучения, компонентом содержания которого выступали бы тексты, с которыми студенты будут взаимодействовать в профессиональной жизни, остаются недостаточно изученными.

Всё это обусловило необходимость разработки и внедрения методики обучения будущих журналистов ПОЧ на основе англоязычных PR-текстов с целью оптимизации процесса обучения ИЯ и учета профессиональных потребностей будущих специалистов. **Целью** статьи является описание целей и содержания такого обучения.

Главной целью обучения английскому языку профессиональной направленности согласно типовой программе является формирование *профессионально направленной коммуникативной компетентности, которая состоит из речевых и учебных умений, языковых знаний и умений, социолингвистической и прагматической компетентностей* [5, с. 8]. Среди представленных в программе конечных целей обучения чтению указываются, в частности, умения детально понимать аутентичные тексты по специальности из разнообразных источников, определять позицию автора сообщения, различать стилистические регистры речи в зависимости от цели общения [5, с. 9]. Однако указанные умения являются общими и нуждаются в адаптации к конкретной специальности. Виды чтения ан-

англоязычных PR-текстов позволяют конкретизировать перечень умений в каждом из них.

Итак, к *умениям референтного чтения* относятся умения:

- определять жанр PR-текста по формальным признакам;
 - ориентироваться в структуре PR-текста: выделять заголовочный комплекс (логотип, заголовок, лид-абзац), основной текст и контактную информацию – для пресс-релизов; заголовок, основной текст, заключительную часть с жестким выводом – для бэкграундеров и т. д.;
 - определять тему PR-текста по невербальным компонентам;
 - прогнозировать предметно-тематическое содержание по заголовку и ключевым словам;
 - находить основные референты PR-текста и отбирать главную информацию, игнорируя второстепенную;
 - находить в тексте конкретную информацию (цифры, факты, цитаты), ориентируясь в его структуре;
 - устанавливать логические и смысловые связи между элементами текста;
 - определять логическую последовательность событий в тексте;
 - устанавливать по эксплицитным маркерам (элементам корпоративного стиля) базисный субъект PR-текста;
 - определять целевую аудиторию на основе прямых референтов PR-текста.
- Умения *информативного чтения* представлены умениями:
- соотносить факты, изложенные в PR-тексте, с реальными фактами и их последствиями для общества;
 - определять функциональное предназначение PR-текста;
 - конкретизировать основные проблемы, отраженные в тексте;
 - соотносить вербальный и невербальный компоненты PR-текста для извлечения полной информации;
 - находить приемы положительной оценки и определять их роль в приросте публичного капитала базисного субъекта – инициатора текста;
 - находить языковые средства манипулирования в тексте;
 - распознавать аргументацию PR-текста;
 - определять целевую аудиторию на основе имплицитно выраженных маркеров текста;
 - делать выводы и обобщения о разных направлениях деятельности организации, основываясь на информации PR-текста.

Следующим компонентом профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности является *учебно-стратегическая компетентность*. Для развития и совершенствования умений ПОЧ на основе англоязычных PR-текстов огромное значение имеют когнитивные *стратегии* чтения. Кроме того, мы предлагаем внести в состав учебно-стратегической компетентности такой компонент, как *медиаграмотность*, который представляет собой совокупность умений анализировать и критически воспринимать информацию СМИ, понимать механизмы создания медиатекстов и особенности функционирования коммуникативных процессов.

Конечной целью обучения основам критического анализа медиатекстов в рамках нашей методики являются следующие *умения медиаграмотности*:

- анализировать тексты СМИ, опираясь на ключевые концепции медиаграмотности;
- понимать цели и предназначение медиатекстов;
- распознавать техники «конструирования значения» медиатекстов и осознавать их обусловленность видом СМИ и целевой аудиторией;
- оценивать эффективность медиатекста и его влияния на целевую аудиторию.

Лингвистическая компетентность ограничивается лишь грамматическими и лексическими знаниями и навыками, поскольку чтение является письменной речью. Для эффективного ПОЧ англоязычных PR-текстов студенты должны владеть такими *лексико-грамматическими навыками*:

- нахождение основных референтов PR-текста;

- контекстуальная и речевая догадка о значении интернациональных слов и заимствований;
- нахождение лексических единиц, обозначающих целевую аудиторию PR-текста;
- нахождение в тексте маркеров, указывающих на базисный субъект – инициатор PR-текста;
- узнавание синтаксических и грамматических элементов создания объективной модальности PR-текста;
- нахождение пассивных конструкций и осознание их роли в стилистическом оформлении PR-текстов;
- нахождение лексических и грамматических средств выражения положительной оценки;
- догадка о значении слов по их морфологической структуре.

Прагматическая компетентность как компонент иноязычной коммуникативной компетентности специалиста предусматривает развитие умений использовать средства прагматики с целью воздействия на реципиента в соответствии с коммуникативными намерениями в процессе профессионального общения. Во многом благодаря прагматической компетентности достигается успех в решении профессиональных коммуникативных задач журналиста: информирования, побуждения, выражения личной и гражданской позиции, установления контакта с аудиторией.

Для нашего исследования важны следующие *знания и умения прагматической компетентности*:

- знания об интенциях и их реальном речевом воплощении;
- знания о взаимозависимости формы выражения и ситуативного контекста;
- умения правильно реализовывать интенции согласно ситуативным условиям речевого акта [3, с. 54–57];
- знания схематического строя речи и моделей социального взаимодействия участников коммуникации;
- умения создавать связный текст с учетом тематики, логики, стиля и регистра общения, причинно-следственных отношений и т. д., необходимые в процессе обучения смысловой переработке информации текста.

В составе профессионально ориентированной компетентности в чтении англоязычных PR-текстов целесообразно выделить *социолингвистическую составляющую*. Обучение чтению на основе PR-текстов позволяет, наряду с развитием речевых умений чтения, ознакомиться с особенностями профессии журналиста и PR-специалиста, деятельность которых связана с предоставлением информации. Образ и способы подачи информации непосредственно обусловлены социальными и культурными факторами.

PR-текст принято относить к так называемым гипертекстам, новой информационной парадигме, средствам ассоциативного представления информации. Е. Ю. Чилингир определяет такие компоненты *гипертекста*: *актуальный текст* (текст, который автор старается донести до читателя), *претексты* (без знания которых невозможно понять актуальный текст), *посттексты* (которые порождаются читателем после чтения актуального текста) и *прецедентные тексты* (стихийно или осознанно отобранные тексты, являющиеся общеизвестными в конкретной речевой культуре и не требующие специальных ссылок) [6, с. 16]. Если рассматривать пиар как гипертекст в широком смысле, то можно сказать, что вся PR-деятельность организации или персоны существует в рамках определенной культуры, которая является для них системой прецедентных текстов. Эффективность PR-деятельности напрямую зависит от учета особенностей конкретной культурной среды. PR-стратегия опирается на претексты, отобранные из прецедентных. Весь комплекс текстов, создаваемых в процессе выстраивания отношений с общественностью, можно считать актуальным текстом; а все отзывы общественности на деятельность базисного субъекта можно расценивать как посттексты. Это означает, что эффективный пиар в разных странах возможен только с учетом культурных особенностей этих стран – систем прецедентных текстов,

на основе которых формируются отношения с общественностью [6, с. 21]. Ю. А. Воропаева подчеркивает, что обращение к лингвокраеведческому потенциалу текстов массовой коммуникации, в частности к PR-текстам, способствует развитию таких *умений*:

- адекватно воспринимать прецедентные единицы различного происхождения в языке PR-текста (и шире – в средствах массовой коммуникации), обращая внимание на частотные структурные и смысловые трансформации таких единиц;
- определять коннотативную окрашенность прецедентных единиц;
- читать PR-текст, соотнося его содержание с системным содержанием прецедентного высказывания [1, с. 32].

Определение цели обучения будущих журналистов ПОЧ, которая заключается в формировании профессионально ориентированной англоязычной коммуникативной компетентности в чтении PR-текстов, позволяет охарактеризовать аспекты содержания такого обучения.

Такие исследователи, как И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, выделяют два аспекта обучения: предметный и процессуальный. [2, с. 123]. *Предметный аспект* содержания обучения будущих журналистов ПОЧ на основе англоязычных PR-текстов составляют *профессиональные сферы общения и ситуации; профессиональные темы, тексты; коммуникативные цели; языковой материал; лингвосоциокультурный и страноведческий материал*. *Процессуальный аспект* представлен *умениями референтного и информативного видов чтения и упражнениями для их формирования; навыками оперирования лексическим и грамматическим языковым материалом; навыками и умениями оперировать лингвосоциокультурным и страноведческим материалом; знаниями и умениями оперировать когнитивными стратегиями чтения; знаниями и умениями медиаграмотности; упражнениями для формирования перечисленных навыков и умений*. Поскольку основные умения составляющих процессуального аспекта были представлены выше, рассмотрим детальнее каждый компонент предметного аспекта содержания обучения.

Реализация каждого из аспектов обучения определяется, прежде всего, учебной программой. Так, относительно первого компонента предметного содержания обучения – *профессиональных сфер общения и ситуаций* – в типовой учебной программе для английского языка профессиональной направленности указаны их основные параметры (место, время, участники, организации и учреждения, каналы коммуникации и т. п.), но оговорена невозможность предоставить полный перечень профессиональных ситуаций из-за большого разнообразия [5, с. 10]. Таким образом, для каждой специальности данный аспект следует определять на основе анализа профессиональных и учебных потребностей студентов. В условиях коммерциализации СМИ и расширения медиацикла до круглосуточного вещания журналисты вынуждены активно искать всё больше информации и новостных фактов, что дает возможность PR-специалистам размещать свои материалы. Это приводит к взаимной зависимости журналиста и пиармена и сближению профессиональных сфер. К общим профессиональным рубрикам и ситуациям можно отнести: участие в конференциях, презентациях и выставках, написание аналитических статей, обзоров, проведение интервью, опросов, ведение корреспонденции, написание пресс-релизов (либо их адаптация в журналистских материалах), бэкграундеров, пресс-китов, подготовку информационных материалов для СМИ, написание статей корпоративных блогов и т. д.

В рамках каждой сферы можно выделить ряд *тем*, которые упомянуты как в типовой программе дисциплины английский язык профессиональной направленности, так и более конкретно в учебной программе специальности 6.030301 «Журналистика», направление 0303 «Журналистика и информация» [4]. Для каждой темы подбираются *тексты* основных PR-жанров, которые по своей структуре, лингвистическим, стилистическим особенностям и технологиям создания являются подобными журналистским текстам.

В соответствии с каждой ситуацией формулируется *коммуникативная цель*, которая должна содержаться в задании к упражнению. Кроме того, коммуникативная цель должна быть направлена на прагматический анализ текста: выявление стандартных элементов композиции и структуры PR-текста, показателей информативности, лингвистических средств воздействия и убеждения.

Для эффективного чтения англоязычных PR-текстов необходимо также овладеть определенным *языковым лексическим и грамматическим материалом*. Это лексические единицы как общей тематики, так и специальная терминология, которая используется в текстах PR-коммуникаций и журналистских текстах. В грамматическом аспекте необходимо ориентироваться в композиции, способах связи отдельных элементов, а также в грамматических структурах, наиболее типичных для англоязычного PR-текста.

Чтение англоязычных PR-текстов, инициированных различными базисными субъектами, дает возможность ознакомиться со *страноведческим и лингво-социокультурным материалом*, получить представление о человеческих ценностях, особенностях деловой и общественной жизни страны изучаемого языка. В процессе такого чтения необходимо учитывать особенности построения англоязычных PR-текстов и языковых средств их оформления, которые значительно отличаются от текстов русско- и украиноязычных, что можно объяснить более долгим существованием, развитием и усовершенствованием PR-коммуникаций в западных странах.

Для эффективного извлечения информации из текста и ее понимания читатель должен умело пользоваться разнообразными учебными стратегиями, особую важную роль среди которых играют *когнитивные стратегии чтения*. Особое место в нашей методике отведено *стратегиям критического изучения медиатекстов*, необходимым для формирования умений медиаграмотности.

Итак, в соответствии с выделенными компонентами содержания обучения ПОЧ на основе англоязычных PR-текстов можно определить *основные учебные задания* в рамках нашей методики:

- сформировать умения референтного и информативного видов ПОЧ англоязычных PR-текстов;
- сформировать речевые навыки ПОЧ, необходимые для понимания лексических единиц и грамматических структур;
- сформировать умения медиаграмотности, необходимые для критического анализа текстов СМИ вообще и PR-текстов в частности;
- развивать умения оперировать когнитивными стратегиями разных видов чтения и стратегиями критического осмысления медиатекстов.

Таким образом, проведенное исследование позволило описать структуру *профессионально направленной иноязычной коммуникативной компетентности в чтении англоязычных PR-текстов*, состоящую из лингвистического, социокультурного и прагматического компонентов, которые базируются на учебно-стратегической компетентности. В составе последней были отдельно выделены знания, навыки и умения медиаграмотности, необходимые для эффективного чтения и адекватного понимания как PR-текстов, так и других текстов массовой коммуникации. Получило представление содержание обучения ПОЧ на основе англоязычных PR-текстов в соответствии с предметным и процессуальными аспектами.

Библиографический список

1. Воропаева Ю. А. Методика обучения профессионально-ориентированному чтению на материале рекламных и PR-текстов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. – М., 2008. – 241 с.
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. учеб. заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
3. Изаренков Д. И. Базисные составляющие коммуникативной компетенции и их формирование на продвинутом этапе обучения студентов-нефилологов // РЯЗР. – 1990. – № 4. – С. 54–57.
4. Навчальна програма курсу «Англійська мова професійного спрямування». Галузь знань 0303 – журналістика та інформація. Напрямок підготовки: 030301 – журналістика. – Запоріжжя : ЗНУ, 2010. – 11 с.

5. Програма з англійської мови для професійного спілкування / Г. Є. Бакаєва, О. А. Борисенко, І. І. Зуєнок та ін. – К. : Ленвіт, 2005. – 119 с.
6. Чилингир Е. Ю. Гипертекст в литературе, журналистике и пиаре: социокультурный аспект // Вестник славянских культур. – № 1 (XIX). – М. : ГАСК, 2011. – С. 15–22.

© Вавилина С. Г.

УДК 159.923

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

Н. В. Буравцова, В. И. Коваленко
**Новосибирский государственный университет экономики
и управления, г. Новосибирск, Россия**

ESPECIALLY THE FORMATION OF PROFESSIONAL SKILLS OF THE FUTURE MANAGERS

N. V. Buravtsova, V. I. Kovalenko
**Novosibirsk state university of economy and management,
Novosibirsk, Russia**

Summary. The article is devoted to the study of social and psychological parameters that contribute to the professional development of students as successful organizers and managers. Examines the psychological factors that influence the success of the formation of organizational and managerial skills in individuals who master a profession in the field of management. Substantiates the view that the success of the development of these skills helps to form an emotional-volitional. The possibilities of optimization of mastering skills of managers.

Key words: organizational and management skills; social and psychological characteristics of the individual; professional development; professional competence.

В сложных условиях современного развития на первый план выдвигаются конкретные требования в подготовке высококвалифицированных специалистов в различных областях деятельности. Общество нуждается в предприимчивых, инициативных личностях, готовых к конструктивным преобразованиям в контексте стоящих перед ними профессиональных задач, способных к управлению на различных уровнях и в различных диапазонах. В то же время эффективность управленческой деятельности во многом обусловлена сформированностью их организационно-управленческих качеств. Поэтому стержневым направлением современного высшего образования является развитие навыков и компетенций, способствующих личностному и профессиональному становлению студентов в качестве будущих успешных лидеров, организаторов и управленцев.

При этом следует учитывать, что проблема успешности любого руководителя включает целый ряд составляющих: его личная индивидуальная успешность как субъекта управленческой деятельности (управленческий и личностно-профессиональный потенциал, профессионально важные качества) и его успешность в конкретной управленческой структуре, на конкретном рабочем месте (в совокупности конкретных обстоятельств деятельности). Развитие личностной и профессиональной идентичности обуславливает уверенность в своей профессиональной компетентности, открытость в коммуникативных проявлениях, готовность принимать ответственность за проблемные ситуации, творческий поиск, профессиональное экспериментирование, способствует формированию предметно-определенной и мотивационно-осмысленной позиции профессионала [2, с. 240].

Причем по мере усложнения задач и повышения уровня управления набор требований к профессионализму руководителя заметно увеличивается. Особую значимость приобретают социально-психологические аспекты профессиональных и межличностных отношений, взаимных представлений о социальных и функциональных ролях, специфика мотивации, характер коммуникации и распределения управленческих функций и т. д. При этом, как указывает

С. В. Шекшня [4], социально-психологические процессы взаимодействия субъектов управленческой деятельности усложняются эффектами, привносимыми индивидуальностью субъектов деятельности: их приверженностью определенным режимам, условиям деятельности, различной личностной эффективностью в решении различного рода задач, неоднородностью приписываемых и принимаемых обязанностей и т. д.

Е. Г. Молл, исследуя личностные характеристики, обуславливающие эффективность деятельности менеджера, отмечает необходимость наличия таких из них, как: доминантность (как способность влиять на подчинённых); уверенность в себе; эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость; предприимчивость и ориентация на достижения (предполагающие принятие ответственности при решении задач); стремление к умеренному, предсказуемому риску; ответственность и надёжность в выполнении заданий; независимость, наличие собственной точки зрения; развитые коммуникативные навыки; креативность, способность к творческому подходу в решении задач [3]. Анализируя своеобразие положения руководителя в структуре организации, А. А. Брасс отмечает, что руководитель сосредотачивает на себе функции силы и власти; является воплощением справедливости, что зачастую проявляется в выполнении для подчиненных функций арбитра; его поведение постоянно оценивается как со стороны вышестоящих руководителей, так и со стороны его подчиненных, коллег, деловых партнеров [1]. Обусловлено это тем, что сам руководитель во многом зависит от подчиненных (от их знаний, умений, опыта, готовности исполнять его распоряжения и просьбы), а без содействия своих коллег и деловых партнеров руководитель иногда просто не может выполнять возложенные на него функции.

Всё вышеизложенное отражает сложность объективной оценки профессионализма и прогноза успешной деятельности руководителя. Тем не менее знание и понимание этого исключительно важны, необходимы в контексте вузовской подготовки профессионалов в сфере управления.

В 2012 году нами, при участии студентов НГУЭУ В. Б. Трофимовой и А. А. Костиной, было осуществлено исследование социально-психологических факторов, обуславливающих развитие организационно-управленческих навыков студентов, обучающихся по направлению подготовки «менеджмент организации и управление персоналом» в Новосибирском государственном университете экономики и управления. В основу данного исследования было положено предположение: существуют определенные личностные характеристики, обуславливающие оптимальное развитие данных навыков. В исследовании приняли участие студенты I курса – 82 человека (18–26 лет), из них 44 девушки и 38 юношей.

Анализ представлений респондентов о процессе управления и о развитии у них навыков менеджера осуществлялся с помощью опросника К. Вилсона «Цикл управленческих умений»; диагностика коммуникативной социальной компетентности осуществлялась с помощью опросника коммуникативной социальной компетентности (КСК). Обработка данных осуществлялась с помощью пакета STATISTICA 6.0.

Выявлено, что наиболее выраженными представлениями о развитости организационно-управленческих навыков для всей выборки респондентов являются: тщательное планирование рабочего процесса (организованность руководителя, его способность к стратегическому планированию и предвидению возникновения различных неблагоприятных обстоятельств); создание необходимых условий для выполнения работы и достижения поставленных целей; умение мотивировать подчиненных на качественное выполнение работы; ориентация на людей (открытость и дружелюбие), стремление к созданию команды, завоевание доверия подчиненных. Мы полагаем, что, исходя из представлений о себе как о будущих менеджерах, студенты наивысшими баллами наделяли те параметры, которые для них являются наиболее значимыми в сфере управленческой деятельности.

Среди невыраженных представлений студентов о менеджерских умениях оказались: делегирование полномочий; давление на подчиненных; способность совладания со стрессовой напряженностью в ходе выполнения профессиональ-

ных задач. Поскольку у респондентов отсутствуют реальный опыт управленческой деятельности и понимание того, как данные навыки реализуются в конкретных условиях, то не могут быть существенно выражены и представления о них.

Исследование коммуникативной социальной компетентности респондентов показало наличие ряда сформированных качеств, являющихся неотъемлемыми составляющими образа успешного руководителя. Среди них: развитое логическое мышление, сообразительность, умение составлять различные логические конструкции, что помогает менеджеру грамотно и рационально выстраивать процесс деятельности (разработка плана, постановка целей, задач и т. д.), организовывать слаженную работу коллектива; общительность, открытость, умение свободно и открыто выстраивать отношения с окружающими, способствующие развитию взаимопонимания с коллегами и повышению авторитета в глазах подчинённых; самоконтроль, умение владеть собой, подчиняться определённым правилам, что крайне необходимо человеку, отвечающему как за качественное выполнение работы, так и за людей, находящиеся у него в подчинении. Следовательно, уже в начале овладения выбранной профессией студенты обладают рядом представлений и характеристик, обуславливающих успешность этого процесса.

Анализ взаимосвязей исследуемых социально-психологических характеристик респондентов и их представлений о выраженности менеджерских умений показал, что данные взаимосвязи существенно различаются в зависимости от формы обучения.

Респондентов полной очной формы обучения (поступивших на данные специальности сразу после окончания средней общеобразовательной школы) характеризуют тесные прямые взаимосвязи развитости самоконтроля и стремления к завоеванию доверия у подчиненных ($R_s = 0,40$, $p = 0,02$), т. е. чем грамотнее руководитель способен организовать свою деятельность и деятельность подчинённых, тем большее расположение и доверие он вызывает у подчиненных. Параметр «чувствительность – рациональность» отрицательно взаимосвязан с умением управленческого давления на подчинённых ($R_s = -0,52$, $p = 0,001$), т. е. человеку чувствительному сложно оказывать давление на подчиненных, чего не скажешь о человеке реалистичном.

Более широкий спектр значимых взаимозависимостей определен для группы студентов, обучающихся на заочном отделении. Тем не менее ведущей характеристикой и для этих респондентов выступает параметр «чувствительность – рациональность», который отрицательно взаимообусловлен с умением тщательно спланировать рабочий процесс ($R_s = -0,45$, $p = 0,008$), со способностью дать подчиненным почувствовать значимость задания, точно объяснить, чего он ожидает от людей ($R_s = -0,40$, $p = 0,02$), с желанием руководителя включаться в работу коллектива ($R_s = -0,46$, $p = 0,006$). Кроме того, с умением тщательно спланировать рабочий процесс положительно взаимосвязан параметр «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» ($R_s = 0,48$, $p = 0,004$). Следовательно, описанные выше организационно-управленческие навыки будут реализованы тем успешнее, чем больше данные респонденты будут полагаться на себя, реалистичнее и рациональнее относиться к окружающей действительности; развивать эмоционально-волевые качества, овладевать навыками стрессоустойчивости.

Наиболее интересные результаты были получены для выборки респондентов, обучающихся по сокращённой очной программе (на базе среднего специального образования): выявлены две группы очень тесных и высоко значимых взаимосвязей организационно-управленческих навыков и параметров коммуникативной социальной компетентности. Обнаружены отрицательные взаимосвязи склонности к асоциальному поведению (при $p \leq 0,03$) с такими навыками, как грамотное разъяснение подчиненным целей и задач деятельности ($R_s = -0,65$), умение тщательно планировать производственные процессы ($R_s = -0,66$) и обеспечивать подчиненных необходимыми условиями работы ($R_s = -0,67$), создание благоприятных условий для их должностного роста ($R_s = -0,65$) и ориентация на развитие профессиональной компетентности ($R_s = -0,68$), способность организовать качественную обратную связь с подчиненными ($R_s = -0,63$), стремление завоевать их доверие ($R_s = -0,74$) и

ориентация на создание команды ($R_s = -0,67$). С другой стороны, имеются тесные положительные взаимосвязи параметра «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» (для $p \leq 0,02$) с такими профессиональными характеристиками менеджера, как умение устанавливать конструктивные взаимоотношения с подчиненными ($R_s = 0,91$), открытость и дружелюбие руководителя при взаимодействии с ними ($R_s = 0,87$), заинтересованность в их должностном росте ($R_s = 0,77$) и развитии профессиональной компетентности ($R_s = 0,61$), а также ориентация на изучение конкретных областей своей непосредственной работы и организационной специфики ($R_s = 0,65$). Т. е. развитию у данных респондентов целого ряда менеджерских умений и навыков способствует отказ от пренебрежения к принятым общественным нормам, нравственным и этическим ценностям, установившимся правилам поведения и обычаям, а также наличие сформированных эмоционально-волевых качеств и навыков совладания со стрессом.

При этом всё вышеизложенное в максимальной степени характеризует именно юношей, в то время как для девушек, осваивающих управленческие профессии, характерно лишь наличие положительных взаимосвязей средней тесноты параметра «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» с такими характеристиками, как умение тщательно планировать производственные процессы и ориентация на изучение конкретных областей своей непосредственной работы и организационной специфики. У них практически не выявлено взаимозависимости овладения менеджерскими умениями и необходимости следования общественным нормам и правилам, ориентации на морально-нравственные ценности.

Всё это дает основания для следующих выводов.

Респонденты исследования – юноши и девушки, начинающие обучение профессиям в сфере управления, – обладают сформированной социальной коммуникативной компетентностью, развитыми представлениями о специфике организационно-управленческих умений руководителя и знаниями об особенностях данной деятельности. Их характеризуют сообразительность и способность оперировать различными логическими конструкциями; самоконтроль и готовность подчинять себя определённым правилам, а также умение свободно и открыто выстраивать отношения, способствующие развитию взаимопонимания и повышению их авторитета.

Имеются тесные устойчивые взаимосвязи параметров «чувствительность – рациональность» и «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» с широким спектром организационно-управленческих навыков, что свидетельствует о значимой роли эмоционально-волевой сферы респондентов в формировании их профессиональных навыков. Для лиц, имеющих среднее специальное образование (и, возможно, определенный опыт профессиональной деятельности в структуре организации) и продолжающих овладение выбранной профессией в вузе, существенную роль при этом играет учет принятых в социуме норм и правил, морально-нравственных и этических ценностей.

Девушкам, принимавшим участие в исследовании, в значительно меньшей степени, чем юношам, свойственна взаимообусловленность овладения качествами успешного руководителя и ориентацией на социальные нормы и ценности.

Данные выводы позволяют определить возможности оптимизации формирования профессиональных управленческих навыков. Мы полагаем, что для более успешного овладения студентами данными навыками возможно введение факультативных курсов по методам саморегуляции эмоциональных состояний; тренингов развития стрессоустойчивости; групповых дискуссий о важности нравственных и этических ценностей в жизни и профессиональной деятельности.

Дальнейшее развитие данного исследования планируется в изучении динамики усвоения данными респондентами профессиональных управленческих навыков в процессе их обучения в вузе.

Библиографический список

1. Брасс А. А. Основы менеджмента. – М. : Ассиана, 2000. – 239 с.
2. Буравцова Н. В. Психологическое пространство личности в контексте проблем профессиональ-

- ного образования // *Философия образования*. – 2010. – № 1. – С. 234–240.
3. Молл Е. Г. *Управление карьерой менеджера*. – СПб. : Питер, 2003. – 352 с.
 4. Шекшня С. В. *Управление персоналом современной организации*. – М. : Интел-синтез, 2002. – 368 с.

© Буравцова Н. В., Коваленко В. И.

УДК 378.016:796

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ ПСИХИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

А. Н. Костенко

**Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко,
г. Луганск, Украина**

THE LEVEL OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT MENTAL QUALITIES OF STUDENTS IN THE PREPARATION OF «PRIMARY EDUCATION»

A. N. Kostenko

**Luhansk Taras Shevchenko National University,
Lugansk, Ukraine**

Summary. The article focuses on the determination of the level of development of professionally important mental qualities of future teachers of primary classes.

Key words: mental qualities; primary education future teachers of primary classes.

Трансформация высшего образования на Украине выдвигает повышенные требования к качеству подготовки студентов направления подготовки «Начальное образование». В данных условиях повышается значимость профессионально-прикладной физической подготовки, основное предназначение которой заключается в целенаправленном развитии и поддержании на оптимальном уровне не только физических качеств, но и психических [4]. Поэтому определение уровня развития профессионально важных психических качеств является важной задачей.

Прежде чем перейти к этому, важно определить, какие психические качества являются для студентов направления подготовки «Начальное образование» профессионально важными.

Профессионально важными психическими качествами для студентов данной категории являются: наблюдательность; высокий объём распределения, переключения; концентрация; развитая кратковременная и долговременная память; устойчивость внимания; операционное мышление; высокий уровень аналитического и синтетического мышления [3]. Мы считаем, что из данного перечня наиболее необходимыми являются наблюдательность, кратковременная и долговременная память и внимание.

В связи с этим внимание акцентируем на определении уровня их развития.

Определяя уровни развития тех или иных качеств, мы использовали методики диагностики, представленные в работах А. Карелина [1], А. Чернобай и Ю. Федотова [5], Е. Мироновой [2].

При определении уровня развития наблюдательности были получены следующие данные: высокий уровень наблюдательности выявлен у 20 % исследуемых; достаточный – у 70 % и низкий – у 10 % студентов. При этом следует обратить внимание на то, что студентов с очень низким уровнем наблюдательности не выявлено.

Оценивая уровень кратковременной памяти, определили, что только 10 % тестируемых имеют высокий уровень, 85 % – средний и 5 % – низкий.

Относительно долговременной памяти получены следующие результаты: отличный результат отсутствует; очень хороший результат наблюдается у 5 % ис-

следуемых; хороший результат – у 10 %; удовлетворительный результат присущ 50 %; плохой – 25 %; очень плохой – 10 %.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что полученные результаты требуют поиска адекватных средств и методов развития профессионально важных психических качеств будущих учителей начальных классов.

Библиографический список

1. Карелин А. Большая энциклопедия психологических тестов. – М. : Эксмо, 2007. – 416 с.
2. Сборник психологических тестов : пособие. Ч. II / Е. Е. Миронова. – Мн. : Женский институт ЭНВИЛА, 2006. – 146 с.
3. Пилипей Л. Н. Професійно-прикладна фізична підготовка студентів : моногр. – Суми : ДВНЗ «УАБС НБУ», 2009. – 312 с.
4. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 144 с.
5. Чернобай А. Д., Федотова Ю. Ю. Методики диагностики свойств восприятия, внимания и памяти : практические указания к курсу «Психология и педагогика». – Владивосток : ИПК МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2005. – 52 с.

© Костенко А. Н.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ С ПОЗИЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

М. В. Беседина

**Харьковский государственный педагогический университет,
г. Харьков, Украина**

PECULIARITIES OF STUDYING OF PEDAGOGICAL PROFESSION FROM THE STANDPOINT OF SOCIAL INSTITUTE

M. V. Besedina

Kharkiv State Pedagogical University, Kharkiv, Ukraine

Summary. Presents the analysis of the institutional approach to the study of pedagogical profession, the proposed V.N. Vvedenskim. Shows the need for further study of this problem. It is necessary to study the process of formation of social adaptation for future teachers.

Key words: pedagogical profession; social Institute; adaptation; social status; control professional competence.

Любую профессию в науке всегда рассматривали с двух позиций: как результат (специалист на выходе) и как процесс (подготовка специалиста). Это касается и педагогической профессии. В. Н. Введенский первым предложил рассматривать педагогическую профессию и с позиций социального института [1–5]. Это дает возможность выйти на исследование социальных проблем педагогической профессии, что определяет взаимосвязь педагогики с такими отраслями наук, как социология, психология и экономика. Именно три взаимосвязанных аспекта рассмотрения педагогической профессии (результат, процесс, социальный институт) дают возможность целостного решения проблем [6]. Институциональный подход к исследованию педагогической профессии показан в ряде работ [7; 8], но некоторые серьезные вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании.

Так, в рамках институционального исследования педагогической профессии предложено рассматривать профессиональную компетентность педагогов в качестве ее ядра, определены составляющие компетенции и приведены примеры их формирования [9–14]. Кроме того, изучены сугубо социальные характеристики педагогической профессии (роль, статус, функции, контроль), что расширяет исследуемое поле [15–19], а также особенности использования предложенных идей в вузах культуры и искусств [20–23], в системе дополнительного педагоги-

ческого образования [24; 25], в рамках управления образованием [26; 27] и непосредственно в образовательных учреждениях при подготовке педагогов к проведению различных видов учебно-творческой деятельности [28; 29].

Представленный В. Н. Введенским институциональный подход к рассмотрению педагогической профессии, безусловно, является правильным, но требующим дополнительного развития. Так, социальные характеристики педагогической профессии (роль, статус, функции, контроль) требуют более детального рассмотрения во взаимосвязи с происходящими социально-экономическими изменениями в России и на Украине, что продиктовано глобализационными процессами. Так, например, сущность и процесс формирования у будущих педагогов социальной адаптации в рамках существующего социального статуса (во взаимосвязи с социальной ролью) нуждаются во всестороннем рассмотрении. Здесь можно предложить установить корреляцию между социально-экономическими условиями и психолого-педагогическими условиями осуществления такой деятельности.

Рассмотрение интеллектуальной, коммуникативной и регулятивной компетенций в качестве ключевых целесообразно расширить, установив психологические зависимости между этими ключевыми компетенциями и характером воспитательного процесса в школе и в высшей школе. Это позволит лучше связать задачи воспитания, обучения и развития обучающихся, включая и будущих педагогов.

Библиографический список

1. Введенский В. Н. Развитие педагогической профессии как социального института // Дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2005.
2. Введенский В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 59–65.
3. Введенский В. Н. Институционализация как методологическая основа развития социального имиджа педагогической профессии // Человек и образование. – 2005. – № 1. – С. 20–22.
4. Введенский В. Н. Развитие педагогической профессии как социального института: теория, методология, практика : моногр. – СПб. : ИОВ РАО, 2004. – 230 с.
5. Введенский В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт: сущность, модель, развитие. – Берлин : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 404 с.
6. Введенский В. Н. Основные аспекты рассмотрения педагогической профессии // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. – 2012. – № 5. – С. 23–32.
7. Введенский В. Н. Институциональный подход в социально-гуманитарных науках // Уральский исторический вестник. – 2006. – № 12. – С. 255–272.
8. Введенский В. Н. Методологические подходы к научному исследованию и образованию : учеб. пособие. – Белгород : Иридис, 2012. – 112 с.
9. Введенский В. Н. Компетентность педагога как важное условие успешности его профессиональной деятельности // Инновации в образовании. – 2003. – № 4. – С. 21–31.
10. Введенский В. Н. Профессиональная компетентность педагога: учеб. пособие. – СПб. : Просвещение, 2004. – 154 с.
11. Введенский В. Н. Интеллектуально-педагогическая компетентность : учеб. пособие. – СПб. : ИОВ РАО, 2003. – 120 с.
12. Введенский В. Н. Коммуникативная компетентность педагога: характеристика, способы совершенствования. – СПб. : ИОВ РАО, 2003. – 52 с.
13. Введенский В. Н. Компетентность и стиль в профессиональном образовании : учеб.-метод. пособие. – Белгород : ИПЦ «Политерра», 2013. – 48 с.
14. Введенский В. Н., Строганов Л. Л. Особенности проявления регулятивной функции психики личности в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Alma Mater. – 2013. – № 5. – С. 41–46.
15. Введенский В. Н. Социальный контроль преподавателей высшей школы // Высшее образование в России. – 2012. – № 4. – С. 41–46.
16. Введенский В. Н. Значение фантазии в педагогической профессии и способы ее совершенствования // Наука и школа. – 2004. – № 3. – С. 12–14.
17. Введенский В. Н. Социальное предназначение – важнейшая характеристика духовного развития педагога // Человек и образование. – 2006. – № 4–5. – С. 15–22.
18. Введенский В. Н. Развитие социального института педагогической профессии средствами дополнительного педагогического образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2005. – Т. 5. – № 12. – С. 148–160.
19. Введенский В. Н. Непрерывное профессиональное образование // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 208–217.
20. Игнатова И. Б., Введенский В. Н. Особенности подготовки художественной интеллигенции в современных условиях // Высшее образование в России. – 2011. – № 12. – С. 9–14.

21. Введенский В. Н. Развитие научно-исследовательской деятельности студентов институтов культуры и искусств // Высшее образование в России. – 2012. – № 2. – С. 89–92.
22. Введенский В. Н. Высшее профессиональное образование в условиях необратимой глобализации // Alma Mater. – 2013. – № 2. – С. 41–46.
23. Введенский В. Н. Основные направления актуальных научных исследований по теории и методике профессионального образования в сфере культуры и искусства Белгородской области // Наука. Искусство. Культура. – 2012. – № 1. – С. 131–138.
24. Введенский В. Н. Учебная программа повышения квалификации: концептуальные основания // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 151–152.
25. Введенский В. Н. Измерение и оценка качества повышения квалификации учителей в системе дополнительного педагогического образования // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2003. – № 4. – С. 41–44.
26. Введенский В. Н. Исследование системы управления образованием как педагогическая проблема и учебный предмет // Наука и школа. – 2004. – № 6. – С. 12–14.
27. Введенский В. Н. Управление образовательными системами: учеб.-метод. пособие. – СПб. : ИОВ РАО, 2004. – 64 с.
28. Введенский В. Н., Горкуша М. М. Числовой ряд в геометрической форме как средство развития мышления учащихся начальной школы VIII вида // Дефектология. – 2002. – № 6. – С. 39–46.
29. Введенский В. Н. Формирование эвристической деятельности старшеклассников в процессе обучения : дис. ... канд. пед. наук. – Новосибирск, 1999.

© Беседина М. В.

УДК 159.947.23

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧИТЕЛЯ В ЕГО МЕЖЛИЧНОСТНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОЛЛЕГАМИ

С. В. Блялина
Средняя общеобразовательная школа № 66,
г. Астрахань, Россия

THE RESPONSIBILITY OF THE TEACHER TO INTERPERSONAL INTERACTION WITH COLLEAGUES

S. V. Blyalina
Secondary school № 66, Astrakhan, Russia

Summary. The article examines the problem of responsibility of teachers in their interpersonal interaction. The article offers a memo summarizing the responsible teacher in interpersonal interactions with colleagues.

Key words: the responsibility of the teacher; interpersonal communication; colleagues.

Проблема межличностного ответственного взаимодействия коллег образовательного учреждения не нова и сейчас не утрачивает своей актуальности. Попробуем составить памятку для учителя. Учитель должен уметь разделять ответственность с родителями детей, коллегами и учениками. Он должен нести ответственность за успех профессиональной деятельности, и за разделение этой ответственности с коллегами, участвующими в достижении успешного результата. Во взаимодействии с другими представителями образовательного пространства ему необходимо подчёркивать важность того, что каждый должен сам нести ответственность за своё взаимодействие с окружающей средой, за качество и содержание взаимоотношений с людьми. Ответственный учитель знает, что увеличение и усиление конфликтов в образовательном пространстве требует возвращения к осознанию его причин, гибкости и ответственного анализа сложившейся ситуации.

Одной из психологических причин появления конфликтов в среде коллег может являться модель проявления степени доверия, с одной стороны, каждого коллеги самому себе, а с другой стороны, доверия каждого к партнёру по межличностному общению. Каждая из таких моделей характеризуется эффектом, ею порожаемым, и соответственным феноменом межличностного влияния [4, с. 105].

Наиболее предпочтительной для ответственных взаимоотношений является следующая модель межличностного взаимодействия коллег. Если каждый из коллег, вступивших в общение, доверяет себе так же, как другому, то им удастся выстроить диалог, порождающий смысл, на основании кооперации, взаимовлияния и сотрудничества.

Можно выделить и наименее предпочтительную модель. Если у первого коллеги доверие к себе больше, чем доверие другому, а у второго доверие к себе меньше, чем доверие к другому коллеге, то без активно вызывающих конфликты манипуляций, зависимостей и принуждения образовательному коллективу не обойтись [4, с. 106].

Учитель должен быть внимательным к убеждениям других представителей образовательного пространства, прислушиваться к ним, чтобы находить общие точки зрения. Ведь степень ответственности учителя свидетельствует об его зрелости, которая характеризуется потребностью в заботе о других людях [2, с. 85]. Ответственный учитель избегает навязывания своего мнения, своего видения ситуации, объяснений происходящего. Ответственный учитель наблюдателен, внимателен и бережлив в отношении ответной реакцией участников образовательного процесса. Совершенствованию развития ответственности в межличностном взаимодействии коллег системы образования может способствовать акмеориентированное групповое психологическое консультирование по проблемам жизненного пути [1, с. 32]. Ответственный учитель должен понимать и учить начинающих учителей тому, что «первая «искорка» ответственности появляется из «костра» доверия» [3, с. 292] ученика к учителю, коллеги к коллеге, всех участников образовательного пространства друг к другу.

Опытный учитель, с высокой степенью ответственности, может научить будущих и начинающих учителей тому, как тренироваться быть ответственным.

Библиографический список

1. Брюхова Н. Г. Лидерство в групповом психологическом консультировании по проблемам жизненного пути как условие развития коллективного акме / Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. – Воронеж : Издательство НПО «МОДЕК», 2011. – № 2 (11). – С. 21–32.
2. Брюхова Н. Г. Психологические особенности акме-ориентированного саморазвития людей зрелого возраста / Психология XXI века: теория, практика, перспектива : материалы Международной научно-практической конференции 15–16 февраля 2011 года. – Пенза – Витебск – Ереван : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 273 с. – С. 82–86.
3. Горянина В. А. Психология общения : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М. : Издательский центр «Академия», 2002. – 416 с.
4. Скрипкина Т. П. Психология доверия. – Ростов на Дону : Издательство РГПУ, 1997. – 250 с.

© Бялина С. В.

ИНТЕГРАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Н. Введенский

**Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия**

INTEGRATION OF PEDAGOGICAL EDUCATION

V. N. Vvedensky

Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia

Summary. Considered is the problem of integration levels and content of teacher education. Presented solutions to these problems. It is proved that the additional education is the center of continuous education.

Key words: pedagogical education; integration; differentiation; education; teacher; education levels.

Как известно, непрерывное образование предполагает развитие личностных и профессиональных характеристик человека на протяжении всей жизни [1; 2]. Это же относится и к профессионально-педагогическому образованию, которое имеет следующие уровни: пропедевтический (общеобразовательное учреждение), бакалавриат, магистратура, дополнительное образование, аспирантура, докторантура.

Проблема интеграции педагогического образования является важнейшей в рамках структуры педагогического образования. Здесь можно говорить о взаимосвязи педагогической науки и практики, об интеграции базового и дополнительного профессионального образования, а также об интеграции регионального, муниципального, местного (уровень образовательного учреждения) и личностного повышения квалификации.

К сожалению, педагоги-практики в своей профессиональной деятельности недостаточно используют результаты психолого-педагогических наук [3; 4; 5]. На наш взгляд, здесь можно выделить две причины: 1) педагогическая наука недостаточно исследует актуальные проблемы педагогической практики; 2) образовательный процесс ориентирован, прежде всего, на передачу знаний, а не на осознание, способность применения научных знаний в реальной педагогической практике.

Нами показано, что система дополнительного образования является центром непрерывного образования и личностного развития, осуществляя всемерное повышение уровня образованности и развитости отдельных людей [6; 7; 8]. Этому есть несколько объяснений. Во-первых, базовое профессиональное образование осваивается на протяжении 4–6 лет без учета тех реальных условий, в которых придется работать специалисту. Повышает свою квалификацию специалист на протяжении всей своей профессиональной деятельности, т. е. десятки лет. Именно в процессе повышения квалификации специалист постигает искусство своей профессии и может стать мастером своего дела.

Интегративность можно понимать как целостное и общее изучение проблемного поля будущего специалиста, а дифференцированность – как реализацию индивидуального стиля профессиональной деятельности на основе общих закономерностей [9; 10; 11]. Необходимость взаимосвязи этих целей очевидна, но пока это слабо реализуется.

Поэтому, на наш взгляд, именно интеграция образовательной проблемы, содержания образования, профессорско-преподавательских кадров базового (среднего и высшего) и дополнительного педагогического образования с целью выхода на решение реальных профессионально-педагогических проблем является определяющей в ближайшее десятилетие.

Библиографический список

1. Введенский В. Н. Непрерывное профессиональное образование // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 3. – С. 208–217.
2. Введенский В. Н. Развитие педагогической профессии как социального института : дис. ... д-ра пед. наук. – СПб., 2005.
3. Введенский В. Н. Педагогическая профессия как социальный институт // Педагогика. – 2006. – № 2. – С. 59–65.
4. Введенский В. Н., Горкуша М. М. Числовой ряд в геометрической форме как средство развития мышления учащихся начальной школы VIII вида // Дефектология. – 2002. – № 6. – С. 39–46.
5. Введенский В. Н. Исследование системы управления образованием как педагогическая проблема и учебный предмет // Наука и школа. – 2004. – № 6. – С. 12–14.
6. Введенский В. Н. Управление образовательными системами : учеб.-метод. пособие. – Санкт-Петербург: ИОВ РАО, 2004. – 64 с.
7. Введенский В. Н. Высшее профессиональное образование в условиях необратимой глобализации // Alma Mater. – 2013. – № 2. – С. 41–46.
8. Введенский В. Н. Учебная программа повышения квалификации: концептуальные основания // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 151–152.
9. Введенский В. Н. Компетентность и стиль в профессиональном образовании : учеб.-метод. пособие. – Белгород. – 48 с.
10. Введенский В. Н., Строганов Л. Л. Особенности проявления регулятивной функции психики личности в профессиональной деятельности преподавателя высшей школы // Alma Mater. – 2013. – № 5. – С. 41–46.
11. Введенский В. Н. Культура как средство адаптации и защиты человека в условиях необратимой глобализации // Философия образования. – 2012. – № 6. – С. 196–200.

© Введенский В. Н.

УДК 37.013

ИНТЕГРАЦИЯ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ И САМООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ ВУЗА

Л. А. Бондарь

**Криворожский государственный педагогический институт
Криворожского национального университета,
г. Кривой Рог, Украина**

THE INTEGRATION OF LEARNING AND COGNITIVE AND SELF-EDUCATION ACTIVITIES IN TRAINING OF HIGH SCHOOL STUDENTS

L. A. Bondar

Krivoy Rog Pedagogical Institute of National University, Krivoy Rog, Ukraine

Summary. The article reveals the tendencies in studying the problem of integration of learning and cognitive and self-education activities in the training of specialists in the sphere of education. The positions of the specialist in didactics in determining the ways of implementation of the integrative approach in education are analyzed here; achievements of different scientists in the practice of modern pedagogical university are interpreted in this article.

Key words: integration of learning and cognitive and self-education activities; vocational training; cognitive interest; activity.

Процессы модернизации содержания высшего педагогического образования, профессиональной подготовки студентов-филологов в вузах обуславливают основательное усвоение теоретического материала, формирование профессиональных компетенций, реализуемые прежде всего на занятиях педагогических, психологических, лингвистических дисциплин, языковых спецкурсов и спецсеминаров, при планировании и организации самостоятельной работы. Именно поэтому исследования проблемы учебно-познавательной и самообразовательной деятельности будущих филологов на основе интеграции в теоретической и экспериментальной плоскости приобретают особую актуальность.

Цель статьи состоит в штудировании проблемы интеграции учебно-познавательной и самообразовательной деятельности в профессиональной под-

готовке специалистов образования и интеграции стержневых векторов ее реализации в условиях современного педагогического вуза.

Сегодня приоритетом высшего образования в мировом, европейском, национальном пространстве является формирование новой генерации специалистов, способных учиться на протяжении всей жизни, готовых к постоянному самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации [5, с. 126].

Мотивация будущих специалистов к самовозрастанию, самообразованию, переход к антропоцентрической (человекоориентированной) парадигме, который обеспечивает индивидуальные учебно-познавательные и креативные траектории саморазвития личности; демократизация общества, создание в нём питательной творческой среды актуализируют необходимость совершенствования системы учебно-познавательной, креативной, исследовательской и самообразовательной деятельности [6, с. 84].

Подготовка компетентного специалиста является важной составляющей современной системы профессионального образования. Интеграция Украины в мировое образовательное пространство, модернизация национального образования в контексте Болонской декларации «Об Европейском пространстве высшего образования», следование рекомендациям ЮНЕСКО невозможны без специалиста – субъекта личностного и профессионального роста, который постоянно расширяет и обновляет предметные области профессионального направления на основе определения индивидуальных направлений учебно-познавательной и самообразовательной деятельности.

Методологическими и рекомендательными интегрированными документами, которые положены в основу развития образовательной политики Украины на мировом уровне, стали рекомендации ЮНЕСКО, в частности «Рекомендации касательно образования в духе международного взаимопонимания, сотрудничества, мира и образования в области прав человека и основных свобод личности» (Париж, 1994 г.), «Всемирная программа действий в области образования по правам человека и демократии» (Монреаль, 1993 г.), «Декларация Министров, принятая на 44-й сессии Международной конвенции по вопросам образования» (Женева, 1994 г.), «Интегрированные рамки действий в области образования в духе мира, прав человека и демократии» (Париж, 1995 г.), Международная стандартная классификация образования (МСКО, ЮНЕСКО, 1997 г.), а также постановления Кабинета Министров Украины «Об основных направлениях реформирования системы подготовки специалистов и трудоустройства выпускников высших учебных заведений», положение «Об организации учебного процесса в высших учебных заведениях».

Наше исследование разработано с учетом основных положений, определяемых Национальной доктриной развития образования Украины в XXI веке: совершенствование нормативно-правовой базы профессиональной деятельности педагогических и научно-педагогических работников, создание конкурентоспособной и гибкой системы учебных заведений для подготовки специалистов образования, постоянное обновление в системе высшего педагогического образования (содержания, учебных планов, программ, учебно-методической литературы); оптимизация профессионального отбора и подготовки способных выпускников, создание условий для сознательного выбора специальности; научное прогнозирование и удовлетворение потребностей общества в высококвалифицированных специалистах образовательной сферы, формирование учебно-познавательной и самообразовательной деятельности студентов вуза.

В Государственной национальной программе «Образование» («Украина XXI века») определен ряд основных требований социально-правового характера, которые учтены нами при обосновании теоретических основ исследования.

Процессы интеграции и модернизации содержания высшего педагогического образования, современные приоритеты в сфере образования, изменения концептуальных ориентиров философии образования предусматривают рассмотрение стратегических направлений многоступенчатой подготовки специалистов в условиях высшего учебного заведения.

В социальной, философской, психолого-педагогической, лингвистической и методической литературе в разные периоды и с разной активностью затрагивались вопросы подготовки высококвалифицированного специалиста, способного в своей профессиональной деятельности к самоорганизации, саморазвитию и самосовершенствованию.

Фундаментальные разработки по проблеме подготовки будущих специалистов образования в высших учебных заведениях представлены в монографических трудах Э. Абдуллина, А. Алексюка, А. Архангельского, В. Безруковой, В. Беспалько, А. Богуш, В. Бондаря, А. Вишневого, В. Галузинского, С. Гессена, Н. Гальсковой, А. Глузмана, В. Давыдовой, В. Загвязинского, М. Князян, С. Сысоевой, В. Сластенина и др.

Философские аспекты педагогической инноватики и современных образовательных парадигм разработаны в исследованиях В. Андрущенко, А. Базалук, Б. Гершунского, И. Зязюна, М. Кагана, В. Кремня, М. Романенко, Д. Чижевского и др.

Социально-философский анализ проблем управления качеством образования и диагностической деятельностью учителя представлен в работах А. Андреева, С. Анисимова, Л. Беляевой, С. Гессена, А. Деркача, А. Кирсанова, Т. Лукиной, Г. Серикова, И. Федоренко и др.

Психолого-педагогические основы интеграции, гуманизации и гуманитаризации образования, психологические начала обучения обоснованы в исследованиях Г. Балла, И. Беха, Н. Бернштейна, В. Бехтерева, В. Бобрицкой, Н. Барышниковой, В. Богоявленского, А. Власовой, Л. Выготского, А. Вознюк, П. Гальперина, В. Давыдова, В. Зинченко, Л. Ительсон, А. Ковалева, С. Николаевой, В. Мерлина, С. Рубинштейна, Л. Савенковой, С. Смирнова и др.

Психологическое учение о личности и индивидуальности лежит в основе личностного аспекта социально-педагогического контекста профессиональной подготовки будущих филологов в условиях высшего учебного заведения, который основательно представлен в работах А. Адлера, Н. Бирик, А. Богуш, А. Глузман, И. Зязюна, В. Курило, В. Крутецкого, Н. Кузьминой, А. Кузьминского, А. Лариной, С. Максименко, А. Савченко, В. Семченко и др., которые рассматривают самообразовательную учебно-познавательную деятельность как сферу реализации творческих возможностей личности, ориентированную на саморазвитие, самоактуализацию, самопрезентацию и самосовершенствование будущего специалиста.

Методологической основой нашего исследования является теория деятельности и интерпретация ее в плоскости учебно-познавательной и самообразовательной деятельности, значимость которой обусловила постоянное внимание к ее разработке в философских, психологических, культурологических, педагогических исследованиях Б. Ананьева, В. Андреева, А. Андриенко, В. Андрущенко, А. Анисимова, В. Арешенкова, Л. Артемовой, Н. Барышниковой, Б. Беляева, Л. Беляевой, В. Беспалько, В. Бехтерева, И. Богдановой, В. Богоявленского, В. Бондаря, П. Гальперина, Г. Щукиной и др.

Деятельность как философскую категорию раскрывают в своих трудах В. Андрущенко, А. Базалук, А. Здравомыслов, И. Зязюн, В. Кремень, Д. Чижевский и др. По мнению философов, сущность деятельности является производной от сущности субъекта действия. Субъектами деятельности является совокупность индивидов, объединенных непосредственно или косвенно общественными отношениями. Вне этих связей активность отдельного индивида становится деятельностью. Наличие цели предопределяет осознанное действие, позволяет сделать переход к субъективным характеристикам деятельности [2; 3; 5].

В контексте выбранной проблемы исследования мы считаем продуктивными концепции по теории деятельности, основанные на признании общественной сущности человека, его активной роли, преобразовательной деятельности, которая изменяет мир, поскольку личность, которая формируется в педагогическом процессе, тоже характеризуется с позиций, что она делает, а также, как она это делает.

Своеобразное обоснование концепции деятельности интерпретировано в трудах М. Кагана, который основой деятельности считает субъект-объектные и

субъект-субъектные отношения, следовательно, актуализирует идею взаимодополняемости деятельности разнообразными путями. Идея интеграции различных видов деятельности в единый процесс, по нашему мнению, исключительно важна, поскольку открывает перспективу в развитии и формировании склонностей, способностей индивидов, вовлеченных в процесс совместной деятельности [3, с. 104].

Изучение познавательного интереса как важного интегративного образования личности позволило выяснить его сложнейшую психолого-познавательную основу, которую создает множественность взаимосвязанных процессов. Во-первых, интеллектуальные процессы, которые, кроме логических действий и операций (анализа, синтеза, обобщений, сравнений, сопоставлений, единства индуктивных и дедуктивных процессов), порождают состояние размышлений, рассуждений, суждений, обоснований, доказательств. Во-вторых, эмоциональные процессы, которые, как особая форма отражения психического, добавляют в интерес множественность сенсорных процессов и эмоциональных состояний (переживаний успеха, радости познания, гордости за собственные достижения), удовлетворение деятельностью. В-третьих, регулятивные процессы, к которым относятся волевые стремления, установка, целеустремленность, принятие решений, настойчивость, решительность, внимание как сосредоточение усилий. В-четвертых, творческие процессы, которые актуализируют воображение, фантазию, увлечения, озарение, создание новых образов, моделей и т. д. [9, с. 52].

По утверждению психологов, многочисленные процессы, задействованные в познавательном интересе, протекают не изолированно, а представляют собой своеобразное многоаспектное сочетание мысли, воли, внимания, эмоций, воображения – всех процессов, которые отражают состояние сознания и деятельности. Мысль – воля, мысль – действие, мысль – переживания – всё это взаимодействующий комплекс, который выступает в познавательном интересе как интегрированное, присущее только человеку как субъекту деятельности личностное образование [8, с. 212].

В связи с этим особенно актуализируется проблема насыщения учебного процесса и учения разноаспектной деятельностью, способной обеспечивать и социальную детерминацию развития личности, и создание благоприятных условий для реализации ее индивидуальных потенций.

Познание в его социальном контексте рассматривается в психологии и педагогике как наиболее необходимый исторический процесс накопления духовных ценностей, которые отражают законы природы, общества, межличностных взаимоотношений, жизни самого человека.

Как утверждает Б. Ананьев, «каждый индивид вместе со своим поколением приобщается к этому процессу и прежде всего усваивает продукты общественного развития: соответствующие духовные ценности класса и эпохи, которые создают путем интериоризации его внутренний мир» [1, с. 165].

В работах психологов деятельность рассматривается как процесс преобразования субъектом объекта. Связь между субъектом и его деятельностью является необходимым условием формирования и развития субъекта, который не только меняет объект согласно своей цели, но и сам меняется согласно поставленной цели в процессе и результате деятельности. По мнению психологов, именно в процессе такой деятельности заключается диалектика взаимодействия субъекта и объекта. Исследователи категории деятельности в области психологии доказывают позицию, что изъятие принципа развития из понимания деятельности, сведение ее к абстракции целеполагания приводят к игнорированию субъекта и его развития, к дегуманизации деятельности вообще [4, с. 84].

Преобразовательный характер любой деятельности является определяющим признаком объективного типа, однако зависит от активной роли субъекта, продуктивного характера его деятельности.

Согласно концепции В. Крменя, цель деятельности ставится не произвольно, а в соответствии с объективными обстоятельствами и определяет весь дальнейший процесс, осуществляемый субъектом. Предметность и осмысленность,

выражая единство объективного и субъективного начал в деятельности, направленные навстречу друг другу, образуют сплочения объективно-субъективных ее основ [5]. По утверждению А. Леонтьева, личность как субъект деятельности является целостным образованием, формирует свою способность к деятельности, к активности. Если рассматривать личность как составляющую совокупного субъекта, тогда выделяется ее особенность, обособленность, а в процессе становления ее как субъекта деятельности выявляются самобытность, целостность, самоорганизация, самоактивность [6, с. 131].

Концепция нашего исследования основывается на учете методологических и психолого-педагогических основ интеграции учебно-познавательной и самообразовательной деятельности студентов в условиях вуза.

За исходную позицию нами выбрана теория деятельности А. Леонтьева [6], согласно которой конкретные виды деятельности можно различать по форме, способу их совершенствования, временной и пространственной характеристикам, физиологическим механизмам и т. п.

Производительность учебно-познавательной деятельности в значительной степени зависит от уровня сформированности у студента познавательного интереса к учебной деятельности и готовности к самообразовательной деятельности, от интеграции каждого из видов деятельности.

Познавательный интерес студента, как отмечают дидакты, формируется еще в школьные годы под влиянием активной самостоятельной деятельности в изучении окружающей среды, реалий действительности посредством обобщенного опыта научных истин, осознанных и усвоенных в знаниях, что прежде всего влияет на структуру личности, способствует личностно значимым процессам, жизненным установкам, планам, позициям студента.

В педагогической науке познавательный интерес достаточно основательно исследуется как аккумулятор и активатор деятельности, которые оставляют значительные последствия в сознании, переживаниях, отношении студентов к обучению, учебному процессу, преподавателям, соучастникам познавательной деятельности, социальным, духовным, нравственным ценностям, к которым они присоединяются [4].

Поскольку деятельность является источником и основой бытия человека, становления его как личности, то для педагогики проблема деятельности является исключительно важной основой формирования личности. Практикой доказано, что вне деятельности невозможно решение задач учебно-воспитательного процесса. Как свидетельствуют многомерные исследования, феномен «деятельность» характеризуется как наиболее сложное явление, которое имеет неисчерпаемые возможности.

Для педагогического процесса интеграция обоюдной деятельности имеет исключительное значение, поскольку именно в обоюдной деятельности проявляется значение индивидуальной, что дополняет и подчеркивает общую деятельность самобытностью, обогащает коллективную деятельность, создает условия для общения как неисчерпаемого источника человеческой деятельности, когда у индивида – участника общественной деятельности, благодаря общению, формируются особые человеческие качества: коммуникация, самоорганизация, актуализация типов и способов действия.

Общая теория деятельности делает обоснование и построение теории деятельности в дидактике.

Примененный нами экскурс в проблему теории деятельности позволил показать те объективные условия и механизмы, которые определяют методологические основы интеграции учебно-познавательной и самообразовательной деятельности в учебном процессе, чтобы различные ее аспекты перевести в реальный контекст современного учебного процесса, в котором происходит взаимосвязанная и взаимообусловленная деятельность студента и преподавателя, на основе которой формируется познавательный интерес студента.

Анализ и синтез педагогических исследований различных этапов развития позволил увидеть эволюцию взглядов дидактов на учебно-познавательную и са-

мообразовательную деятельность, их взаимообусловленную интеграцию, где происходит обучение и преподавание и проявляются как объективно-субъективные характеристики общего феномена деятельности, так и субъект-объектные, несколько позже субъект-субъектные отношения, на основе которых формируются познавательный интерес и самообразовательная деятельность.

Согласно концепции А. Маслоу, самоактуализация является высшим проявлением человеческих сил, стремлением личности к максимальному использованию собственных способностей и талантов. Концепция самоактуализации приобретает ведущее значение для разработки теоретических основ интеграции учебно-познавательной и самообразовательной деятельности, поскольку ориентирует личность воспитанника на самовозрастание в интенсивной жизни, где человек проявляет всё лучшее в себе для достижения совершенства себя и своего дела [7].

Гуманистическая педагогика, направленная на антропоцентрическое, морально-духовное, свободное развитие личности, провозглашает человека центром мироздания, а свободу личности – самой большой ценностью. Ведущими идеями гуманистической педагогики являются признание самоценности человека, самопознание человеком себя [2]. Приоритетное положение в концепции гуманистической педагогики занимает идея самосозидания личности.

Продуктивной для нашего исследования является ведущая идея гуманистической педагогики о личностно ориентированном подходе к субъекту учебно-воспитательного процесса, личности, проявлениям ее неповторимости, отдельно-сти, потенциалов, способностей, ментальности.

Таким образом, взаимосвязь личностного и деятельностного компонентов является диалектической: личность является субъектом деятельности, который, в свою очередь, определяет личностное развитие человека, выступает ведущим фактором ее формирования. Именно в деятельности человек создает мир и себя в нём. Деятельность позволяет воплощать свое «Я» через сопричастность к миру. Выбор деятельности зависит от того, насколько она способна обеспечить возможности наибольшего духовного расцвета личности. Деятельность позволяет личности проявить свои силы, приумножить их через овладение ценностями, смыслами, процедурами. Личность и деятельность, выполняемая ею, осуществляют системное взаимовлияние: наблюдается интеграция учебно-познавательной и самообразовательной деятельности, генезис деятельности через генезис личности и наоборот. В формате осознаваемой деятельности развиваются личностные параметры, расширяется пространство жизни, выстраивается система эталонов человека.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
2. Зязюн И. А. Формирование и сферы проявления опыта личности: дис. ... д-ра пед. наук. – К., 1976. – 285 с.
3. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб. : Петрополис, 1997. – 204 с.
4. Князян М. А. Самостоятельно-исследовательская деятельность будущего педагога: структура, функции, средства активизации : учеб. пособие. – Измаил : Смиль, 2006. – 136 с.
5. Кремень В. Г. Философия человекоцентризма в образовательном пространстве. – К. : Знание, 2010. – С. 384.
6. Леонтьев А. А. Психология общения. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Смысл, 1997. – 355 с.
7. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырева. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – С. 108–118.
8. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М. : Педагогика, 1973. – 423 с.
9. Щукина Г. И. Роль деятельности в учебном процессе : кн. для учителя. – М. : Просвещение, 1986. – 142 с.

© Бондарь Л. А.

УДК 94(5)

КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ В ПАРФЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

Х. В. Кохансал, А. Панахи, А. К. Голандам
Гилянский государственный университет,
г. Решт, Иран

INDIGENOUS INHABITANTS OF THE CASPIAN SEA DURING THE PARTIAN EMPIRE

H. V. Kohansal, A. Panahi, A. G. Golandam
University of Guilan, Rasht, Iran

Summary. The Parthian Empire for almost five centuries ruled over Iran. During their rule, the state ruled by subordinating decentralized areas functioned as separate species. Throughout the southern coast of the Caspian Sea have lived different nations Kadusy, Gill, Deilam, Maridi (West), Tabary (East). According to historical sources, part of the political sphere Parthians reached in the South Caspian region to the province of Gorgan. Nations living on the south coast of the Caspian Sea in the era of the Parthian Empire were: Kadusy, Gill, Deilam, Maridi, Tabary.

Key words: Parthians Kadusy; Gill; Deilam; Maridi; Tabary.

В записи Дария земля парфян упоминается как одна из провинций Ирана во время империи Ахеменидов [Kent, 1953, с. 117, Лесоq, 1997, с. 188]. Скифы переехали в Парф и здесь смешались с другими племенами. При конфликте в державе Селевкидов правитель Бактрии Диодот и Парфии – Андрагор добились независимости. Диодот укрепил свою власть над Бактрией, а Андрагор править не смог. На Парфию напали с севера парны, в борьбе с которыми Андрагор погиб, а власть над страной получил властитель парнов Аршак (Арсак). Со временем Парфянское царство, привлекавшее северян, стало устойчивым соперником Рима на Востоке [Вольский, 2004, с. 35, Зарринкуб, 1985, с. 318, Гиршман, 1984, с. 286, Раджаби, 2004, с. 52].

Отношения племён, проживающих в Мазандеране, с парфянами

О ситуации в прикаспийских районах во время правления Аршака I, Аршака II и Аршака III нет достоверных сведений, имеются лишь некоторые сведения о районе Горгана, в очень общем виде. Земли Горгана находились на восточном побережье Каспийского моря и граничили с Парфом. Они были первым завоеванием парфян [Волский, 2004, с. 163, Фрай, 1994, с. 306, Раджаби, 2004, с. 145]. Первое крупное нападение парфян произошло во время правления Аршака V–Фраата I, когда впервые парфяне заинтересовались западными землями гиркан в стороне маринов. По мнению некоторых исследователей, парфяне считаются одним из древнейших племён Ирана до прихода ариев в северные земли Ирана. Как указывается, место проживания этого племени было между Кадусами и Табарами. Это территория от нынешнего города Амол на запад до Тонекабона. Парфяне были бедным народом, но очень воинственным.

Страбон называет это племя марины и амарды. Некоторые считают, что название города Амол произошло от названия этого племени: Амард, Амолд и Амол. Завоевания Александра Македонского в этом регионе открыли путь для других завоевателей. Из-за длительности войны Фраата I с амардами можно сделать вывод, что война с этим народом была сложной. Диаконов в своих работах не называет последствий и итогов этой войны [Диаконов, 19972, с. 44].

Несмотря на то, что этот район был частью земель под их управлением, они не вмешивались в другие дела в этом районе. Можно представить, что в этот период Селевкиды были ослаблены, а марды не были народом, который легко было бы

взять под контроль. Поэтому им и не уделяли внимания, так как в этот период Антиох III Великий был побеждён римлянами и также вынужден был платить тяжёлую контрибуцию. Его сын Селевк IV Филопатор не решался на новые войны на восточных рубежах. Спутник Александра, на которого ссылается Страбон, включал мардов в число 4 разбойничьих племён, которые заставляли персидских царей платить им дань. Уход этого района из-под правления не приносил Селевкидам большого экономического ущерба [Pirnia, 1991, с. 137, Зарринкуб, 2004, с. 142].

Хотя Дяконов [Дяконов, 1997, с. 404] не говорит об итогах войны с мардами, Парния в своих работах указывает, что Фраат I покорил горное племя марди [Pirnia, 1991, с. 2216]. Некоторые источники так же говорят о победе Фраата I над маридами и считают районы нынешнего Горгана, Мазендерана и Гиляна землями под правлением царя Парфии. После покорения земель маридов Фраат I решил покорить Рей. Так как Рей считался единственной дорогой, которая связывало Парфию с Мидией. Эта дорога шла от Горгана в юго-восточную сторону.

Это был для Парфии очень важный шаг, так как они хотели расширить свои земли, иметь контроль над другими регионами Ирана. Фраат I завоевал земли Горгана и таким образом взял под контроль восточные земли государства Рей. Для осуществления своих планов он сначала направил туда часть маринов и поручил им оборонять Горган, а потом, уничтожив их, полностью захватил эти земли. Этот район сейчас расположен между городами Тегеран и Семнан. Некоторые считают, что это место в горах Эльбрус. Нужно отметить, что точка зрения о расположении данного места между Тегераном и Семнаном более близка действительности [Pirnia, 1991, с. 2218]. Фраат I умер, по некоторым источникам, в 176 году до н. э.

Отношения народов Гиляна с парфянами

По мнению Готтшмита, на южном побережье Каспийского моря существовало не только Атропатенское царство. В этом регионе так же находилось царство Дейлам. Гилы и Кадусы управлялись горными властями. Парфии с трудом смогли пройти через непроходимые земли, которыми они управляли, и покорить их. Это удавалось отнюдь не всем царям, правящим в Иране [Готтшмит, 2009, с. 104].

Ород в 190–180 гг. до н. э. в войне с римлянами использовал воинов из Дейлама, Кадуса и Гиля. Парфян в этой войне возглавлял Сурна – знаменитый воин, а римлян возглавлял Крассус, считавший одним из трёх повелителей Рима и повелитель Сирии в 53 г. до н. э. Борьба состоялась в Carthae. Парфянские всадники очень ловко могли передвигаться на равнинах по сравнению с горными местами. Это помогло им быть готовым к битве. Римские legionеры, которые обстреливались лучниками из Парфии и подвергались наскокам всадников, потерпели поражение. При их отступлении были проведены переговоры. Крассус был убит в 53 гг. до н. э. в бою. В этом бою было убито 20 тысяч римлян и взято в плен 10 тысяч, которые после были направлены в Марв. В этой войне кадусы, дейламы и гилы были союзниками парфян.

Так пишет о Дейлемане Касрави: «Горный район, который сегодня на карте Ирана называется Гилян. На востоке этого региона проживало два народа (гил) и (дейлам). Гилянцы проживают в прикаспийском регионе, основными городами считаются Решт и Лахиджан. Граничат с Азербайджаном и городами Ардебил и Занджан. Надо указать, что во время Сасанидов и Парфии никаких сведений об этих гилянских городах нет. Назывались ли они по-другому или нет, нет никаких достоверных фактов. К сожалению, до 10 века ни один известный историк не упоминает этих городов. Дейламан находится на юго-востоке провинции Гилян. Важный город этого района – Рудбар граничит с Аламутом и провинцией Казвин» [Касрави, 1976, с. 18].

Свидетельством существования Дейлама можно считать поэму Вейс и Рамин, которая была написана во время правления Сасанидов. В этой поэме, которая написана на языке пехлеви, описывается Дейлам как непроницаемый и устойчивый край. Дейлам – земля, которая не покорена никем и имеющая храб-

рых воинов. Воины Дейлама и Гиля настолько талантливы в стрельбе с лука и кидании копья, что в тёмную ночь могли найти точно место врага, услышав голос, и бросить копье в цель [Кесрави, 1976, с. 18].

В дневном бою они умело могли маскироваться, так как красили свои щиты в цвета места, где проходил бой. Этот народ годами или воевал между собой, или с внешним врагом [Кесрави, 1976, с.18].

Племя амаридов после войны с Александром Македонским и многочисленной ссылки храбрых воинов из этого племени в Гиркан Фраатом I, не смогло выстоять. Очень вероятно, что в итоге поражения этого племени начали появляться новые племена под именем дейлам, которые после падения амаридов смогли добиться власти в своей земле. Имя Дейлам было дано этим краям во время правления Сасанидов. С одной стороны они граничили с Казвином а с другой – с Клераштом (деревня в нынешней провинции Мазендаран), а с востока их владения доходили до Эльбруса и нынешнего города Рудбар.

Марида до захвата их парфянами жестоко боролась против расширения Дейлама в своих землях. Слово дейлам в ирано-арабской литературе имеет несколько значений. Приведём некоторые из них: скопление людей, кого или чего-нибудь вокруг ручья или реки; дерево салм (привет), которое растёт в горах; трудности и трагедии жизни; войны; муравей; железные прутья [Джкатчи, 1992, с. 96]. В персидской литературе тоже встречаются сведения о Дейламе в произведениях Фирдуоси, Асджади, Ансари, Насео Хосро, Масуда Салмана и др., что в свою очередь указывает на важность этого народа в истории данного региона. В книге Тарихе – бехаги и в записках путешественника Насера Хосро даётся много информации о Дейламе и Дейламане. Также много свидетельств об осаде Гиля и Дейлама арабами после распада династии Парфян [Джкатчи, 1992, с. 97].

В 58 г. провинции Гиркана поднимают восстание против Вологеза I (на пехлеви Балаш или Валахш). Это царь Парфии из династии Аршакидов. Восставшие гирканцы отправляют посла к римскому императору Нерону с просьбой о том, чтобы они создали союз против Вологеза I. Но из-за дальности расстояния римляне не смогли оказать значительной помощи гирканам у Каспийского моря. После этого Гиркан, который являлся одной из исконных частей Парфянской империи, отошёл от неё. Гирканское восстание продолжалось с 58 до 75 гг. По мнению Готтешмита, Гиркания располагалось в то время на южном побережье Каспийского моря. В 138 и 161 гг., в период императора Антонина Пия, римляне признавали Гирканию независимой. Гиркания направляла в 155 г. в Рим консула. По данным римских историков, с 72 г. Гиркания управляла всем южным побережьем Каспийского моря.

Во время империи Парфян этническими племенами южного побережья Каспийского моря являлись кадусы, гилы, дейламы, марида. Эти племена вели суверенный, независимый образ жизни, но при внутренних трудностях и вторжениях врагов помогали центральным властям империи Парфян.

Библиографический список

1. Бойл Дж. А., История Ирана, Селевкидов до распада Сасанидов. – Т. III. – Ч. I / пер. Ануше Камбридж. – Тегеран : Амир Кабир, 1989.
2. Pirnia H., Древний Иран. – Т. 3. – Тегеран, 1991.
3. Джкатчи М. П. Письма Гиляна. – Т. II. – Решт : Таати, 1992.
4. Диаконов М. М. Парфия / пер. Карима Кешаварз. – Тегеран : Паям, 1972.
5. Раджаби П. Потерянные тысячелетия (парфяне). – Тегеран : Тус, 2002.
6. Зарринкуб Абдолхсейн. История Ирана (до ислама). – Тегеран : Амир Кабир, 1985.
7. Зарринкуб Абдолхсейн. Прожитые дни (с давних времён до династии Пехлеви). – Тегеран : Сохан, 2004.
8. Мохаммад Джахангир, бригадный генерал. Имена и достояние Гиляна. – Решт : Гилякан.
9. Фрай Ричард. Иранское наследие / пер. М. Раджаб Ниа. – Тегеран : Научный и культурный дом, 1994.
10. Готтешмит Альфред ван. История Ирана (соседние страны Ирана со времён Александра до исчезновения парфян). – Тегеран : Книга Ирана, 2009.
11. Кесрави Ахмад. Безымянные властелины. – Т. IV. – Тегеран : Амир Кабир, 1976.
12. Гиришман Раман. Иран с древних времён до ислама. Период Мохаммада Моин. – Тегеран : Наука и культура, 1985.

13. Машкур М. Древний Иран. – Тегеран : Гульшан, 1968.
14. Машкур М. Парфияне. – Тегеран : Мир книги, 1995.
15. Волский Ю. Парфийское царство. – Тегеран : Phoenix, 2004.
16. Kent R. G. Old Persian // New Haven. – 1953.
17. Lecoq Pierre, les inscriptions de la Perse ch m nide, Gallimard, 1997.

© Кохансал Х. В., Панахи А., Голандам А. К.

УДК 94 (477.75) «19»

МЕКТЕБЕ ДЕРЕВНИ ЧОРГУНЬ КАРАЛЕЗСКОЙ ВОЛОСТИ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО УЕЗДА

Е. В. Неделькин
Таврический национальный университет
им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

МЕКТЕБЕ OF THE VILLAGE CHORGUN KARALEZSKOY VOLOST
SIMFEROPOL DISTRICT

E. V. Nedelkin
Taurida National V. I. Vernadsky University,
Simferopol, Ukraine

Summary. This article discusses one of the issues of Chernorechie village history the beginning of XX century – time of visiting this village primary school for the Muslim population (mektebe). When writing this article we used the materials of the State Archives in the Autonomous Republic of Crimea.

Key words: Chernorechye; Chorgun; Islam; mektebe; school.

История с. Черноречье (Чоргунь) в начале XX в. на сегодняшний день практически не изучена. Это же касается вопроса о начальных учебных заведениях этого селения, и в частности крымскотатарских.

Школами первой ступени у крымских татар были мектебе. В них детей обучали основам религии и родному языку. Это название (дословно мектебе переводится как «место, где пишут») распространено в среде тюркоязычных мусульман, у арабских народов же это учебное заведение называется «куттаб». Крымскотатарские национально-конфессиональные мектебе представляли собой три основных типа. Наиболее авторитетными были мечетские, в них преподавали представители местного мусульманского духовенства: имамы, муллы, муэдзины. Помимо мечетских были также общественные и частные мектебе [1, с. 26–27].

25 января 1912 г. Таврическое магометанское духовное правление подало рапорт в Губернское правление об открытии мектебе в приходе «Ашага-Маале» с. Нижний Чоргунь по просьбе местных жителей [3, л. 1–2]. В это время приход пятивременной мечети Нижнего Чоргуня состоял из 306 чел. (168 муж. и 138 жен.), среди которых было много детей школьного возраста, остававшихся без обучения из-за отсутствия мектебе [3, л. 8, 13].

9 августа 1912 г. Особая комиссия о вакуфах утвердила просьбу Таврического магометанского духовного правления о сооружении мектебе. Из вакуфного капитала на это было «отпущено» 900 руб., которые были получены из Таврического губернского казначейства 31 декабря 1912 г. 514 руб. 50 коп. пожертвовал житель Нижнего Чоргуня Аджи Муждаба Амет оглу, ещё 200 руб. уплатило общество. В результате общая сумма составила 1614 руб. 50 коп. [3, л. 11, 13–14, 21].

17 января 1913 г. проект был одобрен Таврическим губернским правлением, так как «при рассмотрении в Строительном отделении представленных документов, оказалось, что проект мектебе составлен в техническом отношении удовлетворительно, а исчисленная по смете сумма, в 1614 руб. 50 коп. не превышает действительной стоимости означенной постройки». В соответствии с проектом мектебе было рассчитано на 30 учеников, также было предусмотрено отдельное помещение для учителей и библиотека [4, л. 292–293].

Что же касается с. Верхний Чоргунь и его мусульманского прихода «Юхары-Маале», то здесь также 25 января 1912 г. Таврическим магометанским духовным правлением был подан рапорт в Губернское правление об открытии мектебе в этом приходе и «отпуске» на его строительство 900 руб. В этот период приход Соборной мечети с. Верхний Чоргунь состоял из 320 чел. (180 муж. и 140 жен.) [2, л. 1, 7–8].

Таврическое магометанское духовное правление утвердило план со сметой, по которой прихожане обязывались предоставить из собственных средств 751 руб. 09 коп., а из вакуфного капитала выделялось 900 руб. 6 ноября 1912 г. Министерство внутренних дел разрешило выдать из вакуфного капитала 900 руб. [2, л. 9, 12, 15].

Ранее, 23 октября 1912 г., Первое отделение Таврического губернского правления «препроводило на распоряжение Строительного отделения проект и смету на постройку мектебе в дер. Верхний-Чоргунь». 29 декабря 1912 г. проект был одобрен Строительным отделением губернского правления. В соответствии с утверждённым проектом мектебе было рассчитано на 25 учеников, отдельная учительская и библиотека [4, л. 280–282, 287].

Подводя итоги, следует заметить, что открытие мектебе в Нижнем и Верхнем Чоргуне бесспорно являлось фактом положительным, так как у крымскотатарской молодёжи села появилась возможность получать начальное образование и изучать основы исламской религии. Однако открытие мектебе также было сопряжено с рядом проблем, среди которых было недостаточное финансирование, далеко не всегда хорошая подготовка учительского состава, старый схоластический метод преподавания, плохие санитарно-гигиенические условия и др.

Библиографический список

1. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь : Таврия, 1998. – 164 с.
2. ГААРК, ф. 27, оп. 1, д. 11796.
3. ГААРК, ф. 27, оп. 1, д. 11801.
4. ГААРК, ф. 27, оп. 13, д. 4456.

© Неделькин Е. В.

УДК 316.42

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Х. Н. Садыкова

**Тюменский государственный нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Россия**

ETHNO-CULTURAL SITUATIONS IN THE TYUMEN REGION

H. N.Sadykova

Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

Summary. Based on the results of the survey analyzes the ethno-cultural situation in 2012 in the Tyumen region. Satisfaction of residents identified the implementation of ethnic and cultural rights, defined the degree of state support for different languages and national cultures in the area and residents participate in the national-cultural events.

Key words: ethno-cultural situation; ethnic and cultural rights; ethno-cultural values; recreational facilities; ethnicity.

Трансформации, которые переживает Россия и её регионы, характеризуются заметными противоречиями в объективном развитии культурного процесса в жизнедеятельности конкретного этноса, более глубокого и фундаментального, чем политический и экономический. Положительный вектор в развитии этнокультур-

ного процесса связан с расширением границ для самореализации представителей определённого этноса. Культурное развитие этносов – процесс не одномоментный, а длительный, охватывающий практически всю жизнь человека. При этом происходят изменения в системе знаний, норм, стереотипов, ценностей, что может порождать как духовное развитие этноса, так и возможную деградацию.

Сегодня государственным и региональным органам власти сложно создавать социальные, экономические, культурно-просветительские условия для пересмотра духовных и этнокультурных норм и ценностей.

Столица Тюменской области представляет собой культурный центр, в котором сосредоточены, сконцентрированы многообразные этнокультурные ценности в различных формах немногочисленных досуговых учреждений. Однако в условиях социальной и культурной поляризации, наиболее ярко ощутимой в Тюмени, чем в других городах и районах области, потенциальные возможности приобщения к культурным благам у представителей различных национальностей неравнозначны [1].

Проведённый в 2013 г. опрос населения Тюменской области касался проблем реализации этнокультурных прав. На вопрос анкеты, удовлетворены ли респонденты тем, как в Тюменской области человек может реализовывать свои этнокультурные права, каждый второй участник опроса ответил положительно (удовлетворён в полной мере – 16,1 %, больше удовлетворён – 32,2 %). Каждый пятый участник анкетного опроса высказал противоположное мнение. При этом около трети респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос.

Распределение ответов на данный вопрос в зависимости от возраста показал, что удовлетворённость респондентов растёт с возрастом. Если в возрастной категории 50–59 лет почти две трети респондентов удовлетворены тем, как в Тюменской области человек может реализовывать свои этнокультурные права, то среди молодёжи таких менее половины опрошенных (42,7 %) (табл.1).

Примером этнокультурных прав является поддержка языков и культур представителей этносов, проживающих на территории области. На конкретно поставленный вопрос, осуществляется ли государственная поддержка различных языков и национальных культур в вашем населённом пункте, почти каждый второй респондент (46,8 %) ответил утвердительно, каждый пятый (22,8 %) – отрицательно. Каждый третий (30,4 %) при этом затруднился ответить на поставленный вопрос.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос об удовлетворённости своими этнокультурными правами, в % к общему числу опрошенных

Возраст	Вариант ответа				
	Удовлетворён в полной мере	Больше удовлетворён	Больше не удовлетворён	Совсем не удовлетворён	Затрудняюсь ответить
18–29	10,1	32,6	15,6	7,9	33,8
30–39	18,7	32,7	15,0	4,2	29,5
40–49	17,3	34,0	14,1	3,8	30,7
50–59	31,9	31,9	8,5	1,1	25,5
60 и старше	18,2	31,2	11,7	6,5	24,7

Распределение ответов на вопрос, осуществляется ли государственная поддержка различных языков и национальных культур в вашем населённом пункте, в зависимости от возраста показал, что каждый второй участник анкетного опроса в возрасте 30–39 утвердительно ответил на поставленный вопрос. Среди остальных категорий такой вариант выбрали 5 % респондентов (табл. 2). Из представленных данных видно, что взрослое население чаще испытывает затруднения при ответе на данный вопрос, чем молодёжь.

Ответы респондентов на вопрос, осуществляется ли государственная поддержка различных языков и национальных культур в зависимости от возраста, в % к общему числу опрошенных

Возраст	Вариант ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
18–29	45,9 %	26,7 %	27,4 %
30–39	50,9 %	21,5 %	27,5 %
40–49	45,5 %	23,7 %	30,8 %
50–59	46,8 %	13,8 %	39,4 %
60 и старше	44,2 %	19,5 %	27,3 %

Далее респондентам предлагалось из предложенного списка выбрать те национальные культурные мероприятия, которые проводятся по их месту жительства в населенном пункте. Ниже представлены ответы тюменцев на данный вопрос (в порядке убывания их значимости):

1. Национальные праздники – 51,6 %.
2. Концерты национальных самодеятельных коллективов – 35,8 %.
3. Национальные фестивали и конкурсы – 31,4 %.
4. Выставки-ярмарки народного декоративно-прикладного искусства – 31,2 %.
5. Кружки для детей и молодёжи – 24,5 %.
6. Концерты национальных профессиональных коллективов – 21,0 %.
7. Спектакли – 16,4 %.

После респондентам предлагалось назвать те национальные культурные мероприятия, в которых они принимают участие:

1. Национальные праздники – 26,5 %.
2. Кружки для детей и молодёжи – 24,5 %.
3. Спектакли – 16,4 %.
4. Выставки-ярмарки народного декоративно-прикладного искусства – 12,8 %.
5. Национальные фестивали и конкурсы – 11,7 %.
6. Концерты национальных самодеятельных коллективов – 8,0 %.
7. Концерты национальных профессиональных коллективов – 5,1 %.

Наиболее посещаемыми национальными мероприятиями были названы национальные праздники (их посещение отметили в 1-м полугодии 2013 г. 26,5 % опрошенных); кружки для детей и молодёжи (24,5 %); спектакли (16,4 %) и выставки-ярмарки народного декоративно-прикладного искусства (12,8 %). Анализируя данные исследования, следует отметить, что участие населения в национальных мероприятиях, проводимых на территории Тюменской области, имеет сезонный характер (активность в весенне-летний период традиционно выше по сравнению с осенне-зимним периодом).

Представленная информация об этнокультурных предпочтениях тюменцев, частоте принятия участия в тех или иных формах занятости позволила в определённой форме выявить уровень реализации ими своих этнокультурных прав. Респондентам в местах их проживания предлагаются традиционные формы этнокультурных мероприятий, но лишь незначительная часть из них (от 5,1 до 26,5 % в зависимости от формы) реализует предлагаемые возможности.

Это связано и с тем, что традиционная форма досугового общения людей в клубах практически утрачена. Клубная сеть Тюмени за последние годы практически утрачена. ДК «Нефтяник» находится на реконструкции, ДК «Геолог» давно превратился в технопарк. Состояние ДК «Строитель» и ДК «Железнодорожник» оставляет желать лучшего. При этом широко развиваются клубные учреждения развлекательного типа, принадлежащие частным предпринимателям, а не общественным объединениям. Они постоянно расширяются, так как ориентированы

на разные социально-демографические группы горожан с любым уровнем материального достатка, предлагая салоны красоты, бутики, кинозалы, игровые автоматы и пр. Оставшиеся «на плаву» клубные учреждения занимают незначительный по финансовым потокам и охвату населения сегмент индустрии досуга.

Слабое материально-техническое оснащение муниципальных учреждений, закрытие бесплатных кружков и студий, роспуск коллективов народного творчества, социальная незащищённость клубных специалистов и как следствие, с одной стороны, низкий престиж учреждения, с другой стороны, возрастает отчуждение между личностью и обществом.

В Тюмени, в исследованных городах и населённых пунктах, не случайно только массовые праздники и гулянья получают всё большее распространение, позволяя тюменцам в какой-то степени самореализоваться. В своих ответах, например, чаще всего респонденты татарской национальности упоминают такой праздник-гулянье, как сабантуй, казахи и азербайджанцы – Науруз-байрам. Именно в таких праздниках происходит эмоциональное объединение людей одной национальности и знакомство других людей с культурой определённого народа. Массовые праздники возрождают исторические и культурные традиции, пропагандируют духовно-нравственные ценности, воспитывают чувство коллективизма и толерантного отношения к народам разных религий, национальностей [2]. Но следует помнить, что массовые праздники проводятся один-два раза в год, как правило, на свежем воздухе для охвата большого количества населения. При этом забывается, что этнокультурные права реализуются в полной мере только через системную работу культурно-досуговых учреждений с различными социальными, национальными и мировоззренческими группами населения.

Главная задача журналистики состоит в том, чтобы искать информацию, проверять её, излагать, объяснять, взвешивать и доводить до общественного сознания, а важнейшим критерием работы СМИ является достоверность приводимой ими информации. Успешность деятельности СМИ по освещению культурной жизни представителей разных национальностей только каждый второй участник анкетного опроса отметил положительно, каждый четвёртый респондент дал негативную оценку, каждый пятый затруднился ответить на поставленный вопрос. Основываясь на ответах респондентов, можно предположить, что СМИ не достаточно освещают культурную жизнь представителей разных национальностей в Тюменской области.

Для развития культурной самобытности многочисленных народов полиэтнического региона, каким является Тюменская область сегодня, необходимо через экранные формы культуры знакомить зрителей с культурой и традициями коренного и иноэтнического населения, развивать духовно-нравственные ориентиры, формировать толерантное отношение к людям различных национальностей, проживающих в регионе.

Библиографический список

1. Хайруллина Н. Г. Тенденции этнокультурной ситуации в северном регионе // Научный журнал Московского гуманитарного университета. Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 106–109.
2. Хайруллина Н. Г. Татары Тюменской области: динамика социокультурной ситуации. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. – 208 с.

© Садыкова Х. Н.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ
ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ
«ИЗВЕСТИЯ ВУЗОВ СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА»**

Н. Г. Хайруллина
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Россия

**SOCIOCULTURAL PROCESSES IN THE RUSSIAN REGIONS,
BASED ON PUBLICATIONS IN THE JOURNAL «PROCEEDINGS
OF THE UNIVERSITIES SOCIOLOGY. ECONOMY. POLITICS»**

N. G. Khairullina
Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia

Summary. This article provides an overview of the regional papers, Russian and foreign social scientists of Kazakhstan, the Republic of Tatarstan, Bashkortostan, Tyumen region in the direction of the magazine «The cultural traditions and innovations». Published articles allowed to characterize the socio-cultural, demographic, ethnic, inter-cultural processes in the life of different nationalities living in Russia.

Key words: social and cultural processes; demographic processes; inter-ethnic processes; inter-cultural processes.

В декабре 2012 года журнал «Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» отметил своё первое десятилетие со дня основания, а в июле 2013 года исполнилось шесть лет, как журнал, издаваемый Тюменским государственным нефтегазовым университетом, включён в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по следующим направлениям: социология; экономика; политология и право.

Тематика журнала ориентирована на развитие методологии социального знания и строится по следующим направлениям:

- Теория и методология исследования социальных процессов.
- Управленческие процессы.
- Политические и правовые процессы.
- Исторические аспекты развития регионов.
- Экономические и демографические процессы.
- Культурные традиции и новации.
- Проблемы и перспективы развития науки и образования.
- Информационные технологии и виртуальное пространство.

В данной статье мы проведём обзор статей региональных, российских и зарубежных социологов одной из самых актуальных рубрик нашего журнала «Культурные традиции и новации», в которой представлены работы по различным направлениям, которые характеризуют социокультурные, демографические, межэтнические, межкультурные процессы в жизнедеятельности представителей различных национальностей.

Так, А. К. Бейсенбаев, исследуя особенности межэтнических и межкультурных взаимодействий в Павлодарской области Казахстана, выявил, что большая часть жителей Павлодарской области позитивно оценивают межэтнические взаимоотношения, однако некоторая часть считает, что ситуация напряжена вследствие экономической ситуации, другие отмечают ущемление гражданских прав.

Несмотря на стабильный характер межэтнической ситуации, в регионе имеются факты неприязни людей друг к другу по национальным мотивам, к тому же 45 % опрошенных в г. Павлодаре постоянно сталкиваются с этим, в то же время 42,9 % процентов затрудняются ответить на этот вопрос. Опрос респондентов Павлодарской области показал, что 47,9 % населения сталкивались с неприязнью по национальным мотивам, в то же время 30,1% респондентов никогда не сталки-

вались с этим. Автор отмечает, что указанные процессы неизбежны в любом полиэтническом обществе.

Проведённые в Павлодарской области исследования позволили А. К. Бейсенбаеву сформулировать следующие выводы:

1) исследуемая область характеризуется стабильными, бесконфликтными межэтническими взаимодействиями, что создаёт условия для межкультурного взаимодействия казахского, русского и других этносов;

2) в условиях рыночной экономики между представителями различных этносов существует конкурентная борьба за наиболее высокооплачиваемые рабочие места и условия трудовой деятельности;

3) этническая культура этносов, проживающих в исследуемом регионе, испытывает влияние со стороны западной культуры и культуры других этносов, что приводит к её частичной утрате [3].

Социально-демографическая ситуация в среде коренных малочисленных народов тюменского Севера анализируется Н. Г. Хайруллиной и А. В. Артюховой по материалам социологического исследования, проведённого в начале 2011 г. Важным демографическим индикатором, характеризующим социально-демографическую ситуацию, по мнению авторов, являются ответы на вопрос, довольны ли респонденты в целом семейной жизнью. Две трети опрошенных (65,5 %) удовлетворены своей семейной жизнью. Противоположное мнение высказал почти каждый четвёртый участник анкетного опроса (24,1 %). При этом 6,9 % респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос или на вопрос не ответили (3,4 %).

Анализ ответов на данный вопрос позволил выявить следующие тенденции:

1) довольны своей семейной жизнью чаще мужчины, чем женщины;

2) чаще удовлетворённость своей семейной жизнью высказывают респонденты, проживающие в сельской местности. При этом городские жители чаще не удовлетворены своей семейной жизнью;

3) неудовлетворённость семейной жизнью чаще высказывали лица, получившие начальное, среднее и среднее специальное образование;

4) удовлетворены своей семейной жизнью представители коренного населения, получившие неполное среднее и незаконченное высшее образование;

5) неудовлетворённость семейной жизнью чаще высказывают молодые представители коренного населения. С повышением возраста число удовлетворённых своей семейной жизнью увеличивается;

6) чем больше детей в семье, тем чаще респонденты удовлетворены своей семейной жизнью, и наоборот;

7) анализ ответов на данный вопрос в зависимости от национальности супруга(и) показал, что респонденты, состоящие в однонациональных браках, чаще выражают удовлетворённость семейной жизнью;

8) известно, что важной ценностью для человека является материальный достаток. Представители коренного населения не являются исключением. Наше исследование показало, что материальное благополучие приносит респондентам удовлетворённость семейной жизнью [1].

Социально-демографическая ситуация исследовалась в апреле 2009 г. среди жителей г. Тюмени, а также в феврале-июне 2010 года среди татар юга Тюменской области, проживающих в городах Тюмень, Тобольск, Ялуторовск и населённых пунктах Тюменского, Ялуторовского, Заводоуковского, Исетского, Казанского, Ярковского, Вагайского, Тобольского и Нижнетавдинского районов. Проведённое исследование подтвердило полученные данные последних лет о значительных изменениях в структуре использования свободного времени. Всех респондентов Н. Г. Хайруллина условно разделила на две группы, характеризующиеся, прежде всего, направленностью досуговой активности. Две трети представителей татарской национальности организуют досуг внутри дома и треть – вне дома (68,6 и 31,4 % соответственно).

За последние годы у наиболее благополучной части татарского населения отмечается рост внедомашних видов активности скорее развлекательного характе-

ра, чем культурного, развивающего направления. Общая тенденция, выявленная в ходе анализа, прослеживается достаточно чётко. Среди представителей татарского населения большое число тех, кто отдаёт предпочтение пассивным формам проведения досуга. Значительное число людей не могут позволить себе проводить отпуск в санатории, на море или за границей, они вынуждены его проводить дома или на даче, иногда выезжая к родственникам или родителям в деревню.

Результаты проведённого исследования показали, что тюменцы в свободное время предпочитают активные формы досуга [8].

В апреле 2009 г. был проведён анкетный опрос 300 жителей Тюмени с целью исследования социально-демографической ситуации по методике, разработанной казанскими социологами (руководитель д. социол. наук, профессор Т. Г. Исламшина). По мнению 40 % опрошенных тюменцев, их семья счастлива. Примерно такое же число тюменцев (35,4 %) выразили удовлетворённость своими отношениями с женой/мужем. Около пятой части опрошенных жителей Тюмени (18,6 %) признались, что не всегда понимают с мужем/женой друг друга. Ради детей живут 4,3 % респондентов, а 1,9 % – едва терпят друг друга. На основании представленных ответов можно сделать вывод, что в целом у большинства респондентов отношения в семье позитивные. Но анализ ответов на данный вопрос в зависимости от возраста, состояния здоровья и жилищных условий позволил выявить следующие тенденции.

1. Чем старше становятся респонденты, тем реже они признаются в том, что у них счастливая семья.

Если в возрасте до 30 лет счастливой свою семью назвал каждый второй респондент, то среди респондентов в возрастной категории 41–60 таких в два раза меньше (26,3 %). Одновременно с возрастом растёт число тюменцев, которых устраивают семейные отношения.

2. Отношения в семье напрямую связаны с состоянием здоровья. Если счастливой свою семью назвали более половины опрошенных респондентов (62,7 %), оценивших своё здоровье хорошим, то ни один респондент не назвал её такой из числа тех, кто оценил своё здоровье, как плохое. И наоборот. Если ради детей живут 3,9 % респондентов, оценивших своё здоровье хорошим, то из числа тех, кто оценил своё здоровье, как плохое, таких в семь раз больше (27,3 %) [9].

В данном контексте интерес представляют рассмотренные Н. С. Шоетовой социологические модели «самосохранительного поведения». Автор анализирует данные социологического исследования, проведённого в Республике Татарстан в 2008–2009 гг. [10].

Иерархия ценностных ориентаций провинциальной молодёжи исследована Л. Р. Муртазиной качественными методами. С целью оценки значимости таких традиционных ценностей, как семья, брак, дети, анализировались сочинения на тему «Моя будущая семья» старшеклассников общеобразовательных школ, учащихся профессиональных лицеев, колледжей. Всего для анализа было отобрано 188 сочинений. Проведены были также глубинные интервью; ценностное тестирование по методике А. Лакейна студентов вузов (всего протестировано 164 человека, из них 72 – мужчины и 92 – женщины); были просмотрены эссе «Мои представления о семье и браке» на старших курсах вуза (проанализировано 176 студенческих работ).

В сочинениях учащихся общеобразовательных школ, профессионального лицея, техникума просматривается налёт присущего этому возрасту пафоса, романтизма, максимализма, возвышенной любви и идеалов. Суждения студентов вуза более рациональны и сдержанны, но и в них подчёркивается роль семьи как ценности для каждого человека. Значимость ответственности, взаимных обязательств супругов, по данным глубинного интервью, особенно высока в старших возрастах, хотя для 30–40-летних любовь и уважение супругов друг к другу является условием семейного счастья. С годами голос любви слабеет, важнее терпимость к недостаткам друг друга, ответственность за судьбу детей.

Автор отмечает, что за период постсоветского развития российского общества в семейно-брачном и репродуктивном поведении молодёжи произошли из-

менения, значительно опережающие изменения в структуре социальных ценностей в целом, что детерминировано возрастным фактором [6].

Т. Г. Исламшина и Г. Р. Хамзина апробировали метод изучения историй жизни (биографического метода) по трём исследовательским проблемам:

- особенности процессов социального расслоения и социальной мобильности в советском и постсоветском обществах;
- сравнительный контекст идентификационных процессов в советский и постсоветский периоды;
- семейно-брачные установки представителей трёх когорт населения Республики Татарстан (за когорты взяты группы из числа жителей различных поселенческих структур рождения 1940, 1960 и 1980 годов).

В текстах историй жизни людей разных поколений нашли отражение следующие особенности процесса либерализации общественного мнения в вопросах семьи и брака: взгляды первой когорты на семейно-брачную мораль более консервативны, чем второй и третьей когорты. Когорта 1980-х гг. рождения ещё более раскованна в своих суждениях не только по сравнению с представителями первой, но и второй когорты. У представителей когорты 1940-х гг. рождения к настоящему времени фактически сформировалось вполне терпимое отношение к нерегистрируемой брачности и внебрачной рождаемости. Однако они негативно оценивают факты добрачного опыта будущих супругов, сожительство до брака, супружескую неверность. Считают такие явления бесконтрольной свободой в отношениях, свойственной представителям обеих полов в российском обществе 2000-х гг.

Материалы историй жизни представителей трёх возрастных когорт стали обоснованием для следующих суждений: 1) незарегистрированный брак в российском обществе институционализирован, то есть фактически признан вполне допустимым (легитимным) видом брака; 2) общественное мнение опережает существующее законодательство о браке и семье, в котором законным признаётся лишь зарегистрированный брак; 3) известную консервативность семейно-брачных установок старшего поколения нельзя рассматривать исключительно с негативных позиций (стабильность брака базируется на взаимном уважении и доверии супругов, а не на безответственных отношениях) [5].

Проблема формирования религиозной идентичности в современных условиях затронута в статье Н. Ю. Гавриловой и С. Н. Ухаловой, в которой определяются типы религиозной идентичности, очерчивается круг факторов, влияющих на религиозную самоидентификацию.

По их мнению, изучение религиозной ситуации на уровне массового сознания предполагает рассмотрение таких вопросов, как проявление религии в поведении людей и их сознании, а также исследование проблем конфессионального выбора, распространённости различных верований, отношение к представителям других конфессий. Авторы отмечают, что, выступая концентрированным выражением мировоззрения, религиозная идентичность сегодня зачастую носит черты культурной идентичности. Проявляется это в том, что культурная идентичность оказывается шире, чем собственно религиозная идентичность. Вектор направленности конфессиональной самоидентификации в сторону культурной идентичности зависит от разных причин. К ним можно отнести идеологический вакуум, слабость гражданского сознания, феномен исторической памяти [4].

Проблемы развития интернациональной культуры в Казахстане анализирует А. М. Балтабаева, рассматривая основные направления государственной политики советского периода в области национальной культуры. Начатое социалистическое строительство сопровождалось переходом к новому общественному строю и содержало ряд последовательных этапов, одним из которых стала культурная революция. В свою очередь преобразования в области культуры представляли различного рода направления работы по ликвидации неграмотности, развитию сектора школьного, профтехнического образования, распространению «научного атеизма» и многое другое. Идеями новой советской культуры оказались проникнуты все сферы общественной жизни, в том числе уклад и быт населения.

Проводилась политика замены традиционной национальной культуры на советскую, причём последняя должна была стереть все национальные особенности, представляемые отныне населению как устаревшие в применении их в современной жизни. Любое проявление оседлого образа жизни в культуре непременно связывалось с её ростом, в то время как достижения кочевой цивилизации предавались забвению, уходили в прошлое.

Только в 1980-е годы в изучении проблемы национальной культуры произошли существенные изменения, когда руководство страны стало проводить политику по возрождению национальных традиций, праздников, обычаев, обрядов народов, проживавших в республике. Для этого повсеместно стали проводиться дни национальных культур, смотры и конкурсы национальных коллективов, что, безусловно, способствует укреплению национальной культуры этнических групп, проживающих в Казахстане [2].

Важным аспектом сохранения культурных традиций является возможность соблюдения религиозных традиций, обычаев и обрядов. Для мусульман – это обязанность совершить хадж в Мекку. Государственное регулирование хаджа в современной России рассматривают Р. М. Мухаметзянова-Дутгал и З. Р. Хабибуллина (г. Уфа).

По их мнению, условия удовлетворения религиозных потребностей мусульман в разные периоды российской истории имели определённую специфику. В царской России религиозные учреждения находились в зависимости от государства, их деятельность регулировали Министерство внутренних дел и местные государственные органы.

Хадж, сопряжённый со многими сложностями, был редким явлением, к тому же крайне дорогостоящим. Длительность его составляла от полугода до нескольких лет, совершался он небольшим количеством людей, преимущественно духовными лицами, поэтому не было особой нужды в его организации со стороны государства. Паломничество мусульман ограничивалось, в основном, закрытием российских границ при возникновении эпидемий чумы в восточных странах.

Число российских паломников в Мекку за последнее десятилетие также многократно возросло и в настоящее время превышает официальную квоту, которую Саудовская Аравия по согласованию с Организацией Исламская Конференция установила для всех стран мира: по одному паломнику от каждой тысячи проживающих в стране мусульман.

За основу при определении квоты на хадж для России берётся максимальное число российских мусульман – 20 тыс. чел. В 2009 г. квота для Российской Федерации составила 20,5 тысяч человек. Это количество паломников зафиксировано в подписанном в Мекке в апреле 2009 г. российско-саудовском Протоколе по приёму российских паломников.

Интересным фактом является то, что по количеству мусульманского населения в России лидируют татары и башкиры (53 %), а по числу паломников – народы Кавказа. Дагестан даёт большинство паломников, вместе с Северным Кавказом и Россией – 80 %.

По мнению авторов, государство и впредь должно оказывать содействие организаторам хаджа в ситуациях, требующих серьёзного вмешательства. Фундаментальные вопросы в деле организации хаджа решены.

Успешное решение оставшихся вопросов возможно на региональном уровне. ДУМам, накопившим достаточный опыт в организационном и финансовом плане, необходимо выйти на общепринятый в мире уровень предоставления услуг при совершении паломничества [7].

Представленный в данной статье анализ публикаций региональных, российских и зарубежных социологов позволил охарактеризовать социокультурные, демографические, межэтнические, межкультурные процессы в жизнедеятельности представителей различных национальностей, проживающих в Казахстане, в Республике Татарстан, в Башкирии, на юге Тюменской области и в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра.

Библиографический список

1. Артюхов А. В., Хайруллина Н. Г. Социально-демографическая ситуация в оценках коренных народов Севера // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2011. – № 4. – С. 79–83.
2. Балтабаева А. М. Проблемы развития интернациональной культуры в Казахстане // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 2. – С. 56–58.
3. Бейсенбаев А. К. Социодиагностика межэтнического и межкультурного взаимодействия (на примере Казахстана) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2011. – № 1. – С. 57–60.
4. Гаврилова Н. Ю., Ухалова С. Н. К вопросу об определении религиозной идентичности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 1. – С. 60–62.
5. Исламшина Т. Г., Хамзина Г. Р. Истории жизни как источник социальной информации // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 2. – С. 61–65.
6. Муртазина Л. Р. Иерархия ценностных ориентаций провинциальной молодёжи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 2. – С. 68–69.
7. Мухаметзянова-Дуггал Р. М., Хабибуллина З. Р. Государственное регулирование хаджа в современной России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 4. – С. 56–58.
8. Хайруллина Н. Г. Свободное время: оценки и мнения тюменцев // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2011. – № 1. – С. 63–67.
9. Хайруллина Н. Г. Социально-демографическая ситуация: результаты исследования // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 2. – С. 51–56.
10. Шоетова Н. С. Самоохранительное поведение как предпосылка здоровья // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2010. – № 2. – С. 75–77.

© Хайруллина Н. Г.

УДК 364.4

НАДОМНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СТАЦИОНАРНОЗАМЕЩАЮЩИХ ФОРМ ПОМОЩИ ГРАЖДАНМ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДАМ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ

Е. Р. Комлева

**Методический центр развития социального обслуживания
г. Сургут, Россия**

**HOME-BASED SOCIAL SERVICES AS THE EFFECTIVE MECHANISM
OF DEVELOPMENT OF HOSPITAL-REPLACING FORMS OF THE HELP
TO ELDERLY AGED CITIZENS AND DISABLED PEOPLE
IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS DISTRICT – YUGRA**

E. R. Komleva

The Methodical centre of social service development, Surgut, Russia

Summary. The form of home-based social services of elderly aged citizens and disabled people by means of social teams in Khanty-Mansi Autonomous District - Yugra is described in the article.

Key words: home social services; hospital-replacing forms; social teams; elderly aged citizens and disabled people.

В мире постепенно растёт количество людей пожилого возраста и инвалидов, нуждающихся в разных видах социальной помощи. Подобные тенденции характерны и для России. В этих условиях отделения социальной помощи на дому занимают особое место в структуре центров социального обслуживания населения. Отход от традиционных стационарных форм и развитие надомного обслуживания пожилых людей является свидетельством меняющихся приоритетов в сфере социального обслуживания и определяет актуальность инновационных форм и методов работы.

На сегодняшний день самой востребованной и экономически выгодной формой является социальное обслуживание на дому. Обслуживание осуществля-

ется путем предоставления гражданам, нуждающимся в постоянном или временном нестационарном социальном обслуживании, частично утратившим способность к самообслуживанию, помощи на дому в виде социально-бытовых, социально-медицинских услуг и иной помощи.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре надомная форма социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов достаточно хорошо отработана и, по сути дела, уже давно перешла в разряд традиционных.

Впечатляющие темпы прироста отделений социального обслуживания на дому и специализированных отделений социально-медицинского обслуживания на дому выражают преобладающую тенденцию: дать пожилым людям возможность как можно дольше оставаться полноценными членами общества, проживать в домашних условиях, пользуясь для этого необходимыми социальными услугами. С этой целью учреждениями системы социальной защиты увеличивается спектр оказываемых услуг на дому, активно ведётся поиск инновационных технологий по организации предоставления социальных услуг данной категории граждан.

В настоящее время в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре принята социально ориентированная законодательная и нормативная база, что дает возможность оказывать гражданам пожилого возраста всестороннюю социальную помощь, повышать качество их жизни.

В целевой программе «Современная социальная служба Югры» на 2011–2015 годы (с изменениями) технология надомного социального обслуживания пожилых людей определяется как одна из приоритетных, обеспечивая одну из главных задач социальных служб – максимальное приближение социальных услуг к месту проживания клиента, реализацию принципа адресности и доступности услуг для маломобильных граждан округа.

Специалистами отдела опытно-экспериментальной и инновационной работы бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры выявлены наиболее эффективные формы организации социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста (среди ресурсных учреждений системы социальной защиты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) посредством проведения социологического исследования «Формы социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (см. табл. 1).

Таблица 1

**Формы организации социального обслуживания на дому граждан
пожилого возраста и инвалидов ресурсными учреждениями
системы социальной защиты
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры**

№	Название формы	Учреждение, реализующее технологию
1	Служба социальных помощников	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Фортуна», Кондинский район, пгт Междуреченский
2	Стационар на дому	
3	Служба социальных помощников	
4	Социальный консилиум	
5	Санаторий на дому	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Защита», г. Нефтеюганск
6	Домашнее визитирование	
7	Паллиативная помощь (элементы «хосписа на дому»)	
8	Программа по обучению граждан пожилого возраста и инвалидов на дому правильному и здоровому питанию «Здоровое питание»	

9	Социальное обслуживание на дому	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Забота», Нефтеюганский район, пгт Пойковский
10	Предоставление услуг волонтерами	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Сфера», г. Югорск
11	Библиотерапия	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Диалог», г. Нижневартовск
12	Гимнастика на дому	
13	Бригадный метод обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов на дому	Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Комплексный центр социального обслуживания населения «Городская социальная служба», г. Сургут

За последние три года количество обслуживаемых на дому граждан увеличилось на 8 % и составляет в 2013 году 4506 человек. Это говорит о востребованности данной формы социального обслуживания.

Анализ организации обслуживания граждан в надомных условиях в округе выявил востребованные инновационные технологии социального обслуживания, одной из которых, наиболее приемлемой в наших условиях, является бригадный метод социального обслуживания.

С февраля 2012 года в учреждениях социального обслуживания автономного округа (согласно приказу Департамента социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 128-р от 22.02.2012 «Об организации деятельности социальных бригад по обслуживанию граждан пожилого возраста и инвалидов на дому») внедрена надомная форма социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов посредством социальных бригад для предоставления социальных услуг, требующих коллективного выполнения.

Ресурсное учреждение «Комплексный центр социального обслуживания населения «Городская социальная служба» – одно из первых учреждений, которое начало осуществлять надомное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов посредством социальных бригад. С 2011 года программа «Бригадный метод обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов на дому» реализовывалась в условиях учреждения.

Основная идея состояла в объединении социальных и медицинских работников (в рамках отделений) в профильные бригады в отличие от сложившейся схемы обслуживания, когда один социальный работник оказывает клиенту весь спектр социальных услуг.

Основные задачи:

- направленность на обслуживание пожилых людей с учетом их индивидуальных особенностей и потребностей клиента;
- организация более полного и качественного обслуживания с использованием наиболее приемлемых для клиентов форм и объемов услуг;
- создание комфортных условий для клиента, его максимальная независимость, автономность, невмешательство в частную жизнь;
- уменьшение личной зависимости клиента от конкретного социального работника;
- рациональное использование знаний и умений кадров, профессионального мастерства, личностных качеств социальных работников;
- дифференцированный подход к нагрузке социального работника;
- экономия рабочего времени социального работника;
- возможность централизованной доставки промышленных товаров, продуктов транспортными средствами;

– комплексный подход к сотрудничеству с различными организациями и учреждениями города.

В учреждении сформированы и функционируют 29 социальных бригад.

1. В специализированных отделениях социально-медицинского обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов (СОСМО) 21 бригада:

- по приобретению и доставке на дом продуктов питания (промышленных товаров) – 3 бригады (6 чел.);
- по проведению генеральных уборок – 3 (9 чел.);
- по приготовлению и подаче пищи – 3 (18 чел.);
- по оплате коммунальных услуг и сбору документов – 3 (3 чел.);
- по выписке льготных рецептов и доставке лекарственных препаратов – 3 (3 чел.);

– по доставке технических средств ухода и реабилитации, сопровождению в ЛПУ, содействию в проведении МСЭ – 3 (3 чел.);

– по оказанию медицинской помощи (наблюдение, обеспечение ухода, проведение процедур) – 3 (12 чел.).

2. В отделениях социального обслуживания на дому граждан пожилого возраста и инвалидов (ОСО) 8 бригад:

- по оказанию услуг на дому – 2 (11 чел.);
- бригада по приобретению и доставке на дом продуктов питания (промышленных товаров) – 2 (4 чел.);
- бригада по выписке льготных рецептов и доставке лекарственных препаратов – 2 (2 чел.);
- бригада по оплате коммунальных услуг и сбору документов – 2 (2 чел.).

Анализ внедрения надомного социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов посредством социальных бригад показал, что увеличился процент клиентов с 90,6 % (в первом полугодии 2012 года) до 94 % (во втором полугодии 2012 года) и 95 % (в первом полугодии 2013 года).

Повысилось и количество сотрудников, поддерживающих нововведение, – с 80 % (в первом полугодии 2012 года) до 82 % (во втором полугодии 2012 года) и 100 % (в первом полугодии 2013 года).

Отмечены следующие положительные изменения:

- повысилась рациональность использования рабочего времени и увеличилась производительность труда социальных работников;
- повысились уровень качества предоставляемых услуг и степень удовлетворенности клиентов социальным обслуживанием;
- возросло количество посещений клиентов специалистами отделения при сохранившемся объеме социального обслуживания;
- улучшилось психоэмоциональное состояние клиентов.

После успешной апробации данная форма внедрена в учреждения системы социальной защиты населения ХМАО – Югры.

По состоянию на 01.06.2013 год организация деятельности социальных бригад по обслуживанию граждан пожилого возраста и инвалидов на дому внедрена на 11 территориях автономного округа (13 учреждений), созданы 96 социальных бригад по проведению генеральных уборок, доставке продуктов питания, промышленных товаров и горячих обедов, оплате коммунальных услуг и сбору документов, выписке и доставке лекарственных препаратов.

Таким образом, социальное обслуживание на дому граждан пожилого возраста и инвалидов является одной из приоритетных и востребованных форм социального обслуживания, направленной на максимально возможное продление пребывания граждан пожилого возраста и инвалидов в привычной социальной среде в целях поддержания их социального статуса, а также на защиту их прав и законных интересов. Результатом социального обслуживания на дому является оказание всесторонней помощи гражданам пожилого возраста и инвалидам с учетом их интересов, состояния здоровья, специфики ситуации, материальных возможностей и других объективных факторов.

Конструктивный смысл деятельности учреждений социального обслуживания заключается в том, что постепенно складывается и укрепляется единый нравственно-этический стандарт отношения к пожилому человеку, основанный на уважении. Так, социальные учреждения начинают воспринимать пожилых людей как партнеров, способных участвовать в решении вопросов, затрагивающих их интересы. Четко формулируется и становится всеобщим достоянием базовый принцип социального обслуживания – ориентация на индивидуальную оценку нуждаемости клиента, более совершенный механизм предоставления социальных услуг на основе индивидуальных планов, участие самих пожилых людей в планировании услуг.

Библиографический список

1. Целевая программа «Современная социальная служба Югры» на 2011–2013 годы (с изменениями от 25 апреля 2011 г.).
2. Постановление Правительства № 37-п от 09.02.2013 «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") "Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (2013–2018 годы)"».
3. Итоги работы Департамента социального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2012 году, задачи и приоритетные направления деятельности на 2013 и последующие годы. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2013. – 136 с.

© Комлева Е. Р.

ПОЛИТОЛОГИЯ, МЕНЕДЖМЕНТ, ЭКОНОМИКА И ТЕХНИКА

УДК 32.659.4

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА, ТЕХНОЛОГИИ

О. Е. Гришин, Т. Б. Атаев

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

POLITICAL INTERNET-COMMUNICATION:
ESSENCE, SPECIFICS, TECHNOLOGIES

O. E. Grishin, T. B. Atayev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Summary. It is likely for political internet-communication to show its identity and to pronounce technological effectiveness. Internet is becoming one of the key sources of the political information distribution. Nowadays it has all opportunities to become a platform for non-censored political communication.

Key words: Internet; political communication; political internet-communication; targeting.

Анализ и понимание специфики политической интернет-коммуникации и ее технологий гарантируют успешность политических акторов в информационном пространстве, а их игнорирование и использование традиционных инструментов воздействия на общественное мнение способны произвести обратный эффект. Коммуникация, понимаемая в широком смысле как передача информации от человека к человеку посредством речи, жестов, а также изображений и других символических форм, зафиксированных на материальных носителях, возникла и развивалась вместе с самим обществом, причем в качестве инструмента политического воздействия как речевая, так и визуальная коммуникация использовалась и осмысливалась уже в глубокой древности [2]. Термин «политическая коммуникация» должен описывать циркуляцию информации в сфере политической деятельности, т. е. любые сообщения, тексты, оказывающие воздействие на отношения между классами, нациями и государствами [1, с. 55]. Политическая

интернет-коммуникация имеет специфику, проявляет свою сущность и обладает ярко выраженной технологичностью.

Мы констатируем, что в России всё больше людей не доверяют традиционным СМИ и уходят на «виртуальные» площадки, где каждый может стать источником информации. Граждане перестали верить в то, что слышали, прочитали, или в то, что для них тщательно отобрали редакторы телевизионных каналов. В то же время в Интернете человек получает разностороннюю информацию, интересующую его лично. Пользователь сам выбирает то, что ему хочется посмотреть и чему поверить. Политическая интернет-коммуникация приводит к трансформациям в современном коммуникационном процессе, которые заключается в изменении ролей коммуникантов – в этом виде коммуникации адресат перестает быть просто реципиентом информации, он становится ее продуцентом, что влечет за собой смену направления, условий, задач коммуникации и ролей коммуникаторов [4, с. 7]. Политическим акторам важно уметь понимать и контролировать эти процессы, чтобы извлекать из этого политические дивиденды. Возможность прямого общения с избирателем через различные социальные сервисы также сокращает психологическое расстояние между политиком и его электоратом. В этой связи следует отметить, что инновационные инструменты формирования общественного мнения лишь адаптируются к новой среде [2, с. 100–111].

В последнее время мы стали свидетелями того, как социальные сети стали площадками для политической коммуникации и организации масс. Арабская весна доказала, что Интернет может быть важным элементом свержения власти. Президентская кампания в США 2012 года была примером того, что выборы выигрывает тот, кто умело использует интонационные способы политической интернет-коммуникации. А российский опыт говорит о том, что именно видеоконтент в Интернете может поставить под вопрос легитимность не только выборов, но и всей существующей системы власти.

Развитие Интернета и широкое распространение инновационных способов предоставления доступа к нему способствуют увеличению аудитории и территориальному охвату данного канала информации. В 2012 году количество интернет-пользователей в мире достигло 2,40 млрд человек, это притом, что еще пять лет назад эта цифра составляла 1,15 млрд человек. А это почти 35 % населения всего мира. В США более 75 % населения являются достаточно частыми пользователями сети Интернет. В таких странах, как Исландия, Норвегия, Нидерланды, Люксембург, Швеция, эта цифра составляет более 90 % всего населения этих стран. Самая большая интернет-аудитория у Китая, это более 513 миллионов человек, что составляет около 39 % населения КНР. В России же на данный момент насчитывается около 68 миллионов пользователей Интернета, это около 47 % населения [5].

В последнее десятилетие Интернет становится одним из ключевых каналов распространения политической информации. В данном вопросе Россия находится, скорее, на догоняющих позициях. Однако опыт США, а именно президентская избирательная кампания 2007–2008 гг., содержателен с точки зрения использования этого канала коммуникации в политических целях. Именно на этих выборах Интернет стал одним из ключевых направлений в предвыборной кампании. Умелое использование этого канала дало возможность победить Б. Обаме. Его команда избирательного штаба в полной мере использовала сеть Интернет. Через нее был организован сбор средств на ведение предвыборной кампании, созданы площадки для дискуссий и общения с кандидатом. Также была впервые опробована реклама в видеоигре «Burnout Paradise», что было, несомненно, эффективным ходом, учитывая то, что целевой аудиторией всей кампании была выбрана молодежь.

Средний возраст пользователя сети Интернет составляет около 30 лет, а наиболее опытной считается возрастная группа от 21 до 30 лет, 2/3 пользователей – мужчины. Это означает, что Интернет, в отличие от телевидения, имеет более молодую аудиторию, а значит, и активную часть населения. Именно это делает Интернет более привлекательной площадкой для политической коммуникации.

Политическая интернет-коммуникация преследует достаточно традиционные цели:

- продвижение и популяризация идей и позиций политических акторов. Интернет даёт более широкие возможности для достижения этих целей, в отличие от традиционных каналов политической коммуникации через СМИ. Коммуникация через Интернет не является односторонней, пользователь получает возможность непосредственно участвовать в политических дискуссиях. Пользователь, непосредственно участвующий в подобном виде коммуникации, лучше всего усваивает информацию. А это означает, что при минимальных затратах мы получаем максимальный результат;

- создание и поддержание имиджа политического актора. В этом случае принципиальным отличием Интернета от традиционных СМИ является то, что он способен создавать образ прогрессивного политика, учитывая всю сложность данного явления. Использование социальных сетей делает кандидата более доступным, а значит, более понятным широким массам;

- выявление и нейтрализация негатива со стороны конкурентов в сети Интернет, выявление провокационных материалов для того, чтобы нейтрализовать последствия данной информации и уменьшить риски снижения авторитета, популярности и имиджа политика.

Для достижения вышеперечисленных целей сеть Интернет имеет широкий ряд способов и методов, например: публикация информационных материалов в электронных версиях СМИ; размещение рекламы в социальных сетях, блогосфере; отображение информации на поисковых интернет-порталах; использование видео-хостингов, графических баннеров и флеш-анимации для создания браузерных игр с политическим подтекстом.

Для повышения популярности политического актора необходимо создать официальное интернет-представительство. Его эффективность оценивается посещаемостью. Она один из критериев оценки популярности в сети Интернет. Большей посещаемости можно добиться путем повышения количества ссылок на данный сайт с других ресурсов. Действенным способом достижения этой цели является возможность поделиться любым контентом в своей социальной сети. При этом очень важно, чтобы сайт был удобным в использовании. Для этого существует система «мне нравится», используя этот инструмент, пользователь в один клик может поделиться контентом или ссылкой на источник. Система поиска на сайте должна быть простой и понятной, все ключевые вопросы и наиболее популярная информация должны находиться на самом видном месте, чтобы не затруднять пользователю свободу перемещения по сайту.

Сайт должен иметь интересный дизайн и интерактивные возможности. Техническая сторона также немаловажна. Страница в Сети должна быть готова к большому наплыву посетителей, а также быть тщательно защищена от DoS-атак. Ведь именно этот инструмент стал очень популярным в борьбе с конкурентами. Так, например, общество «Anonymous» в 2013 году подало петицию в Белый Дом США с требованием признать DDoS-атаки «легальной формой протеста». А в России к помощи DDoS-атак прибегали во время протестных действий 4 декабря 2011 года, а также они периодически применяются по отношению к Livejournal.

Политическая интернет-коммуникация имеет массу положительных особенностей, которых нет у традиционных способов распространения информации. Основными принято считать ее интерактивность, скорость распространения и потенциал использования, так называемого *таргетинга* – возможности размещения рекламы по принципу контекста.

Интерактивность позволяет информационно-коммуникационной системе быстро, деятельно, а главное, разнообразно реагировать на операции пользователя и «отвечать» ему, тем самым налаживая контакт и участвуя в диалоге. И, как следствие, это даёт возможность отслеживать и анализировать ответную реакцию, что позволяет делать корректировки, чтобы достичь большей эффективности и охватить как можно большую часть целевой аудитории, создать атмосферу

общности, значимости, соучастия и сделать аудиторию более восприимчивой к новой информации.

Таргетинг – это технология, которая позволяет с помощью анализа выделить из массы потенциальную целевую аудиторию, которая больше всего заинтересована в определенной информации. Таргетинг – это возможность использования определенных критериев при показе рекламной информации тому или иному пользователю, исходя из его предпочтений в целях повышения эффективности рекламы. Это становится возможным, благодаря огромному количеству инструментов сбора подобной информации. В первую очередь это история посещения различных сайтов пользователем, так как браузер собирает и сохраняет информацию о часто посещаемых сайтах в cookie-файлах. И на основе этого создается определенный профиль интересов данного пользователя. Также поисковые интернет-ресурсы способны на основании ваших поисковых запросов составить определенную картину ваших предпочтений. Для удобства сбора информации крупные поисковые системы имеют сервис бесплатного почтового клиента, аккаунт которого также может быть использован для идентификации на других ресурсах. Так, например, имея аккаунт в Google, вы без создания нового аккаунта можете зайти на многочисленные сторонние сайты партнеров, таких как Youtube, Facebook и др. Для пользователя это, несомненно, удобно, а для такого гиганта, как Google, еще и очень выгодно. Так как можно получить информацию не только о предпочтениях, но и провести анализ социального положения, возрастной группы, даже определить средний уровень покупательной способности пользователя. Вся эта информация является грозным оружием в правильных руках специалистов, что отражается на огромной стоимости подобных компаний и дороговизне их услуг. Также социальные сети способны провести отбор по гендерному, возрастному и другим показателям. А популярность делает их отличной площадкой для воздействия на более широкую целевую аудиторию. Так, например, социальная сеть «ВКонтакте» насчитывает около 17,5 млн постоянных пользователей. Это одна из самых популярных информационных площадок среди российской молодежи. К тому же социальная сеть «ВКонтакте» имеет средства размещать на своей странице и делиться аудио- и видеоконтентом, что, несомненно, является огромным плюсом для вариации рекламной информации и методов ее подачи.

Таргетинг разделяют на несколько видов, при этом главным критерием является определенный фактор, который объединяет большое количество людей:

- таргетинг по тематике – одна из основных технологий, предполагает размещение рекламы на тематических сайтах, с учетом предпочтений ее посетителей;
- географический таргетинг – это рекламная технология, при которой рекламодатель ограничивается определенным регионом. Она применяется в том случае, если реклама специфична и актуальна лишь в условиях отдельно взятого региона. В качестве региона может выступать город, область, страна;
- временной таргетинг – когда реклама отображается у пользователя лишь в определенное время суток или день недели, что снижает затраты на рекламное место;
- социально-демографический таргетинг – подобная технология подразумевает под собой определение целевой аудитории по социальным критериям, таким как пол, возраст, социальное положение в обществе.

Существует вирусное распространение информации. Предполагается, что сообщение так понравится пользователю, что у него возникнет желание поделиться этой информацией со своими друзьями. В результате распространение, например, оригинальных роликов, текстов песен не воспринимается как навязанная реклама, а, скорее, принимает характер досуга. Главное для этого создать желаемую эмоциональную окраску. Использование юмора усиливает «вирусный» эффект и способствует запоминанию положительного эмоционального фона, предшествующего данной информации. Так, например, «танец Д. А. Медведева» набрал более чем 13 миллионов просмотров. Ролик КПРФ «Путин vs Медведев» около 4 миллионов, а различные политические мемы остаются популярны-

ми годами, несмотря на то, что средняя продолжительность жизни мема составляет, как правило, около месяца.

Таким образом, политическая интернет-коммуникация направлена на иной процесс донесения и восприятия информации, чем в традиционных СМИ. Именно Интернет способен сегодня стать площадкой для нецензурированной политической коммуникации. От условий того, как информация в Интернете будет циркулировать и контролироваться, зависит качество политической жизни в России.

Библиографический список

1. Гончаров М. Ю. Риторика политической коммуникации // Массовая коммуникация в современном мире : сб. науч. тр. / под ред. д. ф. н., проф. Ю. П. Буданцева и др. – М. : МГИМО, 1991. – С. 55–60.
2. Грачев М. Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация». URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50947> (дата обращения: 23.05.2013).
3. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 100–111.
4. Морозова О. Н. Политический рекламный дискурс в интернет-пространстве Великобритании (на материале персональных сайтов членов парламента Великобритании) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2011. – 41 с.
5. Internet World Stats. URL: internetworldstats.com (дата обращения: 23.05.2013).

© Гришин О. Е., Атаев Т. Б.

УДК 331

ANALYSIS OF THE FINANCIAL POSITION OF THE COMPANY FOR TAKING THE APPROPRIATE MANAGEMENT DECISIONS

D. Andreeva

University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria

Summary. The analysis of the financial position of the industrial company is a process of selecting, comparing and evaluating financial information. Therefore its first procedure is connected with the choice of information, from the whole corporate information flow, necessary for taking adequate management decisions. Comparing information aims to identify the most important proportions and relations, while the last procedure is connected with the evaluation and interpretation of these relations. This article covers: a selection of a system of indicators to assess the financial position of a going concern; an analysis of the financial position of the company to date.

Key words: financial analysis; assets structure; capital structure; profitability; indebtedness; financial autonomy.

Introduction.

The importance of the analysis of the financial position of the company can be seen within the context of the current severe economic conditions in the country, caused by the financial and economic crisis of 2008. This analysis should be given special attention, since its results reflect to the greatest extent the efficiency of the use of production and, particularly, financial resources and the financial results thus obtained.

A careful and expert analysis of the economic activities of a specific company would provide a solid basis for taking adequate management decisions which could largely offset the negative impact of the economic recession and, hence, improve the overall competitiveness of the company.

The financial position of the company is generally associated with its ability to generate cash and cash equivalents, by means of which to meet its financial obligations. It is also the basic criterion for efficiency, as it is a consequence of the efficient use of company resources. The financial health is a prerequisite for the company to achieve relative financial autonomy. Its ability to maintain an optimal money stock largely

exempts it from the impact of the situation on the credit market and enables it to carry out its activities primarily through self-financing.

The author of this article realizes that the financial position cannot be identified solely with the solvency of the company. This position is also characterized by the liquidity of the capital structure, by the extent of debtor and creditor liability, the level of profitability and the profit and a number of other economic results.

The current study examines the relevant indicators¹ of financial analysis and their practical use in the industrial company.

Indicators of the analysis and evaluation of the financial position of the company

1. **Analysis of the property and capital structure of an industrial company** with the main subject of business activity the processing of copper concentrates to produce copper anodes and cathodes, as well as by-products.

Analysis of the assets structure of the company.

The assets structure is characterized by indicators of structure, i.e. relative shares as a percentage of fixed and current assets to the total of all assets or the whole property of the company. The following indicators are used:

$$1) FAS = \frac{FA}{\Sigma A} \quad 2) CAS = \frac{CA}{\Sigma A}$$

FAS - Fixed Assets Structure

FA – Fixed Assets

A – Total Assets

CAS – Current Assets Structure

CA - Current Assets

With reference to the value of these indicators in the researched industrial company in the vertical and horizontal analysis of the property structure, by relative shares in percentages , the following becomes obvious from Table 1²:

Table 1

Asset structure of the industrial company

DIVISIONS, GROUPS, ITEMS	As at: 31.12.2011 in %	As at 31.12.2012 in %
A. fixed assets	27	25
B. current assets	73	75
Total Asset	100	100

In the vertical analysis the fixed - current assets ratio in 2011 was nearly 1:3

i.e. fixed assets: current assets = 27:73,

and the same ratio was retained in 2012

i.e. fixed assets: current assets = 25:75.

The larger share of current assets allows for a greater flexibility in the operating activity of the company.

The horizontal analysis of assets shows that in general fixed assets show a decline of 2% in 2012 as compared to 2011. This is the result of the steeper drop, as compared to other fixed assets , in the share of the used financial derivatives³ with a

¹ The wide variety of indicators, which financial analysis uses, imposes their restriction.

² Values are arbitrary, however the real financial situation of the researched industrial company is taken into consideration.

³ Financial derivatives are financial instruments, the value of which is a derivative of the value of a specific asset. Instead of trading the asset itself, the market participants negotiate the exchange of money, assets or some other value at a future moment. A derivative is a financial document or another contract that includes:

- Forward contract
- Futures contract
- Swap
- Option

maturity longer than one year. With current assets growth is characteristic of short-term financial derivatives.

Analysis of the capital structure of the company

When analyzing capital structure the approach is analogous to that of the analytical study of the assets structure. Here also are calculated the indicators of the relative shares of equity capital and debt capital to the total sum of the whole resource of capital.

$$1) \text{ Equity ratio} = \frac{\text{Shareholder equity}}{\text{Total Assets}}$$

Equity ratio – shareholders' equity structure

$$2) \text{ Debt ratio} = \frac{\text{Debt capital}}{\text{Total Assets}}$$

Debt ratio – structure of debt capital

Capital structure indicators provide information on the extent to which the researched company operates predominantly through equity or debt capital.

The valid rule is that the greater the share of equity capital, the greater the financial opportunities of the company.

Table 2

Capital structure of the industrial company

	As at 31.12.2011 in %	As at 31.12.2012 in %
equity	35.71	52.36
debt capital	64.29	47.64

In 2001 the company had the so-called **average** capital structure (with a relative share of equity capital of 25% to 50%), whereas in 2012 it switched into the most favorable capital structure, namely **high** (with over 50% of relative share of equity capital). The equity capital during the researched period rose by nearly 27% in 2012, as compared to 2011.

2. Indicators of debt and financial autonomy

Debt – Equity ratio (DER)

$$\text{DER} = \frac{D}{EC}$$

D – Debt

EC – Equity Capital

When the debt ratio declines, the growth rate of equity capital is higher than the growth rate of liabilities and vice versa.

For 2011 For 2012

$$\text{DER} = 17.99 \text{ DER} = 0.91$$

The results of the researched company show business improvement in this indicator for a period of one year. While in 2011 the value of liabilities exceeded that of equity capital almost 18 times, in 2012 there was a significant improvement, the total of liabilities falling to 91% of the company's equity. This is due to the repayment of trade and other payables, as well as the repayment of the majority of short-term loans.

Financial autonomy ratio (FAR)

$$\text{FAR} = \frac{EC}{L}$$

FAR – Financial Autonomy Ratio

EC – Equity Capital

L - Liabilities

If there is an increase in this ratio, therefore what is obvious is an overtaking in the growth of equity capital over liabilities, which indicates that the company is increasing the degree of its financial autonomy and vice versa.

For 2011

$FAR = 0,56$

For 2012

$FAR = 1.1$

The results show improvement in this ratio in 2012. That same year, the disposable equity capital covered 1.1 times the amount of liabilities, i.e. in the period 2011-2012 there was a growth in equity, which improved the ability of the company to repay its debts within the agreed deadlines.

3. Analysis of the financial performance and profitability of the company

Analysis of the composition, structure and dynamics of profit

The analysis of the profit of the company begins with comparing this for the two years of the period (2011 and 2012). For a year, the net profit of the company has increased by 72% during the period. This is due to the simultaneous increase in sales revenues and to the reduction of general expenses.

The profit structure could also be presented in a more detailed form, i.e. as a breakdown in separate types of income and expenses.

Table 3

Profit structure (Thousands of BGN)

Factors	2012	2011	deviation
1. Operating income	X	X	X
2. Financial income	X	X	X
3. Extraordinary income	X	X	X
4. Operating expenses	X	X	X
5. Financial expenses	X	X	X
6. Extraordinary expenses	X	X	X
7. Income tax	X	X	X
8. Profit (1+2+3-4-5-6 -7)	X	X	X

The increase in profit is most influenced by the operating and financial income which have increased over the surveyed period, as well as by the decrease in operating expenses, extraordinary expenses and financial expenses.

Analysis of the return on assets - ROA

$$ROA = \frac{NI}{TA}$$

NI- net income

TA- total assets

This indicator provides information on the amount of profit the company derives per BGN of its assets. In other words, the indicator provides analytical information on the rate of return on the assets, owned by the company.

For 2011

$ROA = 0.039$

For 2012

$ROA = 0.15$

The values, obtained for the return on assets, show that in 2012 for every BGN, invested in the company's assets, it received 15 stotinki of profit. This value is far better than that in 2011, when for every BGN of assets, invested in the company, it received only 3.9 stotinki of profit.

Analysis of the return on liabilities

$$ROL = \frac{NP}{L}$$

NP- net profit

LB- liabilities

This indicator provides information on how much profit the company derives from any BGN of its liabilities.

For 2011

$$ROL = 0.06$$

For 2012

$$ROL = 0.32$$

Again, there is a sharp improvement in the value for 2012 in comparison with that for 2011. In 2012 the rate of return on liabilities was 0.32, which means that in the same year for each lev of liabilities it received 32 stotinki in profit, which is far better than the situation in 2011 when the profit for each lev of liabilities was only 6 stotinki.

Analysis of the return on equity (ROE)

$$ROE = \frac{NI}{SE}$$

NI- net income

SE- shareholder equity

This indicator provides information on how much profit the company receives for each BGN of invested capital.

This kind of return is considered to have normal values if it is within the range between 7 and 18%, up to 20% at the maximum.

For 2011

$$\text{Return on Equity} = 0.11$$

For 2012

$$\text{Return on Equity} = 0.29$$

The tendency is towards improvement in the return on equity. The results thus obtained are interpreted as follows: In 2012 the rate of return on equity was 0.29, i. e. in 2012 for every BGN of invested capital, the company received 29 stotinki of profit. In comparison, in 2011 this profit was equal to 11 stotinki.

Conclusion

In conclusion of this analysis it could be said that, in general, the financial position of the company improved significantly during the period 2011-2012. This improvement was the result of the complex interaction of several factors: adequate capital structure, drop in liabilities, financial independence and a rise in the return on assets, liabilities and shareholder equity, which is the basis for the increase in the profits of the industrial company.

With reference to adequate management decisions, the author does not underestimate other factors, such as liquidity, return and others which should not be below the required minimum, consistent with the sector, the company belongs to.

Should not be underestimated, of course, and the role of regional factors determined and defined by some authors as a set of "labor resources, consumption, transport, social infrastructure and material resources." [6, p. 57]

Bibliography

1. Alexandrov S., Durin S. Financial Management of the Company. – Sofia, 2000.
2. Dinev D., Krastev T. Analysis of Financial Accounts. – Sofia, 2006.
3. Timchev M. Financial and Economic Analysis. – Sofia : Nova Zvezda Publishing House., 2011.
4. Chukov K. Analysis of the Revenues, Profits and Profitability of the Company. – Sofia : UNWE Publishing House, 2009.
5. Lecture Course on "Financial Analysis" // Assoc. Prof. D. Andreeva, 2009-2010.
6. Velkovska G. Dictionary of regional economic. – Sofia : Valdes – VV – GV Publishing house, 2012

© Andreeva D.

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ УКРАИНЫ

С. В. Полищук

**Национальный технический университет Украины
«Киевский политехнический институт», г. Киев, Украина**

BUDGETING AS A TOOL OF IMPLEMENTATION OF STRATEGIC MANAGEMENT GOALS BASED ON AUTOMOTIVE INDUSTRY OF UKRAINE

S. V. Polischuk

**National Technical University of Ukraine
«Kiev Polytechnic Institute», Kiev, Ukraine**

Summary. In the article it is analyzed the condition of budgeting system at the automobile industry of Ukraine and its place in realization of the strategic management goals. Application of the method of expert evaluations for analysis of the current state of budgeting system and strategic management is justified. Based on revealed tendencies the reasons of ineffective usage of budgeting system are determined. It is noted, that effective management in automotive industry is possible under condition of correspondence of tactical and strategic levels of management. Budgeting is offered as a tool for such correspondence.

Key words: budgeting; strategic management; automotive industry; goals; budgets.

Уровень экономического развития любой развитой европейской страны определяет, прежде всего, состояние отрасли машиностроения. До кризиса развитие машиностроения на Украине было подчинено стабильному спросу на внешнем и внутреннем рынках, а потому вопросам долгосрочного развития, установлению стратегических целей и их контролю не предавалось достаточного внимания. Как результат сегодня имеем наличие большей части убыточных предприятий отрасли, значительные суммы задолженностей и неэффективную структуру затрат. Указанные факторы сформировали новое поле проблем, связанных с выбором эффективных экономических методов и инструментов тактического управления с целью достижения стратегических целей. Одним из таких инструментов, который обеспечивает взаимосвязь и согласованность стратегического и тактического уровней управления, является бюджетирование.

Система бюджетирования позволяет упорядочить поток информации, распределить ответственность за принятие решений, осуществлять контроль за деятельностью отдельных хозяйственных единиц, согласовывать стратегические, тактические и оперативные уровни управления работой предприятия. И хотя она и используется предприятиями машиностроения, однако, по оценкам многих экспертов, сосредоточена на решении исключительно текущих вопросов хозяйственной деятельности.

Таким образом, возникает необходимость основательного анализа состояния системы бюджетирования и ее места с позиций реализации целей стратегического управления на предприятиях машиностроения Украины и понимания направлений её усовершенствования.

Анализируя состояние бюджетирования на предприятиях, одна группа ученых предлагает оценивать его на основании изменения качественных финансовых показателей [1; 2], таких как прибыль, продажи, себестоимость, затраты и т. п. Другие специалисты [3; 4] считают, что финансовые показатели не в полной мере отражают влияние именно наличия бюджетирования на предприятия, а потому качество и состояние бюджетирования необходимо оценивать лишь экспертным путем. Мы соглашаемся с последними, так как оценить состояние и качество бюджетирования по одним только финансовым показателям не представляется возможным.

Положительной особенностью метода экспертных оценок является оперативность получения информации для принятия решения и относительно небольшие затраты. Как недостаток следует выделить высокий уровень субъективности и, как следствие, отсутствие уверенности в достоверности полученных оценок, которое может быть преодолено работой экспертной группы.

В качестве предприятий, на которых оценивалось состояние бюджетирования, нами были отобраны следующие компании, учитывая значение для экономики страны, а также их системный характер для отрасли: ПАТ «ЗАЗ», ООО «Краз», ДП «Автосборочный завод № 1» корпорации «Богдан» и ПАТ «БАЗ». Так, лишь на ПАТ «ЗАЗ» и корпорацию «Богдан» приходится 92–95 % выпуска автомобилей и около 90 % выпуска автобусов в Украине.

Для целей нашего исследования эксперты были выбраны исходя из соображения, согласно которому самую большую степень осведомленности в исследуемом вопросе имеют сотрудники высшего и среднего звена управления предприятиями.

В качестве экспертов нами было отобрано по восемь должностных лиц с каждого предприятия.

Каждому из экспертов предлагалось назвать факторы, которые, на его взгляд, влияют на (или характеризуют) состояние развития системы бюджетирования на предприятии. Путем согласования нами был составлен следующий перечень факторов для исследуемых предприятий:

- 1) разработка бюджетов, а именно бюджета доходов и расходов, бюджета движения денежных средств, баланса;
- 2) согласованность системы мотивации и бюджетных данных;
- 3) анализ отклонений фактических данных от плановых;
- 4) наличие управленческого воздействия по результатам анализа бюджетов;
- 5) разработанный бюджетный регламент.

Дальше каждому из экспертов в ходе беседы предлагалось оценить важность влияния каждого фактора по 10-тибалльной шкале. Оценка факторов экспертами предложена в таблице 1.

Таблица 1

Оценка факторов экспертами*

Факторы	Предприятия	1	2	3	4	5	6	7	8	Итого
Разработка бюджетов	ЗАЗ	9	9	9	9	9	9	9	9	9
	АСЗ № 2	8	9	8	9	8	8	8	9	8,35
	КрАЗ	8	9	9	8	8	8	8	8	8,27
	БАЗ	8	8	9	8	9	8	8	9	8,37
Согласованность бюджетов и мотивации	ЗАЗ	8	7	6	6	7	8	6	8	6,97
	АСЗ № 2	6	8	6	8	8	6	6	6	6,71
	КрАЗ	8	6	6	8	6	8	6	6	6,8
	БАЗ	6	6	6	6	6	6	6	6	6
Анализ отклонений	ЗАЗ	8	8	7	7	8	7	7	7	7,45
	АСЗ № 2	7	7	7	6	7	7	6	7	6,78
	КрАЗ	7	7	6	7	7	7	7	6	6,75
	БАЗ	7	7	7	7	7	7	7	7	7
Управленческое воздействие	ЗАЗ	9	9	7	7	8	8	6	8	7,81
	АСЗ № 2	7	3	4	4	4	4	4	3	4,32
	КрАЗ	9	9	3	4	4	3	4	4	5,26
	БАЗ	8	3	4	4	4	3	4	4	4,52
Бюджетный регламент	ЗАЗ	7	8	5	8	5	5	7	5	6,41
	АСЗ № 2	4	3	2	2	4	5	4	4	3,44

	КраЗ	3	2	2	2	3	2	2	2	2,29
	БАЗ	2	2	2	2	2	3	2	3	2,22
Итого		139	130	115	122	124	122	117	121	

*составлено автором

Для оценки согласованности ответов экспертов может быть применим дисперсионный коэффициент конкордации, предложенный Кенделом.

$$W = \frac{12S}{m^2(n^2 - n)}, \quad (1)$$

где W – коэффициент конкордации Кендела;

S – сумма квадратов отклонений от среднего значения;

m – количество экспертов в группе;

n – количество факторов.

Рассчитанный коэффициент по всем четырем предприятиям дает основания считать, что ответы экспертов были согласованными (табл. 2).

Таблица 2

Согласованность ответов экспертов

Значение показателя	ЗАЗ	АСЗ № 2	КраЗ	БАЗ
Коэффициент конкордации Кендела	0,759	0,875	0,725	0,913

Для формирования критерия оценки состояния системы бюджетирования на каждом отобранном предприятии было предложено сформировать оценочную структуру факторов, в которой экспертами выступают лишь сотрудники, которые по характеру своей деятельности ответственны за вопросы бюджетирования, а именно заместители председателей правления по финансам.

По результатам опроса были определены оценочные факторы, сравнение с которыми и позволило определить состояние системы бюджетирования на каждом предприятии (рис. 1).

Анализ полученных результатов дает возможность утверждать, что на большинстве предприятий система бюджетирования рассматривается в первую очередь как процесс формирования бюджетов, анализа отклонений и согласования бюджетов с системой мотивации. Такая тенденция четко прослеживается на предприятиях АСЗ № 2, КраЗ, и БАЗ. Надо отметить несколько другой подход к пониманию системы бюджетирования на ЗАЗ, где значительно больше внимания уделяется именно фактору управленческого влияния, который по рангу идет на втором месте после фактора разработки бюджетов.

Подобным образом были проанализированы и факторы, которые определяют состояние системы бюджетирования, в работе С. Ф. Голова [1], что свидетельствует об устойчивой динамике низкой эффективности использования преимуществ бюджетирования.

Таким образом, на многих промышленных предприятиях глубокое понимание системы бюджетирования подменяется формальной стороной вопроса, а именно – составлением бюджетов, анализом отклонений и т. п.

На наш взгляд, такое искусственно суженное понимание системы бюджетирования необходимо поднимать на уровень понимания важности в первую очередь управленческого воздействия, а именно того, ради чего формируется любая система управления. Не должно быть системы ради системы. Бюджетирование вне возможностей управленческого воздействия ограничено технической стороной планирования и не приводит к качественным преобразованиям.

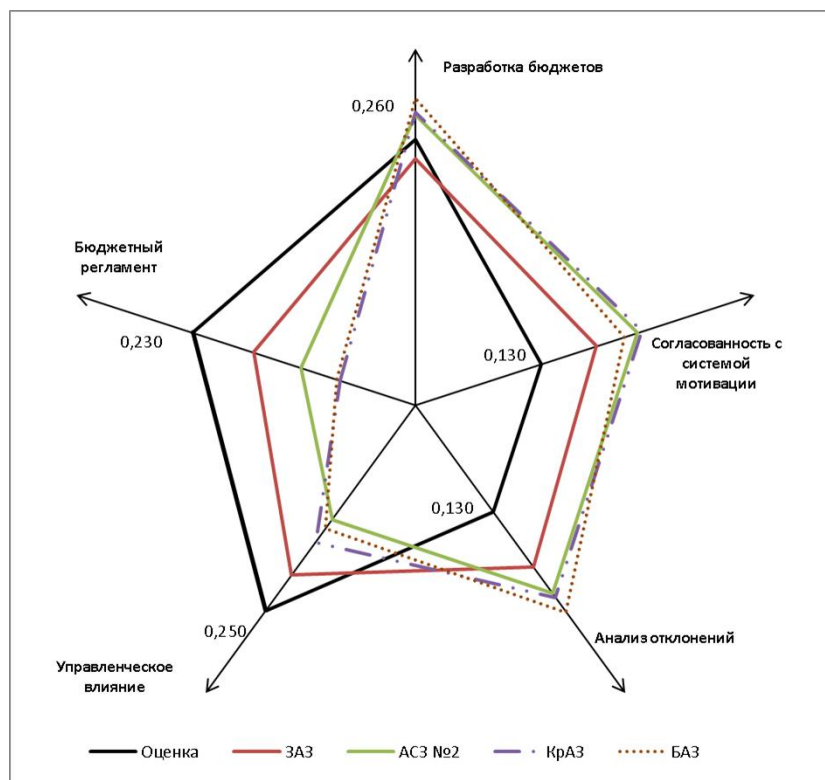

Рис. 1. Состояние системы бюджетирования предприятий машиностроения

В результате анализа был выявлен крайне низкий показатель фактора бюджетного регламента, что также делает невозможным применение бюджетирования как комплексной системы. Регламент выполняет «законодательную» функцию бюджетирования, а потому пренебрежение этим фактором приводит к организации бюджетирования как набора формальных процедур, правил и таблиц.

Таким образом, на наш взгляд, современная система бюджетирования должна в первую очередь акцентировать внимание на осуществлении управленческого влияния, которое делает систему управления управляемой и регулируемой. На втором месте стоит регламентация бюджетного процесса, которая способствует системному подходу к управлению и распределяет функции и обязанности между сотрудниками, и лишь потом – формальные процедуры составления бюджетов, анализа и согласования с системой мотивации.

С целью понимания места и роли системы бюджетирования как инструмента реализации целей системы стратегического управления было проанализировано состояние последней. Результаты анализа сгруппированы на рисунке 2.

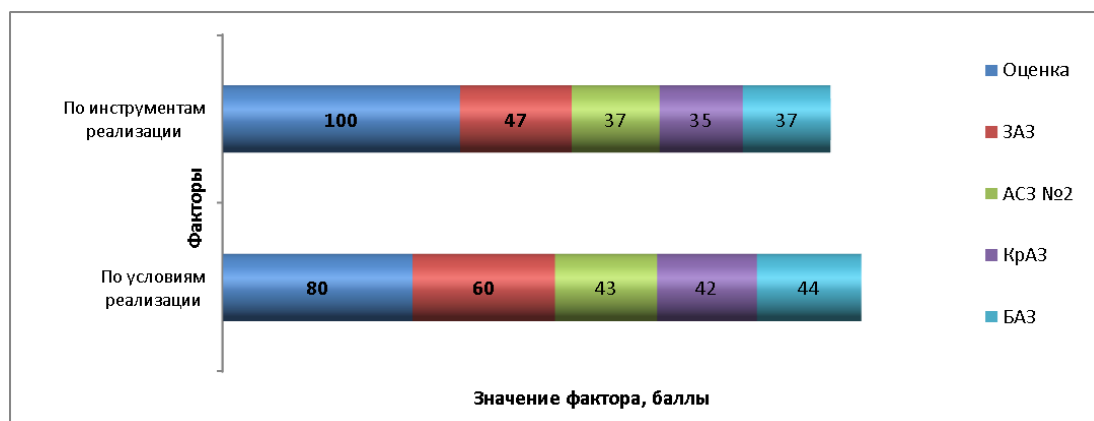

Рис. 2. Состояние системы стратегического управления на предприятиях машиностроения

В результате анализа были выявлены следующие тенденции:

- 1) низкий уровень формирования стратегических целей предприятий в условиях неопределенности;
- 2) отсутствие взаимосвязи стратегических целей и бюджетирования;
- 3) негибкость стратегии к изменениям окружающей среды;
- 4) недостаточный контроль достижения целей;
- 5) отсутствие организационных образований, в компетенцию которых входит реализация и контроль стратегии;
- 6) низкий уровень мотивации сотрудников;
- 7) недостаточный уровень понимания сотрудниками стратегических целей.

Выявленные тенденции состояния бюджетирования и его места в реализации целей стратегического управления дают возможность сгруппировать причины неэффективного использования бюджетирования (табл. 3).

Таблица 3

Причины неэффективности использования системы бюджетирования*

Группа	Суть	Характеристика
Первая группа	Это причины, которые объясняют, почему бюджетирование не рассматривается многими предприятиями как инструмент управления	Нежелание идти на дополнительные затраты, связанные с внедрением бюджетирования на предприятии; нежелание высшего менеджмента и страхи менять ситуацию к лучшему; приоритет тактических задач над стратегическими
Вторая группа	Это причины того, почему отдача от использования бюджетирования ниже ожидаемой	Внедрение функционально ориентированного бюджетирования; отсутствие согласованности бюджетирования со стратегией; слабая автоматизация процесса бюджетирования; нарушение принципов бюджетирования; отсутствие или слабая бюджетная дисциплина

* составлено автором

Таким образом, успешное осуществление хозяйственной деятельности на предприятиях машиностроения, по нашему мнению, возможно при условиях:

- скоординированного взаимодействия контуров стратегического и тактического управления на предприятиях;
- создания комплексной системной технологии бюджетирования, которая интегрирует сформированные стратегические цели в конкретные бюджетные показатели предприятия, обеспечивая при этом и их дальнейший взаимосогласованный анализ и контроль.

Библиографический список

1. Голов С. Ф. Управленческий учет : учеб. – 4-е изд. – К. : Либра, 2008. – 704 с.
2. Немировский И. Б., Старожукова И. А. Бюджетирование: от стратегии к бюджету – пошаговое руководство. – М. : Вильямы, 2006. – 512 с.
3. Онищенко С. В. Внедрение бюджетирования на отечественных предприятиях // Финансы Украины. – 2003. – № 4. – С. 45–50.
4. Савчук В. П. Финансовый менеджмент предприятий: практические вопросы с анализом деловых ситуаций. – К. : Изд. дом «Максимус», 2001. – 600 с.

© Полищук С. В.

ОЦЕНКА ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Б. С. Ватченко

**Днепропетровская государственная финансовая академия,
г. Днепропетровск, Украина**

VALUATION OF PROPERTY POTENTIAL OF THE REGION

B. S. Vatchenko

**Dnipropetrovsk State Finance Academy,
Dnepropetrovsk, Ukraine**

Summary. The article discloses the property potential of the region in terms of taxation. The estimation of property potential consists of the real assets' cost of natural and legal persons. The real assets' cost of legal person is determined by accounting data as in the most countries. The real assets' cost for natural person is calculated by algorithm, where factors, indicators and characteristics which have huge influence on its value is determined by the cost.

Key words: property; property potential; region; real estate; cost; local budgets; taxation.

Недвижимость характеризуется такими чертами, как обязательная государственная регистрация, неповторимость, визуальная наглядность, постоянство местоположения, долговечность, изменение за время своего существования, рост стоимости во времени. Кроме того, она является идеальным объектом налогообложения и во многих странах служит источником доходной части местных бюджетов.

Имущественный потенциал региона характеризуется величиной, составом и состоянием недвижимости, отличающейся от земельного участка, которым владеет и распоряжается население, организации, муниципалитеты.

Имущественный потенциал региона – это всё разнообразие видов зданий и сооружений, созданных руками человека, которые отличаются по целям и функциям использования, имеют стоимость и фиксированное место расположения, отвечают потребностям общества на данном этапе развития и направлены на эффективное их использование и наращивание в будущем [2].

Ведущую роль в экономической системе государства и в функционировании его регионов занимают местные бюджеты. Это наиболее сильное звено бюджетной системы страны, которое играет важную роль в перераспределении валового внутреннего продукта, и влияет на состояние и качество предоставления общественных услуг. Кроме того, местные бюджеты служат главным каналом доведения до населения конечных результатов общественного производства.

Самостоятельность и независимость органов местного самоуправления является одной из важнейших предпосылок построения демократического государства. С одной стороны, степень финансовой самостоятельности местных органов власти характеризует независимость государства в целом, потенциальные возможности её экономического развития. С другой – государство не может успешно развиваться и процветать, не давая гарантий финансовой независимости местным органам власти.

Ещё в 1991 г. в Законе Украины «О системе налогообложения» [5] был определён налог на недвижимое имущество (недвижимость), а также налог (плата) на землю. В статье 14 вышеназванного закона к общегосударственным были отнесены такие налоги и сборы (обязательные платежи): налог на добавленную стоимость, акцизный сбор, налог на прибыль предприятий, налог на доходы физических лиц, пошлина, государственная пошлина, налог на недвижимое имущество (недвижимость), плата за землю (земельный налог, а также арендная плата за земельные участки государственной и коммунальной собственности) и дальше согласно выше приведённого Закона.

Налог на недвижимость относится к категории ресурсных платежей. Его введение было не обходимо, с одной стороны, для обеспечения постоянных поступлений в бюджет – выполнение фискальной функции, с другой – стимулирования предприятий для эффективного использования имущества.

Учёные за период независимости Украины предлагали ввести в систему налогообложения налог на имущество, отличающееся от земельного участка, как для юридических, так и для физических лиц, но его характерной особенностью было то, что в отличие от большинства других налогов этот налог только декларировался и не использовался. Возникло огромное количество проблем в системе налогообложения относительно наполнения доходной части местных бюджетов.

В 1993 г. Декретом Кабинета Министров Украины «О местных налогах и сборах» [6] налог на недвижимое имущество (недвижимость) был отнесён к местным налогам, но механизма взыскания этого налога не было отработано. Он не стал собственным источником наполнения доходов местных бюджетов.

В принятом Налоговом кодексе Украины (НКУ) [4] определено, что налог на недвижимость состоит из двух налогов: налога на землю и на недвижимое имущество, отличающееся от земельного участка. Налог на землю функционирует со времени получения Украиной независимости, взимается с плательщиков ежегодно. Согласно НКУ базой налогообложения при взимании налога на недвижимое имущество, отличающееся от земельного участка, стала жилая площадь объекта жилищной недвижимости.

Недвижимость как экономическое благо выполняет функцию предмета потребления – ресурса для личного и общественного пользования. В рыночных условиях недвижимое имущество становится товаром, как объект разных соглашений. При правильном подходе налог на недвижимость становится рычагом справедливого перераспределения социальных благ в обществе и одной из весомых статей доходной части местного бюджета. В мире используют разные модели определения базы налогообложения, а именно: модель, основанная на величине ренты, на площади недвижимости, на балансовой или инвентаризационной стоимости, на рыночной стоимости. Последняя модель определения базы налогообложения наиболее присуща рыночной экономике.

Условием эффективности налогообложения является равномерное распределение налоговой нагрузки ради обеспечения его справедливости. В этом случае для налогоплательщиков важно, чтобы объекты оценивались одинаково, по стандартной методике, независимо от широты кругозора оценщика и способностей добиться скидок.

В утверждённом Национальном стандарте № 1 «Общие принципы оценки имущества и имущественных прав», которые были приняты в 2003 г. (далее Стандарт № 1) [7], стоимость определяется, как эквивалент ценности объекта оценки, выраженный в вероятной сумме денег, и может быть рыночной и нерыночной.

В Украине [7], как и в международной практике [8] для определения стоимости недвижимого имущества используют три методических подхода: затратный, доходный (прибыльный), сравнительный или аналогов продаж. Практика применения того или другого подхода зависит от меры развитости рынка объектов недвижимости.

Применение доходного подхода и аналогов продаж становится невозможной из-за отсутствия достаточного количества начальных данных или их неадекватности. Это происходит в результате экономических спадов – и количество продаж резко падает, есть здания, для которых трудно найти данные о продажах сравнимых объектов и есть здания, назначение которых не направлено на получение дохода (здания объектов социальной сферы деятельности – учебные заведения, больницы, здания почты и так далее). Аналогичная ситуация может сложиться на рынке уникальных объектов, которые продаются очень редко или вообще не продаются, поэтому их также трудно оценить с помощью этих методов. В данных случаях получил широкое использование затратный подход.

В зависимости от целей оценки можно индивидуализировать (подчеркнуть своеобразие) или унифицировать (определить принадлежность к типу) любой объект недвижимости. В первом случае оценщик использует индивидуальный подход, делая акцент на особенностях объекта, и проводит индивидуальную оценку, то есть оценку конкретного объекта недвижимости на конкретную дату.

Во втором случае применяют приёмы массовой оценки. Это позволяет произвести оценку разнообразных объектов недвижимости, которая удовлетворяет как заказчика, так и оценщика. Для заказчика стоимость такого подхода значительно дешевле, для оценщика – упрощается процесс оценки.

Массовая оценка – это систематическая оценка групп объектов недвижимости по состоянию на определённую дату с использованием стандартных процедур и статистического анализа. Она имеет дело с оценкой большого количества объектов, которые, естественно, различаются между собой, потому вынужденным инструментом её является применение стандартных методов к группам и классам объектов, что требует определённой работы по классификации и стратификации объектов [8].

Определение «массовая» относится к оценке, а не к объектам, и указывает на использование специальных приёмов и методов оценки, а не массовый, типичный характер объектов.

Определение стоимости имущества юридических лиц происходит по данным бухгалтерской отчётности. Налогооблагаемой базой в данном случае является среднегодовая балансовая стоимость основных средств предприятия за отчётный год.

При определении рыночной стоимости недвижимого имущества физических лиц в целях налогообложения используют массовую оценку, при которой необходимо выйти на минимальное количество факторов, показателей и характеристик этих показателей, максимально влияющих на стоимость объектов недвижимости.

Исследования показали, что на конкурентном рынке при покупке недвижимости в том или другом населённом пункте покупатели в первую очередь обращают внимание на такие основные моменты:

- статус населенного пункта;
- место расположения здания в районе, а если более конкретно, то на район, в каком покупатели будут проживать;
- на функциональное использование территории;
- на материал конструкции здания и его размещения;
- на состояние недвижимости в здании.

Отличительными чертами недвижимости, отличающейся от земельного участка того или другого класса, остаются цена, жилая площадь, расположение относительно пределов мегаполиса и развитая инфраструктура. Все другие факторы можно назвать вторичными и не такими весомыми [1].

Стоимость оценки жилой недвижимости для физических лиц включает в себя несколько этапов.

Этап 1. В зависимости от статуса населённого пункта определяется базовая стоимость объекта оценки (B_1) – средняя цена 1 м кв. жилья в городе. Если город с районным делением, то по району. Эта стоимость подлежит корректировке в зависимости от факторов, показателей и характеристик, влияющих на стоимость жилой недвижимости.

Этап 2. Базовая стоимость корректируется на коэффициент, учитывающий месторасположение здания в городе ($k_{\Phi 6}^i$), $\Phi. 6$ – фактор 6. Объект оценки может находиться в центре города, в районах, приближенных к центру, в срединной зоне, в спальных районах, на периферии или в промышленных районах.

Скорректированная стоимость определяется по формуле

$$B_2 = B_1 \times k_{\Phi 6}^i,$$

где i – номер выбранного корректирующего коэффициента по фактору $\Phi 6$.

Этап 3. Корректировка стоимости с учётом месторасположения здания в районе ($\Phi. 7$).

Положение здания в микрорайоне зависит от параметров, которые характеризуют свойства данного здания по отношению к другим, расположенным в том же микрорайоне. То есть объект недвижимости может быть дороже или дешевле в зависимости от показателей, которые количественно описывают его по-

ложение: расстояние к автомагистралям, центру микрорайона, к местам соцкультбыта, остановок общественного транспорта, к «красной линии» застройки, сетей других коммуникаций.

Корректировка происходит в следующей последовательности: стоимость, полученная на этапе 2, корректируется в зависимости от расстояния между объектами в пределах района по следующим показателям ($k^i_{\phi 7}$):

- расстояние к остановкам общественного транспорта;
- расположение относительно «красной линии»;
- расстояние к супермаркетам и местам общественного обслуживания;
- окружение объекта.

После того как из каждого блока выбраны соответствующие поправочные коэффициенты, можно скорректировать стоимость объекта, полученную на предыдущем этапе.

Определение откорректированной стоимости объекта:

$$B_3 = B_2 \times \prod_{i=1}^4 k^i_{\phi 7}.$$

Этап 4. Корректировка стоимости с учётом функционального использования территории (Ф. 2). Выделяют три укрупнённых типа функциональных территорий: производственный, селитебный и ландшафтно-рекреационный ($k^i_{\phi 2}$). От того, в котором из этих районов города находится объект, в известной степени зависят возможности как будущего функционального использования, так и доходы, которые получают в результате такого использования. На производственной территории объекты в основном представлены одноэтажными пролётными зданиями. Функциональное использование селитебной территории чаще всего воплощено в застройке одно- двух- пяти и многоэтажными домами. Ландшафтно-рекреационная территория – это территория, которая охватывает пригородные леса, лесопарки, лесозащитные полосы, водоёмы, зоны отдыха и курортные зоны, земли сельскохозяйственного использования и другие, которые вместе с парками, садами, скверами, бульварами формируют систему озеленения и оздоровительных зон [3]. Скорректированная стоимость определяется так:

$$B_4 = B_3 \times k^i_{\phi 2}.$$

Этап 5. Корректировка стоимости с учётом материала конструкции здания (Ф. 5). Потребительские свойства объекта недвижимости и его стоимость зависят от материалов конструктивных элементов. Выявлено, что наибольшее влияние на стоимость недвижимости имеют стены, перекрытия, кровля, крыша. В зависимости от материала той или другой конструкции выбирается соответствующий поправочный коэффициент ($k^i_{\phi 2}$)

Избрав соответствующие поправочные коэффициенты, можно скорректировать стоимость объекта, полученную на четвёртом этапе:

$$B_5 = B_4 \times \prod_{i=1}^4 k^i_{\phi 2}.$$

Этап 6. Корректировка стоимости с учётом размещения объекта оценки в здании (Ф. 8). Проводится в зависимости от расположения на этаже. Корректировка стоимости по поверхностности учитывается коэффициентами $k^i_{\phi 8}$. Из опыта оценочной деятельности можно утверждать, что квартиры, расположенные на 3–4 этажах в 5–6 этажных и многоэтажных домах ценятся дороже, следовательно, корректирующий коэффициент для этих квартир будет равняться 1,0. Второй этаж – 0,98. С повышением на 1 этаж балльные показатели будут уменьшаться на 0,02. Для квартир, которые расположены на 1-м этаже, коэффициент будет равняться 0,9 балла.

Стоимость объекта оценки определится так:

$$B_6 = B_5 \times k^i_{\phi 8}.$$

Этап 7. Корректировка по техническому состоянию ($k^i_{\phi 9}$). На данном этапе корректировка осуществляется с учётом внутреннего технического состояния об-

ъекта оценки: хорошее состояние жилья – коэффициент корректировки равен 1,0, евроремонт – 1,1, удовлетворительное состояние (нуждается в ремонте или требует косметического ремонта) – 0,9, неудовлетворительное состояние – 0,8.

Стоимость объекта оценки определится так:

$$B_7 = B_6 \times k_{i_{фр.}}$$

Этап 8. Корректировка на присутствие торгога ($k_{торг}$). В условиях рынка купля-продажа любого товара, а недвижимость является товаром, чаще всего сопровождается торгом, в результате которого происходит уменьшение стоимости от 15 % до 5 %. Учитывая этот фактор, откорректированная стоимость объекта оценки будет определяться по формуле

$$B_8 = B_7 \times k_{торг.}$$

Предложенная методика позволит определить стоимость как отдельно взятого объекта оценки, так и имущественный потенциал района, города и региона. Кроме того, данная методика поможет решить вопрос ввода налога на недвижимость для физических лиц на основе рыночной стоимости. Для этого в первую очередь необходимо сформировать кадастр недвижимости и действующую систему её массовой оценки.

Библиографический список

1. Ватченко Б. С. Визначення оптимальної кількості факторів, що впливають на вартість нерухомого майна, відмінного від земельної ділянки // Науково-виробничий журнал «Держава та регіони». – № 4. – 2012. – С. 179–183. (Серия «Економіка та підприємництво»).
2. Ватченко Б. С. Майновий потенціал регіону: сутність, структура // Економічний простір: збірник наукових праць. – № 64. – Дніпропетровськ : ПДАБА, 2012. – 300 с. – С. 40–51.
3. Державні санітарні правила планування та забудови населених пунктів. Наказ Міністерства охорони здоров'я України від 19 червня 1996 року № 173. см. Пункт 3.4.
4. Податковий кодекс України від 02.12.2010 № 2755-VI. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2755-17>
5. Про систему оподаткування: Закон України від 25.06.91 р. № 1251-XII / ВВР, 1991, №39, ст. 510, стаття 14 розділ II:URL: <http://rada.gov.ua>
6. Про місцеві податки і збори: Декрет Кабінету Міністрів України від 20.05.1993 №56-93. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/56-93>
7. Національний стандарт № 1 «Загальні засади оцінки майна і майнових прав». URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1440-2003-%EF>
8. Организация оценки и налогообложения недвижимости : д 2-х т. / под общ. ред. Дж. К. Эккерта. – М. : ООО «СТАР ИНТЕР», 1997. – Т. 2. – 384 с.

© Ватченко Б. С.

**ВСТУПЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В ВТО
В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СО
СТРАНАМИ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА**

А. Ж. Асаинов, А. Н. Елеукулова, С. Х. Калжанова
Казахский университет технологий и бизнеса,
г. Астана, Казахстан

**THE ENTRY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN INTO THE WTO
IN THE CONTEXT OF ECONOMIC COOPERATION WITH THE COUNTRIES
OF THE CUSTOMS UNION**

A. Zh. Asainov A. N. Eleukulova S. H. Kalzhanova
Kazakh University of Technologies and Business, Astana, Kazakhstan

Summary. The scientific article is devoted to productivity research the entry of Kazakhstan into the World Trade Organization. Specifics of cooperation with the countries of the Customs union is opened. Are presented system of requirements to quality of production.

Key words: WTO; TS; EEP; RK; EurAsEC.

Данная статья предназначена для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «мировая экономика».

В последние годы большинство стран ощутили негативное влияние мирового экономического кризиса. Не стали исключением и государства постсоветского пространства. В этих условиях возрастает необходимость интеграционных процессов, институционализации и наднационального регулирования внешней торговли в признанных международно-правовых рамках как одного из способов смягчения последствий кризиса. Именно поэтому был сформирован Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (ТС), а также осуществлено последующее вступление этих стран во Всемирную торговую организацию (ВТО) в качестве единой таможенной территории, как это сделали европейские страны, вступив в Евросоюз, а далее единым блоком вступили в ВТО. Но так как в ВТО вступить единой организацией для каждой из сторон будет довольно сложно, страны – участницы ТС решили вступать индивидуально, одновременно и на согласованных позициях внутри союза, так они смогут вступить в ВТО и сохранить Таможенный союз.

Казахстан – активный член Таможенного союза, поэтому со странами-партнерами проводит единую внешнеторговую политику. Подписанный в прошлом году договор о Таможенном союзе в рамках многосторонней торговой системы позволит данному союзному объединению успешно действовать и в будущем, уже в рамках системы ВТО. По указанному договору обязательства страны, первой вступившей в ВТО, становятся частью правовой базы Таможенного союза. После вступления в ВТО остальных членов ТС правовая база Таможенного союза корректируется с учетом их обязательств.

Ажиотаж вокруг вступления Казахстана во Всемирную торговую организацию нарастает. Законы экономики неумолимы: благосостояние и авторитет любого государства с каждым годом всё больше зависят от внешней торговли. И руководители большинства из них справедливо полагают: едва ли не самый эффективный способ улучшить торговые связи – присоединиться к ВТО, открывающей путь на всемирную торговую ярмарку.

Таким образом, цель РК на пути вступления в ВТО – создание благоприятных условий для устойчивого экономического роста за счет осуществления своей внешней торговли и коренной перестройки внутренних условий производства товаров и услуг в соответствии с правилами, нормами. Для Казахстана нет вопроса «быть или не быть» в ВТО, гораздо более актуально – «когда и на каких условиях», чтобы соблюсти хрупкий баланс интересов общего рынка и национальной экономики. Найти то самое «золотое сечение», при котором в выигрыше останут-

ся и отечественные производители, и потребители, и вся национальная экономика в целом. На сегодняшний день по-прежнему нет единых суждений, что же в целом сулит столь кардинальный шаг – выгоды или издержки, в это сообщество стремятся большие и малые страны. Недаром в рядах всемирного «торгового клуба» уже состоят 146 стран мира.

Развитие экономики Казахстана в современных условиях связано с расширением торговых границ и выходом на мировые рынки, что обусловило необходимость вступления Казахстана во Всемирную торговую организацию (ВТО). Для нашей республики важно участие в ВТО, поскольку членство в этой организации дает некоторую защиту от произвольного введения ограничительных мер другими государствами.

Интеграция в международную систему торговли позволяет государствам осуществлять более стабильную и предсказуемую торговлю, определяемую международными правилами торговли ВТО.

Однако вступление республики в ВТО ставит сельское хозяйство в рамки жесточайшей конкуренции. Аграрная сфера является жизнеобеспечивающей отраслью, от которой зависит не только продовольственная, но и национальная безопасность страны.

Казахстан заинтересован в вступлении на мировой рынок согласованно с региональными партнерами, например ЕвразЭС. В частности РК имеет особую заинтересованность в совместном вступлении на внешний рынок с Россией. При наличии 7,5 тыс. км. почти открытой границы между РК и РФ, при огромном объеме кооперационных поставок и взаимной торговли резкое уменьшение внешнеэкономического режима может привести к серьезным последствиям для обоих государств.

Льготы ВТО сосредоточены в основном в торговле готовыми изделиями и наукоемкой продукцией, тогда как основу казахстанского экспорта составляют пока сырье и топливо, которые допускаются на внешние рынки почти без ограничений. Только из-за антидемпинговых разбирательств в отношении многих сырьевых товаров Казахстан уже потерял почти 550 млн долларов США.

Вступление нашей страны в ВТО не за горами, и войти в эту организацию мы должны «во всеоружии». Соответственно, основные приоритетные отрасли экономики, такие как сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, инновационные программы, образование и т. д., должны иметь наибольшую правительственную поддержку в области развития. Разработанная Н. А. Назарбаевым «Агропродовольственная программа на 2003–2005 гг.» направлена именно на поддержку сельскохозяйственной отрасли экономики. Важно, чтобы наша продукция была конкурентоспособна и востребована на внешнем рынке. Иначе при вступлении в ВТО импорт завалит наш внутренний рынок, отчего в первую очередь пострадают производители, а значит, и вся экономика РК.

На мой взгляд, в связи с реализацией данной программы, а также осуществлением стратегии «Индустриально-инновационное развитие РК на 2003–2015 гг.» в нарастающей степени будет ощущаться необходимость реализации продвижения товаров не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, что, в принципе, в полной мере отвечает цели государственного регулирования в области вступления РК в ВТО.

Курс на присоединение к ВТО становится одним из приоритетных направлений для РК. В связи с этим очень важен анализ выгод и потерь, связанных с этим шагом. Следует отметить, что участие в ВТО может иметь положительное значение только в том случае, если условия вступления будут выгодны.

Сертификация товаров, их стандартизация, знание международного законодательства, качественный менеджмент и маркетинг – вот что будет востребовано при вступлении в ВТО. Положение смогут исправить не просто финансовые вливания в проблемные отрасли экономики, а структурные преобразования в них.

Тревога казахстанских предпринимателей по поводу вступления в ВТО сегодня вполне объяснима. В условиях Единого экономического пространства казахстанские компании оказались под серьезным прессингом российских конкурентов. Россиянам выгодно размещать свои производства в нашей стране за счет более комфортного налогового режима. С 2011 года идет мощная экспансия российского бизнеса в Казахстан: по данным, которые публикуют предпринимательские ассоциации, в стране сегодня насчитывается от 500 до 800 крупных и средних предприятий с российским участием. Активно работают представительства российских производителей продовольствия, техники, химии. Быстрыми темпами растет российский и белорусский импорт. Особенно данный процесс заметен на рынках продовольствия, бытовой техники и некоторых других товаров, где со стороны наших партнеров по Таможенному союзу и ЕЭП в последнее время наблюдается откровенная стратегия ценового «выдавливания». Причем противодействовать этому пока довольно сложно.

Отсюда и страхи по поводу того, что после вступления в ВТО к конкурентному давлению российско-белорусских товаров на местном рынке прибавится экспансия иностранных компаний. Следует ли бизнесу ждать ухудшения условий в результате наложения «фактора Таможенного союза и ЕЭП» на «фактор ВТО» в рамках казахстанского рынка? Этот вопрос волнует очень многих.

Итак, рассмотрев все недостатки и проблемы, препятствующие вступлению РК в ВТО, следует задать закономерный вопрос: «Какие выгодные перспективы развития ждет Казахстан от вступления на мировую торговую ярмарку?» А выгоды вполне очевидны: расширение доступа на рынки стран-участниц ВТО; создание предсказуемой законодательной базы, отвечающей международным стандартам; содействие привлечению прямых иностранных инвестиций, новых технологий; расширение ассортимента и качества товаров; стимулирование экономического роста и многое другое.

Как уже неоднократно отмечалось, для Казахстана было принципиальным вопросом, чтобы в ВТО сначала вступила Россия, потому что обязательства страны, первой вступившей в ВТО, автоматически становятся частью нормативно-правовой базы Таможенного союза. А эти обязательства с точки зрения действующего режима оказались не настолько кабальными и тяжелыми, как пишут московские обозреватели. Не случайно глава государства Нурсултан Назарбаев не так давно по этому поводу заметил, что вступать на условиях, на которых в ВТО вошла Россия, «для Казахстана очень выгодно, потому что Россия выторговала для себя более высокие тарифы, чем те, которые у нас есть сейчас».

Казахстану, как и остальным членам ЕврАзЭС, нет острой необходимости форсировать вступление в ВТО. Лучше еще раз взвесить, провести детальные расчеты, согласовать свои предложения и попытаться минимизировать совокупные издержки при вхождении в эту организацию.

Библиографический список

1. Куттнер Р. «Единому рынку – общие правила». – М : Бизнес уик, 2000.
2. Магомедова А. И., Хасанова Е. З. ГАТТ: правовая природа и структура // Редколлегия журнала «Вестник Санкт-Петербургского гос. ун-та». – СПб., 2000. – (Сер.: Философия и социально-экономические науки).
3. Смирнов С. ВТО: Проблемы вступления. URL: <http://www.kisi.kz/Parts/Comment.html>
4. Быков О. Н. Год планеты: Экономика. Политика. Бизнес / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. – М. : Республика, 2002.
5. Чернышев С. В. Механизм регулирования международной торговли: нормы и правила ГАТТ // Сборник научных трудов / Всесоюзн. Науч.-исслед. конъюнктурный ин-т. – М., 1999
6. ВТО: будущее успешной торговли начинается сегодня. URL: <http://www.interservis.ru>
7. Пять причин для вторжения. Нужна ли Казахстану ВТО? URL: <http://www.asia-a.ru>

© Асаинов А. Ж., Елеукулова А. Н., Калжанова С. Х.

ДИСПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА

Е. А. Панфилова

Ростовский государственный экономический университет,
г. Ростов-на-Дону Россия

DISPROPORTIONATELY RUSSIAN INSTITUTE OF BANKRUPTCY

E. A. Panfilova

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Summary. In the article the dysfunctionality between the liquidation, rehabilitation and preventive functions of the Russian Institute for bankruptcy at the federal and regional levels. A comparative analysis of bankruptcy in the public and private sector, defined specific procedures bankruptcy of state-owned and private enterprises.

Key words: economic theory; institutionalism; the bankruptcy; disproportionality; dysfunctional institutions; debt enforcement; the bankruptcy of businesses and individuals.

Диспропорциональность функций российского института банкротства приводит к неэффективности его функционирования на федеральном и региональном уровнях, что актуализирует проблематику рассмотрения причин и факторов данного явления.

Российский институт банкротства (несостоятельности) как экономико-правовой институт характеризуется сложной институциональной формой реализации, проявляющейся в множественности критериев банкротства экономических субъектов (*по типу самих субъектов и по признакам банкротства*), по организационной сложности основных процедур института банкротства (*финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение*). А также данному институту присуща множественность субъектного состава (*кредиторы, должники, уполномоченные органы, внешний управляющий, арбитражный управляющий, саморегулируемые организации, коллекторы, медиаторы, и др.*), что создаёт предпосылки диспропорциональности и дисфункциональности в практической реализации российского института банкротства.

Так, по экспертным оценкам, российский институт банкротства почти на треть является дисфункциональным – за счёт использования заказных банкротств, которые чаще всего заканчиваются переделом собственности, недружественным поглощением, уклонением от уплаты налогов и т. д. [1].

Кроме того, несовершенство и противоречивость законодательного «ядра» института банкротства, определяющего институциональную форму его реализации, проявляется в том, что институт банкротства может отражать оппортунизм различных участников долговых отношений (кредиторов, должников, арбитражных управляющих, кредитора, должника и уполномоченных органов). Он воспроизводится в совокупности различных способов реализации и неравномерности применения *восстановительной, ликвидационной и профилактической* функций института банкротства.

Диспропорциональность наблюдается между базовыми функциями российского института банкротства – *восстановительной* (реабилитационной) и *ликвидационной* – при возрастающем количестве заявлений о признании должников несостоятельным (банкротом). Если в 2011 году в арбитражные суды было направлено 33 385 заявлений о банкротстве, то в 2012 году – 40 864 заявления, что на 22, 4 % больше, чем в 2011 г. (Рис.1) [2].

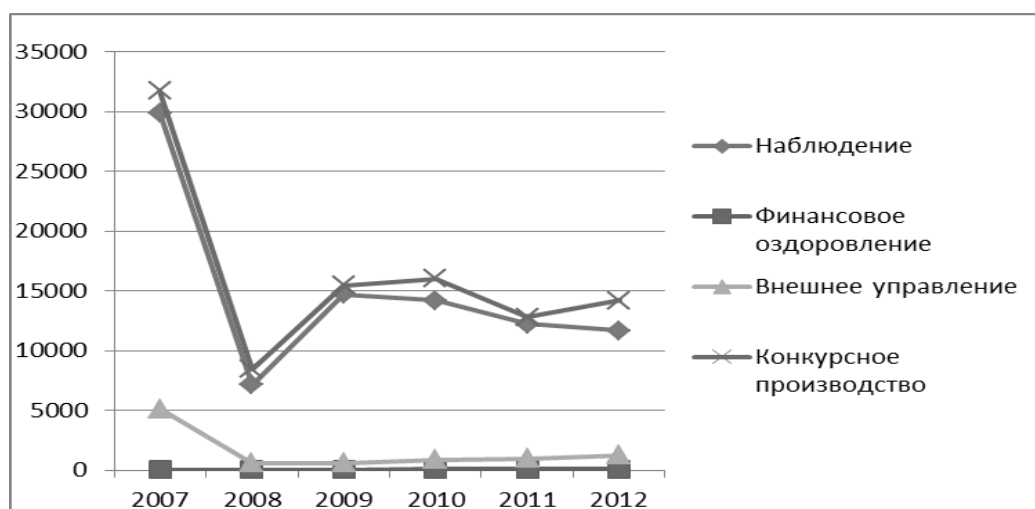

Рис. 1. Динамика процедур института банкротства по России с 2007–2012 гг.

В большинстве дел о несостоятельности (банкротстве) в 2012 г. более 60 % отводится к *ликвидационным процедурам*, реализуемым через конкурсное производство, что объясняется введением упрощённой схемы банкротства, на долю которой пришлось 18 % от общего количества конкурсных дел, что связано с ростом невыплат обязательных платежей налоговым органам и территориальным органам Пенсионного фонда РФ.

Различия в делах о банкротстве, а конкретнее в открытии непосредственно конкурсного производства, наблюдаются в зависимости от классификации предприятий-должников на государственные, муниципальные и частные предприятия (Табл 1) [3]¹.

Таблица 1.

Динамика дел о банкротстве государственных и муниципальных категорий должников по РФ с 2009–2012 гг.

Категории должников, признанных банкротами	2009 г.	2010 г.	Отклонение +/-, %	2011 г.	Отклонение +/-, %	2012 г.	Отклонение +/-, %
Всего	15 473	16 009	3,5 %	12 794	–20,1 %	14 072	10,0 %
Государственных унитарных предприятий	126	109	–13,5 %	83	–23,9 %	76	–8,4 %
Муниципальных унитарных предприятий	551	399	–27,6 %	302	–24,3 %	310	2,6 %

Таким образом, в 2012 году всего принято 14072 решения о признании должников банкротами и открытии конкурсного производства в отношении них. Из них в 2,7 % должников – это государственные и муниципальные унитарные предприятия, и можно сделать вывод, что они гораздо реже, чем остальные, становятся банкротами.

В большинстве случаев разбирательство по делу в рамках процедуры банкротства данных предприятий завершается просто закрытием дела, а не конкурсным производством, то есть распродажей имущества. К тому же наблюдается заметное сокращение решений о признании банкротами в отношении государственных и муниципальных унитарных предприятий за последние четыре года

Доминирование ликвидационной функции института банкротства не означает, что заявленные требования конкурсных кредиторов удовлетворяются

¹ Составлено автором.

за счёт реализуемой конкурсной массы должника. В подавляющем большинстве случаев денежные средства, полученные в ходе производства по делу о банкротстве, первоначально направляются на внеочередные расходы, то есть на оплату проведения самих процедур банкротства. Так как расходы арбитражного управляющего, да и в целом расходы на проведение процедур банкротства неплатёжеспособного субъекта взимаются как внеочередные, то в практике российского института банкротства имеет место умышленное затягивание сроков производства арбитражным управляющим.

Кроме того, банкротство частного предприятия-должника может быть достигнуто прекращением собственной предпринимательской деятельности, в том числе и без применения каких-либо официальных ликвидационных процедур. Такие должники считаются отсутствующими, как правило, данный способ «самоликвидации» в большинстве своём используют индивидуальные предприниматели. Рост числа дел по отсутствующим должникам на 30 % в 2012 г. по сравнению с 2011 г. свидетельствует о неформальной самоликвидации должников [4]. В связи с этим можно отметить, что в более чем 90 % дел о несостоятельности должник ликвидируется. Однако, несмотря на доминирование ликвидационной функции института банкротства, она выполняется неэффективно – за счёт затягивая сроков дел о банкротстве, за счёт внеочередных расходов на проведение процедур банкротства, что снижает шансы конкурсных кредиторов получить долг с должников, а так же за счёт увеличивающегося количества отсутствующих должников.

Реабилитационная (восстановительная) функция российского института банкротства осуществляются через процедуры *финансового оздоровления* и *внешнего управления*. В российской практике процент восстановления платёжеспособности должника чрезвычайно мал (2–3 %), а реабилитационные процедуры банкротства в большинстве случаев не позволяют восстанавливать платёжеспособность должника. За период с 2006 по 2012 восстановлена платёжеспособность 182 хозяйствующих субъектов. Вдобавок наблюдается тенденция к постоянному сокращению процедур, направленных на восстановление платёжеспособности должников, а именно финансового оздоровления и внешнего управления.

В 2012 г. по сравнению с 2011 г. в целом по России отмечено сокращение реабилитационных процедур на 6 %, что свидетельствует о низком санационном потенциале российского института банкротства. Кроме того, реабилитационная функция института банкротства неэффективно используется не только в количественном аспекте, но и в качественном. Это связано с применением процедуры внешнего управления не для восстановления платёжеспособности предприятия-должника, а в целях «ускоренной ликвидации» банкрота по плану внешнего управления, избегая издержек процедур конкурсного производства [5]. Применение *мирового соглашения* для прекращения дела о банкротстве также составило незначительное число, а именно 2,3 % от общего числа дел. Использование института банкротства как средства уклонения от налогов и налоговой оптимизации продиктовано несовершенством самого налогового планирования и использованием выводов активов должником, как до начала процедур банкротства, так и во время процедуры банкротства.

В итоге реабилитационная функция института банкротства выполняется неэффективно и с позиции количества проведения реабилитационных процедур, и с позиции качественных характеристик целей их применения, когда через процедуры внешнего управления производится не восстановление платёжеспособности должника, его «скрытая» ликвидация. Неэффективность реабилитационных процедур в рамках российского института банкротства приводит к росту использования налоговой оптимизации, как в рамках института банкротства, так и за его пределами, что так же деформирует его оптимальное функционирование.

Профилактическая функция института банкротства, направленная на снижение оппортунизма участников долговых отношений и прежде всего кредиторов и должников, а так же на арбитражных управляющих, проявляется в деятельности института саморегулируемых организаций. Однако и данный

элемент российского института банкротства функционирует ещё не в достаточно эффективной форме, что подтверждается возрастанием количества жалоб об отстранении арбитражного управляющего (рост составил 11 % в 2012 г., по сравнению с 2011 г.) . Причиной такого увеличения является не только сами отклоняющиеся действия арбитражных управляющих, но и рекомендации Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по поводу отстранения управляющих [6]. В свою очередь, эффективность государственных мер по профилактике оппортунизма кредиторов и должников в борьбе с криминальным характером с заказных банкротств в РФ остаются крайне низкими, что подтверждается единичными случаями привлечения к уголовной ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство предприятий [7]. Другими словами, профилактическая функция института банкротства реализуется неэффективно, в результате растёт количество жалоб об отстранении арбитражного управляющего на фоне единичных случаев привлечения к уголовной ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство.

Как совершенно верно отметил И. В. Фролов, «отдельные положения федерального законодательства о несостоятельности внутренне противоречивы и не согласуются как с нормами общегражданского законодательства, так и с нормами финансового законодательства. Всё это значительно затрудняет функционирование института банкротства» [8].

Диспропорциональность функций института банкротства наблюдается не только на федеральном, но и на региональном уровне, где также ликвидационные процедуры (конкурсное производство) доминируют над восстановительными процедурами (финансовое оздоровление и внешнее управление) на фоне растущего количества дел о банкротстве. В Ростовской области за 2012 год возбуждено 1051 дел о несостоятельности, для сравнения в 2009 году возбуждено 979 дел, 2010 год – 1266 дел, 2011 год – 864 дел (Рис. 2) [9].

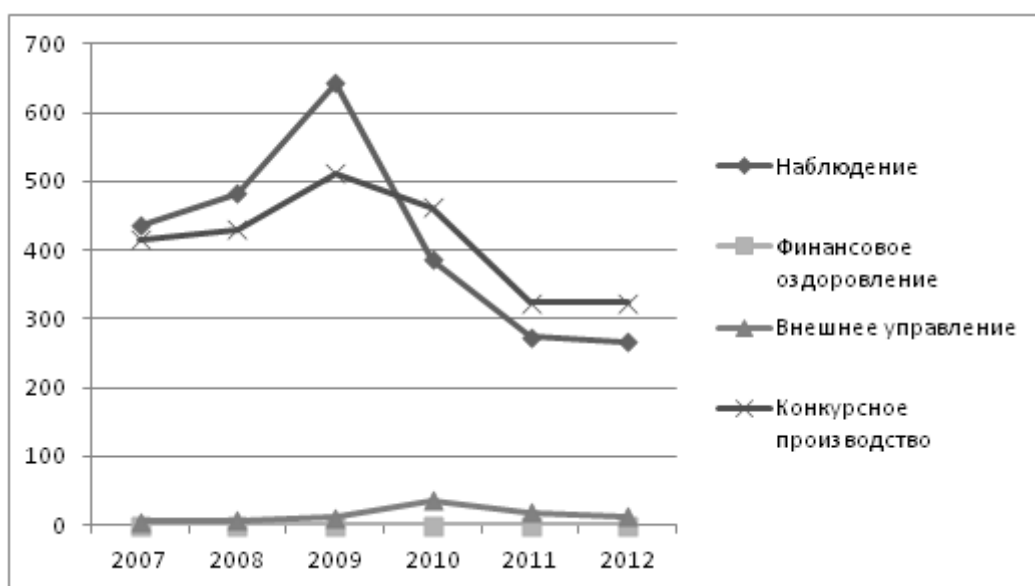

Рис. 2. Динамика процедур института банкротства по Ростовской области с 2007 по 2012 г.

В последнее время в очевидна тенденция к увеличению доли кредиторов и уполномоченных органов в качестве инициатора в делах о банкротстве. Например, в 2012 году около 49 % всех заявлений о признании должника банкротом инициировалось кредиторами. Доля заявлений, поданных должниками, сократилась с 22 % в 2011 году (7 273 заявления) до 19 % в 2012 году (7 713 заявлений), а поданных уполномоченными органами в 2012 году поступило 32 % (12 923 заявлений, 2011год – 10477) [10].

В процессе исследования мы выяснили, что за период с 2010 года по 2013 год было рассмотрено 150 дел о банкротстве, в которых должниками являлись государственные унитарные предприятия Ростовской области. Экономические характеристики дел о банкротстве государственных и муниципальных унитарных предприятий Ростовской области с 2010 по 2013 г. Показаны в табл. 2 [11].

Таблица 2.

Экономические характеристики дел о банкротстве государственных и муниципальных унитарных предприятий Ростовской области с 2010 по 2013 г.

Показатели	Всего	Инициатор должник	Инициатор кредитор
Кредиторская задолженность (руб.)	1 736 217 536	350 243 306	1 385 974 230
Балансовая стоимость имущества (руб.)	2 190 587	425 115	1 765 472
Дебиторская задолженность (руб.)	1 444 806	271 193	1 173 613
Отношение кредиторской задолженности к балансовой стоимости имущества (раз)	792,6	823,9	785,1
Среднее время процедуры банкротства (в месяцах)	28	27,8	28,2

При исследовании дел о банкротстве и сборе данных наблюдалось следующая тенденция: в делах о несостоятельности, где должником является государственное и муниципальное унитарное предприятие, в большинстве случаев не вводилась процедура конкурсного производства. Дела закрывались на стадии наблюдения либо рассматривалось заявление о признании должника банкротом, но дело оставалось без движения, то есть закрывалось без введения какой-либо процедуры банкротства.

Первой особенностью банкротства государственных предприятий является превышение количества дел, где инициатор – кредитор, над количеством дел, где инициатор – должник. Процент дел о несостоятельности государственных и муниципальных унитарных предприятий, где инициатором является должник, составляет 20 % от общего числа банкротств данной категории предприятий.

Второй характерной чертой дел о банкротстве государственных предприятий является то, что кредиторская задолженность во много раз превышает не только дебиторскую задолженность, но и балансовую стоимость имущества должника. Кредиторская задолженность рассмотренных дел в целом составила 1 736 217 536 рублей, в свою очередь общая балансовая стоимость имущества предприятий – должников равна 2 190 587 рублей. Таким образом, можно сделать вывод, что балансовая стоимость имущества не то чтобы не покрывает кредиторскую задолженность, а во много раз меньше её, о чём свидетельствует показатель «Отношение кредиторской задолженности к балансовой стоимости имущества», который составил 792,6 раз. Кроме того, данный показатель отражает тот факт, что система банкротства государственных и муниципальных унитарных предприятий функционирует неэффективно, рассматривая дела уже на поздней стадии, когда пятидесятипроцентная оплата кредиторской задолженности невозможна, и даже расходы на реализацию процедур банкротства не всегда в полном объёме могут быть погашены за счёт имущества должника. Во всех делах взятые на себя должником обязанности значительно превышали имеющиеся у него активы.

Что же касается среднего времени продолжительности процедуры банкротства государственных и муниципальных унитарных предприятий, то имеет место её значительное затягивание. Среднее время по всем делам составило 28 месяцев. Причём среднее время процедур банкротства не зависит от того, кто яв-

ляется инициатором. Основной причиной затягивания дел является заинтересованность в этом государства, так как либо государству выгодно сохранить предприятие для стабильности социального положения в стране, либо же наиболее выгодно передать своё имущество в частные руки, то есть приватизировать.

Полученные данные свидетельствуют о неэффективности государственного управления своими предприятиями и необходимости смены собственника в большинстве случаев. Пока государственное предприятие доходит до процедур банкротства, оно становится непривлекательным ни для арбитражных управляющих, ни для инвесторов, ни для покупателей имущества. В большинстве случаев во время процедуры банкротства в отношении государственных и муниципальных унитарных предприятий происходит списание кредиторской задолженности, а имущество переходит в качестве средств производства в частную собственность посредством продажи ниже рыночной цены.

В процессе исследования было рассмотрено 150 дел о банкротстве частных коммерческих предприятий Ростовской области за период с 2010 по 2013 года. Результаты анализа статистических данных представлены в табл. 3 [12].

Таблица 3.

**Экономические характеристики дел о банкротстве
частных коммерческих предприятий Ростовской области с 2010 по 2013 г.**

Параметры	Общее количество	Инициатор должник	Инициатор кредитор
Кредиторская задолженность (руб.)	10 789 409 121	1 539 201 303	9 250 207 818
Балансовая стоимость имущества (руб.)	311 488 394,05	35 047 518,85	276 440 875,2
Дебиторская задолженность (руб.)	298 292 627,9	483 215,3	297 809 412,6
Отношение дебиторской задолженности к балансовой стоимости имущества (раз)	34,6	43,9	33,5
Среднее время процедуры банкротства (в месяцах)	12,05	8,3	7,5

Как видно из табл. 3, общая сумма кредиторской задолженности рассматриваемой категории должников составила 10 789 409 121 рублей, в свою очередь, общая балансовая стоимость активов оказалась равной 311 488 394,05 рублей. Дела о несостоятельности, где инициатором является должник, встречаются на практике гораздо реже, чем те дела, в которых инициатором выступает кредитор. Балансовая стоимость активов частных коммерческих предприятий по Ростовской области в целом небольшая и не покрывает и половины кредиторской задолженности, и к тому же в делах, где инициатор – должник, данный показатель обычно меньше, чем в делах, которые инициирует кредитор. Причиной такого различия может являться оппортунистическое поведение должника, то есть сокрытие имущества, фиктивное банкротство и другое. Повышенная мотивация к максимизации стоимости конкурсной массы наблюдается, только если дело инициирует кредитор, имеющий желание как можно быстрее взыскать кредиторскую задолженность.

В целом же по всем делам банкротства частных коммерческих предприятий наблюдается значительное превышение задолженности перед кредиторами над имеющимися активами. В 34,6 раза кредиторская задолженность превысила стоимость имущества. Если учитывать все расходы на производство по делам, то можно предполагать, что только минимальная часть требований кредиторов была удовлетворена.

Среднее время продолжительности процедур банкротства частного коммерческого предприятия составляет в целом 12,05 месяца. Причём наблюдаются различия между сроком дел, где инициаторы – должники и где инициаторы – кредиторы. Во втором случае налицо сокращение продолжительности процедуры банкротства, что связано с заинтересованностью конкурсных кредиторов в скорейшем возвращении собственных вложенных средств.

Сравнительный анализ статистики дел о несостоятельности частных коммерческих предприятий и государственных и муниципальных унитарных предприятий по Ростовской области показывает, что:

- во-первых, различия между частными и государственными предприятиями в делах о банкротстве касаются, прежде всего, соотношения кредиторской задолженности к балансовой стоимости. У государственных и муниципальных унитарных предприятий данный показатель гораздо больше – 796,5 раз, чем у частных – 34,6 раза. Хотя по обеим категориям предприятий превышение суммы долга над активами показывает неэффективность, как функционирования самих экономических субъектов, так и ликвидационной функции института банкротства.

- во-вторых, по сравнению с делами о банкротстве частных коммерческих предприятий – 12,5 месяца, а сроки дел о несостоятельности, где должник – государственное и муниципальное унитарное предприятие – 28 месяцев, а если уполномоченный орган обладает большинством голосов, то сроки дела становятся минимальными, так как основной интерес государства – это вернуть бюджетные деньги.

- в-третьих, использование реабилитационных процедур (финансового оздоровления и внешнего управления) наблюдалось в большинстве случаев по отношению к государственным, а не частным коммерческим предприятиям, несмотря на то, что шансы на восстановление платёжеспособности должника являются минимальными.

Таким образом, анализ дисфункциональности российского института банкротства на федеральном и региональном уровнях показал, что неоптимальность функционирования данного института проявляется в следующих моментах:

- во-первых, доминирует ликвидационная функция института банкротства над восстановительной и профилактической функцией; в более чем 90 % дел о несостоятельности должник ликвидируется, но несмотря на преобладание ликвидационной функции института банкротства в государственном и частном секторах, она выполняется неэффективно – за счёт затягивая сроков дел о банкротстве, за счёт внеочередных расходов на проведение процедур банкротства. Это снижает шансы конкурсных кредиторов получить долг с должников. В том числе и за счёт увеличивающегося количества отсутствующих должников (рост на 30 % в 2012 г.);

- во-вторых, реабилитационная функция института банкротства выполняется так же неэффективно и с позиции количества проведения реабилитационных процедур (2–3 %), и с позиции качественных характеристик целей их применения, когда через процедуры внешнего управления производится не восстановление платёжеспособности должника, а его «скрытая» ликвидация; в свою очередь неэффективность реабилитационных процедур в рамках российского института банкротства приводит к росту использования налоговой оптимизации в качестве инструмента персонификации налоговой нагрузки, применяемого как в рамках института банкротства, так и за его пределами. Это также деформирует его оптимальное функционирование;

- в-третьих, профилактическая функция института банкротства реализуется неэффективно. В результате растёт количество жалоб об отстранении арбитражного управляющего (увеличение на 11 % в 2012 г.); российский институт банкротства характеризуется в 30 % использованием заказных банкротств, однако государственные меры по борьбе с криминальным характером банкротств крайне неэффективны. Это подтверждается единичностью случаев привлечения к уголовной ответственности за фиктивное и преднамеренное банкротство в связи с несовершенством законодательной базы по вопросам предметно-субъектного

состава данных видов банкротств, понятия преднамеренности ущерба, его величины и т. д.

– в-четвёртых, наблюдается диспропорциональность в применении различных процедур банкротства по видам должников. Для *государственных предприятий* – использование реабилитационных процедур (финансового оздоровления и внешнего управления); для *частных* коммерческих предприятий доминируют ликвидационные процедуры в рамках конкурсного производства; для *индивидуальных предпринимателей* – «самоликвидация» как отсутствующих должников без введения официальных ликвидационных процедур. Сроки рассмотрения дел о банкротстве в государственном секторе (28 месяцев) в более чем два раза больше, чем в частном сегменте дел о банкротстве (12,05 месяцев).

– в-пятых, диспропорциональность функционирования российского института банкротства отражается в том, что он используется и как инструмент передела собственности, при недружественном поглощении и при уклонении от уплаты налогов.

Библиографический список

1. Меньшиков С. Правовое поле или криминальный захват? URL: <http://rusref.nm.ru/zahvat.htm>
2. Справка о рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации дел о несостоятельности (банкротстве) в 2008–2012 гг. URL: http://www.arbitr.ru/_upimg/ в 200
3. Составлено автором по Статистическому отчёту о работе арбитражных судов Российской Федерации дел о несостоятельности (банкротстве) в 2008–2012 гг. URL: <http://www.arbitr.ru/>
4. Статистический отчёт о работе арбитражных судов Российской Федерации дел о несостоятельности (банкротстве) в 2008–2012 гг. URL: <http://www.arbitr.ru/>
5. Борисенкова Т. В. Соотношение частных и публичных интересов при правовом регулировании банкротства юридических лиц : автореф. дисс. к. юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2008. – 25 с.
6. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.05.2012 № 150 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с устранением конкурсных управляющих».
7. Статистический отчёт о работе арбитражных судов Российской Федерации дел о несостоятельности (банкротстве) в 2008–2012 гг. URL: <http://www.arbitr.ru/>
8. Фролов И. В. Проблемы прокредиторской и продолжниковой концепции современного российского законодательства о несостоятельности (банкротстве) // Предпринимательское право. – № 4. – 2011.
9. Судебная статистика Арбитражного суда Ростовской области. URL: <http://rostov.arbitr.ru/>
10. Там же.
11. Составлено автором по Судебной статистике Арбитражного суда Ростовской области. URL: <http://rostov.arbitr.ru/>
12. Составлено автором по Судебной статистике Арбитражного суда Ростовской области. URL: <http://rostov.arbitr.ru/>

© Панфилова Е. А.

О МЕХАНИЗМЕ ЗАКОКСОВАНИЯ КАТАЛИЗАТОРОВ

А. Е. Битемирова, Г. М. Баймаханова, К. З. Керимбаева
Южно-Казахстанский государственный
педагогический университет,
г. Шымкент, Казахстан

THE MECHANISM CATALYST COKING

A. E. Bitemirova, G. M. Baymahanova, K. Z. Kerimbaeva
South Kazakhstan State Pedagogical University,
Shymkent, Kazakhstan

Summary. The cause of reducing the activity of the catalyst - coking and its mechanism. It can be seen that the process of coke formation begins with a purely catalytic reactions of monomers that are coming into the polymerization reaction and polycondensation form polymers, shielding the active sites of the catalyst. Coking hydrogenation catalysts and decarbonylation of furfural due to thermal instability and the presence of sulfur-containing substances.

Key words: mechanism; coking; catalyst; decarbonylation of furfural.

Уровень современной химической промышленности определяется, прежде всего, совершенством катализаторов и каталитических процессов. Для постоянства активности и селективности катализаторов в течение длительного времени необходимы стабильность, непрерывность и долговечность их работы. Однако существует много причин снижения активности катализаторов в процессе эксплуатации [4, с. 108], и среди них закоксование при переработке углеводородов – наиболее распространенная. Большая часть современных промышленных каталитических реакций сопровождается этим вредным процессом. Под термином «закоксование» подразумеваются продукты уплотнения, углеродистые отложения, уголь, смолы, полимеры и т. д. Все они образуются или как продукты уплотнения на катализаторах, или под воздействием повышенных температур при переработке углеводородов. Закоксование катализаторов вызывает изменение их основных характеристик. Активность и часто селективность катализаторов уменьшаются. На практике это приводит к весьма тяжёлым последствиям. Процесс становится периодическим, циклическим, с отключением реакторов для регенерации катализаторов. При этом увеличивается и расход катализаторов, капитальные и эксплуатационные затраты. История создания современных технологических схем и промышленного аппаратного оформления таких процессов, как каталитическое гидрирование, декарбонилирование, крекинг, реформинг и платформинг, дегидрирование, гидрокрекинг, гидроочистка и т. д., тесно связана с проблемой преодоления отрицательного, порой решающего влияния кокса, образование которого на катализаторе происходит одновременно с основным целевым продуктом.

В монографии Р. А. Буянова [1, с. 207] впервые критически обобщены и систематизированы результаты исследования в области закоксования и изложены современные представления по всему комплексу проблем. Предложена консеквативная схема реакции, которая представляет собой совокупность реакций, приводящих к образованию кокса. Консеквативная схема представляется как ряд последовательных реакций образования мономеров уплотнения и промежуточных продуктов уплотнения на основе их конденсации и полимеризации. Кокс является сложной смесью высокомолекулярных продуктов уплотнения. Все реакций, ведущие к образованию продуктов уплотнения – кокса, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся реакции полимеризации и поликонденсации, т. е. реакции уплотнения, приводящие к образованию высокомолекулярных продуктов уплотнения – кокса.

Ко второй группе следует отнести вторичные реакции, сопутствующие полимеризации и конденсации: дегидрирование, изомеризация, алкилирование и деалкилирование, перегруппировку, деструкцию, дегидроциклизацию и т. д. В

результате этих реакций образуются ненасыщенные и ароматические углеводороды, которые являются мономерами. Они определяют природу, структурные и другие особенности полимеризующихся и конденсирующихся углеводородов и промежуточных продуктов уплотнения, от которых зависят структура и свойства коксов.

Продукты уплотнения по-разному взаимодействуют с катализаторами. Взаимодействие ароматических углеводородов с катализаторами осуществляется переносом протона к углеводороду или электрона на катализатор [8, с. 102]. По данным спектроскопических исследований в инфракрасной, видимой и ультрафиолетовой области [6, с. 9] для случая металлических и окисных катализаторов связь катализатор – углерод поляризована и характеризуется электронным дефицитом у атома углерода. Этот факт говорит в пользу карбонийионного характера полимеризаций [3, с. 218]. Следовательно, коксообразование по такому механизму связано с кислотно-основными характеристиками катализатора и реагирующей молекулы ароматического углеводорода. Промежуточные карбониевые ионы удерживаются на поверхности благодаря взаимодействию с нуклеофильными поверхностными центрами. Затем карбониевые ионы присоединяются к другим ароматическим или ненасыщенным углеводородам, происходит рост полимера. Таким образом, процессы образования кокса начинаются с чисто каталитических реакций образования из мономеров продуктов уплотнения, которые по мере увеличения молекулярного веса ослабляют свои связи с катализатором и всё более экранируют активные места катализатора.

Активация происходит благодаря адсорбции олефина на ионе переходного металла и координации олефина с активным центром катализатора. При координации образуются π комплексы, в которых связь олефина с атомом переходного металла осуществляется посредством σ – донорно-акцепторного или π – дативного взаимодействий. В связи принимают участие s-, p- и d - орбитали переходного металла и молекулярные π - орбитали олефина. В результате координации олефина происходит увеличение длины и ослабление двойной связи: C=C.

σ - связь C–Me обладает малой прочностью и относительно малой полярностью, что объясняет ее высокую лабильность, склонность к реакциям гомолитического и гетеролитического разрыва. Полимеризация по такому механизму называется координационно-анионной. В [1, с. 207] приводится также карбидный механизм коксообразования на катализаторах.

Обычно при закоксовании катализаторов их активность быстро падает под действием первых порций кокса в результате их химической физической дезактивации.

Используемые в производстве фурана палладиевые катализаторы быстро дезактивируются вследствие прочной адсорбции фурфурола. В связи с этим автором [2, с. 2719] рассматриваются причины дезактивации промышленных катализаторов декарбонилирования фурфурола. Установлено, что закоксование катализаторов обусловлено низкой термостойкостью фурфурола, а наличие в нём примесей серосодержащих веществ вызывает отравление палладия.

Авторы [7, с. 54] выясняют дезактивации и её математическое описание Pd/C катализатора. Используются кинетический, изотопный обмен, ИК-спектры адсорбированных молекул, термический анализ. Термоаналитическое исследование дезактивизированного катализатора указало на наличие на поверхности двух форм отравляющей плёнки, характеризующихся температурами сгорания 290 и 425°C. Водородная регенерация удаляет низкотемпературную форму, чем высокотемпературную форму, что связано с различной природой этих форм. По мнению авторов, первая составляющая представляет собой адсорбированный 5-метилфурфурол, а вторая – заподимеризованный. Результаты исследования ИК-спектров полимеризованных форм адсорбции 2-метилфурана и 5-метилфурфурола показывают, что последний адсорбируется с большими степенями покрытия поверхности катализатора. Кинетика процесса дезактивации выявила корреляцию между падением активности и концентрацией 5-метилфурфурола:

$$\frac{d\tau}{dt} = - \frac{kP_1}{P_{H_2}^{0,5} + k'P_1} \cdot \tau \quad (1.1)$$

где τ – доля неотравленной поверхности;

$P_1 / (P_{H_2}^{0,5} + k'P_1)$ – пропорциональная концентрация адсорбированного 5-метилфурфуrolа;

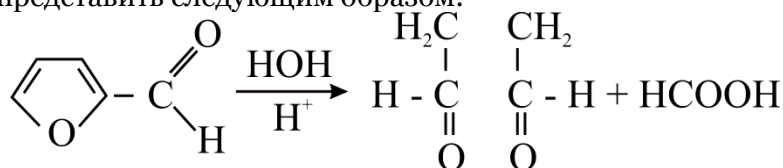
$$K = 1,6 \cdot 10^{-4} e^{x-250/T} \text{ ч}^{-1} \text{ гПа}^{-0,5}$$

$$K = 8,8 \cdot e^{-750/T} \text{ гПа}^{-0,5}.$$

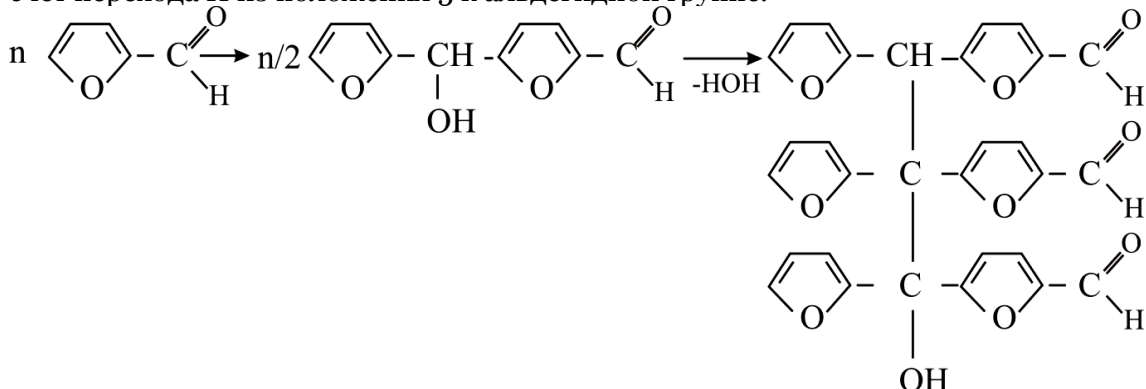
Аналогично действует H_2O_2 . Эти реакции катализируются кислотами. Для снижения интенсивности окислительных реакций авторы рекомендуют вакумировать гидролиз аппараты.

Качественный и количественный состав смолистых веществ, осаждающихся на тарелках фурфурольных колонн гидролизных заводов, изучали в работе [5, с. 8]. Авторы разделяли осадки на экстрагируемые вещества и твёрдый осадок, содержание которых колеблется соответственно 22,0–30,0 и 20–40 %. Твёрдый осадок состоит из 94–98 % органического вещества. Спектральный анализ золы показал наличие в ней таких элементов, как Ti, Mn, Ni, Cu, Cr, которые могут поступать в колонну за счёт растворения металлической поверхности оборудования.

Механизм осмоления фурфурола окончательно не выяснен, однако, объединив гипотезу и предположения, химизм смолообразования фурфурола можно схематично представить следующим образом:

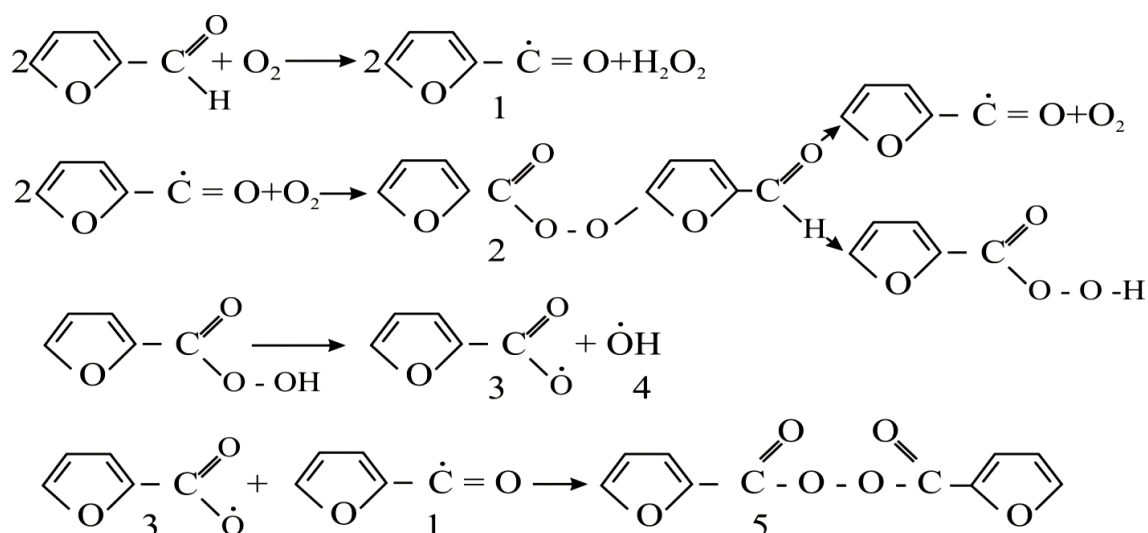

Образование кардинола с последующей его дегидратацией проходит за счёт перехода H из положения 5 к альдегидной группе.

Разложение фурфурола в присутствии молекулярно растворимого кислорода сопровождается образованием перекисных соединений, разрушение которых приводит к появлению кислот, смолообразных веществ. Автоокисление фурфурола развивается как по радикально-цепному, так и по ионно-молекулярному механизму и осложняется процессами уплотнения смолистых веществ.

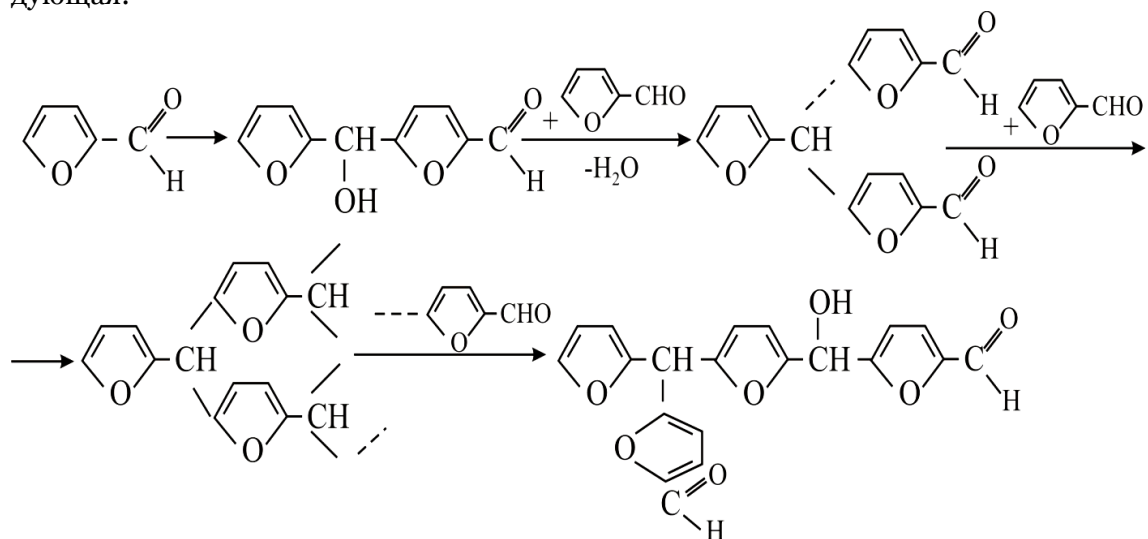
Первая стадия автоокисления фурфурола, по мнению авторов, цепные гомолитические реакции:

В результате взаимодействия молекул фурфурола с кислородом образуется фуроильный радикал 1, ведущий в дальнейшем цепь окисления, единственный продукт которой – гидроперекись фуриола (надпироксиливая кислота). Часть последней распадается на радикалы 3 и 4, которые инициируют новые цепи окисления. Обрыв цепей возможен за счёт рекомбинации радикалов 3 и 1 с образованием перекиси дифуроила 5.

Надпироксиливая кислота является сильным окислителем. Она легко реагирует с фурфуролом с образованием пироксилиевой, β -формил-акриловой, муравьиной, малеиновой, фумаровой и янтарной кислот.

Схема реакции поликонденсации фурфурола с образованием смолы следующая:

Промышленный меднохромитовый катализатор получения фурфуроливого спирта (ФС) очень чувствителен к температуре и скорости подачи сырья. При 110–120°C катализатор селективно восстанавливает карбонильную группу до спиртовой, а при более высокой температуре начинается образование силвана, гидрогенолиз фуранового цикла, что объясняется уменьшением селективности и повышением активности катализатора. ФС в кислой среде легко полимеризуется с образованием смолы.

Из вышеизложенного следует, что коксообразование начинается с чисто каталитических реакций образования мономеров, которые, вступая в реакции полимеризации и поликонденсации, образуют полимеры, экранирующие активные центры катализатора. Закоксование катализаторов гидрогенизации и декарбонилирования фурфурола обусловлено термической неустойчивостью фурфурола и наличием в нём серосодержащих веществ. Смолообразование из фурфу-

рола и продуктов его превращения происходит как по радикальному, так и ионному механизмам, катализирующим кислородом и кислотой.

Библиографический список

1. Буянов Р. А. Закоксование катализаторов. – Новосибирск : Наука, 1983. – 207 с.
2. Крамерова Г. Е. Закономерности регенерации катализаторов декарбонилирования фурфурола // Журн. прикладной химии. – 1988. – № 12. – 2719 с.
3. Плеш П. Катионная полимеризация. – М. : Мир, 1966. – 218 с.
4. Самахов А. А., Зайдман А. М. и др. Об изменениях активности катализаторов в процессе эксплуатации. – Новосибирск : Наука, 1976. – 108 с.
5. Федотова С. А., Цирмин Ю. А. О природе отложений на тарелках фурфурольных колонн // ГЛХП. – 1975. – № 8. – 8 с.
6. Эйшенс В., Плискин В. В. Инфракрасные спектры адсорбированных молекул // Катализ. Исследование поверхности катализаторов. – М. : ИЛ, 1960. – 9 с.
7. Юсковец Ж. Г., Некрасов И. В. и др. Дезактивация палладиевого катализатора декарбонилирования 5-метилфурфурола // Дезактивация гетерогенных катализаторов компонентами реакционной среды. – Уфа, 1985. – 54 с.
8. Appleby W. G., Gibson J. V., Good G. M., Coke Formation in Catalytic Cracking // 2nd. Ind. Chem. – 1962. – V. I. – № 2. – P. 102–110.

© Битемирова А. Е., Баймаханова Г. М., Керимбаева К. З.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 372.8

**ПРОГРАММА КУРСА «ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ»**

И. В. Фокина
Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда, Россия

THE SYLLABUS OF THE COURSE
«PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF SPEECH BEHAVIOUR»

I. V. Fokina
Vologda State Pedagogical University, Vologda, Russia

Summary. The paper contains the syllabus based on the author's experience of teaching a special course "Psychological foundations of speech behaviour" developed for students of pedagogical universities. The materials of this course have been tested by the author for several years in the Vologda State Pedagogical University. The main approach to the development of the course is that of understanding speech behaviour as a complex of speech actions and their forms in the social-communicative aspect. The syllabus is supposed to be used in professional development and training courses.

Key words: speech behavior; speech activity; speech culture; communicative competence.

Изучение вопросов речевого поведения важно для будущих специалистов в любой области деятельности, особенно там, где общение с людьми входит в профессиональную компетенцию сотрудников (педагогика, деловой мир, сфера обслуживания, административно-правовые отношения, медицина и т. д.). Очевидно, что к какой бы сфере деятельности ни готовились выпускники педагогического вуза, им предстоит работа с людьми, предполагающая общение с ними. На наш взгляд, главным ценностным ориентиром молодежи должно стать оптимальное в любой жизненной ситуации речевое поведение, при котором специалист не только компетентен и эрудирован, но и гибко оперирует своими знаниями, добиваясь заданной цели. Это умение, определяемое совокупностью качеств: гибкостью мышления, быстрой переключаемостью с одного вида деятельности на другой, конструктивностью общения с оппонентом, способностью мгновенно преодолеть «аудиторный шок» в официальном общении и др., – и совершенствует дисциплина «Психологические основы речевого поведения».

Речевое поведение является формой проявления речевого общения, а речевая деятельность – содержанием речевого общения. Формирование социально и профессионально активной личности предполагает развитие речевого общения в диалектическом единстве двух его сторон: речевой деятельности и речевого поведения. Иными словами, назначение курса сводится к формированию у студентов коммуникативной компетентности, которая охватывает не только знание языковой системы и владение языковым материалом (речью), но и соблюдение социальных норм речевого поведения и, наконец, собственно коммуникативные умения – умения и навыки речевого общения применительно к различным сферам и ситуациям общения, с учетом адресата, цели.

Поскольку основное содержание курса ориентировано на студентов педагогического вуза и учителей предлагается анализировать особенности речевого поведения учителя в разных ситуациях педагогического общения при взаимодействии: а) родителей с детьми; б) учителя с учениками; в) руководителя с подчиненными. Цель дисциплины по выбору – выработка у слушателей определенных

психологических знаний, умений и навыков в области культуры речевого поведения; повышение речевой и коммуникативной компетенции. Задачи курса: 1) получение основ психологических знаний о речевом поведении человека; стратегиях, тактиках, приемах и средствах речевого поведения; 2) качественное повышение устной речевой культуры слушателей в различных сферах и ситуациях общения (официальной и неофициальной); 3) формирование коммуникативной компетенции, под которой подразумевается умение человека организовывать свою речевую деятельность языковыми средствами и способами, адекватными ситуациям общения; 4) выработка умений общаться в соответствии с ситуацией и обстановкой при учёте статуса и социальной роли партнера по общению (применительно к статусу и роли говорящего); 5) формирование умений оценивать свое речевое поведение и речевое поведение собеседников в разных сферах общения.

Содержание программы дисциплины представлено семью темами.

Тема 1. Речевое поведение человека. Речь как основа межличностной коммуникации. Коммуникативная компетентность как фактор социальной и профессиональной адаптации. Деловая коммуникация как новый стиль общения. Понятия «речевая деятельность» и «речевое поведение». Речевое поведение с позиций лингвистической, психологической и педагогических наук. Речевое поведение и ролевое поведение. Виды речевого поведения. Позитивное речевое поведение. Негативное речевое поведение. Современное речевое поведение. Функциональные стили речевой коммуникации. Социальные факторы, влияющие на речевое поведение человека. Культура речи.

Тема 2. Психотехника речи. Позиция «говорящий – слушающий» в современном речевом пространстве: общение как обмен информацией. Этапы передачи информации. Культура речи и её основные слагаемые: словарный запас, точная передача мысли посредством слова, чистота речи, правильное произношение слов, выразительность речи, паралингвистические составляющие, экстралингвистические составляющие. Позиция говорящего. Умение говорить. Правила для говорящего. Позиция слушающего. Умение слушать. Стили слушания в зависимости от пола, психического склада личности, занимаемого социального положения, профессии. Виды слушания. Нерелексивное (пассивное) слушание. Релексивное (активное) слушание. Приемы активного слушания: перефразирование, резюмирование, отражение чувств, побуждение и др. Речь и личность. Риторические эффекты в общении. Речевой этикет. «Ты» и «Вы» в общении.

Тема 3. Невербальные средства речевой коммуникации. Специфика невербальных средств коммуникации. Распределение информации в речевой коммуникации. Роль и значение невербальных средств в речевой коммуникации. Основы проксемики, такесики, кинесики. Невербальные способы коммуникации и экспрессии: физический контакт, дистанция общения, расположение относительно собеседника, поза и жесты, взгляд, мимика, манипуляции с предметами. Характеристика основных зон межличностного общения (интимной, личной, социальной, публичной). Искусство программировать пространство собеседника. Рефлекторная природа языка жестов и телодвижений. Лицо как главный источник психологической информации. Основы фоносемантики. Умение говорить взглядом. Специфика делового, светского и интимного взгляда. Общие понятия о языке жестов. Умение понимать ложные (притворные) жесты. Соотношение жестов и статуса человека. Характеристика основных групп популярных жестов. Понятие адекватной формы общения. Национальная специфика жеста и мимики. Индивидуальные особенности невербалики. Искусство невербальной коммуникации.

Тема 4. Личность в процессе общения. Типовые схемы формирования первого впечатления. Действие фактора превосходства при формировании первого впечатления. Действие факторов привлекательности и отношения к нам при формировании первого впечатления. Механизмы преодоления ошибок первого впечатления. Искажения в процессе оценки причин поведения партнера. Самоподача превосходства, привлекательности и отношения к нам. Самоподача актуального состояния и причин поведения. Барьеры непонимания. Смысловой барьер. Внутренние барьеры избегания, снижения авторитетности и непонимания.

Барьеры темперамента, характера, манеры общения и отрицательных эмоций. Барьер акцентуации характера. Манипулятивное общение. Классификации позиций, занимаемых партнерами в общении. Теория транзактного анализа Э. Берна. Психогеометрическая концепция С. Деллингер.

Тема 5. Агрессивность, уверенность, неуверенность в общении. Понятие агрессивности. Источники агрессивного поведения. Агрессивность в речевом поведении. Уверенность и неуверенность в общении. Индикаторы уверенности и неуверенности. Характеристики уверенного речевого поведения. Соотношение уверенности и агрессивности. Пути формирования уверенности в себе. Выявление потенциальных возможностей своего поведения в общении.

Тема 6. Стратегии поведения в процессе принятия группового решения.

Практическая работа.

Цель: развитие наблюдательности при оценке стратегий поведения, определение индивидуальной стратегии поведения в процессе принятия решения группой (упражнение «Катастрофа на воздушном шаре», «Выжить в пустыне»).

После проведения дискуссии осуществляется анализ: 1. Совместное обсуждение и анализ (Выполнила ли групповая дискуссия следующие задачи? В каких отношениях мы не достигли успеха? Отклонялись ли мы от темы? Принимал ли каждый участие в обсуждении? Были ли случаи монополизации обсуждения?). 2. Опросник для самооценки ведущего дискуссии (Поставил ли я обоснованную цель? Удалось ли мне добиться активного участия всех? Побуждал ли я участвовать в обсуждении или, скорее, останавливал желающих высказаться? Поддерживал ли я нерешительных, робких? Были ли мои вопросы открытыми, побуждающими к самостоятельному решению? Удерживал ли я внимание группы на теме обсуждения? Не пытался ли я занять доминирующую позицию? Что удалось мне лучше всего? Удавалось ли мне препятствовать монополизации обсуждения? Побуждал ли я участников к постановке исследовательских вопросов? Подводил ли я промежуточные итоги, суммировал ли точки зрения?). 3. Оценка-опросник для наблюдателя (Какие виды поведения помогали или мешали процессу достижения согласия? Проявилось ли лидерство? Кто участвовал, а кто нет? Кто оказывал влияние? Почему? Какова была атмосфера в группе во время дискуссии? Оптимально ли использовались возможности группы? Какие действия принимали участники группы для «протаскивания» своего мнения? Как улучшить принятие решения группой?). Необходимо проанализировать стратегии поведения каждого, и речевого поведения в частности. При этом можно опираться на различные типологии (например, типология ролей Бенни и Шитса, разработанная при анализе начальных этапов деятельности Т-группы).

Тема 7. Речевое поведение учителя. Особенности речевого поведения учителя в разных ситуациях педагогического общения. Практическая работа осуществляется следующим образом:

1. Подбор и составление списка речевых стереотипов для педагогической коммуникации: предложение помощи – отказ в помощи, просьба – распоряжение, рекомендация – требование, несогласие, отказ – согласие, неудовлетворенность – удовлетворенность, надежда – разочарование, одобрение – порицание. Методическое указание: речевые стереотипы студенты подбирают самостоятельно, опираясь на собственный педагогический опыт, затем следует групповое обсуждение.

2. Озвучивание речевых фреймов в соответствии с задуманной студентами речевой ситуацией через диалог «учитель – ученик»: приветствовать, договариваться, сочувствовать, информировать, делать замечание, анализировать, объяснять, толковать, рекомендовать, предупреждать, возражать, запрещать, предупреждать, успокаивать, подводить итог, прощаться. Методическое указание: предполагается предварительная работа в парах с выбранным фреймом.

3. Решение задач по моделированию речевого поведения учителя в заданных педагогических ситуациях. Методическое указание: моделирование предполагает работу по следующей схеме: 1. Ориентировка в ситуации и содержании общения: а) общее коммуникативное намерение – что делать? (спросить, сказать,

побудить); б) задача речи – для чего? (поделиться, дать сведения, воздействовать); в) особенности адресата – кому? (возраст, положение, степень знакомства); г) предмет речи – о чем? д) основная мысль – что донести? 2. Планирование высказывания: а) ход развития основной мысли; б) последовательность микротем; в) ведущий тип и жанр речи; г) требования к подбору языковых средств (с учетом сказанного выше). 3. Создание высказывания: а) развитие темы и основной мысли через отбор необходимого содержания с учетом ситуации общения, замысла, жанра; б) отбор языковых средств и синтаксических конструкций с учетом тех же показателей, а также стиля и требований культуры речи. 4. Осуществление контроля за речью: а) соответствие высказывания ситуации общения и замыслу, требованиям речевого поведения и культуры речи; б) степень понимания со стороны партнера; в) совершенствование высказывания.

Образовательные технологии. При реализации дисциплины используются две формы аудиторной работы: лекционная и практическая. Основной теоретический материал преподается в традиционной лекционной форме. Однако программа ориентирована не столько на изложение теории, сколько на практическую подготовку студентов и формирование навыков практического применения полученных знаний, на решение конкретных задач. При реализации практических занятий используются формы индивидуальной и групповой работы, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, техники групповой дискуссии и пр.

Система текущего контроля включает: контроль посещения и работы на занятиях; контроль выполнения упражнений на самопознание, самопонимание, самооценку; контроль выполнения студентами заданий для самостоятельной работы. Пропуск занятий предполагает отработку по пропущенным темам. Форма отработки определяется преподавателем, чаще это написание реферата по теме.

Перечень примерных заданий для самостоятельной работы. 1. Что, с вашей точки зрения, означает «коммуникативная компетентность»? Обладаете ли вы этим качеством? 2. Используя определение коммуникативной компетентности, проанализируйте ее компоненты применительно к педагогической деятельности. 3. Приведите примеры, иллюстрирующие речевое поведение и ролевое поведение при взаимодействии: а) родителей с детьми; б) учителя с учениками; в) руководителя с подчиненными. 4. Перечислите составляющие речевой культуры. Как вы оцениваете свою культуру речи? Какие трудности в этом плане испытываете? 5. Дайте оценку высказыванию французского писателя-моралиста Ж. Лабрюйера: «Талантом собеседника отличается не тот, кто охотно говорит сам, а тот, с кем охотно говорят другие; если после беседы с вами человек доволен собой и своим остроумием, значит, он вполне доволен и вами». 6. Проведите сравнительный анализ стилей и видов слушания. Какой стиль слушания характерен для вас? 7. Э. Фромм описывает стяжательскую ориентацию в характере людей, отмечая выражение лица и жестикуляции этих людей: «У них плотно сжаты губы, у них характерные жесты, погруженных в себя людей... жесты чопорные, как будто эти люди хотят обозначить границы между собой и внешним миром...» Продолжите описание поведения этого типа человека в малой, контактной, реальной группе, объединенной неформальными отношениями. Приведите собственные примеры. 8. Какие параметры голоса и речи несут социально значимую информацию, помогающую «расшифровывать» его владельца в ситуации общения. 9. Американские психологи Р. Экслейн и Л. Винтере установили, что взгляд связан с процессом формирования высказывания и трудностью этого процесса. Когда человек только формулирует мысль, он чаще всего смотрит в сторону («в пространство»), когда мысль полностью готова – на собеседника. Согласны ли вы с авторами? Приведите собственные примеры. 10. Проанализируйте педагогические возможности невербальной коммуникации. Приведите соответствующие примеры.

Примерная тематика рефератов. Культура речевого общения. Оценочные и безоценочные высказывания. Правила общения. Волнение в речевом поведении. Рационализация гнева в речевом поведении. Приемы самоуспокоения.

Громкость и скорость речи. Речь и темперамент человека. Выражение одобрения и искусство комплимента. Приёмы и средства убедительной речи. Умение критиковать и принимать критику и др.

Формы итогового контроля. Итоговой формой контроля учебным планом предусмотрен зачет. К зачету студент должен представить самоанализ своих психологических особенностей, определяющих специфику речевого поведения и взаимодействия с окружающими. Необходимо провести практический анализ собственной личности с точки зрения особенностей своего индивидуального взаимодействия с другими людьми с целью выявления основных факторов эффективного и неэффективного общения на основе знаний, полученных из материала курса. Данную работу необходимо выполнить в письменном виде и защитить.

Тема: Анализ психологических особенностей, помогающих и препятствующих эффективному взаимодействию с людьми.

Содержание отчета: 1. Анализ перцептивной стороны общения. Примеры ситуаций из моей жизни, когда неправильное первое впечатление затруднило или сделало невозможным дальнейшее общение с человеком (ошибки по факторам превосходства, привлекательности и отношения к нам); примеры действия фундаментальной ошибки атрибуции. 2. Коммуникативная сторона общения и свойственные мне барьеры. 3. Анализ интерактивной стороны общения. Мои эго-состояния (Родитель, Взрослый, Дитя) и моя жизненная установка (согласно транзактному анализу), причины их возникновения. 4. «Я» как субъект общения с точки зрения типологий С. Деллинджер, К. Юнга и Н. Н. Обозова. 5. Мои психологические особенности, помогающие и мешающие мне в общении с людьми. 6. Как я могу сделать более эффективным мое взаимодействие с окружающим миром.

Рефлексия спецкурса. В переводе с латинского слово «рефлексия» обозначает «обращение назад». Рефлексия – обязательная составляющая современного обучения. Это своеобразное подведение итогов учебной деятельности, некий самоанализ, позволяющий зафиксировать достигнутый результат и оценить свою работу. Студентам предлагаются фразы, которые необходимо закончить: «Я узнал, что...», «Я познакомился с...», «Было непросто...», «Я добился...», «У меня получилось...», «Хотелось бы...», «Мне запомнилось...», «Я попробую...». В результате такой рефлексии студенты сами оценивают вклад в то, насколько продуктивным получился курс, отмечают его интересные моменты и продуктивность.

Библиографический список

1. Абелева И. Ю. Речь о речи: коммуникативная система человека. – М. : Логос, 2004. – 304 с.
2. Баева О. А. Ораторское искусство и деловое общение. – Мн. : Новое знание, 2001. – 328 с.
3. Бодалев А. А. Познание человека человеком. Возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты. – СПб. : Речь, 2005. – 323 с.
4. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 172 с.
5. Гарнер А. Язык разговора. – М. : Эксмо, 2006. – 223 с.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М. : Наука, 1982. – 160 с.
7. Зарецкая Е. Н. Риторика : теория и практика речевой коммуникации. – М. : Дело, 2002. – 480 с.
8. Зарецкая Е. Н. Деловое общение. Т. 2. – М. : Дело, 2002. – 570 с.
9. Звозников А. А. Деловые переговоры и этикет. – Мн. : ИСЗ, 2003.
10. Измайлова М. А. Деловое общение. – М. : Дашков и К., 2008. – 252 с.
11. Каган М. С. Мир общения: проблемы межсубъектных отношений. – М. : Политиздат, 1988. – 319 с.
12. Клоев Е. В. Культура устной и письменной речи делового человека. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 315 с.
13. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. – М. : Смысл; СПб. : Питер, 2005. – 279 с.
14. Лабунская В. А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 608 с.
15. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М. : Смысл, 1999. – 287 с.
16. Леонтьев А. А. Психология общения. – М. : Смысл; Изд. центр «Академия», 2007. – 368 с.
17. Маралов В. Г. Основы самопознания и саморазвития : учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. – М. : Изд. центр «Академия», 2002. – 256 с.
18. Мелибруда С. Я-Ты-Мы: психологические возможности улучшения общения / пер. с польск., общ. ред. А. А. Бодалева и А. П. Добровича. – М. : Прогресс, 1986. – 256 с.

19. Пиз А. Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам. – М. : ЭКСМО, 2006. – 288 с.
20. Педагогическое речеведение : словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта: Наука, 1998. – 310 с.
21. Ушакова Т. Н. Речь: истоки и принципы развития. – М. : ПЕР СЭ, 2004. – 256 с.
22. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. – М. : Академия, 2007. – 320 с.
23. Шеламова Г. М. Деловая культура и психология общения. – М. : Изд. центр «Академия», 2007. – 128 с.

© Фокина И. В.

УДК 372.8

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ «ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ»

И. Г. Дорошина
Научно-издательский центр «Социосфера»,
г. Пенза, Россия

PROGRAM OF DISCIPLINE «PSYCHOLOGY OF MANAGEMENT»

I. G. Doroshina
Science Publishing Center «Sociosphere», Penza, Russia

Summary. The work program of the discipline "Psychology of management" includes plans for lectures and seminars, tests for students, the topics of coursework and a bibliography.

Key words: psychology of management; the students; the program.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДИСЦИПЛИНЫ

Психология управления как часть науки об управлении имеет как теоретическое, так и практическое значение. Особо актуальное значение этот вопрос приобретает сейчас, в переходный период развития российского общества и российской экономики. Управление организацией на уровне развитых капиталистических стран, но с учётом особенностей российского (в недавнем прошлом советского) производства является важнейшей задачей нового поколения руководителей.

Целью данного курса является овладение студентами знаниями, умениями навыками по вопросам психологических аспектов управленческого процесса.

Задачи курса:

- усвоение психологических особенностей работника и рабочей группы,
- овладение методами изучения личностных особенностей персонала, знакомство с преимуществами и недостатками разных стилей руководства,
- овладение навыками поведения в трудовых конфликтах.

ТРЕБОВАНИЯ К УРОВНЮ УСВОЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

В результате изучения данной дисциплины студенты должны **знать:**

- психологические закономерности управленческой деятельности,
- особенности руководства трудовым коллективом,
- личностные качества, желательные для эффективного руководства.

Должны **уметь:**

- применять на практике психологические методы изучения личностных особенностей персонала;
- предотвращать и урегулировать конфликты в трудовом коллективе.

СОДЕРЖАНИЕ РАЗДЕЛОВ ДИСЦИПЛИНЫ И ТЕМ ЛЕКЦИОННЫХ ЗАНЯТИЙ

Раздел 1. Психологические аспекты управленческой деятельности

Тема 1. Психология управления как наука. Цели, задачи, содержание, специфика психологии управления. Предмет и содержание психологии управления. Связь с другими науками. Методологические подходы. Основные понятия психологии управления.

Тема 2. Основные психологические законы управления. Психологическая сущность управления. Психологические законы управления. Закон неопределённости реакции. Закон неадекватности взаимного восприятия. Закон неадекватности самооценки. Закон искажения информации. Закон самосохранения. Закон компенсации.

Тема 3. Управленческая деятельность как предмет психологического анализа. Психологическая структура деятельности. Основные функции менеджера. Функция целеполагания. Функция планирования и решения управленческих задач. Принятие решения в управлении. Мотивация принятия управленческих решений. Виды управленческих решений. Требования, предъявляемые к управленческим решениям. Модели принятия управленческих решений. Методы принятия управленческих решений. Принятие решения в реальной жизни. Функция мотивирования. Теории мотивации. Принципы мотивирующей организации труда. Мотивы поведения человека на рабочем месте. Психологические правила премирования сотрудников. Функция делегирования. Основы делегирования. Основные правила делегирования. Двадцать критериев правильного делегирования. Функция контроля. Ошибки контроля.

Раздел 2. Руководитель как субъект управления

Тема 4. Психологический портрет личности руководителя. Роли менеджера. Лидерские качества менеджера. Психологические требования к менеджеру по персоналу. Позитивные смыслы-ценности. Организаторские способности: организаторская проницательность, эмоционально-волевая действенность, склонность к организаторской деятельности.

Тема 5. Лидерство. Теории лидерства: концепция «черт», ситуативная концепция лидерства, харизматическая теория. Стили руководства. Авторитарный, демократический, либерально-анархический, непоследовательный, ситуативный и партисипативный стили руководства. Авторитарный, коллегиальный, плановый, авральный, либеральный, регламентирующий, перестроечный, консервативный, дипломатический, документальный. Лидерский, административный стили.

Раздел 3. Рабочая группа как объект управления

Тема 6. Жизнедеятельность и эффективность современной организации. Стадии развития организации: формирование, интенсивный рост, стабилизация, кризис, возрождение. Циклы развития организации. Цели бизнеса. Роль психологии в бизнесе. Факторы, препятствующие эффективной деятельности организации.

Тема 7. Психология трудового коллектива как объекта управления. Понятие трудового коллектива. Стадии развития коллектива. Эффективность деятельности рабочей группы. Основные пути обеспечения эффективной работы коллектива. Социально-психологические феномены поведения личности в группе. Влияние группы на индивида. Установки личности. Искажения личностного восприятия. Аттракция. Конформизм. Негативизм. Ригидность. Коллективизм. Фрустрация. Межличностные отношения в группах.

Тема 8. Адаптация персонала. Адаптация при приёме на работу. Виды адаптации: психофизиологическая, социально-психологическая, профессиональная, организационная. Этапы адаптации: оценка уровня подготовленности новичка, ориентация, действенная адаптация, функционирование. Объективные и субъективные показатели прохождения адаптации.

Тема 9. Социально-психологический климат трудового коллектива. Основные критерии здорового психологического климата на предприятии. Основные характеристики руководителя предприятия со здоровым психологическим климатом. Основные критерии нездорового психологического климата на предприятии. Основные характеристики руководителя предприятия с нездоровым психологическим климатом.

Тема 10. Создание команд для повышения эффективности деятельности предприятия. Основные стадии внутригруппового развития. Цели и задачи руководителя на стадиях развития группы. Формирование командных методов работы на предприятии.

Тема 11. Управление личностными убеждениями с целью повышения деятельности предприятия. Типы организации персонала. Методы использования эмоций. Методы логических построений убеждения. Основные правила убеждений. Влияние российского менталитета на убеждения.

Тема 12. Конфликты. Понятие конфликта. Типология конфликтов: по способу разрешения, по природе возникновения, по направлению воздействия, по степени выраженности, по количеству участников, по характеру причин. Функции конфликтов. Объективные причины конфликтов в организациях. Факторы, способствующие возникновению и поддержанию конфликтных отношений в рабочей группе. Структурные элементы конфликта. Динамика конфликта. Профилактика, урегулирование и разрешение конфликтов. Правила поведения в условиях конфликта. Предпосылка возникновения конфликта в процессе общения. Стратегия поведения в конфликтной ситуации. Методы решения конфликтных ситуаций.

ТЕМЫ И ПЛАНЫ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. Психология управления как научная дисциплина (1 час)

1. Цели, задачи, специфика психологии управления. Связь с другими науками.
2. Эволюция управленческой мысли.
3. Методологические подходы к управлению.
4. Школы управления.
5. Уровни управления.

Тема 2. Целеполагание как управленческая деятельность (1 час)

1. Сущность функции целеполагания.
2. Типология целей организации.
3. Требование к реализации функции целеполагания.
4. Психологическое значение целеполагания.
5. Классификация целей менеджера:
 - а) личные цели менеджера,
 - б) профессиональные цели менеджера,
6. Пошаговый метод постановки целей:
 - а) прояснение подробностей,
 - б) выяснение возможностей,
 - в) выбор,
 - г) уточнение цели,
 - д) установление временных границ,
 - у) контроль достижений.

Тема 3. Психологические аспекты планирования и решения управленческих задач (2 часа)

1. Роль и место планирования в организационном функционировании.
2. Структура процесса планирования.
3. Типология планирования и его принципы.
4. Принципы организации эффективного планирования:
 - а) принцип Парето,
 - б) АБВ – анализ,
 - в) принцип Эйзенхауэра,
 - г) ловушки времени,
 - д) правила начала дня,
 - е) правила планирования середины дня,
 - ж) правила завершения рабочего дня.
5. Функция принятия решения в деятельности руководителя.

Тема 4. Психологические аспекты мотивации и стимулирования труда (2 часа)

1. Понятие о мотивации. Мотивы и потребности.
2. Теории содержания мотивации.
3. Теории процесса мотивации.
4. Мотивационные факторы и регуляторы мотивации.
5. Определение функции мотивирования.
6. Концепции мотивации исполнительской деятельности.
7. Принципы и методы мотивирующей организации труда.

Тема 5. Психологические аспекты контроля и коррекции как управленческой деятельности (1 час)

1. Общая характеристика контрольно-коррекционной функции.
2. Принципы реализации контрольно-коррекционной функции.
3. Психологическая сущность управленческого контроля.
4. Виды контроля:
 - а) система внешнего контроля,
 - б) система внутреннего стимулирования,
 - в) система управления трудовой исполнительностью.
5. Ошибки контроля и их последствия.

Тема 6. Лидерство (2 часа)

1. Понятие лидерства.
2. Традиционные концепции лидерства.
 - а) Теория лидерских черт.
 - б) Концепция лидерского поведения.
3. Концепции ситуационного лидерства:
 - а) континуум лидерского поведения Танненбаума – Шмидта,
 - б) модель ситуативного лидерства Херсея и Бланшарда,
 - в) модель лидерства «путь – цель» Хауза и Митчелла,
 - г) модель ситуационного лидерства Стинсона – Джонсона,
 - д) ситуационная модель принятия решений Врума – Йеттона – Яго,
 - е) сравнительный анализ ситуационных моделей лидерства.
4. Новое в теориях лидерства:
 - а) концепция атрибутивного лидерства,
 - б) концепция харизматического лидерства,
 - в) концепция преобразующего лидерства.
5. Стили лидерства:
 - а) модель стилей лидерства по А. Л. Журавлеву,
 - б) стили лидерства Р. Лайкерта,
 - в) модель лидерства Р. Танненбаума и В. Шмидта,
 - г) модель лидерства Р. Хауса,

д) модель лидерства П. Херси и Р. Бланшара.

**Тема 7. Планирование индивидуальной работы руководителя
(1 час)**

1. Планирование целей и задач управленческой деятельности.
2. Эффективность использования времени руководителя.
3. Планирование личной работы руководителя.
4. Работа с документацией.
5. Методы и средства накопления информации и контроля исполнения.

Тема 8. Организационная культура (2 часа)

1. Концепция организационной культуры:
 - а) понятие и структура организационной культуры,
 - б) содержание организационной культуры.
2. Развитие организационной культуры:
 - а) формирование организационной культуры,
 - б) поддержание организационной культуры,
 - в) изменение организационной культуры.
3. Влияние культуры на организационную эффективность:
 - а) подходы к измерению влияния культуры,
 - б) соответствие культуры принятой стратегии,
 - в) управление организационной культурой.
4. Национальное в организационной культуре:
 - а) системный подход,
 - б) модель Хофстида,
 - в) модель Лэйн и Дистефано,
 - г) модель Оучи.

Тема 9. Методы формирования кадрового состава (2 часа)

1. Проектирование структуры организации.
2. Оценка потребности в персонале.
3. Анализ кадровой ситуации в регионе.
4. Анализ деятельности. Должностные инструкции.
5. Привлечение кандидатов на работу в организацию.
6. Оценка кандидатов при приёме на работу.
7. Конкурсный набор персонала на работу.
8. Адаптация персонала.

**Тема 10. Методы поддержания работоспособности персонала
(2 часа)**

1. Повышение производительности и нормирование труда.
2. Оценка труда.
3. Аттестация персонала.
4. Формирование кадрового резерва.
5. Планирование карьеры.
6. Разработка программ стимулирования труда.
7. Обучение персонала.

**Тема 11. Методы оптимизации кадрового состава и реорганизации
структуры (1 час)**

1. Формирование управленческих команд.
2. Кадровый аудит.
3. Непосредственные методы сокращения персонала.
4. Реформирование организаций.
5. Управление персоналом кризисного предприятия.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

1. Управление персоналом в системе современного менеджмента.
2. Психологические аспекты организации бизнеса.
3. Национальные особенности психологии управления.
4. Руководитель в системе управления персоналом.
5. Эффективное общение как средство управления персоналом.
6. Эффективность и конкурентоспособность современных организаций.
7. Организация подбора кадров.
8. Личностный аспект взаимодействия человека и организационного окружения.
9. Адаптация человека к организационному окружению и изменение его поведения.
10. Мотивация трудовой деятельности.
11. Власть в организации.
12. Коммуникации в управлении.
13. Национальные особенности организационной культуры.
14. Конфликты в управлении и возможности их разрешения.
15. Влияние действия человеческого фактора на внутриорганизационные процессы.
16. Роль бюрократии в современном управлении.
17. Методы поддержания работоспособности персонала.
18. Планирование индивидуальной работы руководителя.
19. Информация в управленческой деятельности руководителя.
20. Психологическая характеристика развитого коллектива.
21. Влияние конфликта на организационное поведение.
22. Стили управления конфликтами в организации.
23. Типологизация стилей управления.
24. Личность и организация. Возможности и цели личности в организации.
25. Психологические составляющие эффективного профессионального контакта.
26. Лидерство в организации.
27. Психологические аспекты и сущность управленческого контроля.
28. Психологическое управление производственной организацией в рыночных условиях.
29. Проблемы психологии управления коллективом.
30. Исследование роли руководителя в повышении качества результатов деятельности.
31. Мотивация работников в современных условиях.
32. Проблема личности руководителя в отечественной психологии.
33. Профессионально важные качества личности менеджера.

ПЕРЕЧЕНЬ КОНТРОЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

1. Психология управления как наука
2. Психологическая сущность управления
3. Психологические законы управления: закон неопределённости реакции, закон неадекватности взаимного восприятия, закон неадекватности самооценки, закон искажения информации, закон самосохранения, закон компенсации.
4. Психологическая структура деятельности.
5. Основные функции менеджера.
6. Функция целеполагания.
7. Функция планирования и решения управленческих задач.
8. Функция мотивирования.
9. Теории содержания и процесса мотивации.
10. Функция делегирования. Функция контроля.
11. Роли менеджера.
12. Лидерские качества менеджера.

13. Психологические требования к менеджеру по персоналу.
14. Теории лидерства.
15. Стили лидерства и руководства.
16. Стадии развития организации.
17. Эффективная организация.
18. Понятие трудового коллектива.
19. Стадии развития коллектива.
20. Эффективность деятельности рабочей группы.
21. Основные пути обеспечения эффективной работы коллектива.
22. Социально-психологические феномены поведения личности в группе.
23. Межличностные отношения в группах.
24. Виды адаптации персонала.
25. Этапы адаптации персонала. Показатели прохождения адаптации персонала.
26. Социально-психологический климат трудового коллектива. Основные критерии здорового психологического климата на предприятии. Характеристики руководителя предприятия со здоровым психологическим климатом.
27. Основные критерии нездорового психологического климата на предприятии. Характеристики руководителя предприятия с нездоровым психологическим климатом.
28. Понятие и типология конфликтов.
29. Функции конфликтов.
30. Объективные причины конфликтов в организациях.
31. Факторы, способствующие возникновению и поддержанию конфликтных отношений в рабочей группе.
32. Структурные элементы конфликта.
33. Динамика конфликта. Урегулирование конфликтов.
34. Правила поведения в условиях конфликта. Предпосылка возникновения конфликта в процессе общения.
35. Стратегия поведения в конфликтной ситуации.
36. Методы решения конфликтных ситуаций.

Библиографический список

Основная литература

1. Андреева И. В. Организационное поведение : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : СПбГИЭУ, 2005.
2. Волков С. Н., Дорошина И. Г. Психология менеджмента. – Пенза, 2003.
3. Кадровый менеджмент: социально-психологические аспекты управления персоналом : учеб. пособие : в 2 ч. / В. И. Сперанский, С. И. Кубицкий, Л. А. Минаева. – М.; Челябинск : Урал. соц.-экон. ин-т АТиСО, 2005.
4. Карпов А. В., Терещенко Н. Г. Психология управленческой деятельности. – Казань : Таглитат, 2006.
5. Психология менеджмента : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / под ред. Г. С. Никифорова. – 2-е изд., доп. и перераб. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 638 с.
6. Шарапов В. М., Шарапова Е. В. Технологии управления : практ. менеджмент. – Черкассы : ЧГТУ, 2005.
7. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент. – М., 1999. – 528 с.
8. Карпов А. В. Психология менеджмента. – М., 1999. – 584 с.
9. Розанова В. А. Психология управления. – М., 2000. – 384 с.
10. Шипунов В. Г., Кишкель Е. Н. Основы управленческой деятельности. – М., 2000. – 304 с.
11. Вересов Н. Н. Психология управления. – М.; Воронеж, 2001.

Дополнительная литература

1. Щесняк К. Е. Принципы стратегического планирования финансовой деятельности предприятия // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 72–78.
2. Скуматова О. А. Организация процесса планирования маркетинговой деятельности на предприятии // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 80–82.

3. Петрова Ю. О. Командообразование как явление в управлении промышленным предприятием // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 129–135.
4. Манджиева Д. А. Стратегия как инструмент управления будущим // Новые подходы в экономике и управлении: материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 150–153.
5. Бабичева А. Х. Теории управления о роли человека в организации // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 154–156.
6. Цюпак И. Г. Технократическое управление производством и его гуманистическая перспектива в глобализационных условиях современности // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 153–154.
7. Логинова И. В. Особенности трансформации бюрократической организации в условиях становления информационного общества // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 156–159.
8. Семенова Е. Л. Управленческие иллюзии // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 159–162.
9. Марюхина С. В. Инновации менеджмента // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2011 года. – Пенза – Прага : Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 203 с. – С. 167–169.
10. Рязанов И. Е. О возрастающей роли стратегии в управлении коммерческими организациями // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2012 года. – Пенза – Прага – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 199 с. – С. 48–52.
11. Зизин А. С. Алгоритм процесса формирования удовлетворённости клиентов услугами // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2012 года. – Пенза – Прага – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 199 с. – С. 83–87.
12. Кузнецова Н. В. Применение игровых технологий в процессе профессиональной подготовки управленческих кадров // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2012 года. – Пенза – Прага – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 199 с. – С. 91–97.
13. Бобова О. В. Современные методы и функции управления персоналом // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2012 года. – Пенза – Прага – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 199 с. – С. 98–104.
14. Соловьева Е. Б. Повышение квалификации как одна из мер сохранения кадрового потенциала в промышленном комплексе на примере Пензенской области // Новые подходы в экономике и управлении : материалы международной научно-практической конференции 15–16 сентября 2012 года. – Пенза – Прага – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 199 с. – С. 106–108.

© Дорошина И. Г.

В ПОМОЩЬ СОИСКАТЕЛЮ

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

20–21 сентября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.13)

25–26 сентября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09.25.13)

28–29 сентября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.13)

1–2 октября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.13)

5–6 октября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.13)

10–11 октября 2013 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-10.10.13)

15–16 октября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.13)

20–21 октября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.13)

25–26 октября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.13)

28–29 октября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. Международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.13)

20–21 ноября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

3–4 декабря 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-13.03.13)

5–6 декабря 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

в 2014 году

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция II **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты»** (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза»** (К-03.27.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики»** (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и опасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы связей с общественностью»** (К-10.10.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе»** (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии»** (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования»** (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы»** (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы развития личности»** (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.14)

7–8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция

«Безопасность человека и общества» (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphaera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravchnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки сле-

дует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег (только для граждан РФ)

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**

р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк» (ОАО) «Пензенский» г. Пенза

ОГРН 1095837003239

ИНН 5837042277

КПП 583701001

БИК 045655722

к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России по Пензенской области

Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru

Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.

Генеральный директор НИЦ «Социосфера» – Дорошина Илона Геннадьевна.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть

из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ ACTA HUMANITAS

Научно-теоретический и методологический журнал «Acta Humanitas» публикует статьи и результаты систематического изучения социальных и общественных наук. Предмет журнала охватывает широкий круг проблем. Принимаются материалы, касающиеся политической культуры, сравнения политических систем, истории, политологии, текущих политических вопросов, философии, социологии, антропологии, этики, религиоведения, психологии и других социальных и общественных наук. Журнал открыт для чешских и зарубежных авторов и принимает к публикации материалы на **чешском и английском** языках. Аннотации докладов, публикуемых в журнале «Acta Humanitas» представлены на сайте ARC – Высшая школа политических и социальных наук в Колине – <http://www.vspsv.cz>.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- результаты научных исследований,
- тематические сообщения,
- рецензии,
- отчеты конференций и других научных мероприятий.

Объем журнала 70–120 страниц.

Периодичность выпусков – два раза в год (июнь и декабрь).

Главный редактор – Мирослав Сапик, доктор философских наук, доцент.

Технический редактор – Йиржи Славичек, магистр.

Редакционная коллегия: Джон Лидяк (Колин, Чехия), Владимир Срб (Колин, Чехия), Кирилл Дятка (Нитра, Словакия), Илона Дорошина (Пенза, Россия), Роман Кралик (Нитра, Словакия), Йозеф Лисий (Братислава, Словакия), Мирослав Сапик (Колин, Чехия – председатель редакционного совета).

Требования к оформлению материалов

Тексты в электронном виде направлять по электронной почте по адресу: sarik@vspsv.cz. Формат страницы A4, шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, стиль – обычный, выравнивание по ширине. Название пишется жирным шрифтом, выравнивание по центру. На следующей строке пишутся имя и фамилия, выравнивание по центру. Следующая строка резюме (не менее 5 предложений) на чешском или английском языках, далее ключевые слова – по-чешски или по-английски (как минимум 5 ключевых слов). После пропущенной строки следует текст статьи. Объем текста 5–10 страниц. Библиографические ссылки оформляются в виде подстраничных сносок. Картинки, диаграммы, таблицы вставляются в текст и должна быть частью текста. В статье необходимы заключение и список литературы. Текст должен быть написан в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 и более поздних версий. Текст должен быть отредактирован. Статьи рецензируются, при наличии недостатков текст возвращается автору на доработку. Редакция вправе отказать автору в публикации материала, имеющего низкую научную значимость или оформленного несоответствующим образом. Статьи публикуются **бесплатно**.

Образец оформления статьи

Pražská radniční koalice ODS + ČSSD po komunálních volbách 2010 v kontextu teorie koalic: výsledné pozice, vyjednávací síla stran a racionalita aktérů

Jiří Kohoutek

Abstract: The article analyses the creation of the coalition of ODS and ČSSD in Prague after the municipal elections 2010 within the coalition theory context. It uses the office-seeking approach, showing the different coalition prospects for each of the successful parties in the elections. To analyze the bargaining power of the different parties, the so called Gamson Law is used, as other power indices showed ineffective in this research situation. Also the concept of rationality (in maximizing profit) is used to analyze the behaviour of the two parties that formed the coalition. The two players seemed to have shown rational behaviour and maximize their profits.

Key words: Prague, municipal elections 2010, coalition theory, office-seeking approach, bargaining power, rationality.

Předkládaná studie chce přispět k doplnění práce českých politických vědců, kteří se otázkami komunální politiky zabývají jako obecným politologickým tématem logicky se specifitějšími tématy nevěnují. Patří mezi ně zejména S. Balík¹, P. Jüptner² a J. Čmejrek³...

Информация об авторе (в конце статьи)

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, научное звание

Место работы с указанием адреса

E-mail

Адрес электронной почты: sapik@vspsv.cz.

¹ Balík, S.: Modely exekutivních koalic na komunální úrovni. In: Dančák, B. – Fiala, P. – Hloušek, V.: *Europeizace. Nové téma politologického výzkumu*. Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. Balík, S.: *Radniční koalice po komunálních volbách 2006*. Středoevropské politické studie X, 1, s. 17–33, Brno: Mezinárodní politologický ústav MU, 2005. Balík, S.: *Česká komunální politika v obcích s rozšířenou působností. Koalice, voličské vzorce a politické strany na místní úrovni v letech 1994–2006*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2008.

Balík, S. *Okresy na severu. Komunální politika v okresech Šumperk a Jeseník v letech 1989–2006*. Brno: CDK, 2008. Balík, S. *Komunální politika. Obce, aktéři a cíle místní politiky*. Praha: Grada, 2009.

² Jüptner, P.: *Komunální koalice a politické modely*. In: Politologická revue X(2), 81–101. Praha, ČSPV: 2004. Jüptner, P.: Local lists in the Czech Republic. In: Reiser, M., Holtmann, E. (eds.): *Farewell to the Party Model? Independent local lists in East and West European countries*. Wiesbaden: VS Verlag, 2008. Jüptner, P.: Komunální politika v České republice a role politických aktérů na lokální úrovni. In: Fiala, V., Řichová, B. (eds.): *Úloha politických aktérů v procesu decentralizace evropských zemí. Sborník z konference konané v Olomouci 9. 12. 2002*, s. 103–112. Olomouc: Moneta-FM, 2003.

³ Čmejrek, J.: *Obce a regiony jako politický prostor*. Praha: Alfa Nakladatelství, 2008. Čmejrek, J. a kol.: *Participace občanů na veřejném životě venkovských obcí ČR*, Praha: Kernberg Publishing, 2009. Čmejrek, J. – Bubeníček, V. – Čopík, J.: *Demokracie v lokálním politickém prostoru. Specifika politického života v obcích ČR*. Praha: Grada, 2010.

ШАНОВНА НАУКОВА ГРОМАДО!

ПРОПОНУЄМО ВАМ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ ДО ФАХОВИХ ВИДАНЬ

Інститут обдарованої дитини НАПН України приймає наукові статті до друку у збірник наукових праць «**Навчання і виховання обдарованої дитини: теорія та практика**», який затверджено ДАК України у серії «Педагогіка» і серії «Психологія» (Протокол № 1-05/8 від 22.12. 2010 р.).

ТА **ВИПУСК ФАХОВОГО ЩОМІСЯЧНОГО НАУКОВО-МЕТОДИЧНОГО ЖУРНАЛУ «Освіта та розвиток обдарованої особистості»** (Свідоцтво: серія KB № 19047-7837P, 2012 р.), затверджений ДАК України (наказ МОН України № 893 від 04.07.2013 р.), серія «Педагогіка».

1. Статті у журнал та збірник приймаються постійно, збірник публікується двічі на рік (червень, грудень), а журнал – щомісячно.

2. Статті у журналі публікуватися на будуть без фотографії автора (авторів). Фото просимо надсилати у форматі jpg, tif або iff з розширенням 300 dpi або розмір фото не менш ніж 600х600 пікселів.

Статті повинні бути відредаговані та відповідати вимогам ДАК України та наказу МОН України. Обсяг наукової статті формату А4:

1. Магістрам та аспірантам – 6-12 сторінок;
2. Докторам – 15 - 20 сторінок.

3. Статті просимо оформляти таким чином:

Електронний варіант: формат А4, шрифт Times New Roman, кегль 14, через інтервал 1,5, без нумерації сторінок. Межі сторінки: зліва – 3 см, справа – 1,2 см, зверху і знизу – 3 см. Абзацний відступ 1 см. В електронному варіанті таблиці, схеми та рисунки, зроблені в текстовому редакторі Word, обов'язково мають бути згруповані.

У лівому кутку – обов'язково індекс **УДК**.

У правому кутку ім'я, по-батькові та прізвище (**жирним**), науковий ступінь, посада, місто, країна, електронна пошта (українською, російською та англійською мовами).

Посередині великими літерами – заголовок статті.

Нижче назви статті через інтервал:

- **2 анотації** (не менше 400 знаків англійською, російською мовами) і **ключові слова** (не більше п'яти) **курсивом**.

Після статті:

- **використані літературні джерела** (не менше 5, але не більше 15).
- **посилання** у тексті на кожне джерело **обов'язкове**, наприклад, [4].

Кожна стаття повинна містити таку структуру:

- вступ – постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими чи практичними завданнями (5-10 рядків);
- формулювання цілей статті (постановка завдання), нерозв'язаних раніше частин загальної проблеми, яким приділена означена проблема;
- виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів зі статистичною обробкою даних (4,5-5 сторінок);
- висновки і перспективи подальших розвідок у цьому напрямку.

Обов'язково додавати відомості про автора:

1. Прізвище, ім'я та по-батькові (повністю).
2. Науковий ступінь.
3. Посада.
4. Контактний телефон.
5. Електронна та домашня адреса.

4. Друкування наукових статей у фаховому збірнику здійснюється за рахунок авторів.

- **Оплата** поштовим переказом на вказану адресу. Вартість 1 сторінки А4 (коректорського варіанту) – 20 гривень.

- **Пересилання збірника** – за рахунок автора.

5. Матеріали, не оформлені відповідно до вимог Постанови Президії ДАК України друкуватися не будуть.

- **Аспірантам, здобувачам та магістрам обов'язково мати РЕЦЕНЗІЮ наукового керівника.**

- **Невідредаговані статті розглядатися не будуть.**

- **Матеріали, що не внесено до збірки, не повертаються.**

6. Статті, копії квитанцій про сплату вартості публікації надсилати на електронну пошту: firsova@iod.gov.ua, рецензії (оригінали) надсилати на адресу: ІОД НАПН України, вул. Салютна, 11-а, м. Київ, 03190

ЗРАЗОК

СТАТТЯ

УДК 005+658.8(1)+303.425+37(477)

Іванова Катерина Сергіївна,
(учений ступінь, посада, місто, країна,
електронна пошта
трьома мовами: укр., рос., англ.)

МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ МАРКЕТИНГОВОЇ ОРІЄНТАЦІЇ РИ- НКУ ОСВІТИ В УКРАЇНІ

(назва трьома мовами: укр., рос., англ.)

Анотації та ключові слова. (трьома мовами: російською, якщо стаття написана українською, і, навпаки, та англійською мовою).

Процеси міжнародної інтеграції та створення якісно нових форм взаємодії підсистем економіки, політики спричинилися до того, що класичні підходи до управління стають малоефективними і непридатними у сучасних умовах [2]. Освіта може стати сферою послідовного моделювання суспільства, до якого ми прагнемо підготувати нове покоління.

Таким чином, центральним питанням проблеми є запровадження Болонської системи на теренах України. У травні 2005 року, на зустрічі міністрів освіти в Бергені (Норвегія), планується вступ України до Болонського клубу. Міністерство освіти і науки підготувало масштабний план реалізації Болонської декларації.

Використані літературні джерела

1. Лещенко М. П. Є у Полтаві така школа // Обдарована дитина / М. П. Лещенко. – К., 2002. – № 1. – С. 2–20.
2. Мар'яненко Л. В. Уміння вчителя поводитися з обдарованими учнями, як фактор його професійного зростання // Практична психологія та соціальна робота / Л. В. Мар'яненко. – К., 2001. – № 8. – С. 48–51.

За достовірність використання цитат відповідальність несе автор.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» – VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии

(в выходных данных издания будет значиться –

Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

или в России

(в выходных данных издания будет значиться –

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210х297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ**

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

Главный редактор Б. А. Дорошин

№ 3 2013

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 09.09.2013. Формат 60х84/8. Бумага писчая белая.
Учет.-изд. л. 19,97 п. л. Усл.-печ. л. 18,57 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 3/13.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412)21-68-14,
<http://sociosphere.com>, sociosphere@yandex.ru